Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Харин Алексей Николаевич

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Специальность 5.5.1. История и теория политики

Диссертация на соискание учёной степени

доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, профессор
Матвеенко Юрий Иванович

Москва, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ..... 47

1.1. Современное государство: эволюция и основные теоретические подходы..... 47

1.2. Концепции государства в условиях глобализации..... 101

II. АЛЬТЕРНАТИВЫ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА..... 139

2.1. Типологии и модели государств в меняющемся мире..... 139

2.2. Корпорация- и регион-государство как экономические модели альтернатив государства..... 158

2.3. Империя- и цивилизация-государство как социально-политические и культурно-идеологические модели альтернатив..... 181

III. США: СТРЕМЛЕНИЕ К ЛИДЕРСТВУ КАК БАЗИСНАЯ УСТАНОВКА ИМПЕРСКОЙ ИДЕИ..... 213

3.1. Имперский дискурс..... 213

3.2. От стратегии гегемона к идее лидерства..... 249

IV. КИТАЙ: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА..... 265

4.1. Проблема изоляции и империи как сценарий дальнейшего развития Китая..... 267

4.2. Теории континентально-морской и региональной держав как проекты расширения влияния китайского государства..... 281

4.3. Проблематизация Китая как цивилизации-государства: от локального проекта к глобальному 299

V. РОССИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 319

5.1. Модели формирования российского государства 319

5.2. Цивилизационные сценарии развития России 331

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 362

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 372

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Мы живём в стремительно меняющемся мире, и одним из важнейших факторов изменений является глобализация, под влиянием которой трансформируется всё: общество, культура, экономика, политическая жизнь. Также наблюдаются процессы эволюции современного государства, трансформации его функций и роли в мировой политике. Результатом этого становится появление теорий альтернативных форм государства, тех, что могут прийти на смену данному политическому институту. Последнее обстоятельство вызывает потребность осмысления концепции альтернатив нации-государства, выявления теоретических предпосылок современных теорий.

Однако возникает парадокс: несмотря на многочисленные теории и подходы, пока фактически нет обобщающих трудов, в которых рассматривались бы разнообразные сценарии и модели эволюции и самого государства-нации и его альтернатив. В связи с этим необходим обобщённый анализ теоретических предпосылок появления современных концепций государства.

Любая теория представляет определённого рода схему, поэтому важно выявить релевантность теоретических конструктов складывающейся практики. Не менее значимым будет определение специфики теорий и взглядов, складывающихся в отдельных странах, в первую очередь в тех, которые являются ведущими акторами мировой политики – США, Китай.

Происходящие процессы не могут не затрагивать и нашу страну. Каким будет её место в меняющемся мире? Какие сценарии развития государственности наиболее приемлемы? Необходимо проследить и данный аспект, т. к. потребность осознания Россией самой себя по-прежнему остаётся вызовом для отечественной политической мысли. Власть, оппозиция, общественность – все они так или иначе ищут новые пути выхода страны из той ситуации, в которой она находится после распада СССР и в результате перестройки глобального миропорядка. Исследователи стараются дать описание феномену, возникшему тридцать лет

назад на месте СССР – Российской Федерации. Всё это свидетельствует об актуальности выбранной нами темы исследования.

Следует отметить, что распад СССР фактически считается завершённым, но дезинтеграционные процессы продолжают сохраняться и в наше время. Мы это наблюдаем на примере конфликтов в Молдавии, на Кавказе, на Украине. В 1990-е годы перед угрозой распада оказалась и Российская Федерация. Разрушительным процессам можно противопоставить только интеграционные, созидательные, и логика глобализации настойчиво ведёт к этому: формирование единого мирового экономического, политического, культурно-информационного пространства сопровождается процессом регионализации.

Формируются большие пространства в Евразии, Америке, Африке. Объединившись, страны легче решают возникающие глобальные проблемы современности, эффективнее взаимодействуют в различных областях, в частности, в экономике. Сможет ли Россия восстановить хотя бы часть единого пространства и совместными усилиями с другими постсоветскими странами войти в мир сотрудничающих региональных объединений, ассоциаций? Или процессы регионализации будут проходить мимо неё? А если сможет, то на основании чего? Культурных ценностей? Экономики? Политики? Постепенно возникающие разнообразные модели альтернатив нации-государства в этом плане предлагают свои варианты развития событий. Вследствие всего вышесказанного важен анализ тех идей и проектов что предлагаются в современных условиях трансформации глобального мира.

Степень разработанности проблемы. По отдельным направлениям существуют многочисленные научно-теоретические разработки. В первую очередь можно указать на исследования такой важной темы, как альтернативизм в политической науке. Современный мир, его институты фактически находятся в своеобразной точке бифуркации, предполагающей наличие различных сценариев дальнейшего развития ситуации. Ещё Э. Тоффлер в своих работах[1] указывал на возникновение своеобразной множественности в современном мире.

[1] Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.

Из отечественных политологов тему альтернативизма в своих работах рассматривал в 1990 – начале 2000 годов А.С. Панарин[2]. В наше время указанной тематике уделяет особое внимание Л.Н. Тимофеева[3].

Большое количество исследований посвящено анализу государства как субъекта международных отношений и сложившихся подходов к его изучению (реализму, либерализму, марксизму и т. п.)[4]. Исследователи не только проанализировали государство, но и обозначили процессы эволюции нации-государства на мировой арене. Вместе с тем неолибералы и неореалисты не предложили чётко разработанных моделей альтернатив нации-государству. Неомарксисты (М. Хардт, А. Негри) поставили такой вопрос в своей теории империи. В целом из западных авторов для нас будут представлять интерес работы Р. Гилпина, Дж. Ная, К. Уолтца, С. Краснера, Х. Булла, Р. Кеохейна, А.-М. Слотер, М. Дойла, Р. Джаксона, Дж. Миршеймера, И. Валлерстайна, Р. Кокса, А. Линклейтера и А. Вендта.

Из отечественных авторов вклад в разработку данной темы внесли Т.А. Алексеева, П.А. Цыганков, М.А. Мунтян, В.С. Малахов, А.А. Сергунин, М.Ю. Панченко и др., проанализировав основные подходы к государству в западной политологии и выделив основные тенденции эволюции трактовок государства.

Анализом государства занимались и представители геополитики[5]. Немецкие учёные (Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Хаусхофер, К. Шмитт) высказали

---

[2] Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999.

[3] Тимофеева Л.Н. Альтернативизм в науке и политике // Современная политическая наука: методология. Научное издание. Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М., 2019. С. 525–550; Тимофеева Л.Н. Политический альтернативизм // Политология. Новый лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 30–41.

[4] См. напр.: Doyle M.W. Liberalism and World Politics // The American Political Science Review. 1986. Vol. 80, No. 4. P. 1151–1169. URL: http://links.jstor.org/sici?sici=0003-0554%28198612%2980%3A4%3C1151%3ALAWP%3E2.0.CO%3B2-6 (дата обращения: 24.06.2017); Кеохейн Р. Введение: от взаимозависимости и международных институтов к глобализации и управляемости. URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=73&Itemid=40 (дата обращения: 29.04.2014).

[5] Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб., 2007. С. 16. URL: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt35.htm (дата обращения: 25.06.2017); Спикмен Н.Дж. География и внешняя политика. Часть 1 // Известия Тульского

предположение о возможных надгосударственных объединениях (мировой державы, континентальной державы и др.). В свою очередь американские геополитики (А. Мэхэн, Н. Спикмен) акцентировали внимание на некоторых сторонах государственной мощи.

Современные исследователи в области геополитики (С.П. Хантингтон, А. де Бенуа, К.С. Гаджиев, А.Г. Дугин, И.Ф. Кефели, Н.А. Комлева и др.) не только проанализировали положение государства в складывающихся реалиях, но и постарались обозначить его перспективы. Так, например, С.П. Хантингтон выступил с идеей формирования цивилизационного мира, а А.Г. Дугин развивает теорию многополярного мира.

Достаточно разработана в западной и отечественной литературе тематика государства в условиях глобализации, исследованием которой занимались З. Бауман, Э. Гидденс, М. ван Кревельд, Дж. Баулс, С. Смит, П. Оуэнс, Э. Тоффлер, Р. Кеохейн, П. Ханна, Р. Купер, К. Галли, В. Сиджесвари, Дж. Бартельсон, Дж. Капорасо, Ш. Кафлен, В. Робинсон, М. Мадейра, К. Сутера, П.А. Цыганков, О.Ф. Шабров, О.Д. Абрамова, И.Ф. Кефели, А.И. Фурсов, Е.Г. Пономарёва, А.И. Неклесса, Ю.В. Яковец, Л.Е. Гринин, М.В. Ильин, Н.М. Сирота, В.Л. Цымбурский, А.И. Уткин, Н.В. Загладин, Е.Ш. Гонтмахер, В.А. Корецкий, К.А. Луценко, А.А. Соколова, Т.А. Васильева, А.С. Блинов, А.В. Курочкин и др.[6]

государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 166. URL: http://grachev62.narod.ru/spykman/spykman-1938-1.html (дата обращения: 25.06.2017); Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. М., 2001. С. 256. URL: http://grachev62.narod.ru/haushofer/chapt27.htm/ (дата обращения: 25.06.2017); Челлен Р. О политической науке, её соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства // Полис. 2005. № 2. С. 23. URL: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt30.htm (дата обращения: 25.06.2017); Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб., 2007.

[6] См. напр.: Caporaso J.A., Madeira M.A. Globalization, institutionis and governance. LA: CAGE, 2012. 190 p.; Creveld M. The State: Its Rise and Decline. URL: http://mises.org/daily/527 (дата обращения: 20.10.2013); Biswas Sh. W(h)iter Nation state. National and state identy in the Face Fragmentation and Globalisation // Global Society. 2002. Vol. 16, No. 2. URL: http://web.centre.edu/lorihm/biswas.pdf$ (дата обращения: 20.10.2012); Suter K. The future of the nation-state in an era of clobalization. URL: http://global-directions.com/Articles/Business/GlobalizationScenarios.pdf (дата обращения: 20.10.2012.); Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. Глава 3. Национальное

Авторы сделали попытки выявить пути дальнейшего развития мирового сообщества, определить место в нём ведущих субъектов, таких как государство. В данных работах утверждался тезис о кризисном состоянии государства в условиях глобализации, были обозначены тенденции, ведущие к ослаблению государства (Э. Тоффлер, М. ван Кревельд и др), виды т. н. постсовременного государства (Р. Купер) и даже отдельные возможные альтернативы нации-государству.

При этом пока существует немного работ, в которых разбирались бы вопросы типологии государств и государственности в современном мире. Среди авторов предложенных типологий – Р. Купер, Ш. Кафлен, Е.Г. Пономарёва, М.В. Ильин, Н.А. Комлева, С. Переслегин, Б.А. Галь и другие исследователи[7].

государство – что дальше? URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4985/4988 (дата обращения: 20.10.2013); Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. URL: http://ru.znatock.com/docs/index-4909.html (дата обращения: 20.10.2012); Гринин Л.Е. Национальный суверенитет в век глобализации // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. М., 2008; Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности. URL: http://igpi.ru/bibl/other_articl/1253005141.html (дата обращения: 20.10.2012); Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб., 2007; Кеохейн Р. Введение: от взаимозависимости и международных институтов к глобализации и управляемости. URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=73&Itemid=40 (дата обращения: 29.04.2014); Сирота Н.М. Статус и перспективы государства в контексте глобализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. 1. С. 173–176. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_5-1_39.pdf (дата обращения: 15.10.2014); Шабров О.Ф. Государство в глобализирующемся мире: испытание постмодерном // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М. 2012. URL: http://shabrov.info/Statji/postmodern5.htm (дата обращения: 15.06.2017); Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002; Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 97; Пономарёва Е.Г. Государство в условиях глобализации // Свободная мысль. 2009. № 10; Пономарёва Е.Г. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО. 2013. № 4; Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006; Ханна П. Как управлять миром. Власть в XXI веке. Кому она будет принадлежать? М., 2012.

[7] Coughlan S. Is there a future for the nation-state in an era of globalization? Ifso, whatfuture? URL: http://www.shaneland.co.uk/academic/ma/globalisationessay1.pdf (дата обращения: 15.03.2011); Cooper R. The Post Modern State. URL: http://fpc.org.uk/articles/169 (дата обращения: 15.03.2011); Галь Б.А. Общество и государство: модели развития в постнациональной ситуации. URL: http://polite.com.ua/library/4080-.html (дата обращения 15.03.2011); Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности. URL: http://igpi.ru/bibl/other_articl/1253005141.html (дата обращения: 20.10.2012); Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации // Свободная мысль. 2007. № 11.

В работах этих авторов указываются разнообразные виды наций-государств, а также постсовременых государств. Не все они чётко разработаны. Пока нет всеохватывающей типологии, показывающей всё многообразие акторов постсовременного мира. Отчасти это объясняется сложностью и многообразием современных процессов. Появляется вопрос о необходимости разработки новых типологий.

Вклад в разработку моделей мирового порядка внесли С.П. Хантингтон, И. Валлерстайн, У. Бек, П. Ханна, Ж. Коломер, М. Хардт, А. Негри, Н. Барма, Э. Ратнер, С. Вебер, А. Гат, Д. Капорассо, М.А. Мадейра, А. Фальк, В. Сиджесвари, А.-М. Слотер, А.Г. Дугин, Н.М. Сирота, Л.Г. Ивашов, К.С. Гаджиев, А.Д. Богатуров, А.И. Уткин, Б.Ф. Мартынов, О.А. Арин, Л.В. Савин и др[8]. Ими были обозначены модели будущего мирового порядка: здесь и цивилизационная модель (С.П. Хантингтон, А.И. Уткин), и имперская (М. Хардт, А. Негри); А.-М. Слотер предлагает сетевую модель мира; А.Г. Дугин разрабатывает теорию многополярного мира; отдельные авторы указывают на возможность сосуществования нескольких миров (Н. Барма, Э. Ратнер, С. Вебер, А. Гат). Однако не все концепции, на наш взгляд, были детально разработаны.

---

[8] Barma N., Ratner E., Weber S. A World Withaut the West. The National Interest. No. 90. 2007. URL: http://iis.berkeley.edu/sites/default/files/a_world_without_west.pdf (дата обращения 01.08.2011); Gat. A.The Return of Authoritarian Great Powers // Foreign Affers. 2007. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/62644/azar-gat/the-return-of-authoritarian-great-powers (дата обращения 01.08.2011); Colomer J. M. Bringing the Empire Back in. URL: http://gcg.universia.net/pdfs_revistas/articulo_81_1206609718123.pdf (дата обращения 01.08.2012); Segesvary V. World state, nation states, or non-centralized institutions. A vision of the Future in Politics. Oxford, 2003; Falk A. R. The Declining World Order // Americas imperial geopolitics. NY and London, 2004; Slouter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford, 2004; Арин О.А. Мир без России. М., 2003; Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового мирового порядка. М., 2007; Валлерстайн И. Наступление многополярности // Геополитика и Международные Отношения. Т. 1. М., 2012; Мартынов Б. Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 3. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-first/014.htm. (дата обращения: 10.04.2012); Ивашов Л.Г. Глобальный мир стремится к биполярности // Геополитика и безопасность. 2012. № 1; Сирота Н.М. Глобальный миропорядок: акторы и тренды становления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4. Ч. 1. С. 157–164. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_4-1_41.pdf (дата обращения: 15.10.2014).

Некоторые исследователи допускают как возможность сосуществования традиционных политий, так и наличие крупных негосударственных образований, своеобразных альтернатив современному государству, отмечая тем самым сложность складывающегося мироустройства[9].

Помимо нации-государства, анализируются и другие акторы мирового политического процесса: Транснациональные корпорации (далее – ТНК), мегагорода, международные организации и т. п.[10]. В этом плане можно назвать работы П.А. Цыганкова, А.И. Уткина, И.Ф. Кефели, А.И. Неклессы, Ю.В. Ирхина, М.Г. Делягина, П.Л. Крупкина, О.А. Арина, М.А. Калашникова, Е.А. Сухаревой, А.А. Сазонова, О.Г. Леоновой, А.А. Соколовой и др.

В научной литературе находит отражение и такая сложная проблема, как теория и практика идеологии глобализма и возможные проекты мирового устройства[11]. Данной тематике уделяли внимание Дж. Най-младший,

---

[9] См. напр.: Карякин В.В. Американская неоимперия эпохи постмодерна // Свободная мысль. 2013. № 3; Кустарёв А.С. Государственный суверенитет в условиях глобализации http://polit.ru/article/2006/10/30/kustarev/ (дата обращения: 03.07.2014); Хоуисон Ф. Закат национального государства – что дальше? URL: http://dialogs.org.ua/ru/cross/page33786.html (дата обращения: 02.11.2014).

[10] Арин О.А. Мир без России. М., 2002; Глобальная геополитика / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М., 2010; Делягин М.Г. Глобальный управляющий класс // Свободная мысль. 2012. № 1–2. С. 74–86; Ирхин Ю.В. Роль сетевых и теневых организаций транснациональных элит в мировой политике // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3; Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб., 2004; Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб., 2007; Крупкин П.Л. ТНК пока не стали государствами. URL: http://www.iarex.ru/interviews/33421.html (дата обращения: 25.03.2013); Панкевич Н.В. Мегаполисы в условиях суверенитета. Рост политической локальности как парадокс глобализации // Свободная мысль. 2009. № 11; Сазонов А.А. Взаимодействие государства и транснациональной корпорации как фактор мировой политики: автореф. дис. … канд. полит. н. М., 2011. URL: http://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-gosudarstva-i-transnatsionalnoi-korporatsii-kak-faktor-mirovoi-politiki (дата обращения: 25.10.2014); Сухарева Е.А. Феномен глобального города как международного центра силы // Социально-гуманитарные знания, 2012. № 4; Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2002.

[11] Nye J. Globalism Versus Globalization. What are the different spheres of globalism – and how are they affected by globalization? URL: http://www.theglobalist.com/globalism-versus-globalization/ (дата обращения: 29.03.2015); Caporaso J.A., Madeira M.A. Globalization, institutionis and governance. LA, 2012. P. 81.; Segesvary V. World state, nation states, or non-centralized institutions. A vision of the Future in Politics. Oxford: University Press of America, 2003. 232 p.; Slouter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford, 2004; Falk A.R. The Declining World Order. Americas imperial geopolitics. NY and London, 2004; Абрамова О.Д. Концептуальные основы внешней политики России в условиях глобальных перемен // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2014. № 1–2. С. 12–20; Бек. У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008; Ивашов Л.Г. Глобальный мир стремится к биполярности //

Д. Капорассо, М. Мадейра, Э. Макгрю, Р. Фальк, У. Бек, А. Этциони, П. Ханна, В. Сиджесвари, А.С. Панарин, А.Г. Дугин, Е.Г. Пономарёва, О.Д. Абрамова, Л.Г. Ивашов, И.Ф. Кефели, М.И. Мунтян, Г.И. Хорина. В исследованиях были тщательно рассмотрены теория и практика глобализма, но проблеме роли государства в условиях существования «мирового правительства» не уделялось достаточного внимания.

Такие исследователи, как: А.С. Панарин. А.А. Акаев, Ю.В. Яковец – предложили свои альтернативы западному миру глобализации. Так, Ю.В. Яковец и А.А. Акаев разработали своеобразный вариант цивилизационного глобализма. А. Этциони и П. Ханна сконструировали свои модели устройства глобального сообщества: здесь речь идёт преимущественно о международных организациях. Были предложены и различные сценарии развития глобальных проектов (Е.Г. Пономарёва, О.Д. Абрамова, У. Бек, Д. Капорассо и М. Мадейра, Р. Фальк), но в них пока мало освещена судьба государства-нации, в случае реализации глобалистских проектов, больше идёт речь о мировом правительстве или об иных крупных наднациональных органах.

Помимо глобалистских сценариев, рассматриваются и возможные наднациональные образования. Аспекты такой модели, как «корпорация-государство», проанализированы в работах Е.Г. Пономарёвой, А.И. Фурсова, А.И. Неклессы, А.Н. Окары, М.А. Калашникова[12], которые сформулировали понятие «корпорация-государство», обозначили предпосылки возникновения

Геополитика и безопасность. 2012. № 1; Кефели И.Ф. Глобализм на перекрёстке мнений // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2; Мунтян М.И. Идеология глобализма и современный мир. URL: http://medvedev.viperson.ru/wind.php?ID=205780&soch=1 (дата обращения: 03.11.2014); Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2003; Ханна П. Как управлять миром. М., 2012; Хорина Г.П. Глобализм как идеология // Глобализация и гуманитарное знание. 2005. № 1. С. 71–78; Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.

[12] См. напр. Калашников М. Глобальный смутокризис. М., 2009; Неклесса А.И. Новый амбициозный план. Проекции и чертежи новой сборки мира // Политический класс. 2008. № 1; Окара А.Н. Государство-корпорация как новый тренд для России, Украины и Белоруссии. URL: http://www.intelros.ru/2007/05/16/andrejj_okara_gosudarstvokorporacija_kak_novyjj_trend_dlja_rossii_ukrainy_i_belorussii.html (дата обращения: 15.03.2011); Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации // Свободная мысль. 2007. № 11; Фурсов А.И. Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь». URL: http://www.intelros.ru/index.php?newsid=124 (дата обращения: 15.10.2011).

и отдельные признаки данного феномена. А.Н. Окара попытался применить данную модель к России.

Однако в целом мы пока видим лишь наброски указанного сценария. Кроме того, предлагаемый авторами материал более теоретический, абстрактный: не совсем чётко прописана внутренняя структура корпорации-государства, не выявлены основные виды данного феномена.

В связи с ростом влияния регионов в мировом политическом процессе, концепций «нового регионализма» стали возникать и идеи т.н. «региона-государства», «региона-экономики»[13]. Вклад в разработку указанных понятий внесли К. Омаэ, Й. Гальтунг, М. Китинг, А.И. Фурсов, Е.Г. Пономарёва, О.Г. Леонова, М.Л. Лагутина. Некоторые исследователи – Э. Тоффлер, М. Спиндлер, А.Н. Спартак, О.В. Плотникова, А.М. Либман, М.Р. Атаев и др.[14] – указали на всё большую самостоятельность регионов, рост их влияния в мировом сообществе, процессы региональной интеграции. В целом в работах упомянутых авторов обозначено несколько видов региональных образований, однако даются лишь наброски рассматриваемой тенденции.

Наиболее популярной является имперская тематика, которой посвящены работы как западных, так и отечественных авторов – М. Хардта, А. Негри, П. Ханны, Д. Коломера, Г. Мюнклера, Н. Паркера, К. Кумара, Дж. Робертса, Дж. Штайнмеца, А.Ф. Филиппова, С.В. Лурье, М.В. Ильина, С.И. Каспе, А.Г. Дугина, И.М. Бусыгиной, А.И. Фурсова, Л.Е. Бляхера, К.С. Пигрова,

---

[13] Гальтунг Й. Десять тенденций, меняющих мир // Россия в глобальной политике. 2011. № 4; Китинг М. Новый регионализм как возможность // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4; Пономарёва Е.Г. Государство в условиях глобализации // Свободная мысль. 2009. № 10; Юдина И.Н. Трансформация роли государств и регионов в эру глобализации. URL: http://hist.asu.ru/aes/iud_st_ru.htm (дата обращения: 15.10.2011).

[14] Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. № 1; Плотникова О.В. Региональное измерение в современном мироустройстве (на примере унитарных государств) // Власть. 2012. № 9; Спартак А.Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 13–37; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002; Libman A.M. Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the «Global Script» // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2019. Vol. 12, No. 2. P. 247–268; Spindler M. New regionalism and the Construction of Global Order. URL: http://wrap.warwick.ac.uk/2025/ (дата обращения: 25.03.2013).

И.Г. Яковенко, М.В. Момота, В.С. Мартьянова, И.И. Рогова, В.В. Шишкова, С.В. Такчёва, А. Захарова, Э.И-оглы Дамирчева и др.[15]

Исследователи разграничили в своих работах понятия «империя» и «нация-государство». Были предложены имперские модели глобального порядка: от мира, где господствует одна империя (М. Хардт, А. Негри, С.И. Каспе и др.) до мира, где существуют несколько империй одновременно (Д. Коломер, П. Ханна). В ряде работ делаются попытки применить имперский сценарий к отдельным государствам и регионам (С.В. Ткачёв, В.В. Шишков и др.)[16]. За редким исключением, исследователи не разграничили империи прошлого и настоящего, не дали чёткого представления ни об их количестве, ни об их

---

[15] Kumar K. Nation-states as empires, empires as nation-states: two principles, one practice? // Theory and Society. 2010. No. 39–2. P. 119–143; Colomer J.M. Bringing the Empire Back in. URL: http://gcg.universia.net/pdfs_revistas/articulo_81_1206609718123.pdf (дата обращения: 01.08.2012); Parker N. The Case for Learning from Empires. URL: http://www.ashgate.com/pdf/SamplePages/Empire-and-International-Order-Intro.pdf (дата обращения: 11.07.2015); Roberts J. The State, Empire and Imperialism // Current Sociology. 2010. Vol. 6. No. 58. P. 833–858; Steinmetz G. Return to Empire: The New U.S. Imperialism in Comparative. Historical Perspective. URL: http://www-personal.umich.edu/~geostein/docs/Steinmetz Return.pdf (дата обращения: 14.07.2015); Бляхер Л.Е. Империя как парадигма политологического рассуждения: проблема «оборачивания» в политической науке // Полития. 2008. № 4; Каспэ С.И. Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи // Полития. 2008. № 1; Момот М. Прошлое империй и империи будущего // Прогнозис. 2006. № 3. С. 266–282. URL: http://www.intelros.ru/pdf/prognosis/266-282_momot.pdf (дата обращения: 20.10.2014); Петрушак В.Л. Империя как историческая судьба // Геополитика и безопасность. 2013. № 4; Пигров К.С. Империя как инновация, или императив империй // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 6. Вып. 2. Ч. 1; Мартьянов В.С. Космополитическая империя: транснациональный проект для постсоветского пространства // Свободная мысль. 2009. № 7; Рогов И.И. Империя и политическое государство: проблемы идентификации // Власть. 2011. № 4; Рогов И.И. К вопросу о геополитической структуре имперской организации: пространство и его смыслы // Геополитика и безопасность. 2013. № 3; Филиппов А.Ф. Смысл империи к социологии политического пространства. URL: http://old.russ.ru/antolog/inoe/filipp.htm#top (дата обращения: 15.10.2011); Ханна П. Второй мир. М., 2010; Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

[16] Ткачёв С.В. Империя как современная полития: дис. … канд. полит. наук. Владивосток, 2005. 221 с.; Шишков В.В. Неоимперские центры в политической проектности XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. 2. С. 223–227. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_5-2_58.pdf (дата обращения: 10.10.2014.); Шишков В.В. Европейский союз: от идеи наднационального суверенитета – к новой Западноевропейской империи // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 93–106. URL: http://www.ifp.uran.ru/ezh/ed/ed_1431.html (дата обращения: 10.10.2014).

структуре. Под империями, по сути, понимались разные феномены – от федерации до сетевого общества.

Эволюция цивилизационной парадигмы в общественных науках привела к оформлению в наше время цивилизационной модели как альтернативы нации-государству[17]. Появляются труды, в которых делаются попытки рассмотреть цивилизационную парадигму в политологии в целом[18]. Так, можно назвать статью А.М. Старостина.

Мы уже отмечали, что в теории геополитики сложился цивилизационный подход (С.П. Хантингтон, А.Г. Дугин, И.Ф. Кефели, В.Л. Цымбурский и др.). Цивилизационной тематике отдают предпочтение, как зарубежные авторы

---

[17] См. напр.: Bowden B. Politics in a World of Civilizations: Long-term Perspectives on Relations between Peoples. URL: http://quod.lib.umich.edu/h/humfig/11217607.0001.204?view=text;rgn=main (дата обращения: 29.08.2015); Haggman B. From Minsk To Vladivostok – Is it an East Slavic Civilization? // Comparative Civilizations Review. 2011. No. 64. P. 63–73 URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/12930/12794 (дата обращения 11.08.2015); Perumpanani A. Civilization Defined // Comparative Civilizations Review. Spring. 2013. No. 68. P. 9–20. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/20784/19256 (дата обращения: 11.07.2015); Ruan W. Two Concepts of «Civilization» // Comparative Civilizations Review. 2012. No. 67. P. 16–26. URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/17889/16675 (дата обращения: 23.06.2015); Ruan W. Geo-Civilization // Comparative Civilizations Review. 2012. No. 66. P. 91–105. URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/16281/15434 (дата обращения: 23.06.2015); Targowski A. From Globalization Waves to Global Civilization // Comparative Civilizations Review. 2014. No. 70. P. 73–89. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/35162/32982 (дата обращения: 14.07.2015); Wilkinson D. Fluctuations in the political consolidation of civilizations/world systems // Comparative Civilizations Review. 2005. No. 52. P. 69–91. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/12896/12760 (дата обращения: 13.08.2015); Wilkinson D. Civilizations are world systems // Comparative Civilizations Review. № 30. P. 59–71. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/13454/13388 (дата обращения: 12.08.2015); Кефели И.Ф. Цивилизационная парадигма в контексте глобальной геополитики // Геополитика и безопасность. 2010. № 2; Киселёв С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М., 2002; Наумкин В.В. Цивилизации и кризис государств-наций // Россия в глобальной политике. 2014. № 1; Плебанек О.В. Алгоритмы геоцивилизационной динамики // Геополитика и безопасность. 2011. № 3; Рашковский Е.Б. Цивилизационная теория: познание истории – познание современности // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. С. 78–79; Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2; Хорос В.Г. Цивилизации сегодня // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9; Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы разных лет. 1993–2006. М., 2007; Яковец Ю.В., Акаев А.А. Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнёрства цивилизаций. М., 2016.

18 Старостин А.М. Цивилизационная парадигма в политической науке. URL: http://www.rapn.ru/partner/files/starostin.pdf (дата обращения: 02.09.2014).

(Д. Уилкинсон, Б. Боуден, Д. Дрю, Б. Хаггман, А. Перумпанани, Жуан Вэй, А. Тарговский, Д. Кицикис), так и отечественные (А.С. Панарин, В.Г. Хорос, Е.Б. Рашковский, С.В. Хатунцев, С.Г. Киселёв, И.А. Василенко, Ю.В. Яковец, В.В. Наумкин, К.А. Феофанов и др.).

Термин «цивилизация» применительно к мировой политике преимущественно используют отечественные и китайские исследователи. Англо-американские учёные чаще оперируют категориями «держава», «империя» и т. п. Цивилизационный подход неоднозначен, что приводит к появлению критической литературы в его адрес[19].

В рамках данного подхода исследователи предложили свои варианты цивилизационной картины мира, типы цивилизаций, разработали такие термины, как: «геоцивилизация», «государство-цивилизация», – рассмотрели сущность цивилизации. Цивилизационная модель применялась и к России, и к глобальной политике, но пока отсутствует единая общепринятая цивилзационная картина мира, не разграничены цивилизации прошлого и нашего времени.

Концепции возможной эволюции США в условиях глобализации нашли отражение в трудах зарубежных авторов, таких как З. Бжезинский, Г. Киссинджер, С. Хантингтон, Дж. Най-младший, П. Ханна, Ф. Закария, Ч. Капчен, Р. Хаас, Р. Каплан, К. Престовиц, П. Бьюкенен, Ф. Фукуяма, М. Хант, А.-М. Слотер, Дж. Айкенберри, Дж. Харви, Дж. Миршеймер, Э. Тодд, К. Лайн, П. Нидервеен, Т. Поупп, Т. Джадд, Э. Басевич, С. Бромли, Д. Штайнмец, В. Одом, Р. Джаррик, П. Каммик, Р. Фальк, М. Кокс и др.

Из российских авторов вклад в изучение данной тематики внесли А.Д. Богатуров, А.И. Уткин, В.А. Дергачёв, К.С. Гаджиев, О.Д. Абрамова, А.А. Дынкин, С.В. Кортунов, К.Н. Брутенц, О.А. Арин, А.О. Безруков,

---

[19] Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Полития. 2006. № 4; Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка). М., 2007; Янов А.В. Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_7415 (дата обращения: 02.09.2014).

А.Н. Богданов, С.В. Ткачёв, А.В. Бакина, А. Левченко, В.И. Дашичев, Ю.Д. Гранин, М.Р. Атаев и др.[20]

[20] Bacievich A. American Empire. The realites and consequences of US diplomacy. London: Harvard University press, 2002. 306 p.; Bacievich A. An End to Empire // The American Conservative. 2011. URL: http://www.theamericanconservative.com/articles/an-end-to-empire/ (дата обращения: 19.07.2015); Bromley S. American power and the prospects for International Order. Cambridge: Polity Press, 2008. 241 p.; Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Published by Basic Books. NY, 1997. 223 p.; Brzezinski Z.K. Strategic vision. America and the Crisis of Global Power. Published by Basic Books. NY, 2012. 433 p.; Cox M. Still the American Empire // Political Studies Review. 2007. Vol 5. P. 1–10. URL: http://raider.mountunion.edu/~GROSSMMO/POL%20270/articles/still%20the%20american%20empire.pdf (дата обращения: 27.04.2015); Falk A.R. The Declining World Order. Americas imperial geopolitics. NY and London: Routledge, 2004. 260 p.; Harvey D. The New imperialism. NY, 2003. 253 p.; Ikenberry G.J. Liberal Order and Imperial Ambitions. Essays on America Power and World politics. London: Polity press, 2006. 300 p.; Judt T. Dreams of Empire // United States Military Review. 2004. Vol. 51, No. 17. URL: http://terpconnect.umd.edu/~dcrocker/Courses/Docs/PUAF698J-Judt-Dreams%20of%20Empire.pdf (дата обращения: 19.07.2015); Layne C. This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana // International Studies Quarterly. 2012. P. 1–11; Miller P.D. Five Pillars of American Grand Strategy. URL: http://www.iiss.org/en/publications/survival/sections/2012-23ab/survival--global-politics-and-strategy-october-november-2012-fda3/54-5-02-miller-b497 (дата обращения: 11.07.2015); Nederveen J. Pieterse. Globalization or Empire. NY: Routledge, 2004. 196 p; Nye J. The Future of American Power // Foreign Affairs. 2010. No. 6. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2010-11-01/future-american-power (дата обращения: 29.03.2015); O'Brien P. USA: A Civilization of its own? // Comparative Civilizations Review. 2007. No. 57. P. 29–52. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/13051/12912 (дата обращения: 29.07.2015); Odom W.E., Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven & London: Yale University Press, 2004. 285 p.; Poupp T.E. Exodus From Empire: The Fall of America's Empire and the Rise of the Global Community. London: Pluto Press, 2007. 425 p.; Slouter A.-M. America's Edge. Power in the Networked Century. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2009-01-01/americas-edge (дата обращения: 28.05.2015); Steinmetz G. Return to Empire: The New U.S. Imperialism in Comparative. Historical Perspective. URL: http://www-personal.umich.edu/~geostein/docs/SteinmetzReturn.pdf (дата обращения: 14.07.2015); Zakariya F. The Post-American World. NY, London: W. Norton & Company, 2008. 292 p; Todd E. After the empire. The breakdown of the American Order. NY: Columbia universitu press, 2003. 238 p.; Абрамова О.Д. Перспективы развития трансатлантической зоны свободной торговли «ТАFTA» // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2013. № 3–4; Безруков А.О. Америка в плену инерции. Будущее глобального лидерства Соединённых Штатов // Россия в глобальной политике. 2012. № 2; Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004; Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2003; Бьюкенен П. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М., 2006; Дынкин А.А., Пантин В.И. Мирное столкновение. США и КНР: за какой моделью будущее // Россия в глобальной политике. 2012. № 2; Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2002; Престовиц К. Страна-изгой. СПб., 2005; Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2002; Уткин А.И. Подъём и падение Запада. М., 2008; Фукуяма Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2007; Ханна П. Второй мир. М., 2010.

В указанных работах подробно рассмотрены геополитический статус США, основные факторы внешней политики Америки. З. Бжезинский, П. Ханна, Ч. Капчан, а также и отечественные исследователи (А.И. Уткин, С.В. Ткачёв, В.В. Карякин и др.) постарались наметить сценарии дальнейшего развития США. При этом только некоторые авторы рассматривали США в контексте меняющегося мира, размывающегося суверенитета наций (А.И. Уткин, А.В. Дынкин, С.В. Ткачёв, В.В. Карякин). Среди проанализированных работ преобладает «имперский» подход, сторонники которого описывают Америку как империю нового типа. Исследователями (В. Одом, Р. Джаррик) был предложен и такой термин, как «либеральная империя».

Помимо имперского сценария имеют место и иные подходы. Здесь и сетевая теория А.-М. Слотер, и концепция «мягкой силы» Дж. Ная-младшего. Эти и другие концепции так или иначе отражают положение США в мире.

Особо можно выделить монографию Э.Я. Баталова[21], посвящённую анализу работ американских авторов. В исследовании разбираются американские концепции мирового порядка, положение США в глобальной политике. Однако автор анализирует положение США с позиции феномена национального политического сознания[22].

Интерес представляют и исследования, посвящённые Китаю. Например, работы китайских исследователей – Ван Ивэя, Е Хайлиня, Чжан Вэньму, Чжао Хунвэя, Чэнь Чжихао, Миньцзинь Пэя, Жуан Вея и др[23]. Размышляя о Китае

---

[21] Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005.

[22] Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 8.

[23] Wang Yi. Revival of China's civilization gives legitimacy to its rise // Global Times. 2013. URL: http://www.globaltimes.cn/content/756033.shtml (дата обращения: 12.08.2015); Xiang L. China and the International «Liberal» (Western) Order / T. Flockhart, Ch.A. Kupchan, Ch.Lin, E.N. Bartlomiej, P.W. Quirk, L. Xiang // Liberal Order in a Post-Western World. Washington: Transatlantic Academy, 2014. P. 107–120; Chin-Hao H. China's Soft Power in East Asia: A Quest for Status and Influence? URL: http://dornsife.usc.edu/assets/sites/451/docs/Huang_FINAL_China_Soft_Power_and_Status.pdf (дата обращения: 23.06.2015); Pei M. China's Not a Superpower. URL: http://apac2020.thediplomat.com/feature/china%E2%80%99s-not-a-superpower/ (дата обращения: 11.07.2015); Е Хайлинь. От суши к морю: какая стратегия нужна Китаю? // Геополитика и безопасность. 2010. № 1; Чэнь Чж. Китай и Индия: отношения, вызовы перспективы. URL: http://www.geopolitica.ru/node/3187#.VFEaMzSsXIc (дата обращения: 29.10.2014); Чжан В. Логика подъёма великих держав // Геополитика и безопасность. 2011. № 1; Чжао Х. Китайская

как великой державе, они преимущественно придерживаются цивилизационного сценария, но цивилизация китайцами понимается немного в ином ключе, нежели европейцами.

Среди западных авторов китайской тематике уделили внимание С.П. Хантингтон, П. Ханна, З. Бжезинский, Ф. Закария, Р. Каплан, Д. Молдин, Д. Фридман, Р. Каплан, Ч. Фримен, Д. Айкенбери, М. Жак, С. Бабонес, М. Бекли, Б. Оннис, П. Годвин, К. Лайн, Е. Прегг, Д. Раймондо и т. п.[24] Отметим работы и украинского исследователя В.А. Дергачёва[25].

Развитие Китая в мировом политическом процессе находится в поле зрения и российских учёных[26]. В их числе Ю.М. Галенович, А.А. Маслов,

---

дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии // Аналитические записки. 2007. Вып. 1 (21).

[24] Ikenberry G.J. The Rise of China and the Future of the West. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2007/12/the_rise_of_china_the_future_o.html (дата обращения: 22.08.2015); Mauldin J. The Geopolitics Of China. URL: http://www.investorsinsight.com/blogs/john_mauldins_outside_the_box/archive/2008/06/12/the-geopolitics-of-china.aspx (дата обращения: 19.07.2015); Babones S. The Middling Kingdom: The Hype and the Reality of China's Rise // Foreign Affairs. 2011. № 5. P. 79–88; Beckley M. China's Century? Why America's Edge Will Endure // International Security. Vol. 36, No. 3. 2011/12. P. 41–78; Godwin P.H.B. China as regional hegemon? URL: http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/RegionalFinal%20chapters/Chapter6Godwin.pdf (дата обращения: 11.08.2015); Jacques M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. London: ALLEN LANE an imprint of Penguin Books, 2009. 552 p.; Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power: How far Will China reach on Land and at Sea // Foreign Affairs. 2010. No. 3. P. 22–41. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2010-05-01/geography-chinese-power (дата обращения: 25.07.2015); Layne C. China's Role in American Grand Strategy: Partner, Regional Power, or Great Power Rival? URL: http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/RegionalFinal%20chapters/Chapter5Layne.pdf (дата обращения: 19.07.2015); Layne C. China's Challenge to US Hegemony // Current History. 2008. P. 13–18; Фридман Д. Бумажный тигр? Почему Китай не сможет стать супердержавой // Россия в глобальной политике. 2010. № 3; Фримен Ч. На чём споткнётся Китай? // Россия в глобальной политике. 2007. № 5; Ханна П. Второй мир. М., 2010.

[25] Дергачёв В.А. Китайская империя. URL: http://www.dergachev.ru/Landscapes-of-life/Imperial-geopolitics/03.html#.VFOy3TSsXId (дата обращения: 15.04.2014).

[26] Абрамова О.Д., Абрамов В.Л. Развитие инновационной экономики КНР // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2013. № 1 (2). С. 4–9; Андреев Е.К. Политика «нового регионализма» КНР в процессе её глобальной регионализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8. Ч. 4. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2011_8-4_02.pdf (дата обращения 15.10.2014); Арин О.А. Россия: ни шагу вперёд. М.: Изд-во Эксмо, 2003; Воробьёв В.Я. Новый шёлковый курс // Россия в глобальной политике. 2014. № 3; Девятов А., Мартиросян М. Китайский прорыв и уроки для России. М., 2002; Дынкин А.А., Пантин В.И. Мирное столкновение. США и КНР: за какой моделью будущее // Россия в глобальной политике. 2012. № 2; Мигунов Н.И. О геоцивилизационных

А.В. Виноградов, А.О. Виноградов, Н.М. Сирота, С.Г. Лузянин, В.Я. Портяков, А.В. Гордон, В.Я. Воробьёв, Н.Н. Мигунов, О.В. Мигунова, В.А. Абрамов, Н.А. Абрамова, Л.В. Савин, А. Девятов, М. Мартиросян, Д.В. Мосяков, Е.К. Андреев и др. Однако никто из авторов пока не делал попыток проследить сценарии трансформации Китая в условиях меняющегося мира. Как правило, исследователи останавливались на каком-то одном варианте, либо не затрагивали эту тему вообще.

Западные авторы обращаются и к исследованию России (Г. Киссинджер, З. Бжезинский, С. Хантингтон, П. Ханна, Д. Ливен, Дж. Миршмейер, Б. Хаггман и др.)[27]. Преимущественно в их работах внимание уделяется имперскому (Д. Ливен), а также отчасти цивилизационному (С.П. Хантингтон, Б. Хаггман) сценариям.

Основная часть трудов отечественных политологов также посвящена разработке имперского и цивилизационного сценариев. Модель «корпорация-государство» преимущественно к России рассматривается тремя авторами –

характеристиках величия Китая // Геополитика и безопасность. 2011. № 1; Мигунов Н.И. Геостратегия в контексте китайского геокультурного дискурса // Геополитика и безопасность. 2011. № 3; Мигунова О.В. Китай как морская цивилизация (об одном аспекте трансформации китайской цивилизационной идентичности) // Геополитика и безопасность. 2010. № 1; Мосяков Д.В. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-politiki-kitaya-v-yugo-vostochnoy-azii-v-proshlom-i-nastoyaschem (дата обращения: 06.11.2014); Савин Л.В. Геостратегия Поднебесной. URL: http://www.geopolitica.ru/article/geostrategiya-podnebesnoy?nopaging=1#.U71HsMa0auK (дата обращения: 09.07.2014); Сирота Н.М. Геостратегия Китая и позиционирование России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 191–195. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2014_1-1_49.pdf (дата обращения: 15.10.2014).

[27] Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Published by Basic Books, NY, 1997. 223 p.; Brzezinski Z.K. Strategic vision. America and the Crisis of Global Power. Published by Basic Books, NY, 2012. 433 p.; Mearsheimer J. Why The Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 2014. No. 5. P. 1–12.; Haggman B. From Minsk To Vladivostok – Is it an East Slavic Civilization? // Comparative Civilizations Review. 2011. No. 64. P. 63–73. URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/12930/12794 (дата обращения 11.08.2015); Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004. 288 с.; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. 352 с.; Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 36–46; Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.; Ханна П. Второй мир. М.: Европа, 2010. 616 с.

А.И. Неклессой, А.Н. Окарой[28] и К.В. Маркаряном. Однако последний вкладывал иное содержание в понятие «корпорация-государство», нежели Е.Г. Пономарёва, А.И. Фурсов и А.Н. Окара.[29] Кроме того, модель «корпорация-государство» крайне слабо рассматривалась применительно к возможной эволюции российского государства.

Никто не обращался и к анализу модели «регион-государство» в связи с Россией, несмотря на то что существует обширная литература, посвящённая развитию отдельных регионов страны, особенно Сибири (В.Л. Иноземцев, И.Ф. Кефели, Л.Г. Ивашов и др.)[30]. Активному участию России в региональных делах Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) посвящена работа Т.В. Бородачёва и Е.А. Канаева.[31] В какой-то степени в создаваемой ими модели прослеживаются прообразы регион-государства.

Огромный пласт литературы за последние десятилетия связан с проблемой интеграции постсоветского пространства, формирования здесь крупного регионального объединения[32]. Данная тема освещена в работах О.Д. Абрамовой,

---

[28] Неклесса А.И. Номенклатурное государство. URL: http://viperson.ru/wind.php?ID=525460&soch=1 (дата обращения: 08.11.2014); Окара А.Н. Государство-корпорация как новый тренд для России, Украины и Белоруссии. URL: http://www.intelros.ru/2007/05/16/andrejj_okara_gosudarstvokorporacija_kak_novyjj_trend_dlja_rossii_ukrainy_i_belorussii.html (дата обращения: 15.03.2011).

[29] Маркарян К.В. Россия как государство-корпорация. О российской национальной идее: «Третий путь» Путина // Политический класс. 2006. № 1.

[30] Ивашов Л.Г. Повернуть взгляд к Сибири // Геополитика и безопасность, 2009. № 1; Иноземцев В., Дьячков С. Новый регионализм, а не новая столица. http://inozemtsev.net/2012/11/сергей-дьячков-владислав-иноземцев-н/ (дата обращения: 20.01.2013); Иноземцев В.Л. , Пономарёв И.В., Рыжков В.А. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. 2012. № 6; Иноземцев В.Л. Поруганная часть России. Сибири нужна не госкорпорация, а деколонизация. URL: // http://www.mk.ru/politics/article/2012/05/01/699081-porugannaya-chast-rossii.html. (дата обращения: 20.04.2013); Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб.: ИД «Петрополис», 2007.

[31] Бородачёв Т.В., Канаев Е.А. Успокоить Запад, уравновесить Восток // Россия в глобальной политике. 2014. № 4.

[32] Абрамова О.Д. Стратегия повышения конкурентноспособности стран-участниц Таможенного Союза // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2012. № 1. С. 96–102; Абрамова О.Д. Концептуальные основы внешней политики России в условиях глобальных перемен // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2014. № 1–2. С. 12–20; Бляхер Л.Е. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // Полития. 2008. № 1; Валовая Т.Д. Постсоветское пространство в эпоху прагматизма // Россия в глобальной политике. 2005. № 2; Винокуров Е. Прагматическоое евразийство // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. С. 49–59; Гребениченко С.Ф. В фарватере интеграции //

М.Т. Ламуллина, Т. Мансурова, Л.Е. Бляхера, Ю.М. Солозобова, И.Ф. Кефели, С.В. Хатунцева, Л.В. Савина, Е. Винокурова, С.Ф. Гребениченко, Д. Кабаева, Т.Д. Валовой, Т.А. Яшковой и др. В этих трудах обоснована необходимость интеграции постсоветского пространства, намечены некоторые варианты данного процесса и указаны сложности, с которыми придётся столкнуться при новой интеграции некогда единого пространства.

Особое внимание в исследованиях уделено цивилизационной специфике России[33], о чём свидетельствуют труды А.С. Панарина, Ю.В. Яковца,

---

Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1; Кабаев Д. Евразийская интеграция: текущая ситуация и перспективы. URL: http://www.geopolitica.ru/article/evraziyskaya-integraciya-tekushchaya-situaciya-i-perspektivy#.VF5k8zSsXIc (дата обращения: 08.11.2014); Кефели И.Ф. Геополитика Евразийского Союза: от идеи к глобальному проекту. СПб., 2013; Ламуллин М.Т. Возвращение в место, которого нет: Можно ли восстановить Советский Союз или создать на его месте жизнеспособную структуру // Россия в глобальной политике. 2012. № 1; Мансуров Т. Интеграционный вектор евразийской геополитики // Политический класс. 2008. № 8. С. 22–29; Савин Л.В. Великая Стратегия для Евразийского Союза // Геополитика и международные отношения / Ред. А.Г. Дугин. Т. 1. М., 2012. С. 374–375; Солозобов Ю.М. СНГ: двадцать лет спустя после «развода». Постсоветское пространство на пороге перемен // Defuturo, или История будущего / Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. М., 2008; Солозобов Ю.М. Евразийский Союз: от идеи к практике // Геополиитка и Международные Отношения. Т. 1. / Ред. А.Г. Дугин. М., 2012; Хатунцев С.В. Мысли вслух о Евразийском Союзе. URL: http://devec.ru/almanah/evrazijskij/602-s-hatuntsev-mysli-vsluh-o-evrazijskom-sojuze.html (дата обращения: 20.10.2013); Чернышёв С.А. На пути к единой Евразии // Россия в глобальной политике. 2010. № 3; Яшкова Т.А. Евразийская интеграция: перспективы модернизации постсоветского пространства // Геополитика и безопасность. 2012. № 3.

[33] Аксючиц В.В. Миссия России. Опыт историософии. URL: http://www.regels.org/Russkaja-ideja.htm (дата обращения: 05.01.2013); Бельчук А.А. Россия: восток Запада или запад Востока? // Свободная мысль. 2008. № 4; Емельянов-Лукьянчиков М.А. Иерархия радуги Русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. М., 2008; Зевелёв И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // Россия в глобальной политике. 2009. № 5; Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. М., 2009; Козин Н.Г. Постижение России. Опыт историософского анализа. М., 2002; Лубский А.В. Цивилизационные образы России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 47–61; Маслов О.Ю. Русский народ в преддверии цивилизационного прорыва. URL: http://www.polit.nnov.ru/2007/03/20/ruscivic (дата обращения: 15.03.2013); Межуев Б.В. Восточный экспресс. Из Модерна в Постмодерн и обратно. Европейский ценности и Россия // Политический класс. 2007. № 12; Наумов С.Ю., Слонов Н.Н. От суверенной демократии к суверенной цивилизации // Свободная мысль. 2007. № 9; Неклесса А.И. Страна пути // Политический класс. 2008. № 2; Ремизов М. Проект государство-цивилизация. URL: http://cv.jinr.ru/~kras/tanja/zakon/konst/2.html (дата обращения: 15.03.2013); Расторгуев В.Н. Российская цивилизация: ложная или подлинная идентичность? URL: http://www.dvpt.ru/?page=do_rastorguev (дата обращения: 10.11.2014); Савин А. Многовековая культура это не «транс» // Политический класс. 2005. № 3; Соколов С.В. Проблемы цивилизационной целостности постсовременной России // Свободная мысль. 2006. № 7/8; Шабров О.Ф. Духовные основы российской политики // Открытое образование. 2011. № 2 (86).

О.Ф. Шаброва, И.А. Зевелёва, М.В. Ремизова, В.И. Спиридоновой, В.Н. Расторгуева, Б.В. Межуева, А.А. Бельчука, М.А. Емельянова-Лукьянчикова, А.В. Лубского, О.Ю. Маслова, С.Ю. Наумова, Н.Н. Слонова, А.И. Неклессы, С.М. Самуйлова, С.В. Соколова, Н.Г. Козина и др. Однако ими даются разные варианты цивилизационной стратегии, мало кто рассматривает несколько сценариев. Часть авторов ставит вопрос о постепенном встраивании России в структуры евроатлантической цивилизации либо подчёркивает приоритетность западного направления страны[34]. Сюда можно отнести таких исследователей, как: А.А. Громыко, В.Л. Иноземцев, В. Кременюк, С.В. Лурье, В.П. Лукин, Р.В. Манекин, В.Т. Третьяков, А. Фоменко, Ф.В. Шелов-Коведяев, Д.В. Тренин и др. Эти авторы в своих работах аргументировали принадлежность России к западной цивилизации, показали важность вхождения России в состав Евроатлантики, наметили проекты своеобразного нового объединения.

Представлены в литературе и позиции критиков евроатлантической интеграции, отстаивающих тезис об особом пути развития России – А.С. Панарина, В.Л. Цымбурского, И.Ф. Кефели, Л.Г. Ивашова, А.В. Митрофановой, М.В. Демурина, А.Н. Окары, С.В. Хатунцева, В.Н. Расторгуева, В.И. Спиридоновой, А.М. Малера, Д.М. Володихина, С.Д. Баранова, К.А. Фролова, М.И. Кротова и других[35]. Ими не только дана

Ч. 2. С. 155–158. URL: http://shabrov.info/Statji/duh_ros.htm (дата обращения: 08.08.2017); Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных цивилизаций» (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2008. № 3. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/568/562/1216/009yEMQKIN.pdf (дата обращения: 23.09.2012).

[34] Громыко А.А. Цивилизационные ориентиры во взаимоотношениях России, ЕС и США // Свободная мысль. 2007. № 8; Иноземцев В.Л. Европейский «центр» и его окраины // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 5; Кременюк В. Россия вне мирового сообщества // Международные процессы. 2006. № 3. URL: http://www.intertrends.ru/twelfth/005.htm (дата обращения: 20.10.2014); Лукин В. Российский мост через Атлантику // Россия в глобальной политике. 2002. № 1; Лурье С.В. Что за красной линией? // Политический класс. 2007. № 11; Манекин Р.В. Неотвратимые объятия памяти. Извечное стремление России на Запад обретает в XXI веке мессианский смысл // Политический класс. 2008. № 7; Третьяков В.Т. Наука быть Россией. М., 2007; Фоменко А. FestinaLente: о наших отношениях с Европейским союзом // Политический класс. 2007. № 1. С. 75–78; Шелов-Коведяев Ф.В. Россия как локомотив мирового развития // Россия в глобальной политике. 2006. № 3.

[35] Володихин Д.М. Перспектива тысячелетнего развития Русской цивилизации // Политический класс. 2007. № 9; Чаплин В., прот. Пять постулатов православной цивилизации // Политический

критика, но и сделаны попытки наметить варианты цивилизационного развития страны, отличного от Запада.

Также среди отечественных исследователей и представителей ближнего зарубежья рассматривается и имперский сценарий развития России (В.Л. Петрушак, А.Г. Дугин, В.С. Мартьянов)[36]. Тем не менее в отечественной науке преобладают всё-таки представители цивилизационного сценария.

Подводя итоги, можно отметить что, несмотря на наличие многочисленной научно-теоретической литературы по отдельным направлениям рассмотрения, на данном этапе пока крайне мало работ, в которых систематизировались бы разнообразные подходы, а также комплексно рассматривались сценарии возможной трансформации российского государства и ведущих акторов мировой политики.

Объект диссертационного исследования – концепции нации-государства в условиях глобализации.

Предмет диссертационного исследования – альтернативные модели трансформации нации-государства на примере ведущих акторов мировой политики.

класс. 2007. № 2. С. 80–85; Демурин М.В. Конфликт цивилизаций: Исчезновение или возрождение России // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 5; Демурин М.В. Россия и страны СНГ. Цивилизационный вызов. Что делать России с осколками бывшего СССР // Политический класс. 2007. № 12; Кефели И.Ф. Геополитика Евразии. СПб., 2010; Кротов М.И. Евразийская идея и перспективы СНГ // Свободная мысль. 2011. № 10; Малер А.М. Рождение Православного проекта. Универсальные ценности ортодоксального христианства между либеральным Западом и тоталитарным Востоком // Политический класс. 2008. № 5; Наумов С.Ю., Слонов Н.Н. От суверенной демократии к суверенной цивилизации // Свободная мысль. 2007. № 9; Окара А.Н. В окрестностях Нового Константинополя, или восточнохристианская цивилизация перед лицом новейшего мирового хаосо-порядка // Цивилизационные активы и цивилизационные рамки национальной российской политики. Материалы научного семинара. № 6 (15). М., 2009; Орлова И.Б. Контуры современной евразийской концепции. URL: http://www.ispr.ru/Confer/EuroAsia/confer9-1.html. (дата обращения: 20.06.2012); Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003; Фролов К.А. Русская церковь под прицелом «оранжевых технологий» // Политический класс. 2007. № 3; Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы разных лет. 1993–2006. М., 2007; Цымбурский В.Л. Коньюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011.

[36] Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб., 2007; Мартьянов В.С. Космополитическая империя // Свободная мысль. 2009. № 7; Петрушак В.Л. Империя как историческая судьба // Геополитика и безопасность. 2013. № 4.

Цель диссертационного исследования – обоснование альтернативных моделей нации-государства как политического института в постсовременном мире, а также применение существующих моделей альтернатив нации-государства к отдельным участникам мирового политического процесса.

Поставленная цель предполагает решение следующих основных задач:

– исследовать школы и представления о государстве как субъекте мирового политического процесса и выявить теоретические предпосылки формирования альтернативных моделей национального государства;

– систематизировать теории эволюции государства в постсовременном мире, проанализировать глобалистские концепции как альтернативные сценарии современного государства и степень их релевантности складывающейся ситуации;

– рассмотреть основные типы государства и сформулировать типологии данного института с учётом возникающих концепций, подходов;

– исследовать возможные альтернативы нации-государства в эпоху постмодерна на основе теоретического материала – корпорацию-государство, регион-государство, империю-государство и цивилизацию-государство;

– оценить существующие концепции, подходы эволюции США в постсовременном мире;

– выявить наиболее вероятные сценарии развития Китая в контексте мирового политического процесса, основные подходы к положению Китая в условиях глобального мира;

– проанализировать основные проекты, модели дальнейшей эволюции Российской Федерации.

Теоретико-методологическая база исследования:

– методологической основой работы служат:

а) концепции авторов, рассматривающих трансформацию государственного суверенитета в условиях глобализации, обозначающих появление возможных альтернатив данному институту (М.В. Ильин, Е.Г. Пономарёва, А.И. Неклесса, А.И. Фурсов);

б) социально-философские концепции трансформации современного общества (Э. Тоффлер, Э. Гидденс, З. Бауман);

в) геополитический подход в теории международных отношений, представители которого рассматривают возможность формирования в будущем больших пространств (Ф. Ратцель, Р. Челлен, К. Шмитт, К. Хаусхофер и др.);

г) либеральная школа международных отношений, акцентирующая внимание на формировании наднациональных образований (Дж. Най-младший);

– феноменологический подход, заключающийся в описании явлений и концепций и извлечении из этого сущностных моментов;

– цивилизационный подход к мировому политическому процессу (С.П. Хантингтон, А.И. Уткин, В.Л. Цымбурский, Ю.В. Яковец и др.), представители которого рассматривают цивилизацию в качестве одного из акторов мирового политического процесса наряду с государством;

– компаративистский метод, заключающийся в сравнении трансформации отдельных государств, а также в сопоставлении феноменов прошлого и настоящего (в первую очередь самого государства, империи и цивилизации);

– институциональный метод, заключающийся в анализе эволюции государства и альтернативных ему институтов;

– исторический подход, заключающийся в анализе длительного периода эволюции взглядов на таких акторов мирового процесса, как: государство, цивилизация и империя;

– типологический подход, суть которого в выделении нескольких типов государств, империй, империй-государств, цивилизаций и т. п.;

– метод моделирования – обозначение нескольких моделей возможных альтернатив нации-государства в мировом политическом процессе;

– системный метод, заключающийся в учёте различных факторов (экономических, культурных, политических), влияющих на возникновение альтернатив нации-государства; системный анализ различных альтернативных концепций, позволяющий лучше уяснить феномен и нации-государства, и альтернативных образований;

– диалектический метод – его суть в том, что в исследовании не отвергается старое. Например, нация-государство, которое сосуществует вместе с альтернативами, сохраняется. Кроме того, стремление учитывать различные теории и подходы – от глобалистских до локальных;

– можно сказать и о системно-диалектическом методе, сочетающемся с синергетическим (система в точке бифуркации, неопределённость альтернатив, когда одна переходит в другую);

– интегративный метод, заключающийся в сочетании системного и синергетического подходов;

– поливариантный метод, заключающийся в учёте различных сценариев развития ситуации.

Автор опирался на методологические разработки и идеи следующих зарубежных и отечественных исследователей: А. Тойнби, Э. Тоффлера, Э. Гидденса, С.П. Хантингтона, П. Ханны, Ж. Коломера, З. Бжезинского, М. ван Кревельда, Р. Каплана, Ч. Капчена, Э. Макгрю, Жуан Вэя, Дж. Ная-младшего, Ш. Кафлена, Р. Фалька, А.-М. Слотер, В. Сиджесвари, О.Д. Абрамовой, И.Ф. Кефели, А.С. Панарина, Ю.И. Матвеенко, Е.Г. Пономарёвой, А.И. Фурсова, Ю.В. Яковца, В.Л. Цымбурского, В.А. Дергачёва, А.В. Митрофановой, А.И. Неклессы, М.В. Ильина, Л.Е. Гринина, Б.В. Межуева, Ю.М. Солозобова, Л.Е. Бляхера, С.В. Хатунцева, А.Н. Окары.

Литература по источниковой базе диссертационного исследования делится на несколько групп. К первой можно отнести социально-философские, политологические и философские работы, поднимающие проблемы предпосылок формирования государства-нации, осмысляющие эволюцию самого государства, современных глобальных процессов. К этой группе относятся труды, посвящённые США, Китаю и России.

Во-первых, это исследования, в которых осмысливается развитие современного и постсовременного общества, а в контексте его и государства (З. Баумана, Э. Гидденса, Э. Тоффлера). К этой группе относятся и работы, связанные с судьбами государства в нарождающемся мире (М. ван Кревельда,

У. Бека, Э. Тоффлера, М. Хардта, А. Негри, С.П. Хантингтона, Ф. Фукуямы, А. Этциони, П. Ханны, Дж. Ная-младшего, С.И. Каспэ, А.С. Панарина и др.). Эти труды важны своими идеями, методологией исследования.

Безусловно, в них порой преобладает схематизм. Критику вызывали в своё время и идеи С.П. Хантингтона и книга М. Хардта и А. Негри, однако эти работы содержат качественный материал, дающий представление о тех концепциях, что высказываются в наше время.

Во-вторых, монографические исследования, посвящённые различным проблемам мировой политики, деятельности России, США и Китая. Например, работы К.Н. Брутенца, В.А. Дергачёва, И.Ф. Кефели, Л.Г. Ивашова, А.И. Уткина, М. Жака, Р. Каплана, В. Сиджесвари, А.-М. Слотер, Р. Фалька, В. Одома, Р. Джаррика, Д. Штайнмеца и др. В указанных трудах отражаются происходящие в мире процессы, даётся как фактический материал для выводов, так и идеи, концепции.

Во вторую группу входят публикации таких академических журналов, как: «Foreign Affairs», «Comparative Civilizations Review», «Theory and Society», «Век глобализации», «Власть», «Геополитика и безопасность», «Международные процессы», «Мировая экономика и международные отношения», «Полис», «Полития», «Политический класс», «Политэкс», «Свободная мысль», «Социально-гуманитарные знания».

Эта группа нам важна также тем, что на страницах указанных журналов активно обсуждаются актуальные проблемы современности. Здесь даются, хотя порой и редко, материал по итересующей нас теме, различные концепции и идеи. Например, в журнале «Свободная мысль» было опуликовано несколько интересных и важных статей доктора политических наук, профессора Е.Г. Пономарёвой.

Отметим значимость журнала «Россия в глобальной политике». В нём публикуются работы отечественных и западных авторов, иногда даются дискуссионные материалы.

Третья группа – электронные ресурсы: «The globalist», «The Atlantic», «Terra America», журнал «Геополитика», аналитический и образовательный портал «Институт геополитики профессора Дергачёва», сайт «Иносми», а также сайт Фонда стратегической культуры и ряд других электронных ресурсов. Они важны идеями, концепциями, что высказываются в их информационном поле. Однако в таких изданиях частичны и публицистические работы.

Гипотеза исследования – процесс эволюции государства под влиянием глобализации фактически вступает в третью фазу – формирование постсовременного государства с частично ограниченным суверенитетом. Это нашло отражение в разнообразных теориях, появляющихся в последнее время, на основании которых можно судить о вероятности возникновения на базе нации-государства нескольких моделей, альтернативных данному феномену в постсовременном мире.

Подобно тому, как государство на разных этапах своей истории (традиционное, современное) имело несколько типов, не исключено возникновение типологического многообразия альтернативных моделей, что также находит отражение в теории. Более того, как государство может менять свои формы, так и альтернативные модели могут переходить из одной в другую.

Анализ теоретического материала позволяет допустить, что в будущем наиболее вероятно существование трёх основных альтернативных моделей нации-государству – «империи-государства», «региона-государства» и «цивилизации-государства». На наш взгляд, выразителями данных моделей могут стать США, Китай и Россия. Можно говорить и о некоторых других моделях альтернатив нации-государству – например, о сценарии «корпорация-государство». Однако пока данная модель плохо проработана теоретически, хотя и находит некоторое отражение в российской аналитике. Поэтому мы останавливаемся на первых трёх сценариях – «регион-государство», «империя-государство», «цивилизация-государство».

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующих положениях:

1. Всякое государство неизбежно проходит несколько этапов в своём развитии. На смену этапу, для которого свойственно доминирование нации-государства, приходит новый этап, характеризующийся появлением своеобразных альтернатив современному государству. Всё это нашло отражение в политической теории на протяжении XX века.

На основе анализа основных теоретических предпосылок формирования альтернатив нации-государства, исследования концепции государства в условиях глобализации с учётом проблем, связанных с существованием нации-государства в современной мировой системе, выявлены основные модели альтернатив эволюции нации-государства – корпорация-государство, регион-государство, империя-государство, цивилизация-государство.

Корпорация-государство сочетает в себе черты корпорации и государственной власти. Данный феномен имеет следующие специфические черты:

– характерен для эпохи постепенного размывания государственного суверенитета;

– сращивается с органами государственной власти либо подчиняет их себе благодаря находящимся в его руках ресурсам (экономическим, политическим и информационным);

– государственные интересы воспринимаются сквозь призму интересов корпорации (главным образом коммерческих).

Регион-государство активно выступает в качестве самостоятельного субъекта на международной арене и преследует экономические интересы. Данный термин понимается в двух смыслах:

– как объединение нескольких государств или регионов, прежде всего, ради достижения конкретных экономических целей, активно выступающее в качестве самостоятельного субъекта на международной арене;

– как отдельный регион страны, становящийся в силу внешнеэкономической деятельности всё более самодостаточным.

Как правило, это временное образование, которое может модифицироваться в нечто иное (например, в цивилизацию-государство) либо прекратить своё существование в результате удовлетворения экономических интересов.

Империя-государство – альтернатива нации-государства, формирующаяся путём объединения нескольких наций-государств на основе политической идеологии. Империя-государство характеризуется:

– наличием центра в виде той или иной крупной державы;

– размытостью границ империи;

– слабостью связей между центром и периферией;

– нахождением войск имперского центра на периферии;

– сетевой структурой или конфедерацией;

– имперская идея или глобальный проект, способствующий активной экспансии империи постмодерна.

Цивилизация-государство возникает путём объединения нескольких стран по социокультурному признаку на основе общих цивилизационных ценностей, главным скрепляющим элементом становится культурная идентичность. Цивилизация-государство характеризуется следующими чертами:

– объединением нескольких государств на социокультурном фундаменте;

– может существовать в форме федерации или конфедерации;

– границы данного образования также могут быть размытыми.

2. Выявлены преимущества комплексного использования поливариантного подхода. Они заключаются:

а) в акценте на том, что могут сосуществовать различные типы государств и альтернатив ему;

б) в комплексном использовании двух основных теорий – глобалистской и теории альтернатив нации-государству. Ранее данные теории анализировались отдельно;

в) в констатации общих идей у двух выше обозначенных теорий – ослабление или усиление государства-нации в условиях постсовременности,

возникновение альтернатив современному государству, или его «растворение» в глобальном «мегагосударстве»;

г) в возможности изучить различные концепции, отражающие всё многообразие миростроительства и не вступающие в противоречие друг с другом. Согласно логике поливариантного подхода ни одна из концепций не исключает другую.

3. Доказано, что в дальнейшем будут существовать не одна (как это обозначается в некоторых теоретических построениях), а несколько альтернатив нации-государства в мировом политическом процессе: империя-государство, регион-государство, цивилизация-государство, зачатки которых можно наблюдать уже сегодня.

США, Китай и Россия являют собой примеры указанных тенденций (о чём свидетельствуют и теоретические построения исследователей в данных странах). Если раньше часто указывались одна или две альтернативы, например, у С.П. Хантингтона – цивилизации, у Д. Коломера – империи и малые государства, то автор данного диссертационного исследования полагает, что альтернатив будет несколько: «корпорация-государство», «регион-государство», «империя-государство», «цивилизация-государство», «государства архаики» и т. п.

И если раньше исследователи преимущественно отталкивались от одной парадигмы, к примеру, социоцентристсткой, а в её рамках, как вариант, от культурологического подхода или натуралистистической парадигмы, а в её рамках от географического или геополитического подходов, то в данном исследовании учитываются полипарадигмальность при анализе альтернатив, разнообразные подходы – экономический, политический, культурный.

4. Раньше, как правило, говоря о той или иной стране, исследователи придерживались одного прогностического сценария – «империя» или «цивилизация». Например, Россию, характеризовали как «цивилизацию», «империю» или даже «государство-цивилизацию» (В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко). Для Китая применялся (и применяется) термин

«государство-цивилизация» (В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко). США трактовались как «империя» (Дж. Фридман), «либеральная империя» (Дж. Айкенберри), «цивилизация» (В.В. Согрин).

Автор на примере каждой из трёх анализируемых стран, учитывая различные парадигмы в политической науке и отталкиваясь от поливариантности походов, рассмотрел несколько сценариев: «регион-государство», «империя-государство» и «цивилизация-государство» – и проверил, какой из указанных сценариев работает в той или иной ситуации. Такой метод объясняется тем, что каждая вышеупомянутая страна, как и нация-государство в целом, на данном этапе находится в точке бифуркации.

5. Вместо понятий «империя», «геоцивилизация», «государство-цивилизация» предлагается использовать категории «империя-государство» и «цивилизация-государство». В этом плане под «геоцивилизацией» исследователями понимается субъект геополитики, а не альтернатива государству, тогда как понятие «государство-цивилизация» применимо и к некоторым современным государствам, например, к Индии.

Введение новых понятий («империя-государство», «цивилизация-государство»), по мнению автора, вызвано рядом причин. Во-первых, они отражают наступление нового этапа в истории нации-государства, характеризующегося появлением альтернативных образований. Во-вторых, данные категории демонстрируют поливариантность становления постсовременного государства. В-третьих, проводится чёткое различие между феноменами «империи» и «империи-государства». Категорию «империя» автор относит больше к предсовременному и современному этапам.

6. Предложены типологии таких феноменов, как: «корпорация-государство», «регион-государство» и «империя-государство». В «корпорации-государстве» автор выделяет два типа – «внутренние» (возникающие на основе подчинения страны собственной Транснациональной корпорации (далее – ТНК).

Даётся типология «регионов-государств» на основании уровней регионализации – микрорегион-государство (внутри отдельной страны),

мезорегион-государство (объединение нескольких регионов отдельных стран), макрорегион-государство (региональные объединения, например Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН)).

Выделяются два типа империй-государств – корпоративно-идеократические и либеральные.

7. Выявлены различные теоретические варианты возможной трансформации ведущих субъектов мирового политического процесса – США, Китая и России. При анализе сценариев эволюции США предложен термин «глобальный принципат».

Автор обосновывает перспективность сценария «регион-государство» для Китая, в то время как большинство исследователей рассматривает Китай в качестве цивилизации или империи (Р. Каплан, П. Ханна, Д. Коломер, С.П. Хантингтон, В.А. Дергачёв и другие). Автор утверждает, что западные модели трансформации государства не подходят, например, Китаю (тем более что здесь иное понимание терминов «цивилизация», «держава» и т. п.), однако о КНР часто пишут как об империи или цивилизации, о чём сказано выше.

8. Формулируется иное видение цивилизационных суперсистем. Последние часто делились на основе оппозиции «Запад – Восток». Использовался термин «метацивилизация» (В.А. Дергачёв). Автор для обозначения цивилизационных суперсистем использует понятие «мегацивилизации». Оно уже применялось в политологии раньше. Например, Б. Албани использовал его для обозначения двух мегацивилизаций: европейской и неевропейской. Автор обосновывает иное содержание мегацивилизации (как крупного цивилизационного блока), выделяет два основных её вида (средиземноморский и индо-тихоокеанский), отстаивает следующий тезис: данное деление более релевантно, нежели оппозиция «Запад – Восток». Указанную дефиницию можно применить и в качестве одной из типологий не только современных цивилизаций, но и возможных постсовременных цивилизаций-государств.

9. Вводится понятие «мезоафриканская субцивилизация», являющееся составным элементом исламской цивилизации. Как правило, исследователи

выделяют в исламском мире четыре субцивилизации: арабскую, персидскую, тюркскую и малайскую. По мнению автора, можно выделить мезоафриканскую субцивилизацию, в которую входят некоторые страны Северной и Западной Африки: Мали, Нигер, Чад и другие. С одной стороны, в них преобладает ислам, с другой – указанные страны не относятся к арабо-исламской субцивилизации, т. к. в них арабское население или крайне малочисленно, или отсутствует.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Идеи альтернатив современному государству-нации частично были заложены в трудах представителей некоторых направлений философской и политологической мысли (например, цивилизационного подхода в философии, геополитических концепций, отчасти неолиберализма). Это и идеи формирования больших континентальных пространств, объединяющих целые регионы, и цивилизационные концепции, и идеи крупных держав, возвышающихся над другими.

2. Хотя для большинства проанализированных глобалистских концепций характерен тезис о том, что над нацией-государством в будущем вырастет надстройка в виде транснациональных политических институтов (особенно популяризированы такие мнения в 2020-е годы, в т. ч. в связи с теорией «цифрового государства»), но, скорее всего, в ближайшее время подобная надстройка вряд ли будет возможна на высшем уровне по ряду причин. Возможно речь пойдёт о региональных организациях.

3. В целом, на наш взгляд, мир не будет представлен какой-то одной альтернативой государства (например, тем же глобалистским проектом), а будет характеризоваться многообразием форм. Условно их можно подразделить на четыре вида государств и государственных образований: «архаичные» (или государства архаики), традиционные, современные (как правило, нации-государства) и постсовременные.

4. К постсовременным формам, на основе проанализированной литературы, мы предлагаем отнести следующие модели: «регион-государство», «империю-государство», «цивилизацию-государство», «корпорацию-государство». Мы

используем данные понятия, чтобы отличить их от существовавших ранее таких явлений, как империя и цивилизация. Каждый из обозначенных феноменов может быть сложным явлением, имеющим различные типы.

Империя-государство, цивилизация-государство хотя и имеют общие черты с прошлым, но уже являются порождением глобального мира. То же можно сказать и о феноменах «регион-государство», «корпорация-государство». В литературе иногда можно встретить термины «государство-цивилизация», «корпоративное государство», «государство-корпорация», «геоцивилизация». Первые три, на наш взгляд, более относятся к современности и предсовременности. «Геоцивилизация» – термин, связанный с геополитикой.

5. Одной из наиболее перспективных альтернатив политических изменений является цивилизация-государство. Цивилизационный дискурс существует во всём мире: несмотря на критику данного подхода, у цивилизаций есть потенциал к развитию, а политические процессы способствуют формированию крупных территориальных образований. Очень часто (но не всегда) такие феномены возникают на основе общей культуры, системы идеалов, ценностей, поэтому здесь можно говорить именно о цивилизациях.

Не менее перспективным является сценарий «империя-государство», отражённый как в научной литературе, так и в практике. Однако исследователи под империями порой понимают разные феномены. Отчасти абстрактной и мало разработанной является и модель «регион-государство», но её контуры иногда проступают в теоретических построениях ряда рассматриваемых школ. В то же время такая модель, как «корпорация-государство», пока слабо разработана.

6. Несмотря на релевантность цивилизационной парадигмы, отражающей вполне очевидные процессы формирования цивилизаций-государств, она работает не во всех случаях, как показывают примеры США и Китая. Поэтому, кроме «цивилизаций-государств», возможно появление иных альтернатив государства, о чём свидетельствует и проанализированный нами материал. США, Китай и Россия несут в себе зачатки трёх альтернатив государству – «империи-

государства», «региона-государства» и «цивилизации-государства». Важно отметить, что каждая из этих альтернатив может переходить в другую.

7. Для США на протяжении определённого периода будет характерен имперский сценарий, что отражено в различного рода концепциях и теоретических построениях. Данный вариант можно назвать «глобальным принципатом». Стремясь к мировому лидерству, Америка, скорее всего, станет осуществлять именно модель мягкого доминирования, играть роль «первого среди равных», поскольку, с одной стороны, стратегия односторонних действий себя не оправдала и вызвала нарекания даже среди ведущих политологов США, а с другой – порождает альтернативные проекты.

8. Китай очень часто называют «государством-цивилизацией» или ядром конфуцианской цивилизации, но, на наш взгляд, на данном этапе для этой страны более перспективен вариант «регион-государство» (со временем не исключена вероятность его трансформации в иные варианты), т. к. КНР проникает и на иноцивилизационные территории (Африка, Юго-Восточная Азия), а главным ресурсом здесь выступает экономика.

9. Из всех сценариев для России в первую очередь приемлем и перспективен именно цивилизационный как наиболее разработанный в российской интеллектуальной элите, имеющий давнюю историю, представленный различными направлениями.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования.

Научно-теоретическая значимость исследования:

– выявлены теоретические предпосылки формирования альтернативных моделей нации-государства;

– систематизированы теории эволюции государства в постсовременном мире;

– предложены типологии государства с учётом предложенных в диссертации концепций и подходов;

– разработаны альтернативы нации-государства в эпоху постмодерна на основе проанализированного теоретического материала – корпорации-

государства, региона-государства, империи-государства и цивилизации-государства;

– представлен анализ основных проектов, моделей дальнейшей эволюции российского государства, в числе которых такие как «корпорация-государство», «регион-государство», «империя-государство», «цивилизация-государство». В рамках последнего проанализированы такие направления, как: евроатлантическое, евразийское, изоляционистское, идеи восточноевропейской, восточнохристианской и православной цивилизации.

Практическая значимость исследования:

– теоретические разработки автора могут быть полезны исследователям при дальнейшем осмыслении эволюции государственного суверенитета, политических изменений, происходящих в рамках мирового политического процесса. Теоретические модели, изложенные в диссертации, можно рассматривать как альтернативы развития акторов мирового политического процесса;

– полученные результаты позволяют исследователям вести дальнейшую разработку эволюционных проблем акторов мирового политического пространства и предлагать новые альтернативы нации-государству в условиях современного мирового развития;

– материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке и чтении курсов для студентов, магистрантов и аспирантов по политологии, теории международных отношений, геополитике, а также привлекаться при подготовке курсов по истории мировых цивилизаций, социологии, теории государства и права.

Материалы исследования использовались автором в разработке и преподавании учебных курсов «Геополитика», «История мировых цивилизаций», «Политология», «Социология», «Теория международных отношений».

Апробация исследования. Диссертация обсуждена на кафедре политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Также основные положения и выводы работы изложены на всероссийских и международных конференциях: «Россия в глобальном мире» (май 2007, Санкт-Петербург, Политехнический университет); «Ценности современной науки и образования» (апрель 2008, Киров, ВятГГУ); «Россия в глобальном мире» (май 2008, Санкт-Петербург, Политехнический университет); «Проблемы глобальной политики и безопасности современной России» (май 2009, Санкт-Петербург, БГТУ им. Д.Ф. Устинова «Военмех»); «Многополярный мир и безопасность» (май 2010, Санкт-Петербург, БГТУ им. Д.Ф. Устинова «Военмех»); «Современные геополитические процессы: новые вызовы и поиски решений» (июнь 2011, Санкт-Петербург, БГТУ им. Д.Ф. Устинова «Военмех»); «Новые горизонты глобального мира» (ноябрь 2012, Санкт-Петербург, БГТУ им. Д.Ф. Устинова «Военмех»); «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения» (сентябрь 2013, Барнаул, Алт.ГУ); XI Панаринские чтения «Умная политика и цивилизационные вызовы» (ноябрь 2013, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова); «Глобальные тренды: евразийский вектор» (ноябрь 2013, Санкт-Петербург, БГТУ им. Д.Ф. Устинова «Военмех»); XII Панаринские чтения «Цивилизационный контекст и экспертное обеспечение государственной политики России» (ноябрь 2014, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова); «Ценности глобального мира: социальные ориентиры и личностный выбор» (ноябрь 2014, Санкт-Петербург, БГТУ им. Д.Ф. Устинова «Военмех»); «Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии» (сентябрь 2015, Барнаул, АлтГУ); XIV Международные Панаринские чтения «Традиционализм в эпоху революций: культурная политика и цивилизационный выбор» (ноябрь 2016, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова); Круглый стол «Политическое управление в условиях глобализации: проблемы устойчивости и раззвития национальных государств» (июнь 2017, Москва, РАНХиГС);

XV Международные Панаринские чтения «Выбор национальной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России» (ноябрь 2017, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова; Государственная Дума Российской Федерации).

Материалы исследования использовались в разработке и преподавании учебных курсов «Политология», «История мировых цивилизаций», «Геополитика», «Теория международных отношений», «Социология».

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монографии

1. Харин А.Н. Модели государственного устройства в условиях глобализации: сценарии для России. М.: ИД «Наука», 2013. 208 с. (12,5 п.л.).

2. Харин А.Н. Альтернативные модели нации-государства в современном мире. М.: ИД «Наука», 2016. 386 с. (24,1 п.л.).

3. Харин А.Н. Россия и мир в творчестве Александра Панарина. М.: Летний сад, 2017. 225 с. (14 п.л.)

4. Харин А.Н. История мировых цивилизаций. М.: Юрайт, 2019. 392 с. (24,5 п.л.)

Научные статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, включённых в перечень ВАК РФ

5. Харин А.Н. Российское государство в XXI веке: возможные сценарии его трансформации // Геополитика и безопасность. 2010. № 3. С. 101–106. (0,3 п.л.)

6. Харин А.Н. К вопросу о формировании цивилизационного пространства России // Власть. 2011. № 12. С. 126–129. (0,25 п.л.)

7. Харин А.Н. Глобалистский проект и Россия в творчестве А.С. Панарина // Геополитика и безопасность. 2011. № 4. С. 43–48. (0,3 п.л.)

8. Харин А.Н. Новый Второй мир: иллюзии и реальность // Геополитика и безопасность. 2012. № 1. С. 64–70. (0,45 п.л.)

9. Харин А.Н. Корпорация-государство, как альтернатива современному государству // Власть. 2012. № 9. С. 76–79. (0,2 п.л.)

10. Харин А.Н. Цивилизация как новый актор геополитики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2012. № 3. С. 293–298. (0,3 п.л.)

11. Харин А.Н. Новая империя – нарождающийся актор в глобальной геополитике // Геополитика и безопасность. 2012. № 4. С. 49–54. (0,3 п.л.)

12. Харин А.Н. Цивилизационные сценарии развития России // МИР: Модернизация. Инновация. Развитие. Часть 1. 2012. № 12. С. 96–99 (0,2 п.л.); Часть 2. 2013. № 1. С. 92–95. (0,2 п.л.)

13. Харин А.Н. Эволюционные модели государства постмодерна // Свободная мысль. 2012. № 11–12. С. 91–102. (0,75 п.л.)

14. Харин А.Н. Регион-государство – тенденции и реальность // Власть. 2013. № 1. С. 161–165. (0,4 п.л.)

15. Харин А.Н. А.С. Панарин и основы российской государственности // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 247–257. (0,75 п.л.)

16. Харин А.Н. Цивилизационный подход в современной российской философии геополитики: основные направления и проблемы // Геополитика и безопасность. 2013. № 1. С. 58–63. (0,3 п.л.)

17. Харин А.Н. Государство в условиях глобализации: новые подходы // Власть. 2013. № 6. С. 65–69. (0,3 п.л.)

18. Харин А.Н. Религия как ядро цивилизации: «за» и «против» // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 5. С. 97–107. (0,74 п.л.)

19. Харин А.Н. Межцивилизационные пространства: Промежуточный регион или Великий Лимитроф? // Власть. 2014. № 1. С. 152–156. (0,3 п.л.)

20. Харин А.Н. Три сценария модернизации по А.С. Панарину // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 255–266. (0,75 п.л.)

21. Харин А.Н. К типологии цивилизационных суперсистем // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 247–255. (0,7 п.л.)

22. Харин А.Н. Идеология глобализма versus православный проект // Вестник ВятГГУ. 2015. № 1. С. 29–34. (0,3 п.л.).

23. Харин А.Н. Индийский океан и мегацивилизации // Геополитика и безопасность. 2015. № 3. С. 54–56. (0,15 п.л.).

24. Харин А.Н. Модели трансформации нации-государства и Китай // Геополитика и безопасность. 2016. № 2. С. 60–65 (0,3 п.л.).

25. Moiseev D.S., Kharin A.N., Sigachev M.I. and Arteev S.P. Conservative Values as a Bridge between Russia and the West. Russia in Global Affairs. 2023. No. 21 (3), P. 38–60 (0,4 п.л.). – Моисеев Д.С., Сигачёв М.И., Харин А.Н., Артеев С.П. Концепция глобального консерватизма. Традиционные ценности как мост между Россией и Западом // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 108–123. (0,4 п.л.).

Научные статьи в других изданиях

26. Харин А.Н. К проблеме суверенной демократии // Россия в глобальном мире: Труды 5-й Всероссийской научно-теоретической конф. СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та, 2007. С. 140–145. (0,3 п.л.)

27. Харин А.Н. Геополитический статус современной России: основные подходы к анализу // История и политика: новые ресурсы регионального развития в России. Программные и презентационные материалы / А.В. Дахин, А.А. Халин. Нижний Новгород: Изд-во ВВАГС, 2008. С. 145–146. (0,1 п.л.)

28. Харин А.Н. Политические ценности в научном и образовательном процессах // Ценности современной науки и образования. Материалы международной научно-теоретической конференции 3–4 апреля 2008 года. Т. 2. Киров: изд-во ВятГГУ, 2008. С. 52–56. (0,3 п.л.)

29. Харин А.Н. Проблемы авторитаризма в современной политологической литературе // Всероссийская ежегодная научно-техническая конференция «Наука-производство-технологии-экология»: Сб. материалов. В 7 т. Т. 6. Киров: изд-во ВятГУ, 2008. С. 238–241. (0,25 п.л.)

30. Харин А.Н. А.С. Панарин о неолиберальном проекте // Россия в глобальном мире: Труды 6-й Всероссийской науч.-теорет. конф. СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та, 2008. С. 140–145. (0,3 п.л.)

31. Харин А.Н. К проблеме духовных основ российской государственности // Российская государственность в XXI веке (государственно-правовые институты

и политические процессы в России: прошлое, настоящее, будущее): сборник статей межрегиональной научной конференции. Киров: ИП Жидков, 2008. С. 157–167. (0,75 п.л.)

32. Харин А.Н. Модели российской государственности в XXI веке // Российская государственность в XX1 веке (государственно-правовые институты и политические процессы в России: прошлое, настоящее, будущее): сборник статей межрегиональной научной конференции. Киров: Изд-во «Аверс», 2009. С. 177–189. (0,80 п.л.)

33. Харин А.Н. К проблеме многополярного мира: некоторые аспекты дискуссии // Россия в глобальном мире. Ч. 1.: сборник научных трудов 7-й Всероссийской научно-теоретич. конференции. СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та, 2009. С. 48–57. (0,5 п.л.)

34. Харин А.Н. «Мир без Запада» или мир с Западом? // Проблемы глобальной политики и безопасности современной России. Материалы международной научной конференции. Ч. 2: Материалы заседания исследовательского комитета РАПН по геополитике и безопасности. СПб.: Изд-во Балт. гос. технич. ун-та, 2009. С. 140–145. (0,3 п.л.).

35. Харин А.Н. Россия в современном мире: империя или цивилизация? // Россия в глобальном мире: сб. науч. трудов 8-й Всероссийской научно-теоретической конференции. СПб.: изд-во Политехнич. ун-та, 2010. С. 34–38. (0,3 п.л.)

36. Харин А.Н. Современный мир и цивилизационный фактор // Проблемы прогресса цивилизационного развития. Патриотизм и духовность как объединяющая основа современного общества: всерос. науч.-практ. конф. Волгоград – М.: ООО «Глобус», 2010. С. 39–44. (0,3 п.л.)

37. Харин А.Н. Модели интеграции СНГ // Геополитика, государственная безопасность, международные отношения: сборник трудов Четвертой международной научно-практической «Проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на Восток –

проблемы безопасности России, стран СНГ, Европы и Азии» / отв. ред. А.П. Кудинова. СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та, 2010. С. 260–261. (0,1 п.л.)

38. Харин А.Н. Цивилизационная модель интеграции постсоветского пространства // Многополярный мир и безопасность: равенство, лидерство и гегемония: материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Т. 2. СПб., 2010. С. 253–258. (0,3 п.л.)

39. Харин А.Н. К проблеме стратегического партнерства России // Современные геополитические процессы: новые вызовы и поиски решений: материалы всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х т. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2011. Т. 1. С. 170–176. (0,35 п.л.)

40. Харин А.Н. К вопросу о переносе столицы в Сибирь // Проблемы государства и права. 2011. № 2 (3). С. 6–10. (0,3 п.л.)

41. Харин А.Н. Модернизация и общественная безопасность в творчестве А.С. Панарина // Социология безопасности: проблемы, анализ, решения. Материалы Международной научной конференции – пятых социологических чтений. Ч. II. СПб., 2013. С. 140–141. (0,1 п.л.)

42. Харин А.Н. К типологии постсовременных государств // Проблемы государства и права. 2013. № 1. С. 8–12. (0,3 п.л.)

43. Харин, А.Н. Модели государственного устройства в условиях глобализации: сценарии для России // Геополитика. Выпуск XX. 2013. С. 127–130. (0,2 п.л.)

44. Харин А.Н. Смещение центра власти на восток: proetcontra // Геополитика. Вып. XXII. 2013. С. 71–80. (0,37 п.л.)

45. Харин А.Н. Геоцивилизация: на перекрёстке мнений // Дневник Алтайской школы политических исследований (АШПИ). № 29. Современная Россия и мир: Альтернативы развития (Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения): сборник научных статей под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: АЗБУКА, 2013. С. 48–52. (0,3 п.л.).

46. Харин А.Н. Постамериканский хаос или многополярный мир? // Социокультурная динамика глобальных процессов. Научные труды кафедры

глобалистики и геополитики (к 25-летию) / Под ред. И.Ф. Кефели. – СПб.: Стратегия будущего, 2014. С. 333–339. (0,4 п.л.)

47. Харин А.Н. Панарин: Традиция versus Глобализм Цивилизационная миссия России. XI Панаринские чтения: Сборник статей / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 244–252. (0,2 п.л.)

48. Харин А.Н. Уровни межцивилизационного взаимодействия // Дневник АШПИ. 2015. № 31. С. 71–76. (0,3 п.л).

49. Харин А.Н. Нарождающаяся тихоокеанская цивилизация // Информационно-аналитический портал «Геополитика». URL: http://www.geopolitica.ru/article/narozhdayushchayasya-tihookeanskaya-civilizaciya#.VYAKp_ntmkq (дата обращения: 30.12.2023).

50. Харин А.Н. Цивилизационная парадигма и Л.Н. Гумилёв // Информационно-аналитический портал «Геополитика». URL: http://www.geopolitica.ru/article/civilizacionnaya-paradigma-i-ln-gumilev#.VYAMd_ntmkq (дата обращения: 30.12.2023).

51. Kharin A.N. The civilizational and ethnological paradigm in geopolitics // Katehon. Geopolitiksandtradition. 2015. P. 90–94. (0,25 п.л.).

52. Харин А.Н. Западные идеи формирования наднациональных политических институтов // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. С. 223–229. (0,3 п.л.).

53. Харин А.Н. «Государства архаики» и проблемы сепаратизма в современном мире // Дневник АШПИ. 2016. № 32. С. 68–72. (0,3 п.л.).

54. Харин А.Н. Имидж страны и «мягкая сила» в концепциях американских политологов // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 34–39. (0,3 п.л).

55. Харин А.Н. XXI век – эпоха реанимированных идеологий или межцивилизационный союз? // Традиционализм в эпоху революций: культурная политика. Коллективная монография по итогам XIV Международных

Панаринских чтений / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. М.: Институт Наследия, Мос. гос. университет им. М.В. Ломоносова, 2017. С. 453–456. (0,2 п.л.).

56. Харин А.Н. Византийский глобализм Александра Панарина // Русская idea. Сайт политической консервативной мысли. URL: https://politconservatism.ru/blogs/vizantijskij-globalizm-aleksandra-panarina (дата обращения: 30.12.2023).

57. Харин А.Н. А.С. Панарин и В.Л. Цымбурскй: два подхода к развитию России // Выбор долгосрочной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России. Коллективная монография по материалам XV Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров; Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия, 2018. С. 417–421.

58. Харин А.Н. А.С. Панарин и миссия России в мировом сообществе XXI века // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 11 (2020). Миссия России в мировом сообществе XXI века. К 80-летию со дня рождения А.С. Панарина / Под общ. ред. Е.Н. Мощелкова; науч. ред. А.В. Никандров: МГУ им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Издатель Воробьёв А.В., 2020. С. 228–234. (0,45 п.л.)

59. Сигачёв М.И., Скакун П.П., Харин А.Н. «Интегрализм» и «реализм» в российских цивилизационных теориях: два ответа на вызовы истории // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 228–237. (0,3 п.л.)

60. Харин А.Н. Цивилизационный глобализм в России // Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития: монография по материалам XVII Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров; Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, филос. ф-т. М.: Институт Наследия, 2020. С. 89–98. (0,7 п.л.)

61. Сигачёв М.И., Скакун П.П., Харин А.Н. Неоимперский проект для современной России: теоретическое осмысление и попытка политического проектирования // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 287–310. (0,4 п.л.)

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует формуле паспорта специальности Специальность 5.5.1. История и теория политики.

Результаты диссертационного исследования соответствуют следующим пунктам паспорта специальности 5.5.1. – история и теория политики:

7. Теория политики.

9. Направления политической науки: школы и представители.

10. Современные политические теории.

11. Политическая философия.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, пяти глав и заключения. Библиографический список содержит 613 наименований.

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1.1. Современное государство: эволюция и основные теоретические подходы

В XXI веке можем наблюдать новый период в развитии государства, что нашло отражение в возникновении новых подходов к анализу специфики данного политического института, появлению новых классификаций. Безусловно, на данный процесс оказывает влияние и формирующееся единое мировое экономическое, политическое, информационное пространство, а глобализация ускорила переход государства на новый этап. В целом можно выделить три основных этапа в истории государства: предсовременное государство, современное и постсовременное. Позднее ещё обратимся к данным терминам.

Для начала необходимо определиться с рядом моментов. В первую очередь с самой категорией «государство», по скольку до сих пор нет единого понимания данного феномена. Нам близко определение государства как организации, осуществляющей высшую политическую власть над обществом. Государство имеет несколько важных составляющих элементов.

Во-первых, публичная власть, отделённая от общества, наличие системы институтов государственного управления, осуществляющих свою политику на подконтрольной территории.

Во-вторых, это суверенитет, или независимость. Данный императив гласит, что организация, осуществляющая высшую власть в обществе, свободна в своих действиях от внешнего вмешательства. Над ней никто не стоит. Только институт государства может господствовать над населением и контролируемой территорией.

В-третьих, территория, на которой осуществляется суверенная власть.

В-четвёртых, возможность применять силу, издавать законы и собирать денежные сборы с населения.

В-пятых, легитимность, т. е. признание основной частью населения, а также другими государствами существующего порядка. Встречаются случаи, когда определённая территория контролируется вооружёнными группами (как это было на территории России в Чечне в 1990-е годы или в Сомали), однако не всё население принимает данный порядок и другие государства также отказывают в признании.

Одним из видов государства является нация-государство или современное государство. Оно имеет те же признаки, но к ним можно добавить ещё несколько:

– национальную идею и нацию, на основе которых формируется современный тип государства;

– средние размеры территории (как правило, но не обязательно);

– чётко фиксированные границы;

– гражданство.

В научной литературе встречаются разные обозначения современного государства: «национальное государство», «государство-нация» и «нация-государство». Мы будем использовать категорию «нация-государство». В то же время мы не усматриваем принципиальной разницы между категориями «нация-государство» и «государство-нация». Хотя есть позиция, согласно которой категории «нация-государство» и «государство-нация» являются отличными[37].

Кроме того, в диссертационном исследовании мы будем использовать такие категории, как «предсовременное государство» (или традиционное государство), «современное государство» (государство модерна) и «постсовременное государство» (государство постмодерна), о чём уже выше шла речь. Под первым мы понимаем государства, существовавшие до возникновения «нации-государства». Под современным государством мы понимаем нацию-государство (или национальное государство). Под государством постмодерна (или постовременности) мы понимаем различного рода образования, идущие на смену современному государству или сосуществующие вместе с ним.

---

[37] См. подробнее: Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации // Свободная мысль. 2007. № 11.

Что касается самого термина «постсовременность», то хронологические рамки данного явления размыты. Под постсовременностью можно понимать рубеж XX–XXI веков, когда изменения в различных сферах, по сути, ведут к формированию нового мира. Мы будем использовать термин «постсовременность» для обозначения настоящего и будущего времени с целью отграничения их от эпохи модерна.

Поскольку в диссертации речь идёт о государстве в условиях глобализации, то следует отметить, что под последней мы понимаем формирование единого мирового политического, экономического и информационного пространства.

С понятием «глобализация» можно связать и категорию «глобальные процессы». Если глобализация – это процесс, ведущий к возникновению наднациональных структур, то глобальные процессы – это явления, носящие всемирный характер и связанные с различными сторонами человеческой деятельности. Отчасти и глобализацию можно рассматривать как такой процесс. Есть и другие примеры: регионализация (тесно связанная с глобализацией), миграция, виртуализация экономики, глобальные конфликты.

В мире возникает множество политий, не всегда соответствующих обозначенным характеристикам. Это квазигосударства и государства-призраки (фантомы), ассоциированные и непризнанные государства. Появляется и нечто новое, что мы обозначаем терминами «регион-государство», «корпорация-государство». Можно увидеть и такие явления, как сетевые центры, мировые города (интер- или мегаполисы) и даже всемирная федерация с государственными функциями. Также возникают «серые зоны», которые вполне могут стать основой для формирования каких-либо новых государственных образований.

Обилие участников глобального процесса ставит вопрос о типологиях акторов мировой политики, к чему мы ещё вернёмся. Такое же многообразие было характерно и для предсовременного государства, и, в какой-то степени, современного. Не случайно в научной и публицистической литературе появляется

тезис о «Новом Средневековье»[38]. В эпоху Средних веков существовало множество самых разнообразных политических образований: империи, княжества, города-государства, графства, герцогства, теократии, халифаты, султанаты, эмираты...

Государства в современном смысле данного слова не существовало, а доминирующими субъектами международных отношений являлись империи. Хотя Ф. Фукуяма вполне справедливо отмечает, что многие элементы из тех, что мы относим к современному государству, стали появляться уже в Китае в III веке до нашей эры[39].

Если брать средневековую Европу, то понятие суверенитета имело место, однако употреблялось немного в ином контексте, нежели позднее. Суверен – это лицо, наделённое властными полномочиями и, по сути, не имеющее над собой более высокого господства. Другими словами, речь шла о персоне правящего лица[40].

Однако уже с XVI века в Европе начинают возникать государства-нации, вступающие в упорную борьбу с теократией в лице римского папы и епископов, империей, аристократией в форме множества княжеств, графств, а также с вольными городами. Всё это нашло отражение в политической мысли Нового времени. В первую очередь в трудах Н. Макиавелли, применившего термин «государство», и Ж. Бодена с его теорией «суверенитета» и чётким описанием данного феномена.

Особенно остро борьба отразилась в противостоянии имперского и государственного принципов формирования политического пространства, приведшем к страшной Тридцатилетней войне в Европе (1618–1648 годов). По её итогам сформирвоался новый порядок, в котором всем начали распоряжаться уже

---

[38] См. напр. Ханна П. Подходим к новому Средневековью // Полис. 2010. № 1; Väyrynen R. Models of a New World: towards a Synthesis // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics. 2019. Vol. 12, No. 3. P. 119.

[39] Фукуяма Ф. Государственныйпорядок. М., 2015. С. 42.

[40] Фёдорова М. Суверенитет как политико-философская категория современности // Философский журнал. 2009. № 1. URL: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_2/5496-suverenitet-kak-politiko-filosofskaya-kategoriya-sovremennosti.html#.WTKgZlf1jP4.livejournal (дата обращения: 04.06.2017).

уже нации-государства. Западные исследователи описывают сложившуюся систему тремя характерными чертами:

1) территориальность – человечество организуется в особые территориальные (политические) сообщества с фиксированными границами;

2) суверенитет – в пределах своих границ правительство (и государство в целом) имеет право на высшую, неограниченную, особую политическую и правовую власть;

3) автономия – страны выступают как автономные вместилища политической, социальной и экономической активности, т. к. фиксированные границы отделяют внутреннюю сферу от внешнего мира.

Эта система являлась удобной для государств и потому быстро получила широкое распространение. Формирующиеся нации-государства начинали принимать и оптимальные размеры, проигрывая в пространстве, но выигрывая в глубине[41].

Е.Г. Пономарёва вслед за Ч. Тилли относит возникновение национальных государств к началу XIX века (правда у Ч. Тилли речь идёт больше о Восточной Европе)[42]. Интерпретируя мысли Ч. Тилли, Е.Г. Пономарёва отмечает, что для нации-государства необходимо иметь состоятельность, характеризующую внутреннее развитие общества, и статусность, которая обуславливает роль и место той или иной политии в международной политике[43].

В любом случае современные государства для существования на международной арене должны обладать суверенитетом и легитимностью. Иными словами, население и другие страны должны признавать право на существование данного государства. Обладая указанными качествами, а также

---

[41] Шоню П. Цивилизация классической Европы. М. – Екатеринбург, 2008. С. 23.

[42] Пономарёва Е.Г. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО. 2013. № 4. С. 195–204. URL: http://www.perspektivy.info/book/aktualnyj_diskurs_o_tipah_i_tendencijah_razvitija_nacionalnogo_gosudarstva_2014-04-28.htm (дата обращения: 04.06.2017); Tilly Ch. States and Nationalism in Europe 1492–1992 // Theory and Society. 1994. Vol. 23, No. 1. P. 131–146. URL: StableURL: http://www.jstor.org/stable/657814 (дата обращения: 04.06.2017).

[43] Пономарёва Е.Г. Указ. соч.

рядом других черт, государство может осуществлять свои функции, как внешние, так и внутренние.

С развитием политической науки государство и национальное государство в частности становятся объектом тщательного изучения теории международных отношений, а также геополитики.

Мы в нашем исследовании обратимся к анализу нескольких школ и направлений, выбор которых обусловлен тем, что представители ведущих школ теории международных отношений тщательно проанализировали сам институт государства в мировых условиях, выявили его характерные черты и обозначили возможные варианты дальнейшей эволюции.

В целом в теории международных отношений сформировалось три основных подхода: либеральный, реалистский и марксистский. Обратимся к их анализу.

Первым подходом в теории международных отношений считается либеральный (или «идеалистский»). Последний термин фактически обозначает, что политика есть проявление идей притом идей, меняющихся. Государства в мировой политике руководствуются некими универсальными ценностями. Либералы признают, что, помимо государства, в мировой политике могут участвовать иные акторы, даже негосударственные.

Развитием либеральных идей в теории международных отношений стал неолиберализм, делающий ещё больший акцент на важности в глобальной политике наднациональных, структур. Среди видных представителей неолиберализма можно назвать Р. Кеохейна и Дж. Ная-младшего, выступивших с концепцией постепенного ослабления роли национального государства в условиях современного мира и роста значения негосударственных акторов. Исследователи ввели в теорию мировой политики термин «взаимозависимость» и в 1977 году опубликовали программную в данном направлении работу «Власть

и взаимозависимость»[44]. Позднее Р. Кеохейн и Дж. Най-младший развили свои взгляды ещё в целом ряде работ[45].

Р. Кеохейн выступает с позиций неолиберального институционализма. По мнению учёного, различия в институционализации мировой политики оказывают значительное влияние на поведение правительств. Так, модели сотрудничества и раздора могут быть поняты только в контексте тех политических институтов, которые помогают определить значение и важность действий государств. Политолог не утверждает, что государства всегда сильно ограничены международными институтами. Он не утверждает, что государства игнорируют влияние своих действий на богатство или силу других государств. Однако, по мнению Р. Кеохейна, действия государства в значительной степени зависят от преобладающих институциональных механизмов, которые влияют на:

– поток информации и возможности вести переговоры;

– способность правительств контролировать соблюдение другими сторонами и выполнение своих собственных обязательств – отсюда и их способность брать на себя заслуживающие доверия обязательства в первую очередь;

– превалирующие ожидания относительно солидности международных соглашений[46].

Способность государств общаться и сотрудничать зависит от созданных человеком институтов, различающихся исторически и по разным вопросам, по своему характеру (в отношении политики, которую они включают), по силе (с точки зрения степени, в которой их правила чётко определены и регулярно соблюдаются). Р. Кеохейн подчёркивает, что государства находятся в центре неолиберальной интерпретации мировой политики, как и у реалистов,

---

[44] Кеохейн Р. Введение: от взаимозависимости и международных институтов к глобализации и управляемости. URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=73&Itemid=40 (дата обращения: 29.04.2014).

[45] См. напр. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, 1984.

[46] Keohane R. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. Boulder, 1989. P. 1.

но формальные и неформальные правила играют в неолиберальной теории гораздо большую роль, чем в реалистической традиции[47].

Что же такое международные институты? По мнению Р. Кеохейна, они принимают одну из трёх форм:

1. Официальные межправительственные или межнациональные неправительственные организации, являющиеся целевыми институтами, способными контролировать деятельность государств, реагировать на неё. Они специально создаются и разрабатываются, становясь бюрократическими организациями с чёткими правилами и конкретными назначениями норм для отдельных лиц и групп. Существуют сотни межправительственных организаций как в рамках системы Организации Объединённых Наций, так и за её пределами. Межнациональные неправительственные организации весьма многочисленны.

2. Международные режимы – это институты с чёткими правилами, согласованными правительствами, которые относятся к конкретным группам вопросов в международных отношениях. В качестве примера Р. Кеохейн приводит международный валютный режим, установленный в Бреттон-Вудсе в 1944 году.

3. Соглашения – это неформальные институты с неявными правилами и договорённостями, которые формируют ожидания участников. Они позволяют акторам понимать друг друга и без чётких правил координировать своё поведение. Соглашения особенно подходят для ситуаций координации, когда каждый заинтересован в том, чтобы вести себя особым образом, если это делают другие[48].

Если представить неинституционализированую международную систему, то ей будет очень не хватать взаимопонимания. Координация была бы невозможна, даже если бы существовали общие интересы. Международные институты важны для действий государств отчасти потому, что они влияют

[47] Keohane R. International Institutions and State Power. P. 2.
[48] Keohane R. International Institutions and State Power. P. 4.

на стимулы, стоящие перед странами, даже если основные интересы этих политий определяются автономно. Международные институты позволяют государствам предпринимать действия, которые в противном случае были бы немыслимы. Например, обращаться к Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций за посредничеством[49].

Тем не менее было бы ошибочным ограничивать значение институтов их влиянием на стимулы. Институты также могут воздействовать на понимание лидерами государств той роли, которую они должны играть, и их предположения о мотивах других, предполагаемых личных интересах. Следовательно, международные институты имеют как учредительные, так и регулирующие аспекты, они помогают установить, как определяются интересы и как интерпретируются действия[50].

Неолиберальные институционалисты разделяют цель неореалистов объяснить поведение государства, насколько это возможно, через понимание природы международной системы. Однако Р. Кеохейн считает неореалистскую концепцию слишком узкой и ограниченной.

По мнению ещё одного представителя неолиберализма Д. Розенау, государство в современном мире всё более ослабевает. Учёный признаёт, что государства по прежнему остаются одними из основных акторов на мировой арене, но они больше не являются единственными ведущими игроками, тем более что большинство из них находится в глубоком кризисе. Под последним Д. Розенау понимает сквозные конфликты, парализующие процессы принятия решений и приводящие к застою.

Большинство государств контролирует свои банковские системы и сохраняет законную монополию на применение силы, в их руках сосредоточены возможности для надзора и социального контроля. Кроме того, стремление к государственности всё еще широко распространено во многих частях мира.

---

[49] Keohane R. International Institutions and State Power.P. 5–6.
[50] Keohane R. International Institutions and State Power.P. 7.

И всё же в целом ключевые измерения власти современного государства значительно уменьшились. Политолог приводит слова одного из аналитиков, отмечающего, что, поскольку богатство и власть в большей степени генерируются частными транзакциями, которые совершаются через границы государств, а не внутри них, становится все труднее поддерживать имидж государств как выдающихся действующих лиц на глобальном уровне.

Д. Розенау приводит распространённое наблюдение, согласно которому, хотя государство всё ещё осуществляет социальный контроль в пределах своих границ. Но оно почти не может контролировать нежелательные потоки валюты, преступности, загрязнения, наркотиков, идей и (часто) людей.

Кризис государства усугубляется т. н. фрагментарной динамикой, когда полномочия политий перераспределяются в различных направлениях. С одной стороны, часть полномочий передаётся наднациональным институтам, с другой – субнациональным образованиям, общественным движениям, неправительственным организациям (НПО), корпорациям и многим другим.

Безусловно, передача части полномочий была преднамеренно санкционирована и поощрена центральными правительствами. Во многих случаях ослабление способности государств сочеталось с кардинальными изменениями, приводящими к вакууму власти в обществе. Соответственно, меняется трактовка, как политики, так и управления. Социальные процессы так тщательно пересекают государственные и общественные границы, что требуется переосмысление всех этих механизмов. Таким образом, помимо государств, отмечает автор, появляется множество сетевых и иных объединений[51].

Процессы глобализации всё больше побуждают либералов к переосмыслению государства в современных складывающихся условиях и проблем, связанных с существованием нации-государства в современной мировой системе.

---

[51] Rosenau J.N. The Governance of Fragmegration: Neither a World Republic Nor a Global Interstate System (A paper prepared for presentation at the Congress of the International Political Science Association, Quebec City). 2000. P. 7–9. URL: http://aura.u-pec.fr/regimen/_fich/_pdf/pub_002.pdf (дата обращения: 29.04.2014).

М. Дойл в своих статьях разрабатывал идею неоднородности самих либеральных государств[52]. Последние могут быть как шумпетерскими демократиями, так и республиками, в трактовке Н. Макиавелли, склонными к агрессии. Соответственно, и в современной либеральной теории, в условиях глобализации, М. Дойл и С. Рецциа выделяют два подхода к государственному суверенитету[53].

С одной стороны, т. н. «космополитические интервенционисты» отталкиваются в своих рассуждениях от идей И. Канта, хотя и слабо следуют учению немецкого философа. Сторонники данного подхода полагают, что каждый, кто имеет возможность вмешиваться в дела других стран в ситуации гуманитарной катастрофы, обязан делать это с учётом критериев эффективности их или пропорциональности. Такое вмешательство оправдывается тем, что, если государство является диктаторским и постоянно угнетающим своих граждан, оно «лишается всякого уважения к его независимости».

Как правило, либеральные интернационалисты придают большую ценность государственному суверенитету и сопутствующему международному тезису о невмешательстве в дела других государств, но в то же время полагают, что если диктатура не будет побеждена на внутреннем уровне, с экономической и дипломатической помощью извне, то демократия может оказаться чрезвычайно хрупкой и неустойчивой[54].

С другой стороны, М. Дойл и С. Рецциа, по сути, присоединились к мнению тех учёных, которые отмечали, что т. н. международные режимы, состоящие из согласованных международных норм, правил и процедур принятия решений, могут помочь государствам эффективно координировать свою политику и сотрудничать в производстве международных общественных благ. Большую

---

[52] Doyle M.W., Recchia S. Liberalism and World Politics // The American Political Science Review. 1986. Vol. 80, No. 4. P. 1151–1169. URL: http://links.jstor.org/sici?sici=0003-0554%28198612%2980%3A4%3C1151%3ALAWP%3E2.0.CO%3B2-6 (дата обращения: 24.06.2017).

[53] Doyle M.W., Recchia S. Liberalism in international relations / B. Badie, D. Berg-Schlosser, L. Morlino // International Encyclopedia of Political Science. LA, 2011. P. 1434–1439.

[54] Doyle M.W., Recchia S. Ibid. P. 1437–1438.

роль здесь должны играть соглашения о свободной торговле, контроле над вооружениями и охране окружающей среды[55].

В качестве теоретико-методологического подхода, альтернативного либерализму, в 1930–1940-х годах стал формироваться политический реализм[56], к основным идеям которого можно отнести следующие:

1) подобно своим предшественникам (Н. Макиавелли, Т. Гоббсу) реалисты скептически оценивают природу самого человека;

2) для международных отношений наиболее характерны конфликты;

3) мораль подчиняется государственным интересам;

4) сила – основной регулятор международных отношений;

5) наиболее приемлемое состояние системы международных отношений – баланс сил[57].

Являясь главным актором на мировой арене, государство действует в ситуации хаоса и анархии, реализуя свои цели, главные из которых – продвижение и защита национальных интересов. По своей силе сами государства не равны: ведущие государства в мировой политике – великие державы. Реалисты понимают международные отношения прежде всего как борьбу великих держав за господство и безопасность. Малые и слабые государства имеют второстепенное значение.

На базе реализма возник неореализм, представители которого признают существенное воздействие международных структур на государства, но при этом государства, с позиции неореалистов, являются самостоятельными игроками на мировой арене. К основоположникам неореализма относят К. Уолтца. В 1979 году он опубликовал монографию, в которой указал на существующие международные структуры, в чьих рамках действуют государства[58]. Международные структуры определяются с точки зрения основных политических единиц эпохи, будь то города-государства, империи или нации. Сами структуры

---

[55] Doyle M.W. Recchia S. Ibid. P. 1437.
[56] Панченко М.Ю. Указ. соч. С. 6; The Globalization of World politics. P. 162.
[57] Панченко М.Ю. Указ. соч. С. 6.
[58] Waltz K. Theory of International Politics. NY, 1979. P. 79.

возникают из сосуществования государств, но ни одно государство не собирается участвовать в формировании структуры, которой оно и другие акторы будут ограничены.

Цели государств могут быть разнообразными: от стремления покорить мир до желания просто остаться в одиночестве. Главный мотив государств – выживание. Однако государства могут менять своё поведение из-за существующей структуры.

Возникает вопрос: почему именно государства должны приниматься за единицы системы[59]? К. Уолтц полемизирует со встречающимся уже в то время тезисом, согласно которому государства не являются единственными важными действующими лицами на международной арене, и приводит мнение, других исследователей, что в то время как роль государств уменьшается, растёт значение иных акторов. Для К. Уолтца оба эти утверждения не убедительны.

Безусловно, государства не являются и никогда не были единственными участниками международных отношений, но до сих пор ведущие государства выступают основными действующими акторами и структура международной политики определяется с их точки зрения. Как образно отмечает исследователь, государства устанавливают сцену, на которой совместно с негосударственными акторами ставят свои драмы или комедии. Страны редко могут вмешиваться в дела негосударственных субъектов, однако именно они устанавливают правила игры и переделывают их в периоды кризисов.

Исследователи транснациональных феноменов пока не разработали чёткую теорию, не дали описание своего предмета или международной политики в целом, т. е. не предложили чего-то нового, опираясь на существующие теории, будь то экономические или политические. Правда учёный считает это нормальным, т. к. данная теория окажется востребованной только в том случае, если негосударственные субъекты будут развиваться до уровня соперничества или превосходства над великими державами, а не только над некоторыми из малых политий. Пока данной тенденции не наблюдается.

---

[59] Waltz K. Ibid. P. 93.

Из тезиса, согласно которому крупные государства сохраняют свое центральное значение, не вытекает суждение о том, что других действующих акторов не существует. Вместе с тем то обстоятельство, что взгляды, ориентированные на государство, так часто подвергаются сомнению, является просто отражением тех трудностей, с которыми сталкиваются политологи при различении структур и процессов. Именно государства – это единицы, чьи взаимодействия образуют структуру международных политических систем, и они долго будут оставаться такими.

Одна из ошибок политической науки, отмечает К. Уолтц, заключается в идентификации суверенитета государств с их способностью делать то, что они хотят. Суверенность государств не значит, что они могут делать, как им заблагорассудится, что они свободны от влияния других и могут получить то, что хотят. Суверенные государства могут быть подвергнуты жёсткому давлению и порой вынуждены действовать вопреки своим желаниям и стремлениям.

Суверенитет государств никогда не влечёт за собой их изоляцию от последствий действий других государств. Быть суверенным и быть зависимым – не взаимоисключающие условия. Суверенные государства редко ведут свободную и лёгкую жизнь.

Обратимся к понятию «суверенитет». Сказать, что государство является суверенным, – означает, что оно определяет для себя, как будет справляться со своими внутренними и внешними проблемами, решать вопросы об обращении за помощью к другим странам, об ограничении своей свободы путём принятия определённых обязательств перед другими политиями.

Государство разрабатывает свои собственные стратегии, намечает индивидуальные курсы развития, принимает решение о том, как удовлетворить любые потребности своего общества, как пеодолевать трудности, с которыми оно сталкивается и т. п. Являясь суверенными политическими образованиями, государства различаются между собой, но эти отличия в возможностях, а не в функциях[60].

[60] Waltz K. Ibid. P. 95–97.

Р. Гилпин в своей работе излагает сначала основные положения реализма. Государственно-ориентированная реалистская интерпретация международных отношений делает несколько основных предположений относительно характера последних. Поскольку предполагается, что международная система является анархической, то это толкование рассматривает государство как главного участника международных отношений в отсутствие более высокого авторитета[61].

Впрочем, существование анархии не означает, что международная политика характеризуется постоянной и универсальной войной всех против всех. Очевидно, что государства сотрудничают друг с другом и создают институты во многих областях. Анархия, скорее, означает, что нет более высокой власти, к которой государство может обратиться за помощью во времена трудностей. Реализм настаивает на том, чтобы государство оставалось главным актором, но его представителям нужно признать важность таких негосударственных субъектов, как многонациональные фирмы, международные институты и неправительственные организации в международных отношениях.

Центральными проблемами государства являются его национальные интересы, определяемые с точки зрения военной безопасности и политической независимости, однако реализм, ориентированный на государство, не отвергает важность моральных и ценностных соображений при определении стратегии поведения. Из этого следует, что властные отношения играют основную роль в международных делах, но власть может принять форму военных, экономических и даже психологических отношений между государствами, как отметил Э. Х. Карр.

Несмотря на акцент школы реализма на проблемы власти, всё-таки для данного направления характерно признание и иных факторов, влияющих на международные отношения: идей, ценностей и норм. Следовательно, очевидно ложным является тезис критиков реализма, что данная школа отрицает роль идей или интеллектуальных конструкций в международных делах. Тем не менее,

[61] Gilpin R. Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. NY, 2001. P. 16–17.

признавая важность идей, опасно и неразумно полагать свою веру исключительно на силу идеалов. Необходима иная сила – государства[62].

Обращаясь к глобальным экономическим процессам, Р. Гилпин отмечает, что территориальное государство продолжает оставаться главным действующим субъектам как во внутренних, так и в международных экономических делах. Исследователь не утверждает, что государство является единственным значимым актором. Нет. Другими важными игроками являются Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ) и Комиссия Европейского союза. Не случайно и глобальную политическую экономию автор трактует как взаимодействие рынка и таких влиятельных игроков, как: государство, многонациональные фирмы и международные организации.

Однако, несмотря на важность этих и других субъектов, национальные правительства по-прежнему принимают основные решения по экономическим вопросам; они продолжают устанавливать правила, в рамках которых действуют другие субъекты, и используют свою значительную силу для влияния на экономические результаты. Основные политические субъекты: Германия, Франция и Великобритания – играют центральную роль даже в таком высоко интегрированном международном институте, как Европейский Союз. В рамках Европейского Союза национальные правительства будут и впредь оставаться важными участниками этого регионального объединения.

Государственно-ориентированная интерпретация международной политической экономии, по Р. Гилпину, отвергает широко распространённое среди многих учёных, общественных деятелей и комментаторов убеждение, что экономические и технологические процессы ведут к ослаблению государства, создавая глобальную экономику, в которой больше не существуют политические границы и национальные правительства.

Учёный отчасти соглашается с данной позицией, признавая, что экономические и технологические факторы содействуют глубоким изменениям международных отношений и влияют на поведение государств. Однако

---

[62] Gilpin R. Ibid. P. 17.

в высокоинтегрированной глобальной экономике государства продолжают использовать свою власть и проводить политику для направления экономических процессов таким образом, чтобы это отвечало их национальным интересам, а также интересам их граждан. Эти национальные экономические интересы включают получение выгод от международной экономической деятельности. Примером коллективных национальных усилий по достижению этих целей является движение к таким региональным организациям, как: Европейский Союз (ЕС) и Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). При этом в таких блоках сохраняется и национальная автономия.

Многие аналитики верно отмечают, что национальное государство в последней четверти двадцатого века всё чаще подвергалось нападкам как изнутри, так и извне. Транснациональные корпорации и этнический национализм посягали на экономические и политические основы нации-государства. И всё же национальное государство по-прежнему имеет первостепенное значение, но, наблюдая за происходящим, кто-то и не выражает уверенности в его длительном существовании. Далее Р. Гилпин, на наш взгляд, делает очень важное суждение. Он полагает, что, если нация-государство не исчезнет, оно всё-равно будет вытеснено какой-то новой формой политической власти[63]. Но какой, автор не уточняет.

Ещё один представитель неореализма Д. Миршеймер, разделяя многие из тезисов К. Уолтца, по-иному трактует поведение государств. По мнению Д. Миршеймера, структура международной системы заставляет государства максимизировать их властные возможности, укрепить свою власть в мировой системе. Поскольку государства не уверены друг в друге и не удовлетворены текущим состоянием вещей, они стараются усилить мощь за счёт других стран. Они стремятся больше к накоплению силы, нежели к чему-либо другому, но глобальной гегемонии достичь невозможно и мир обречён на вечную конкуренцию великих держав.

---

[63] Gilpin R. Ibid. P. 22.

В неореализме есть и сторонники т. н. «гегемонистской стабильности». Её апологеты считают, что устойчивый международный порядок всё-таки может быть обеспечен наиболее мощной мировой державой. Например, США[64].

Одним из современных представителей неореализма является профессор стенфордского университета С. Краснер. По его мнению, анархия и отсутствие законного иерархического источника власти являются определяющими характеристиками любой международной системы. Однако сами анархические системы могут варьироваться в зависимости от конкретной сущности правил и институтов, а также от степени, в которой эти условия признаны и являются последовательными[65]. В разных международных системах были разные участники, правила и институты.

Соответственно, и современная система международных отношений имеет свои правила и действующих лиц. Суверенные государства являются строительными блоками, основными действующими лицами современной системы. Кроме того, они являются территориальными единицами с юридической независимостью. Формально политии не подчиняются какой-либо внешней власти и де-факто имеют самостоятельность.

Несмотря на то что и интересы других участников международных отношений будут сковывать деятельность любой страны, в целом суверенные государства не ограничены. Следствием самостоятельности де-факто является предупреждение о том, что государства не должны вмешиваться во внутренние дела друг друга. Предполагается, что суверенные государства также имеют достаточную степень контроля как над своими границами, так и над своей территорией[66].

По мнению ряда учёных, отмечает С. Краснер, в современный период суверенное государство подвергается беспрецедентному давлению, особенно со стороны глобализации, идей прав человека, которые ставят под сомнение

---

[64] Панченко М.Ю. Указ. соч. С. 11.
[65] Krasner S. Abiding Sovereignty // International Political Science Review. 2001. Vol. 22, No. 3. P. 229.
[66] Krasner S. Ibid. P. 230.

жизнеспособность самой системы. Однако, полагает учёный, ещё слишком рано справлять поминки по системе суверенного государства. Апологеты тезиса о факторе глобализации и правах человека, ведущих к утрате суверенитета, игнорировали тот факт, что современные вызовы не являются уникальными; контроль и авторитет государств постоянно оспариваются.

Если правила суверенитета будут вытеснены, то это может произойти только через эволюционный процесс, в ходе которого ключевые действующие лица обнаружат, что в их интересах выбрать новые и несовместимые правила и институты. Между тем маловероятно, что ключевые действующие участники сделают такой выбор, учитывая преимущества, присущие для нынешнего положения. Государства могут отказываться от претензий на власть над проблемными областями, которые они не могут эффективно регулировать, поэтому суверенитет может сосуществовать с альтернативными институциональными механизмами, но не быть вытесненным ими.

С. Краснер отмечает, что термин «суверенитет» используется по-разному. В современном применении можно выделить четыре различных значения суверенитета:

1) суверенитет взаимозависимости;

2) суверенитет внутри страны;

3) суверенитет Вестфалии;

4) международно-правовой суверенитет[67].

Суверенитет взаимозависимости представляет собой способность государств контролировать движение через свои границы. Многие наблюдатели утверждают, что именно данный суверенитет подрывается глобализацией в результате технологических изменений, которые резко сократили расходы на связь и транспорт. Государства не могут регулировать трансграничные перемещения товаров, капитала, людей, идей или переносчиков болезней. Проблема здесь не в авторитете, а в контроле. Право государств управлять своими

[67] Krasner S. Ibid. P. 231.

границами не ставится под сомнение, но, как утверждается, глобализация подорвала их способность делать это.

Внутренний суверенитет относится к структурам власти внутри государств и способности этих структур эффективно регулировать поведение граждан. Классические теоретики суверенитета, Ж. Боден и Т. Гоббс занимались внутренним суверенитетом в первую очередь. Они хотели разработать стабильную систему власти, которая была бы признана законной всеми членами общества, независимо от их религиозной принадлежности. Оба одобрили высокоцентрализованную структуру власти и отвергли любое право на восстание.

На практике идеи Ж. Бодена и Т. Гоббса не были реализованы. Органы власти приняли множество различных форм, включая монархические, республиканские, демократические и федеративные. Высокие уровни централизации не были связаны с порядком и стабильностью, которые Ж. Боден и Т. Гоббс пытались гарантировать.

Принятие или признание определённой структуры власти является одним из аспектов внутреннего суверенитета; другой аспект – уровень контроля, который чиновники фактически могут осуществлять. Данный аспект претерпел сильные изменения. Хорошо устроенные государства имеют как законные, так и эффективные структуры власти. Неудачные государства не имеют ни того, ни другого.

Утрата суверенитета взаимозависимости, которая является исключительно вопросом контроля, также будет означать некоторую потерю внутреннего суверенитета, понимаемого как контроль, поскольку если государство не может регулировать перемещения через свои границы, такие как поток наркотиков, то маловероятно, что оно сможет контролировать деятельность в пределах своих границ (например, использование этих наркотиков).

Вестфальский, или Ваттелевский, суверенитет относится к исключению внешних источников власти как де-юре, так и де-факто. В пределах своих границ государство обладает монополией на принятие властных решений. На международном уровне это означает, что государства следуют правилу

невмешательства во внутренние дела других стран. Это понятие суверенитета часто ассоциируется с Вестфальским миром, положившим конец Тридцатилетней войне в 1648 году.

Принцип, согласно которому правители не должны вмешиваться или судить о внутренних делах в других государствах, был фактически введён двумя теоретиками международного права во второй половине XVIII века – Э. де Ваттелем и Х. Вольфом. Последний ещё в 1760-х годах отмечал, что вмешательства в дела других правительств противоречит естественной свободе наций. Э. де Ваттель позже применил этот аргумент к европейским и иным государствам.

Международно-правовой суверенитет относится к взаимному признанию. Основное правило международно-правового суверенитета заключается в том, что признание предоставляется юридически независимым территориальным образованиям, которые могут заключать добровольные договорные соглашения.

Правила, институты и практики, которые связаны с этими четырьмя значениями суверенитета, не являются ни логически, ни эмпирически органическим целым. Так, государство может иметь небольшой суверенитет взаимозависимости, быть неспособным регулировать свои собственные границы, но его суверенитет может оставаться нетронутым до тех пор, пока какой-либо внешний субъект попытается повлиять на его внутренние структуры власти. Точно так же государства могут пользоваться международно-правовым суверенитетом, взаимным признанием, не имея вестфальско-ваттелевского суверенитета (как это было, полагает С. Краснер, со странами Восточной Европы в годы холодной войны)[68].

С. Краснер признаёт, что глобализация создаёт проблемы для различных видов суверенитета. Однако государства всегда действовали во взаимозависимой международной обстановке и никогда не могли идеально регулировать трансграничные потоки.

---

[68] Krasner S. Ibid. P. 232–233.

Контроль за трансграничными перемещениями, не говоря уже о событиях в границах государства, отмечает политолог, всегда был сложным. Трудности для государств возросли только в некоторых сферах, но не везде[69]. Так и новые вызовы не вытеснят суверенитет. Некоторые из них уникальны: число транснациональных неправительственных организаций резко возросло, международные организации стали более заметными, киберпреступность не могла бы существовать без киберпространства. Эти события бросают вызов государственному контролю, а потеря контроля может спровоцировать кризис власти, но даже он является лишь необходимым, но не достаточным условием для развития новых структур.

Новые правила могут появиться эволюционным путём в результате проб и ошибок рациональных, но близоруких игроков. Однако эти договорённости, например, международная полицейская деятельность, скорее всего, будут сосуществовать, а не вытеснять традиционные суверенные структуры[70].

Существует также группа исследователей (т. н. «реалисты рационального выбора»), полагающие, что анархия при определённых условиях может не препятствовать появлению долговременных моделей сотрудничеств. Если, например, Д. Миршеймер полагает, что институты в мировой политике не имеют весомого значения, то сторонники указанного направления доказывают обратное, обращая внимание на ряд важных функций. Например, на подключение к международному порядку слабых стран, поощрение отказа государств с радикальными политическими режимами от опасных военных технологий и вооружений.

Отчасти взгляды реалистов данного направления перекликаются с идеями неолибералов: те и другие полагают, что отдельные государства являются рациональными и стремятся максимизировать свою эффективность, допускают возможность сотрудничества между державами по целому ряду вопросов (экология, безопасность, экономическое сотрулничество).

---

[69] Krasner S. Ibid. P. 235–236.
[70] Krasner S. Ibid. P. 248.

Таким образом, если либералы и неолибералы рассматривают государство в качестве одного из участников международных отношений, деятельность которого должна регламентироваться наднациональными институтами, то для представителей неореализма государство выступает всё-таки самостоятельным субъектом мировой политики. При этом часть неореалистов допускает доминирование некоторых государств над остальными. Более того, например, тот же Р. Гилпин указывает на такой важный момент, как возможность появления в случае отмирания государства новых форм политической власти.

Своеобразное промежуточное положение между реализмом и либерализмом занимает Английская школа международных отношений. Среди её представителей можно назвать Х. Булла. Он в одной из своих работ обращается к концепции порядка. Если быть точнее, когда мы говорим о порядке в отличие от беспорядка в социальной жизни, то мы имеем в виду образец определённого рода. При этом не всякое поведение или не всякие действия будут являться порядком. Например, в поведении мужчин или групп людей, вступающих в конфликт друг с другом, может проявляться определённая закономерность, однако эту ситуацию необходимо охарактеризовать как беспорядочную. Точно так же и суверенные государства в условиях войны или кризиса могут вести себя регулярно и методично, но и это пример не порядка, а беспорядка.

Под порядком в социальной жизни Х. Булл понимает модель человеческой деятельности, которая поддерживает элементарные, первичные или универсальные цели социальной жизни[71]. В частности, он полагает, что можно упомянуть три таких цели. Во-первых, любой социум желает сделать так, чтобы жизнь была в какой-то мере защищена от насилия, приводящего к смерти или телесным повреждениям. Во-вторых, все общества стремятся к тому, чтобы данные обещания были выполнены, или чтобы соблюдались подписанные договорённости. В-третьих, социумы преследуют цель обеспечения безопасности собственности.

[71] Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. NY, 2002. P. 4.

Помимо социального порядка, Х. Булл выделяет и международный порядок – модель деятельности, которая поддерживает элементарные или основные цели общества государств или международного сообщества[72]. Отправной точкой международных отношений является существование отдельных групп или независимых политических сообществ. Каждое из них обладает правительством и отстаивает суверенитет в отношении определённой части земной поверхности и некоторого сегмента человеческого населения.

Государства в данных отношениях защищают территорию и население, что можно назвать внутренним суверенитетом. Иными словами, это верховенство над всеми другими властями и населением на данной территории. Кроме того, государства обладают независимостью от внешних сил.

Суверенитет государств, как внутренний, так и внешний, существует как на нормативном, так и на фактическом уровне. С одной стороны, государства защищают, обосновывают право на верховенство над властью на своей территории и населением и независимость от власти за её пределами; с другой – они также в разной степени проявляют такое превосходство и независимость на практике. В то же время независимое политическое сообщество, которое просто заявляет о своём праве на суверенитет (или, по мнению других, имеет такое право, но не может отстаивать его на практике), по сути, не вляется государством.

Х. Булл относит к государствам как таковым греческие города-государства, политии эпохи Возрождения, современные национальные государства. В эту же группу он включает государства, основанные на династическом принципе легитимности, существовавшие в Европе до Французской революции, и европейские государства, в которых правительство основано на народных или национальных принципах легитимности, преобладающих после Французской революции. Относятся к государствам и европейские империи XIX века, а также государства единой национальности. К ним относятся государства, территория которых разбита по частям, такие как: океанические имперские государства

[72] Bull H. Ibid. P. 8.

Западной Европы, а также государства, территория которых является единым географическим образованием.

Существует большое разнообразие независимых политических сообществ, возникавших на всём протяжении исторического процесса, но не являвшихся государствами. Например, германские народы Средневековья были независимыми политическими сообществами, но, хотя их правители имели превосходство над населением, они не утверждались на отдельной территории. Не были государствами, в современном смысле слова, и царства западного христианского мира в Средние века. Они не обладали внутренним суверенитетом (поскольку не имели всей полноты власти внутри страны) и не являлись носителями внешнего суверенитета (т. к. не были независимы от папы или, в некоторых случаях, от императора Священной Римской империи)[73].

Следующая категория, которую рассматривает Х. Булл, – это международная система (или система государств). Она формируется, когда два или более государств имеют постоянный контакт между собой и оказывают существенное влияние на решения друг друга, чтобы заставить их вести себя – по крайней мере, в некоторой степени – как части целого. Бывают случаи, когда два или более государств могут существовать, не формируя международную систему. Например, политии доколумбовой Америки не формировали международную систему с теми странами, которые располагались в то время в Европе. Точно так же независимые политические сообщества, существовавшие в Китае в период «сражающихся царств», не формировали международную систему с теми государствами, которые находились в античной Европе в то время.

Но в тех случаях, когда государства находятся в регулярном контакте друг с другом и, кроме того, между ними существует взаимодействие, достаточное для того, чтобы поведение каждого элемента было необходимым в вычислениях другого, тогда мы можем говорить об образовании ими системы[74].

---

[73] Bull H. Ibid. P. 8–9.
[74] Bull H. Ibid. P. 10.

Взаимодействия между государствами могут быть прямыми или опосредованными. Отношения между странами, которыми определяется международная система, могут принимать форму сотрудничества, а также конфликта или даже нейтральности, безразличия в отношении целей друг друга. Взаимодействия могут присутствовать в одном или двух либо в целом ряде видов деятельности – политической, стратегической, экономической, социальной.

Следующее понятие, по Х. Буллу, международное общество. Оно создаётся группой государств, имеющих определённые общие интересы и ценности (и осознающих это)[75]. Все политии, входящие в сообщество, считают себя связанными единым набором правил и участвуют в работе общих институтов. Такие государства должны уважать притязания друг друга на независимость, соблюдать соглашения, в которые они вступают, и подвергаться определённым ограничениям в применении силы друг против друга.

Международное общество в этом смысле предполагает международную систему. Однако может существовать международная система, которая не является международным сообществом. Другими словами, два или более государств могут контактировать друг с другом и взаимодействовать таким образом, чтобы быть необходимыми факторами в поведении друг друга, даже если они не представляют общих интересов или ценностей.

И ещё одна категория – мировой порядок. Под ним Х. Булл подразумевает те модели или диспозиции человеческой деятельности, которые поддерживают элементарные или основные цели социальной жизни в целом[76]. В то время как существующая в настоящее время мировая политическая система принимает форму системы государств (хотя и не только их), мировой порядок может достигаться другими типами универсальной политической организации.

В прошлом уже существовали другие формы универсальной политической организации, но не в глобальном масштабе. В целом, в широком смысле, на протяжении человеческой истории система государств была скорее

[75] Bull H. Ibid. P. 13.
[76] Bull H. Ibid. P. 19.

исключением, чем правилом. Более того, разумно предположить, что в будущем может быть создана универсальная политическая организация, не похожая на те, что существовали в прошлом[77].

Разобрав данные категории, Х. Булл переходит к анализу системы международных отношений, дипломатии, деятельности великих держав. Нас будет интересовать здесь один аспект, а именно: своеобразные альтернативы современному мировому порядку, которые анализирует автор. По мнению учёного, если бы возникла альтернативная форма универсального политического порядка, она могла бы угрожать существованию государств[78]. Среди таких альтернатив исследователь допускает возникновение мирового правительства. Возможно даже, что это будет универсальная империя, основанная на господстве над завоёванными странами. Но допустим и своеобразный общественный договор между государствами. Во втором случае это может быть универсальная республика или космополис, основанные на какой-либо форме согласия или консенсуса[79].

Многие выступают против данной альтернативы, полагая, что мировое правительство может достигать порядка, но оно губительно для свободы государств и наций. Х. Булл также полемизирует с точкой зрения, согласно которой мировое правительство способно обеспечить порядок: по мнению учёного, таковой может обеспечить и система государств.

Реален и сценарий «Новое Средневековье». Согласно ему суверенные государства могут исчезнуть и быть заменены не мировым правительством, а современным и светским эквивалентом универсальной политической организации, существовавшей в западном христианском мире в Средние века. В этой системе ни один правитель или государство не были суверенными в смысле верховенства над определённой территорией и определённой частью христианского населения. В эпоху Средневековья каждый делился с вассалами властью внизу, а также с папой и (в Германии и Италии) римским императором.

---

[77] Bull H. Ibid. P. 21.
[78] Bull H. Ibid. P. 240.
[79] Bull H. Ibid. P. 244.

Хотя для Х. Булла является странным подобный вариант, учёный допускает возможность появления современного аналога данной системы. Тем более что в наше время суверенные государства разделяют сцену мировой политики с «другими действующими лицами», тогда как в средневековые времена государству приходилось делить сцену с «другими ассоциациями»[80]. Если бы современные государства стали делиться своей властью над своими гражданами и своей способностью управлять с региональными и мировыми властями, с одной стороны, а с другой – с властями субгосударств или субнациональных государств (например, Великобритания делить часть власти с Шотландией, Уэльсом и т. п.), тогда можно было бы говорить о возникновении нового порядка.

Наконец автор отмечает возможность появления альтернативы государственной системы, которая не соответствует какой-либо предыдущей модели универсальной политической организации.

В целом, несмотря на наличие принципиальных альтернатив системе государств различных типов, по мнению Х. Булла, не существует явных доказательств того, что данная система находилась в упадке или что она не функционирует по отношению к основным человеческим целям.

К числу ведущих школ теории международных отношений относится и марксизм. Если брать классический марксизм, то для него характерно несколько основных положений, применительно к теории международных отношений:

1) государство, как правило, является выразителем интересов господствующего класса. Соответственно, и внешняя политика государства есть отражение классовых интересов, и мировая политика есть конкуренция между класами отдельных государств;

2) в XX веке развитие капитализма вело сначала к империализму и колониализму, а затем и к экономической глобализации, возглавляемой ТНК.

Среди неомарксистов можно назвать Р. Кокса. Государство он предлагает рассматривать как евроцентристскую концепцию, своеобразный пережиток

[80] Bull H. Ibid. P. 245.

западного империализма (данная концепция была распространена по всему миру)[81].

С позиции исторического подхода, т. е. при анализе различных форм политической власти в их развитии, в конкретных пространственно-временных условиях и с учётом воздействия на них многообразных факторов (экономических, социальных, культурных, внутренних и внешних, формирующих политическую власть) автор отмечает, что существуют разные формы государства, дифференцированные в соответствии со степенью автономии по отношению к внешней среде – межгосударственной системе и мировой экономике, а также со степенью и характером контроля над своим обществом.

Межгосударственная система охватывает спектр политических властей, которым присвоен статус государств. Предполагается, что в основе данной системы лежат две фикции: суверенное равенство государств и концепция анархии как постулат природы отношений между ними. Эти понятия облегчают урегулирование конфликтов и сотрудничество между государствами, а также создание и функционирование международных организаций. Данные концепции помогают скрыть представление о том, что фактические отношения между составляющими систему единицами являются иерархическими или кластерами иерархически упорядоченных единиц.

Широкий контекст, в котором формируются государства, содержит в себе общество, которое может поддерживать и его и внешнюю среду за его пределами, влияющую на форму политии и её поведение. Внешние влияния проникают в государства не только напрямую, но и через общество. В то же время силы внутри национальных обществ участвуют вместе с государствами в формировании внешней политической и экономической конъюнктуры. Таким образом, вслед за Р. Коксом можно говорить о государстве как объекте воздействия двух сил – внешней (или международной системы) и внутренней –

[81] Cox R.W, Schechter M.G. The Political Economy of a Plural World: Critical. Reflections on Power, Morals, and Civilization. London: Routledge, 2002. P. 32.

гражданского общества, различных социальных групп (или «социальных сил», в терминологии Р. Кокса).

В современных условиях происходит «интернационализация государства», связанная с формированием неофициальных и официальных транснациональных и международных сетей представителей государств и корпораций, а также интеллектуалов, работающих над формулированием политического консенсуса по глобальному капитализму. Эти сети Р. Кокс характеризует французским словом nébuleuse (т. е. то, что не имеет чёткого определения). Это авторитетная институциональная структура, возникшая в результате дискуссий в таких органах, как Трёхсторонняя комиссия, встречи Экономического форума в Давосе, регулярные встречи центральных банков, ОЭСР, МВФ, Всемирного банка и Всемирной торговой организации (далее – ВТО), а также конференции на высшем уровне G7 и G8 и их подготовительные встречи.

Управление глобальным капитализмом представляет собой многоуровневый процесс, определяемый на национальном уровне балансом социальных сил внутри государств, на транснациональном уровне – развивающейся идеологией (неолиберализмом), создаваемой бизнес-школами, журналистами и другими интеллектуалами. На международном уровне процесс глобального управления осуществляют те учреждения, что разрабатывают официально одобренные руководящие принципы политики. Затем на национальном уровне происходит процесс преобразования этих руководящих принципов в конкретные меры национальной фискальной и монетарной политики.

Однако этим силам противостоят другие субъекты, возникающие внутри национальных обществ и всё более координирующие своё сопротивление глобализации, вырабатывающие альтернативные представления о том, как может выглядеть будущее.

Вместе с тем, по мнению Р. Кокса, развитие «nébuleuse» не означает, что организация всемирного капитализма перешла из рук государств в новый

надгосударственный механизм, своеобразный центральный комитет глобального капитализма, руководящий государственной политикой[82].

Для Р. Кокса в наше время на государство большое влияние оказывает глобализация и происходящие в мире политические процессы. При этом исследователь отмечает, что акцент на приспособление национальной политики и практики к неолиберальной глобальной экономике существенно отличается от послевоенной концепции государства как посредника между мировой экономикой (понимаемой как движение через национальные границы) и внутренними проблемами экономического роста и занятости.

В соответствии с неолиберальной доктриной, в понимании Р. Кокса, внутренние интересы лучше всего реализуются путём обеспечения свободы воли в глобальной экономике и приложения новых усилий по её регулированию, осуществляемых ВТО. Государство имеет всё меньше возможностей вмешиваться в процесс развития неолиберального глобального экономического порядка[83].

Формирующийся мировой порядок представляется многоуровневой структурой, в основе которой лежат социальные силы. Старая государственная система превращается в комплекс политико-экономических образований: микрорегионов, традиционных государств и макрорегионов с институтами большей или меньшей функциональности и формальной властью. Мировые города являются клавиатурой глобальной экономики.

Институты согласования и координации соединяют крупные государства и макрорегионы. Существуют многосторонние процессы управления конфликтами, поддержания мира, а также регулирования и предоставления услуг в различных функциональных областях (торговля, связь, здравоохранение и т. д.).

Вся картина больше напоминает многоуровневый порядок средневековой Европы, чем Вестфальская модель системы суверенных независимых государств, которая до сих пор была парадигмой международных отношений. В условиях войн в Косово и Афганистане относительно децентрализованная средневековая

[82] Cox R.W., Schechter M.G. Ibid. P. 34.
[83] Cox R.W., Schechter M.G. Ibid. P. 84–85.

модель может рассматриваться как регресс по отношению к централизованной имперской модели Рима[84].

Мировая политика находится в состоянии турбулентного застоя. Поляризация богатых и бедных людей становится всё более усиливающейся, а это ведёт к разочарованию людей в существующих формах политики[85]. Однако Р. Кокс здесь видит и положительный момент: когда государство отступает от служения социуму, общественность теряет уверенность в честности и компетентности политического класса, это отчасти ведёт к росту гражданского общества, сопротивляющегося правящим элитам и глобальному управляющему классу в целом.

Таким образом, национальное государство, в понимании Р. Кокса, характеризуется противоречием между глобальным мировым порядком и сопротивляющимся ему формирующимся гражданским обществом.

Э. Линклейтер в своих работах отмечал, что в современном мире идёт процесс сокращения независимых суверенных государств. В связи с потерей государствами возможности определять темпы дальнейшего развития растёт идея создания региональных и общемировых политических институтов, которые станут более сильными. Процессы глобализации ставят и иные вопросы – о соотношении этнического и космополитического, например. Тем более что во многих странах сейчас появляются мигранты и это приводит к противостоянию различных групп в обществе. В мире формируются наднациональные организации, возникают субнациональные сообщества.

Государство необходимо. Такое государство, которое будет более терпимым к своим субнациональным группам, осознающим важность и ценность различных форм жизни, – оно уже не будет противиться росту транснациональных политических лояльностей. Рубеж тысячелетий как раз характеризуется различными ориентациями, как субнациональными, так и транснациональными. Задача политической теории состоит в том, чтобы

[84] Cox R.W., Schechter M.G. Ibid. P. 86.
[85] Cox R.W., Schechter M.G. Ibid. P. 96–97.

«отстоять новое видение государства, первоочередной функцией которого – субнациональной, национальной и транснациональной – будет поддержка равновесия между членами разных общин»[86].

В целом, в отличие от реалистов, для марксистов государство – выразитель интересов определённых классов и социально-политических сил. Мировое развитие диктуется не слепой анархией, а логикой рынка. Поскольку марксисты на первое место ставят противоречия между классами, то и в глобальном мире важнее именно классовые противоречия.

В этом плане марксисты пересекаются с либералами, говорящими о формировании наднациональных органов. В свою очередь в концепциях И. Валерстайна, М. Хардта и А. Негри (к их теории империи мы ещё обратимся) видится формирование глобальных систем, в которых государства занимают подчинённое положение.

Сложились и иные подходы к трактовке государства. Среди них можно выделить конструктивистский. Данное направление в теорию международных отношений пришло из философии и явилось своеобразной реакцией на недостатки методологии неолибералов и неоконсерваторов.

Как отмечают современные российские исследователи, в теории международных отношений конструктивизм начинается с работ американского профессора Н. Онуфа, который в 1989 году издал книгу «Мир, который мы создаём: правила и правление в социальной теории и международных отношениях». По мнению Н. Онуфа, государства на мировой арене в большинстве случаев действуют подобно людям, создавая собственный мир, в котором сконструированные людьми и институтами «социальные факты» соседствуют с «грубыми» природными фактами и одновременно противостоят им. «Социальные факты» не зависят от людей, а являются условиями человеческой жизнедеятельности[87].

---

[86] Линклейтер Э. К постсовременному политическому пространству. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/linklater.htm (дата обращения: 06.05.2019).

[87] Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. «Квантовый подход» к международным отношениям: научное издание / Отв. ред. Т.А. Алексеева. М., 2018. С. 48.

Современный мир, по Н. Онуфу, состоит из правил и институтов, конструируемых посредством речевых актов. Акторы с помощью языка выражают свои желания и мотивации, превращая их в цели, в соответствии с которыми они действуют, т. е. «конструируют» или «реконструируют» нечто. Это относится как к внутренней, так и к внешней политике. В международных отношениях существует множество правил, регулирующих взаимодействия между государствами. Данные правила настолько многочисленны, что для анархии почти не остаётся места[88]. В целом государство, исходя из модели Н. Онуфа, связано с разного рода правилами. Однако ни о каких альтернативах в его работах речи не идёт.

Одним из наиболее ярких представителей конструктивизма является А. Вендт. Он отмечает, что конструктивизм воспринимается по двум основным принципам:

1) структуры человеческой ассоциации определяются главным образом общими идеями, а не материальными силами;

2) идентичности и интересы целевых действующих участников строятся на основе общих идей, а не задаются природой[89].

Первая позиция представляет собой «идеалистический» подход к социальной жизни, и в своём акценте на обмен идеями она является «социальной». Особенно в том смысле, в котором противоположный «материалистический» взгляд делает акцент на биологии, технологии или окружающей среде.

Вторая позиция – «целостный» или «структуралистский» подход, делающий акцент на возникающих силах социальных структур, что противоречит «индивидуалистическому» представлению о том, что социальные структуры сводимы к отдельным лицам. Следовательно, конструктивизм можно рассматривать как своего рода «структурный идеализм». Сам А. Вендт придерживается версии конструктивизма, которую он считает умеренной

[88] Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. Указ. соч. С. 48, 54.
[89] Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. P. 1.

и опирающейся на структуралистскую и символическую интеракционистскую социологию.

Международная система является серьёзным аргументом в пользу конструктивизма как в социальной сфере, так и в создании теорий. В то время как нормы и законы регулируют большую часть внутренней политики, корыстные интересы и принуждение управляют международной политикой. Международное право и институты существуют, но способность этой надстройки противостоять материальной базе власти и интересов кажется ограниченной.

А. Вендт оговаривается, что конструктивизм не является теорией международной политики: он рассматривает процесс социального конструирвоания действующих лиц. В целом, прежде чем мы сможем быть конструктивистами в отношении чего-либо, по мнению А. Вендта, мы должны выбрать «единицы» и «уровни» анализа или «структуры», в которые они встроены.

А. Вендт указывает на ограниченность неореалистской теории. Данная теория сужает наше представление о мировой политике, поэтому помимо неореализма, существуют и другие теории системы государств[90]. Здесь учёный обращается к такой проблеме, как применение силы. Регулирование насилия является одной из наиболее фундаментальных проблем порядка в социальной жизни, поскольку применение силы влияет на все другие социальные отношения. Поскольку государство представляет собой структуру политической власти с монополией на законное использование организованного насилия, то, когда речь идёт о международном регулировании насилия, оно заявляет, что в конечном итоге необходимо контролировать силу. Однако государства не всегда доминировали над регулированием насилия, и сегодня их преобладание сталкивается с определёнными трудностями.

В досовременную эпоху европейские государства конкурировали с двумя другими организационными формами – городами-государствами и городами-лигами, а за пределами Европы они конкурировали со всеми видами

[90] Wendt A. Ibid. P. 7–8.

политических образований. Эти альтернативы в конечном итоге были устранены, однако государствам приходится бороться за утверждение своей монополии на насилие, сталкиваясь с вызовами со стороны наёмников и пиратов (вплоть до XIX века), затем с террористами и партизанскими отрядами в XX веке. Под давлением некоторых факторов государства потерпели неудачу. Это даёт А. Вендту основание утверждать, что государство можно рассматривать как «проект» в грамматическом смысле, действующую политическую программу, предназначенную для производства и воспроизводства монополии применение насилия.

Данный проект долгое время был успешным: потенциал организованного насилия в течение некоторого времени находился в руках государств и этот факт помог им добиться признания друг друга в качестве единственного законного носителя потенциала организованного насилия. Поскольку государства являются доминирующей формой субъективности в современной мировой политике, это означает, по мнению учёного, что они должны быть основной единицей анализа для размышлений о глобальном регулировании насилия[91].

Рассматривая само государство, А. Вендт отмечает, что оно связано плотной структурой правил, делающих власть подотчётной обществу. На мировой арене государства также связаны набором норм и своеобразной логикой анархии[92]. В целом государства являются ядром любой международной системы, т. к. представляют собой отдельные субъекты, без которых «международная» система не может существовать по определению. Однако далее А. Вендт вступает в полемику с неореалистами и представителями других подходов.

В понимании А. Вендта, неореалисты сравнивают международную систему с рынком, на котором государства конкурируют[93]. Конкуренция устраняет государства, которые плохо «работают», а международная система социализирует государства, для того чтобы они вели себя определённым образом.

---

[91] Wendt A. Ibid. P. 9.
[92] Wendt A. Ibid. P. 13.
[93] Wendt A. Ibid. P. 16.

Ещё одной особенностью неореалистского структурализма является его материализм: структура международной системы определяется как распределение материальных возможностей при анархии. Изменение структуры системы обусловлено исключительно материальными различиями в полярности (количество ведущих держав), поэтому структурные изменения измеряются переходами от одного распределения полярности к другому.

Признавая, что неореализм меняется, А. Вендт вместе с тем делает ряд замечаний по поводу данного подхода. Во-первых, неореализм не может объяснить структурные изменения. Он признаёт их возможность в одном смысле, а именно: в переходах от одного распределения власти к другому. Но не переход от феодализма к суверенному государству, например. Или конец холодной войны, возникновение мира между демократическими государствами и т. д. Неореалисты не считают такие изменения «структурными», потому что они не меняют распределение власти и не выходят за рамки анархии.

Во-вторых, неореализм недооценивает теорию структуры. Так, практически любое внешнеполитическое поведение может быть истолковано как свидетельство баланса сил.

В-третьих, есть сомнения в том, что неореализм адекватно объясняет даже небольшое количество больших и важных вещей, заявленных от его имени. Например, А. Вендт обращается к проблематике анархии. Для неореалистов последняя – это система, которая должна привести к самопомощи государств. Однако, по мнению исследователя, иногда государства являются эгоистами, а иногда нет. И этот вариант может изменить «логику» анархии. Кроме того, гоббсовская анархия имеет другую логику, нежели сдержанный эгоизм анархии Д. Локка. Последняя отличается от кантовской анархии, основанной на интересах коллективной безопасности.

Кризис неореалистской парадигмы выдвинул идеи отказа от государства как ведущего участника международных отношений. Негосударственные субъекты могут быть всё более значимыми, но это не означает, что нам больше не нужна

теория системы государств, по замечанию А. Вендта[94]. Вместе с тем его подход продолжает отличаться от неореалистского. Для неореалистов государственная идентичность и интересы являются заданными. Прежде чем начать взаимодействие с другими субъектами на мировой арене, государства уже знают, кто они и что хотят. А. Вендт, наоборот, считает, что именно в ходе взаимодействия формируется структура идентичностей и интересов: материальная сила и государственные интересы формируются идеями и социальным взаимодействием. С одной стороны, государства в анархической системе обладают военными и иными возможностями, которые могут рассматриваться как потенциально угрожающие со стороны других политий, с другой – вражда и гонки вооружений не являются неизбежными результатами, поскольку социальное взаимодействие между государствами может привести и к более мягким и дружественным отношениям.

Важность идей А. Вендта и других представителей данного направления в том, что они не отрицают роли государства в международных отношениях, но вместе с тем указывают и на роль негосударственных акторов. Интересным представляются рассуждения А. Вендта о государстве как проекте. Соответственно, возожны и иные прокты.

Среди современных школ в теории международных отношений выделяется ряд направлений, которые называют постмодернизмом, а также постпозитивизмом (см. напр. Р. Фальк, Д. Агамбен). Однако ряд современных исследователей полагает, что постмодернисты не смогли предложить проект, который смог бы достойно конкурировать с ведущими теориями международных отношений[95]. Отрицая государство, они, по сути, не говорили ни о каких альтернативах ему, поэтому данные теории будут вне нашего интереса.

---

[94] WendtA. Ibid. P. 18.

[95] См. напр.: Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. № 3. С. 4–19; Сергунин А.А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 19. Вып. 16. С. 231–236.

Говоря о концепциях современного государства, необходимо обратиться и к геополитическому подходу, поскольку его представители обращаются к анализу государства, размышляли о его возможной эволюции. Рассматривают учёные-геополитики и такую важную для нас тему, как государство в условиях глобализации.

Условно геополитику можно назвать наукой о контроле над пространством, хотя в наше время существует несколько интерпретаций данной дисциплины. Классический подход, с позиции которого геополитика анализировала преимущественно роль географического фактора во внешней политике, утрачивает свои позиции. Некоторые исследователи относят геополитику к одному из направлений классической реалистской школы[96], отмечая специфику самой геополитики. Акцент сторонниками данного подхода делается на том, что главными акторами геополитики выступают государства, ведущие борьбу за господство над пространством. Основным ресурсом государств в схватке за «место под солнцем» является силовой фактор.

В рамках геополитики можно выделить несколько направлений, для которых в числе прочего характерен и свой подход к анализу государства. Господствовавший в XIX веке спенсеровский подход к обществу как биологическому организму сказался и на отношении к государству. Классическая геополитика рассматривала государство в качестве главного субъекта мировой политики. Вместе с тем некоторые представители классической парадигмы в геополитике интерпретировали государство как биологический организм, живущий за счёт экспансии и контроля над пространством.

Например, основатель геополитики Ф. Ратцель трактовал государство как «организм, в составе которого известная часть земной поверхности играет настолько существенную роль, что все свойства государства определяются свойствами народа и его территории»[97]. К таким свойствам Ф. Ратцель относил величину, положение, границы, формы поверхности, растительность и орошение,

[96] Панченко М.Ю. Указ. соч. С. 8.
[97] Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб., 2007. С. 16. URL: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt35.htm (дата обращения: 10.07.2017).

отношение к другим частям земной поверхности. Существует и духовная связь земли с народом. В целом любое государство основывается на определённой идеологии, пронизывающей всю страну.

Ф. Ратцель отмечает, что именно благодаря духовной связке биологические индивиды нельзя отождествлять с государством: чем прочнее духовная связь, тем, по мнению Ф. Ратцеля, государство достигает большего совершенства. Таким образом, хотя государство и является подобным биологическому организму, но по мере своего развития оно постепенно перерастает свою органическую основу[98].

Являясь организмом, тесно связанным с определённой территорией и народом, государство развивается: от объединения нескольких людей до формирования великой державы, охватывающей большие пространства. Растёт народ, увеличиваясь в количестве, происходит и развитие страны, расширяющей размеры своей территории[99].

Помимо духовной связки существует и материальная – территория государства, поэтому общество стремится на любой территории обосновать свою политическую организацию. Если народ растёт, умножаясь в числе, то государство – путём расширения своей территории. Эти два процесса взаимосвязаны, т. к. для растущего населения необходимы новые территории и оно фактически начинает перерастать страну. Сначала происходит процесс внутренней колонизации (освоение пустующих земель), а затем уже осуществляется внешняя колонизация – захват или заселение соседних территорий. Развитие государства происходит в конфликте с соседями, в борьбе за новые земли.

Также Ф. Ратцель сформулировал несколько законов пространственной экспансии государства. Во-первых, территориальный рост государства совпадает с развитием культуры, экономики, науки и инициативы граждан во всех сферах общественной жизни. Во-вторых, государство развивается территориально,

[98] Ратцель Ф. Указ. соч. С. 17.
[99] Ратцель Ф. Указ. соч. С. 21–22.

поглощая более слабые страны. В-третьих, показателем могущества государства (или его слабости) выступают границы: оно стремится к поглощению стратегически важных точек, таких как: территории, богатые полезными ископаемыми, береговые линии, горные границы и т. п[100].

Территориальный рост одних государств и исчезновение других, а также всемирный обмен в экономике ведут к тому, что все страны могут объединиться «в один хозяйственный организм, в котором все страны и народы являлись бы лишь подчинёнными органами»[101]. Фактически здесь можно судить об идее всемирного государства, т. е. Ф. Ратцель, по сути, стоял у истоков концепции «мировой державы». Безусловно, в первую очередь речь шла о Германии, которая, по его мнению, должна была стать континентальной державой.

Ф. Ратцель принадлежит к германской школе геополитики, и к ней же относят шведского учёного Р. Челлена, рассматривавшего государство во внешнеполитическом аспекте. Р. Челлен фактически соглашался с Ф. Ратцелем, отмечая, что «что ни одно из проявлений государства нельзя отделить от земли и народа»[102]. Шведский учёный вступил в полемику с либеральной трактовкой государства, которая, по его мнению, интепретирует государство только как заботящееся о правах человека, а осуществлением прогресса заняты частные лица[103].

Либеральный подход привёл к тому, что политические и правовые науки объединены под одной крышей. Отсюда и вытекает задача создания новой науки – государствоведения. Такой подход, по мнению учёного, должен анализировать «государство как территориальную форму власти, как экономику, как народ, как общество и как систему господства (herradőme), или источник права, не останавливаясь специально ни на одной из этих характеристик». Все эти элементы и есть проявления одного феномена – самого государства. Другими

---

[100] Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб., 2007. С. 33–34.
[101] Ратцель Ф. Указ. соч. С. 18.
[102] Челлен Р. О политической науке, её соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства // Полис. 2005. № 2. С. 123. URL: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt30.htm (дата обращения: 07.07.2017).
[103] Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. С. 58.

словами, государство в представлении Р. Челлена – это сложная система, основными элементами которой являются территория и народ.

Одним из направлений государствоведения является геополитика, главная задача которой – анализ территориальной формы власти, или, другими словами, политическая организация территории. По мнению Р. Челлена, геополитика является наукой о государстве «как о географическом организме или явлении в пространстве: как о земле, территории, области или, что более содержательно, – о территориальной форме власти, царстве»[104]. Геополитика, как и политическая наука, стремится понять сущность государства, наблюдая его в единстве.

В первую очередь анализируется территориальная организация власти. Когда мы говорим о том или ином государстве, то обращаем внимание на его расположение на карте. Для того чтобы государство существовало, необходимы не только воля или целеустремлённая власть, но и территория. Словно предвидя современные споры о статусе государства и иных субъектов мировой политики, Р. Челлен приводил примеры с Ганзой, обладавшей большим могуществом, а также с современными организациями и профсоюзами. Несмотря на влияние и иные параметры, они все не могут быть государствами, т. к. у них отсутствуют территории. Даже католическая церковь, при всём размахе своей деятельности и могуществе, не может стать государством всё по той же причине.

Исчерпали себя как античный тип города-государства, так и средневековый тип территориальной организации. Современное государство охватывает собой территорию как отдельных городов, так и всей страны. По сути, оно землевладелец, оно прикреплено к земле и если нарушит эту связь, то погибнет. Кроме того, государство подчинено особенностям жизни на конкретной территории.

Р. Челлен сравнивал государство с лесом. Подобно последнему, государство связанно с определённой почвой. Оно буквально врастает в неё корнями. Проводит учёный параллели с миром животных, с растительным миром, но все эти аналогии исчерпываются «способностью государства устанавливать духовные

[104] Челлен Р. О политической науке. С. 124.

связи»[105]. В целом мыслитель был склонен считать отношения между государством и его территорией как внутреннюю связь между личностью и её физическим телом.

Государство, по Р. Челлену, активно борется за существование, расширяя своё пространство, поглощая малые страны. Войны в этом плане – неизбежное и закономерное явление, вытекающее из принципов самой природы. Учёный выделял три типа расширения государственной территории:

1) колонизация;

2) объединение;

3) завоевание.

В ходе такого расширения и возникают континентальные державы. Одной из них, например, должна была стать Германия, обладавшая способностью сплотить вокруг себя другие европейские страны. Развитие одних государств неизбежно ведёт к ослаблению других.

Ещё один представитель германской школы геополитики К. Хаусхофер, подобно своим предшественникам, развивал теорию борьбы государств за жизненное пространство, полагая, что чем больше территория, тем более самостоятельно или автаркично государство. Он также выступил с интересной теорией панидей в геополитике. Для учёного это объединение нескольких государств на основе культуры: «мы признаем «панидеями» только те, которые, – возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, – выступали носителями культурных миссий (Kultursendungen) и были обращены фактически ко всем, а не только к одержавшему верх господствующему слою»[106].

В своей работе К. Хаусхофер выделял самые разнообразные панидеи – от панмалайской и панбританской до паназиатской или панафриканской. Фактически можно выделить три основные: паневропейскую, панамериканскую и пантихоокеанскую (как правило, говоря о К. Хаусхофере, выделяют только их,

---

[105] Челлен Р. О политической науке. С. 124.

[106] Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. М., 2001. С. 256. URL: http://grachev62.narod.ru/haushofer/chapt27.htm/ (дата обращения: 10.07.2017).

что не совсем правомерно). Учёный считал многие из объединений далёкими от идеала, но отмечал, что они могут сыграть роль определённого перехода от национальных государств к всемирной организации[107]. И хотя в целом описание панидей у К. Хаусхофера выглядело немного размытым и абстрактным, на наш взгляд, немецкого учёного можно отнести к числу предшественников цивилизационного подхода в геополитике.

Идеи, близкие к взглядам К. Хаусхофера, развивал К. Шмитт, выступивший с концепцией Большого пространства (или государства-континента), сформировавшегося на идеологической и стратегической основе.

Главным конкурентом германской школы геополитики являлась англо-американская. Если представителей германской школы больше интересовало конструирование крупных территориальных блоков, связанных с культурой, то англо-американские геополитики преимущественно занимались практическими вопросами. Для них, как и для представителей школы реализма, важнее были такие параметры, как: государственная мощь, борьба за контроль над ключевыми регионами.

Так, американский адмирал А. Мэхэн акцентировал внимание на тех качествах, которые необходимы государству для укрепления его могущества: географическое положение и размеры территории, численность народонаселения и качества правительства, физическое строение и характер народа. В таком же духе рассуждал ещё один американский геополитик Н. Спайкмен, предложивший свои параметры могущества государства: поверхность территории, численность населения, природа границ, наличие полезных ископаемых, этническая однородность. Все они, наряду с другими факторами, по мнению американских геополитиков, существенно влияют на могущество государства.

Подобно своим германским коллегам, англо-американцы уделяли большое значение географии как таковой. Нарпимер, Н. Спайкмен связывал географические характеристики стран с их притязаниями. Поскольку географические параметры того или иного государства остаются неизменными,

[107] Хаусхофер К. Указ. соч. С. 348.

постольку будут сохраняться и притязания государств[108]. При этом Н. Спайкмен оговаривался, что географический фактор является обуславливающим, но не определяющим. География – своеобразный набор средств для государства.

Учёный отмечал, что в разные периоды доминировали политии, как правило, крупных размеров. Успехи небольших государств (например, Афин) связаны с контролем над определённой территорией. Страна крупных размеров (также имеющая благоприятный климат и плодородную почву) хотя и может являться могущественной, однако должна ещё обладать централизованным управлением над всей территорией, в т. ч. путём создания коммуникационной сети[109]. Наряду с этим автор добавлял: «каким бы значительным ни был бы размер [территории], он не всецело определяет позицию государства в иерархии мировых держав и может оказаться менее показательным по сравнению с местоположением в определении его значимости в международных отношениях и в определении его внешнеполитических проблем»[110].

В целом, повторимся, американских геополитиков больше волновал вопрос о параметрах могущества морских держав и путях достижения гегемонии, нежели судьба государства как такового.

Идеи своеобразного государства-континента не оставляли часть отечественных и западных геополитиков. В 1980-х годы с интересной идеей «Евросоветской империи» выступил французский мыслитель Ж. Тириар. Фактически перед нами пример огромного континентального блока.

Современные процессы глобализации, своеобразное «сжатие» мирового пространства и ослабление роли географического фактора поставили геополитиков перед сложным вопросом о дальнейшем статусе своей науки, предмете её исследования. Возможно, что в ходе этих теоретических поисков будут даны ответы и по поводу статуса самого государства. Возможно, одним из таких ответов, в какой-то степени, явилась цивилизационная геополитика,

---

[108] Спайкмен Н.Дж. География и внешняя политика. Часть 1 // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 166.
[109] Спайкмен Н.Дж. Указ. соч. С. 176.
[110] Спайкмен Н.Дж. География и внешняя политика. Часть 2 // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарныенауки. 2014. Вып. 4. Ч. 1. С. 171–172.

к анализу которой мы ещё обратимся. Дань ей отдают как некоторые западные учёные (см. С.П. Хантингтон), так и отечественные (А.И. Уткин, И.Ф. Кефели). В поле зрения исследователей-геополитиков оказалась и теория империи (Г. Мюнклер).

Мы обратимся к идеям представителя «новых правых» А. де Бенуа. Он отмечает, что весь мир говорит о «мондиализации», а англосаксы говорят о «глобализации». Однако до сих пор существует неясность в термине «мондиализация». Для одних это феномен преодоления национального государства, для других – новый тип отношений между трудом и капиталом. Притом данный феномен неоднороден: есть экономическая и есть культурная мондиализация.

Экономическая мондиализация характеризуется следующими признаками:

– взрывной рост обменов и финансовых потоков;

– рост роли информатики и электроники[111].

В целом монидализация вписывается в вековую динамику, присущую капитализму: идёт всеобщее распространение рынка, всё превращается в товар.

Одним из следствий мондиализации является изменение игроков на мировой арене: недавно главными действующими лицами были государства, сейчас – могущественные ТНК. Финансовые рынки всё более настойчиво диктуют свои правила игры, а участие банков в экономической игре постепенно автономизируется от сферы реальной производственной экономики. Происходит переход от мира организованного вокруг национальных государств к миру-экономике.

Несколько десятилетий назад природу национальных производственных сил определяли буржуазные национальные государства. Главным феноменом мировой капиталистической системы была её территориализация, т. е. укоренённость в пространстве. Рынок был, прежде всего, национальным. В настоящее время интеграция капитализма ведёт к разрушению национальных

[111] Бенуа А. де. Против либерализма (к Четвёртой политической теории). М., 2009. С. 133–134.

производственных систем, включая их в глобальную систему на правах сегментов.

Наблюдения А. де Бенуа совпадают со многими критиками глобализации, о которых мы писали выше. Подобно другим исследователям, учёный отмечает, что глобализация ведёт к стиранию границ и что национальные государства теряют свою централизованность и легитимность[112]. При этом А. де Бенуа подчёркивает, что мондиализация является не всемирным государством, а мировым рынком. Одной из альтернатив мондиализации является создание больших континентальных или региональных обьединений наподобие Европы[113].

И здесь геополитик обращается к разным типам государств. Фактически он выделяет два типа – Нацию и Империю[114]. Логическим развитием первой являются Великие державы – нации, стремящиеся раздуть свой национальный эгоизм до неимоверных пределов[115]. У Великих держав нет духовного принципа – только националистический. Примеры – государства Наполеона и Гитлера, далее – СССР и США.

Но в целом противостоят друг другу именно Нация-государство и Империя. Главный признак Империи – это сакральность. Изначально Империя является не территорией, а идеей, принципом. Её политический порядок определяется не материальными факторами и не протяжённостью территории, а духовной или политико-юридической идеей. Империя не есть «большая нация». Такое утверждение является ошибочным[116]. Она не может существовать без духовной состаляющей. Внутри неё учитываются особенности входящих в образование территорий и культур. Империя включает в себя совокупность государств и вбирает разные культуры. Имперский принцип не уничтожение плюрализма культур, а их интеграция. А. де Бенуа даже утверждает, что Империя не является универсалистской. Её расширение относится только к данной цивилизации.

---

[112] Бенуа А. де. Указ. соч. С. 155–156.
[113] Бенуа А. де. Указ. соч. С. 165.
[114] Бенуа А. де. Указ. соч. С. 437.
[115] Бенуа А. де. Указ. соч. С. 454.
[116] Бенуа А. де. Указ. соч. С. 441–442.

Нация-государство сформировалось в XVIII веке, в чём политолог даже немного обвиняет французских королей, их политику. Нация лишена какой-то высшей идеи. Это политическое единство, стремящееся к унификации всех культур, к гомогенизации и централизации. Нация навязывает всем группам свою культуру, уничтожая другие. Так, ещё в средневековой Франции была уничтожена аквитанская цивилизация. Однородность достигается посредством права, единством юридических норм. Для нации-государства присущ универсализм, растущий из того же корня, что и сама нация. Нации стремятся к распространению своей культуры на весь мир, превращаясь в Великие державы. Именно империя является альтернативой нации-государству и мондиализации в глобальном мире.

Отчасти данный проект выглядит идеологизированным. Автор, по сути, идеализирует империи, противопоставляя их национальным государствам. Однако в целом А. де Бенуа, на наш взгляд, как и другие авторы, отразил тенденцию к образованию больших пространств, территорий в современном мире.

Одной из важных проблем для отечественных исследователей является вопрос о геополитическом статусе государства. Н.А. Комлева характеризует его, как «место государства в иерархии государств данной эпохи, определяемое его совокупной мощью и масштабом осуществляемой им геополитической экспансии»[117]. На основании двух критериев (совокупной мощи государства и типа геополитического пространства) Н.А. Комлева выделяет ряд параметров геополитического статуса государства.

Во-первых, это военная мощь, к которой относятся степень боеспособности армии, эффективности оборонно-промышленного комплекса и уровень адекватности военной доктрины того или иного государства реальным и потенциальным угрозам.

---

[117] Комлева Н.А. Геополитический статус государства: сущность и типология // Геополитика и безопасность. 2010. № 1. С. 27.

Во-вторых, экономическая мощь, определяющая масштабы расширения государства в экономическом пространстве, а также, через аспект военной мощи, – в геопространстве. Экономическая мощь зависит от уровня высоких технологий и выступает в качестве базы военной мощи страны.

В-третьих, информационно-кибернетическая мощь, заключающаяся в возможности «производить и эффективно использовать программный продукт и компьютерную технику». От качества последней зависит информационно-кибернетическая мощь государства.

В-четвёртых, информационно-идеологическая мощь, определяемая как способность субъекта осуществлять экспансию в ментальном пространстве. К данному типу мощи относятся следующие компоненты: идеология, ценности традиционной культуры общества (т. н. «национальный характер», «традиционный образ жизни» и т. п.), наука, литература, искусство и спорт. В современных войнах именно информационно-идеологический фактор выступает серьёзным оружием, позволяющим воздействовать в т. ч. и на менталитет населения стран противника. В целом, от уровня обладания данными типами мощи зависит и характер геополитического расширения государства и его статус[118].

Ещё одной важной проблемой для геополитиков, как и для других исследователей, является судьба государства в условиях глобализации. Ещё в 1990–2000-х годах К.С. Гаджиев отмечал, что нарастающие в мире процессы свидетельствуют об усилении зависимости государства от состояния дел за его пределами и сотрудничества с иностранными акторами[119]. Политолог связывает это с глобализацией. Не случайно и саму геополитику К.С. Гаджиев предлагает рассматривать как происходящие в мире глобальные процессы.

В ситуации всё более ускоряющейся глобализации, развития информационно-телекоммуникационных сетей, формирования мировых

---

[118] Комлева Н.А. Указ. соч. С. 27.

[119] Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового мирового порядка. М., 2007. С. 119.

и региональных рынков происходит сужение объёмов контроля государства над внутристрановыми процессами.

Подобно другим исследователям, К.С. Гаджиев констатирует, что в мире нарастают вес и влияние неправительственных структур, дополняющих государство. Международная система, в которой основной единицей было государство, начинает претерпевать изменения. К.С. Гаджиев выделяет в мировом сообществе три системы взаимодействий: между государствами, между государствами и корпорациями, а также между самими корпорациями[120].

Отталкиваясь от работ западных авторов (П. Херста, Дж. Томпсона, Дж. Розенау и др.), К.С. Гаджиев констатирует, что рубеж XX–XXI веков явился критическим для судеб государства, размываемого волнами глобализации. Возникает вопрос о возможности сохранения не просто одной из форм, а государства как такового[121].

Другой российский геополитик И.Ф. Кефели, обращаясь к анализу государств, приводит следующую их типологию, отталкиваясь от классификации Всемирного банка (по данным на 2007 год):

1) с низким уровнем доходов (765 долл. США и ниже) – к ним относится примерно 40% государств;

2) со средним уровнем доходов (от 766 до 9385 долл. США) – примерно 45% стран;

3) с высоким уровнем доходов (выше 9385 долл. США) – 15% стран, относящихся к т. н. «Золотому миллиарду»[122].

И.Ф. Кефели отмечает, что общее число государств возросло по сравнению с 1990 годом на 20%, что связано с процессами деколонизации и религиозно-этническими конфликтами, приводящими к распаду стран. И.Ф. Кефели, как и другие геополитики, констатирует вызовы государству со стороны большого количества международных организаций, с одной стороны, а с другой –

---

[120] Гаджиев К.С. Указ. соч. С. 120–121.
[121] Гаджиев К.С. Указ. соч. С. 126.
[122] Кефели И.Ф. Философия геополитики. С. 59.

в лице внутригосударственных регионов. Ряд функций государств переходит к различным акторам.

Исследователь полагает, что государство пока сохраняет свои позиции. И главный вопрос в том, «по какой логике и в каких формах государство будет взаимодействовать с этими акторами и каким образом будут перераспределяться властные полномочия в рамках данной системы»[123]. Кроме того, глобализация, отмечает исследователь, способствует расширению ряда государственных функций:

– необходимость защиты национально-государственных очагов демократии от транснациональных источников авторитаризма;

– по мере углубления глобализации возрастает значение государственных институтов как гарантов социальных завоеваний;

– национальное государство способно воспрепятствовать давлению глобального производителя (ТНК) на национально-организованных социальных партнёров[124].

Однако в целом И.Ф. Кефели солидаризируется с концепцией Дж. Модельски, согласно которой в отдалённом будущем в глобальной политике возрастёт значимость негосударственных и надгосударственных организаций.

Что будут представлять собой эти организации, исследователь об этом не пишет. Однако и в рассматриваемой работе, и в иных И.Ф. Кефели позиционирует себя как представителя цивилизационной геополитики, к которой мы ещё вернёмся.

Иной подход у современного российского геополитика А.Г. Дугина, разрабатывающего теорию многополярного мира. Нацию-государство А.Г. Дугин рассматривает сквозь призму данной теории, суть которой в следующем. Многополярный мир, по мнению учёного, выступает в качестве радикальной альтернативы миру однополярному. Теоретики многополярности отстаивают тезис о том, что в современном мире существует не один а несколько

[123] Кефели И.Ф. Философия геополитики. С. 60.
[124] Кефели И.Ф. Философия геополитики. С. 61.

«суверенных центров принятия глобальных стратегических решений на планетарном уровне»[125]. По крайней мере больше двух. Данные центры являются независимыми и самодостаточными (в плане отстаивания суверенитета перед экспансией США).

Возникает вопрос о судьбе национального государства в таком мире. Отечественный геополитик отмечает, что многополярный мир всерьёз не принимает суверенитет наций-государств до тех пор, пока они, помимо юридического признания, не подкрепляют свой суверенитет «наличием достаточного силового, стратегического, экономического и политического потенциала». По мнению А.Г. Дугина, в XXI веке уже недостаточно исключительно национального суверенитета. Только коалиция или группа государств может обладать настоящим суверенитетом. Политолог констатирует подобно некоторым западным и российским коллегам, что Вестфальская система юридически не отражает положение вещей[126].

В целом же нация-государство, для А.Г. Дугина, – это порождение европоцентристского мира. И разделение мира на национальные государства есть непосредственный результат экспансии Запада и переноса европоцентристской модели на человечество[127].

Исходя из этого, с позиций учёного, нация-государство не может иметь какой-либо самостоятельной ценности. Однако политолог допускает возможность сохранения национальных государств, если они препятствуют глобализации. При этом все государства, по мысли А.Г. Дугина, разделяются на две группы стран. Те политии, что проводят вестернизацию социума (иными словами, его унификацию и атомизацию граждан), не заслуживают места в многополярном мире. Напротив, государства, стремящиеся к сохранению самобытной культуры, необходимо укреплять[128]. В связи с последним тезисом возникает вопрос (и из монографии А.Г. Дугина ответ на него не совсем ясен): как сочетать

---

[125] Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М., 2012. С. 31.
[126] Дугин А.Г. Указ. соч. С. 32.
[127] Дугин А.Г. Указ. соч. С. 260.
[128] Дугин А.Г. Указ. соч. С. 260–261.

сохранение суверенитета антивестернистских стран и концепцию многополярного мира, в которой предполагается создание своеобразных коалиций?

М.Ю. Панченко указывает и на новые подходы в геополитике. Это т. н. «критическая геополитика», представители которой отрицают старые схемы деления мира на Сушу и Море. Мировой системе, с позиции данного подхода, угрожают новые вызовы: терроризм, организованная преступность. Соответственно, необходима координация в рамках мировой системы между странами и негосударственными акторами[129].

Например, Дж. О'Тол полагает, что классическая геополитика объединила географические знания с политическими императивами, описав глобальное пространство в имперском ключе. На данном этапе критическая геополитика должна документировать и деконструировать институциональные, технологические и материальные формы существующих гео-сил, чтобы понять, как глобальное пространство непрерывно переосмысляется и перераспределяется центрами силы и власти в конце XX века[130]. Происходит ещё большее сжатие пространства. В этой ситуации критическая геополитика является одной из многих культур сопротивления географии как имперской установке[131].

Говоря о государстве, Дж. О'Тол указывает, что оно ослабляет свои способности по отношению к глобальной экономике. Во многих частях мира, отмечает исследователь, пространство управляется не государством, а региональными полевыми командирами и криминальными бандами, связанными с мировой экономикой[132].

Подводя итоги по разделу, отметим, что ведущие школы теории международных отношений – либерализм, реализм и марксизм – не только разработали концепции государства в условиях мировой политики, но и отразили в своих теоретических построениях процессы эволюции статуса государства на мировой арене. В частности это проявилось в формировании школ

---

[129] Панченко М.Ю. Указ. соч. С. 14.
[130] O'Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Space. London, 1996. P. 196.
[131] O'Tuathail G. Ibid. P. 201.
[132] O'Tuathail G. Ibid. P. 197.

неореализма, неолиберализма и неомарксизма. Другие философские школы и направления также постарались в своих концепциях отразить процессы трансформации политий в глобальных условиях, хотя, и не предложили чётко разработанных моделей. Представителями классических направлений были разработаны модели государства как такового, кроме того, допущены возможности его эволюции в условиях глобализации.

Как в классической геополитике, так и в современной, с одной стороны, сохраняется оценка нации-государства как перспективного феномена. Это видно по работам И.Ф. Кефели, Н.А. Комлевой. С другой стороны, например, в германской школе геополитики уже говорилось о появлении новых акторов (тех же континентальных государств), претендующих на своеобразное поглощение наций-государств либо на совместное существование с ними. Фактически авторы в этих концепциях, хотя где-то и неосознанно, указали на наступление нового постсовременного, государства, на приближение эпохи, где нации-государства будут сосуществовать с иными феноменами. И это будут не только остатки традиционных государств, но и новые явления, характерные уже для другого этапа. Но что за образования это будут, в представлении авторов проанализированных трудов, прописано нечётко. Можно указать на одну из альтернатив – это цивилизации. К ним мы ещё обратимся. Традиционная геополитика говорит ещё о больших государствах-материках, однако на этом она и останавливается, не предлагая иных альтернатив.

Среди разработок современных авторов, помимо империй и цивилизаций, пока сложно выделить какие-либо иные образования в теоретических построениях. Однако учёные начинают констатировать приближение нового этапа в жизни государства, тем более что уже очевиден и главный фактор, способствующий возникновению новых феноменов, – глобализация.

1.2. Концепции государства в условиях глобализации

В предыдущем параграфе мы рассмотрели теоретические предпосылки формирования концепций постсовременного государства. Процессы глобализации начинают ставить новые задачи для Вестфальской системы суверенных государств. Соответственно, появляются новые теории, отражающие нынешнее состояние государства. Отталкиваясь от рассмотренных выше концепций, можно сказать, что у возникающих теорий есть свои интеллектуальные предшественники. Если брать геополитику, то здесь следует назвать «теорию Больших пространств» К. Шмитта, панидеи К. Хаусхофера. На возрастающую роль цивилизаций (к ним мы ещё обратимся позднее) указали представители цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби).

В данном параграфе при анализе концепций государства в условиях глобализации мы обратимся к нескольким группам теорий. Во-первых, как и в предыдущем параграфе, интерес будут представлять ведущие школы теории международных отношений и геополитики. Во-вторых, актуальными будут и работы такого направления, как политическая глобалистика. В-третьих, необходимо обратиться к социально-философским концепциям. Представители данного направления, стремясь осмыслить развитие общества в целом на современном (постсовременном) этапе, обращаются и к эволюции государства.

Уже в 1957 году появилась первая работа, посвящённая кризису современного государства[133]. Однако почти сразу же возникла и контртенденция, оспаривающая тезис об увядании государства.

По мере развития глобализации вопросы о сущности и роли государства в постсовременном мире возникали не только в политологии. Если брать социальную философию, то здесь можно назвать труды американского футуролога Э. Тоффлера, выдвинувшего ещё в 1980-х годах концепцию трёх волн, соответствующих определённым этапам развития цивилизации. На данном

[133] Кустарёв А.С. Государственный суверенитет в условиях глобализации. URL: http://polit.ru/article/2006/10/30/kustarev/ (дата обращения: 03.07.2014).

этапе нация-государство как продукт цивилизации Второй волны, начинает испытывать давление со стороны Третьей волны. Э. Тоффлер верно указал две тенденции, набирающие обороты в наше время:

1) стремление одних сил перенести власть с уровня нации-государства на более низкий – региональный (в рамках одной страны) и групповой;

2) попытки других субъектов поднять власть на уровень международных агентств и организаций[134].

Э. Тоффлер в 1980 году пророчески предупреждал, что происходит движение в направлении глобальной системы, состоящей из тесно взаимосвязанных единиц, подобно тому, как переплетены нейроны в мозге, а не «представляющей собой подобие бюрократической административной единицы». Поэтому и в будущем, скорее всего, в ООН разгорится борьба по поводу принятия новых членов – региональных, религиозных и экономических субъектов (последних должны представлять корпорации). Постепенное превращение нации-государства в опасный анахронизм должно вести к созданию новых политических форм для установления более адекватного глобального порядка[135].

Ряд положений американского футуролога вызывает возражения, хотя он и верно обозначил основную тенденцию. Для него в эпоху цивилизации Третьей волны меняется всё: политическая власть и государство, семья и общество, экономика и наука. Однако мыслитель слишком пессимистичен по отношению к семье, традиционным религиям, которые, на наш взгляд, всё-таки сохранятся.

В целом в социальной философии в последние десятилетия был поднят вопрос о состоянии государства. Польский и английский социолог З. Бауман выводит тенденцию эволюции размывания государственного суверенитета уже из эпохи противостояния западной и советской систем: тогда происходила надгосударственная интеграция в виде двух складывающихся блоков, шла именно

---

[134] Тоффлер Э. Третьяволна. М., 2002. С. 500.
[135] Тоффлер Э. Указ. соч. С. 524–525.

их борьба, а не самих государств[136]. Добавим, что примерно в том же духе рассуждает и отечественный исследователь Л.Е. Гринин[137].

З. Бауман отмечает, что в современных условиях хаоса и анархии происходит слом трёх опор государства: военного, экономического и культурного суверенитета, – что ведёт к превращению данного института в инструмент неподконтрольных ему сил[138]. Если в политической сфере государство ещё как-то сохраняет свои позиции, то экономика освобождается от государственного контроля. Неосторожные шаги государства вызывают карательные меры со стороны мировых рынков. У государства сохраняются лишь небольшие прерогативы в экономической сфере. Глобальный капитал заинтересован в существовании на мировой арене слабых государств, что способствует более лёгкому продвижению капитала. «Слабые государства – это именно то, в чём нуждается Новый Мировой Порядок»[139].

Другой английский социолог Э. Гидденс, рассматривая процессы глобализации, также констатировал возможность грядущих изменений статуса нации-государства, аргументируя это ослаблением эффективности экономической политики государства[140]. Государствам необходимо пересмотреть свою идентичность в целом: сейчас им угрожают риски и опасности, а не враги, «что коренным образом меняет саму природу» государства[141].

В связи с происходящим изменением мира Э. Гидденс выделяет т. н. «институты-пустышки», т. е. структуры, не способные выполнять стоящие перед ними задачи. Это относится не только к государству: повсеместно

---

[136] Бауман З. Глобализация. Последствиядлячеловека и общества. Глава 3. Национальное государство – что дальше? URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4985/4988 (дата обращения: 20.10.2013).
[137] Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31. URL: http://ru.znatock.com/docs/index-4909.html (дата обращения: 20.10.2012).
[138] Бауман З. Указ. соч.
[139] Бауман З. Указ. соч.
[140] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 34.
[141] Гидденс Э. Указ.соч. С. 35.

возникают институты, которые внешне выглядят так же, как и раньше, и носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри[142].

В политической науке тоже ведётся обсуждение проблемы государства в условиях формирования глобального сообщества. В 1999 году израильский учёный М. ван Кревельд указал ряд тенденций, ведущих к ослаблению государства:

– появление ядерного оружия;

– глобализация;

– кризис социального государства;

– кризис государственной модели в странах Третьего мира, куда она была «бездумно перенесена из Европы».

Эти причины способствовали приближению «мира после государства». В подтверждение своей позиции израильский учёный констатировал утрату влияния традиционных институтов, рост насилия внутри отдельных стран. Падение авторитета власти ведёт к появлению своеобразных пустых, бесконтрольных зон, на которых царят войны и грабёж (Сомали, Сьерра-Леоне).

Одновременно происходит интеграция государств, появление таких региональных объединений, как: НАФТА, Евросоюз (ЕС), АСЕАН и МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южной Америки). Технологические и иные изменения подталкивают страны к сотрудничеству друг с другом, в т. ч. за счёт частичного ограничения своего суверенитета. Логика присутствия в крупных организациях побуждает государства передавать часть полномочий низшим звеньям: регионам, округам и т. п. Возникает всё больше организаций, в том числе и общественных, которые, возможно, в будущем станут более эмансипированными от государства. Притом их контроль над своими членами начнёт возрастать[143]. Обозначив факторы ослабления государства М. ван Кревельд тем не менее, подробно не останавливается на вопросе о том, какие именно альтернативы государству возможны.

---

[142] Гидденс Э. Указ. соч. С. 35.

[143] Creveld M. The State: Its Rise and Decline. URL: http://mises.org/daily/527 (дата обращения: 20.10.2013).

Проблеме государства в условиях глобализации уделили внимание и ведущие школы теории международных отношений. Центристскую позицию по отношению к государству в современном мире занимает неолиберализм. Представители данной парадигмы выделяют несколько видов суверенитета: национальный, государственный и народный. Неолибералы полагают, что в условиях глобализации, растущей взаимозависимости государств абсолютный государственный суверенитет невозможен. Но он не может быть существенно ограничен – а только регламентирован относительными явлениями и обязательно должен сочетаться с суверенитетами других стран[144].

Неолибералам противостоят неореалисты, защищающие статус государства в условиях глобализации, и представители постпозивтивистских направлений. А.А. Сергунин отмечает, что подход неореалистов к трактовке государственного суверенитета близок к неолиберализму. Признавая ограниченность государства в современных условиях, передачу им части функций наднациональным структурам (таким как Евросоюз) при решении вопросов, связанных с глобальными проблемами, неореалисты полагают, что говорить об отмирании государства неправомерно. Несмотря на глобализацию, данный институт сохраняет свою актуальность. Даже создание наднациональных структур немыслимо без существенной поддержки со стороны национальных государств. Именно последние содействуют решению возникающих глобальных проблем, следят за большей эффективностью перемещения труда и капитала в современном мире. Другими словами, именно вызовы глобализации делают государственный аппарат более эффективным[145].

Для постмодернизма и постпозитивизма государство зачастую является всего лишь теоретическим конструктом доминирующих в теории международных отношений парадигм. Постпозитивисты продолжают подчёркивать тезис о фактическом исчезновении самого государства в условиях глобализации. В современном мире происходит процесс передачи государством своих функций

[144] Сергунин А.А. Указ. соч. С. 232.
[145] Сергунин А.А. Указ. соч. С. 234.

на субнациональный уровень. Помимо этого, в глобальном мире действуют транснациональные институты и частные акторы, неподконтрольные государству[146].

Нужно сказать, что и повестка дня в последние десятилетия всё настойчивее ставит вопрос о возможности кризиса современного государства[147], которое, по всей видимости, «начинает постепенно уступать место более крупным единицам»[148]. Неслучайно аналитики начали рассматривать и сценарии формирования негосударственного мира, в котором ведущую роль при решении глобальных проблем станут играть ТНК, неправительственные организации, академические институты, олигархи, мегаполисы[149].

Например, не исключены такие акторы, как: Бильдербергский клуб, «Трёхсторонняя комиссия»[150]. Главной целью Бильдербергского клуба является формирование транснационального управления, а в число планов входит объединение стран «посредством различных запутанных финансово-экономических договоров, которые бы подчиняли их политику интересам мировой торговли и контролю всемирной элиты»[151].

Помимо клубов, на мировую арену начинают выходить и «глобальные города» в лице таких мегаполисов, как: Нью-Йорк, Гонконг, Сингапур, Токио[152], –

---

[146] Сергунин А.А. Указ. соч. С. 235.

[147] См. напр.: Biswas Sh. W(h)iter Nation state. National and state identy in the Face Fragmentation and Globalisation // Global Society. Vol. 16, No. 2. 2002. URL: http://web.centre.edu/lorihm/biswas.pdf$ (дата обращения: 20.10.2012); Suter K. The future of the nation-state in an era of clobalization. URL: http://global-directions.com/Articles/Business/GlobalizationScenarios.pdf (дата обращения: 20.10.2012); Howison P. The Decline of the Nation-State. URL: http://pacificempire.org.nz/2007/05/15/the-decline-of-the-nation-state (дата обращения: 20.10.2012).

[148] Гринин Л.Е. Глобализация и проблемы национального суверенитета // Вызовы современности и философия: материалы круглого стола… / Под общ. ред. И.И. Ивановой. Бишкек. С. 45. URL: http: // anthropology.ru/ru/texts/grinin_le/modphil02_04.html (дата обращения: 20.10.2012).

[149] Выходец Р.С., Шляпников В.В. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры (обзор доклада Национального совета по разведке США) // Геополитика и безопасность. 2013. № 2. С. 33.

[150] См., напр.: Мурай О.В. Новое глобальное общество под общим руководством // Геополитика и безопасность. 2010. № 3. С. 77–81.

[151] Ирхин Ю.В. Роль сетевых и теневых организаций транснациональных элит в мировой политике // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 81.

[152] См., напр.: Сухарева Е.А. Феномен глобального города, как международного центра силы //Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 361–368; Слука Н.А., Карякин В.В.,

становящихся крупными центрами международной деловой, политической, социальной жизни, привлекая к себе капитал и кадры[153], вступая в союзы с ТНК, другими мегаполисами[154]. Города-государства превращаются в центры, оторванные от своих национальных основ. Исходя из этого не исключён вариант, как, например, и в Средние века, когда подобные образования начнут прибегать к помощи новых наёмников или «классу новых воинов» (о них речь ещё впереди). Более того, повторение позднего Средневековья (или античности) возможно и в виде формирования новых союзов городов наподобие Ганзейского[155].

Неслучайно появляются такие документы, как «Доклад Кардосо», составители которого определили единицы местного уровня и институты в качестве важнейших элементов мирового гражданского общества. Автономия местного уровня являлась одним из критериев нормального функционирования мировой системы[156].

Л.В. Савин указывает на новые подходы, появляющиеся в последнее время. Д. Фридман из Стратфора, например, в футурологическом анализе неоднократно упоминает космические платформы, которые будут иметь чрезвычайно важную роль в геополитике, а эксперты из ВМФ США задаются вопросами плавучих городов-государств в недалёком будущем[157].

Представители компании «Гугл» Э. Шмидт и Д. Коэн в своей книге констатировали наступление виртуальной эры и отметили, что это приведёт к укреплению одних и ослаблению других государств. Вражда начнёт переноситься в виртуальный мир. Авторы не исключили даже возникновения виртуальных государств, а также борьбу за сферы влияния в интернете. Таким

Колясев Е.Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1. С. 203–226.

[153] Глобальная геополитика / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М., 2010. С. 127.

[154] Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб., 2004. С. 59.

[155] Ханна П. Подходим к новому Средневековью // Полис. 2010. № 1. С. 148.

[156] Панкевич Н.В. Мегаполисы в условиях суверенитета. Рост политической локальности как парадокс глобализации // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 97.

[157] Савин Л.В. Как эволюционируют государства экс-СССР? (мнения). URL: http://www.iarex.ru/fd-non/kirgizia/33388.html (дата обращения: 25.02.2013).

образом, всё говорит об ослаблении роли традиционных государств[158]. В целом, можно согласиться с мнением П. Ханны и ряда других мыслителей, что ситуация начинает напоминать Средневековье.

В последнее время появляется всё больше работ, посвящённых цифровому государству. В некоторых публикациях речь идёт больше о внутреннем устройстве таких «цифровых государств», «государств-платформ»[159]. Вместе с тем в одном из докладов, посвящённых цифровому обществу, указываются риски государства в современном глобальном цифровом мире. Используя чужие цифровые технологии, государство может утратить суверенитет, поэтому и выход для любого государства состоит в развитии собственных цифровых технологий и создании собственной цифровой экономики[160].

Появляются работы, в которых цифровизация рассматривается как один из важных факторов геополитики и как одно из средств усиления нации-государства на мировой арене[161]. Здесь возникает важная проблема – суверенитет государства в цифровую эпоху, но она требует особого изучения и выходит за рамки нашей диссертации. Тем более что исследования указанной тематики только начинаются. Кроме того, отчасти к данной проблеме мы ещё обратимся чуть ниже.

Говоря о расширении игроков на мировой арене, можно отметить и рост структур, имеющих квазигосударственный, транснациональный и трансграничный характер, формирующих свои военно-политические союзы

---

[158] Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М., 2018. С. 101, 121.

[159] Кириленко В.П. Фотопулу А. Проблемы цифрового государства в современном обществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2. С. 49–56; Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М., 2018. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf (дата обращения: 03.07.2020); Цифровое правительство 2020. Перспективы для России. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/175787743/?page=4&*=LwrxT85EGL7nCrpHAUtsdS%2F3NHB7InVybCI6Imh (дата обращения: 03.07.2020).

[160] Агеев А., Аверьянов М. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 119, 121, 125.

[161] Ефременко Д.В. Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 25–43.

(НАТО, ШОС, Евразийский союз и т. п.)[162]. Они имеют возможность оказывать существенное влияние на позиции отдельных стран в постсовременном мире.

Появление тезиса об ослаблении государства вызвано рядом причин. Во-первых, итогом наблюдений за складывающейся мировой конъюнктурой. Во-вторых, определённым политическим заказом, стремлением воспользоваться временными трудностями данного политического института либо выдать желаемое за действительное. Однако государство сохраняет потенциал для существования в качестве главного субъекта международных отношений: от него многое зависит в международных отношениях на современном этапе. Оно ещё долго будет ведущим игроком на мировой арене, поскольку в обозримом будущем только данный институт сможет решать большинство актуальных вопросов.

Типичным является высказывание британского политолога и дипломата Р. Купера, считающего, что государство в современном понимании «останется основной единицей международных отношений в обозримом будущем», несмотря на то что отдельные государства уже не ведут себя так, как должны[163]. Л.Е. Гринин даже предположил, что возможен своеобразный «ренессанс» роли государства и его активности на мировой арене[164]. На наш взгляд, о ренессансе государства, возможно, не имеет смысла говорить, т. к. оно пока существенно не утратило свои позиции, а только оказалось незначительно потеснённым другими субъектами.

Мировой экономический кризис 2008 года поставил на поевестку дня не только вопрос об ослаблении государства как политического института, но и вопрос о необходимости обращения к государственным рычагам регулирования экономики. Итальянский политолог К. Галли в связи с этим

---

[162] См. напр.: Карякин В.В. Американская неоимперия эпохи постмодерна // Свободная мысль. 2013. № 3. С. 124; Väyrynen R. Models of a New World: towards a Synthesis // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics. 2019. Vol. 12, No. 3. P. 189–206.

[163] Cooper R. The Post Modern State. URL: http://fpc.org.uk/articles/169 (дата обращения: 23.03.2015).

[164] Гринин Л.Е. Приведёт ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. 2009. № 2. С. 137.

отмечает, что, несмотря на резкое снижение эффективности государства, оно является «богатым и обширным пространством, вмещающим в себя теоретические и практические знания, опыт и организационную мощь, превосходя в этом отношении любую корпорацию»[165]. Только государство «продолжает обеспечивать единственный тип политического контроля, легитимность которого граждане готовы признать при необходимости, хотя бы отдавая дань традиции». Поэтому и политическая борьба, как правило, – борьба за территорию и за национальное государство[166].

Также и отечественный исследователь С. Переслегин констатировал, что государство останется высшей организующей структурой социальной среды, основным актором развития социосистемы и единственным субъектом управления территориями. Корпорации, по его мнению, не могут взять на себя такие обязанности, поскольку это противоречит главному принципу их функционирования – получению прибыли. Некоторые функции государства могут перейти к разного рода сообществам, но не ко всем[167].

Размышляя о кризисе суверенитета, американский политолог П. Ханна отмечает: государства бывают разные, не являясь чем-то унифицированным, поэтому одни государства сохранятся, а другие будут заменены «новыми формами организации людей посредством технологии, ресурсов, идеологии и финансов»[168].

Пандемия коронавируса также вызвала появление сценариев, согласно которым после неё наступит укрепление роли государства, или рассуждений об ослаблении таких организаций, как: ООН, ОБСЕ, ШОС, БРИКС[169]. Однако

---

[165] Галли К. Национальное государство в глобальную эпоху // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. С. 155.
[166] Галли К. Указ. соч. С. 155.
[167] Переслегин С. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М. – СПб., 2009. С. 304.
[168] Ханна П. Новое Средневековье. Как способы управлять миром отстают от реальности // Россия в глобальной политике. 2012. № 2. С. 52.
[169] См. напр.: Алексеева-Карневали О. Точка инфлексии: мир после пандемии COVID-19. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/tochka-infleksii-mir-posle-pandemii-covid-19/?sphrase_id=41582439 (дата обращения: 05.07.2020); Громыко А.А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020.

здесь пока рано говорить о каких-то тенденциях, и в этом плане можно согласиться с осторожным мнением К.С. Гаджиева: возможны корректировки процесса глобализации. Учёный приводит мнения некоторых западных экспертов, по сути, соглашаясь с ними в том, что вероятен баланс между национальным и глобальным[170]. Характер публикации К.С. Гаджиева очень осторожный, поскольку статья писалась в разгар пандемии (весна 2020 года), когда у части наблюдателей возникало мнение о погружении мира в состояние неопределённости.

Типичным является утверждение некоторых авторов, согласно которым процесс глобализации, приостановленный пандемией коронавируса, должен возобновиться[171].

В нашей работе необходимо отдельно остановиться ещё на одной группе концепций, которую особенно часто начали вспоминать в период пандемии коронавируса (правда, пока больше в публицистике). Речь идёт о глобалистских теориях. Мы уже отчасти отмечали, что мировой политический процесс, ведущий к созданию единого пространства (политического, экономического и культурного), способствует появлению идей о создании наднациональных, надгосударственных органов власти, институтов. Напомним, что представители германской школы геополитики выступали с идеями мирового государства, государства-континента. Неолибералы считали возможным формирование наднациональных органов власти в условиях глобализации.

Продолжением подобных идей в какой-то степени стало движение мондиализма[172]. Близки к этому идеи глобализма, имеющие более политическую заострённость. Некоторые авторы трактуют глобализм как принципиально новую

№ 2. С. 10; Громыко А.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 6–19.

[170] Гаджиев К.С. Турбуленция современного мира через призму коронавирусной пандемии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 258-259.

[171] Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Новый глобальныйэкономический кризис: как изменится глобализация? // Контуры глобальныхтрансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 34–52.

[172] См., напр.: Felder D.W. The Call for a World Constitutional Convention: An Application of John Locke's Theory of Revolution. URL: http://www.bu.edu/wcp/Papers/Poli/PoliFeld.htm (дата обращения: 15.03.2012).

всемирную систему, «все структурные элементы которой (страны, народы и др.) находятся в теснейшей и неуклонно углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости»[173]. Подобная формулировка отождествляет идеи глобализма с процессом глобализации.

В этом отношении нас будут интересовать анализ идеологии глобализма, и, помимо этого, существующие концепции формирования всемирных органов управления в связи с судьбами нации-государства. В России (и не только) возрастает интерес к глобалистским теориям, но, как правило, преимущественно в области публицистики, а не научного анализа. Судьбы государства присутствуют в данных построениях, поскольку будущее суверенитета во многом зависит именно от складывающейся ситуации.

В случае возможной реализации глобалистских проектов, о чём предупреждают некоторые политологи, государство, скорее всего, окажется подчинено определённым наднациональным структурам, влияющим на судьбы мира. Таким образом, глобалистский сценарий можно рассматривать и как одну из альтернатив нации-государству, поэтому мы обратимся к некоторым трудам, посвящённым данной модели.

Одним из первых в России уделил внимание феномену глобализма А.С. Панарин. Учёного глобализм интересовал как фактор перераспределения власти и ресурсов в мире, влияние этих идей на статус государства. Философ отождествляет такие понятия, как «глобализм» и «неолиберализм», отмечая при этом, что последний изменил либеральной идеологии, отбросив одновременно христианство и идеалы Просвещения, а затем перешёл к открытому социал-дарвинизму.

Глобализм – это новейшая форма нигилизма, ищущая себе алиби в т. н. объективных тенденциях[174], а также своеобразная демократия для привилегированного экстерриториального меньшинства, характеризующегося наличием разнообразных прав и отсутствием ответственности перед «туземным

[173] Глобализм. Политический словарь. URL: http://enc-dic.com/politic/Globalizm-1482/ (дата обращения: 15.03.2012).
[174] Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2003. С. 5.

населением»[175]. Глобализм выступает инструментом Евроатлантики для продвижения своих интересов[176]. Одним из главнейших субъектов данной идеологии является формирующийся глобальный управляющий класс, выступающий в роли замкнутого международного клуба со своей корпоративной этикой, ничего общего не имеющей с обычной гражданской этикой, обязывающей служить своей стране, своему народу и государству[177].

В числе ведущих причин агрессивности глобализма – потребительский дух западной цивилизации, поскольку перед Евроатлантикой возникла альтернатива: сокращение потребления ресурсов либо новый передел мира. Западная элита выбрала второй вариант[178]. Мыслитель усматривает и ещё один важный аспект: манихейское противостояние остальному миру как погрязшему во зле, характерное для США изначально[179]. Другой социокультурной причиной агрессивности является творческое бесплодие, охватившее западный мир, и вытекающая из этого чрезмерная экспансия.

Проявления глобализма на практике заключаются в следующем. Во-первых, отвергая традиционные ценности, он выступает в роли их разрушителя. В этом плане проводимая неолибералами политика модернизации и вестернизации ведёт к архаизации общества и его деградации. Нужно не бездумно вестернизировать другие страны, что приводит к отрицательному эффекту, а налаживать сотрудничество цивилизаций в их совместном противостоянии варварству как общей опасности для современного человечества[180].

Во-вторых, происходит отрицание демократии, поскольку интересы общества, испытывающего на себе реализацию глобалистского проекта, не совпадают с целями компрадорской элиты, стремящейся обменять ресурсы

---

[175] Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. С. 164–165.
[176] Панарин А.С. Искушение глобализмом. С. 5–6.
[177] Панарин А.С. Искушение глобализмом. С. 6.
[178] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 55.
[179] Панарин А.С. Искушение глобализмом. С. 101.
[180] Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 300.

страны на власть[181]. Правящие элиты начинают выступать проводниками интересов транснациональных групп, что ведёт к потере суверенитета страны.

В-третьих, глобализм способствует регрессу во всех сферах общества[182].

В-четвёртых, появляется новый тип личности – подверженный манипуляции, стремящийся освободиться от культурных ограничений. Такие личности, как правило, отрываются от своих истоков, идут на поводу у компрадорских элит[183]. В-пятых, глобальный социальный раскол мира по вертикали: между новыми богатыми и новыми бедными. Первые отбрасывают культуру, традицию, а вторые, явившиеся следствием гибели социального государства, выступают в роли её защитников[184].

В-шестых, сталкиваются две идеологии: американизм и антиамериканизм. Первая – идеология богатых всего мира, восхваляющая США как неоспоримый авторитет и непревзойдённый образец для всего человечества. Антиамериканизм выступает как идеология обездоленного большинства мировой периферии[185].

В-седьмых, происходит отлучение человека от действительности и погружение его в «морок виртуального мира», реальность (опыт, богатство, производство; добавим ещё общение, деятельность) заменяется симулякрами[186].

Исходя из этого формируются три варианта будущего:

– глобальная победа «американского агрессора», стремящегося монопольно владеть ресурсами всей планеты;

– внутреннее самоочищение стран, уже подвергшихся атаке капитулянтских и компрадорских элементов, поощряемых внешним врагом, и создание на этой основе новых стартовых позиций в мировой войне богатых и бедных;

– появление на мировой периферии «новых варваров»[187].

---

[181] Панарин А.С. Православная цивилизация. С. 165.
[182] Панарин А.С. Искушение глобализмом. С. 11.
[183] Панарин А.С. Православная цивилизация. С. 109.
[184] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 372.
[185] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 388–390.
[186] Панарин А.С. Православная цивилизация. С. 73.
[187] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 418.

Успех антиамериканистских сил (т. е. бедных) – в обращении последних к церкви, к великим монотеистическим традициям Востока, а также к забытым Западом идеям Просвещения. Возможно размежевание евроатлантического мира в случае успеха европейских левых и их союза с культурами Востока[188].

Какие выходы для мира в ситуации противостояния глобализма и традиции, богатых и бедных? Во-первых, образование транснациональных федераций-империй, в основном по принципу цивилизационного сходства (т. е. в ареале мировых религий) в качестве противовеса глобализму. Такие пространства могут оформиться в теократии, возглавляемые кастами жрецов, с господством какой-то одной религии, а социальное государство станет системой нового патернализма, воодушевлённого заботой не только о спасении тела, но и о спасении души[189]. Правда в другом месте А.С. Панарин уже пишет о единой сверхдержаве бедных, противостоящей государству богатых[190]. По существу, это идея двух глобальных государств. Во-вторых, необходим союз России с древними культурами Востока: Китаем, Индией и миром ислама. Именно многополярный (или полицивилизационный) мир сможет стать противовесом реализации идеологии глобализма.

С одной стороны, ряд положений А.С. Панарина вызывает вопросы и полемику. В его работах часто обнаруживается двойственное восприятие мира: критикуя неолибералов за чёрно-белое видение, он сам невольно допускает ту же ошибку.

А.С. Панарин неоправданно отождествляет идеологию антиглобализма (в его понимании – идеологию бедных) с мировыми религиями. Это разные явления. Идеологией антиглобализма не может стать то, что зародилось гораздо раньше, ещё тогда, когда и речи быть не могло о глобализме.

Кроме того, не совсем ясно, что будет представлять собой глобальное государство бедных. Если анализировать мысли философа, то получается, что мы

---

[188] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 534.
[189] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 328.
[190] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 483.

видим новую сверхдержаву, диктаторскую по своей сути, вооружённую православием. Но далеко не все примут такой проект, даже среди бедных.

Справедливо упрекая Америку в экспансионизме, автор не учитывает, что в самих Штатах не все довольны имперским бременем, хотя и признаёт в будущем раскол Америки по принципу Север-Юг. Существует множество внешних ограничителей могущества США, о которых мы скажем подробнее в третьей главе. Следует иметь в виду и положительные стороны глобализации для стран Юга (т. е. развивающихся стран), на которые указывают западные учёные (Д. Бхагвати, Ф. Закария, К. Престовиц)[191]. В самом неолиберализме существует несколько течений, конкурирующих друг с другом. Часть неолибералов считает стратегию силового глобализма и унилатерализма бесперспективной, чреватой истощением ресурсов США[192]. Для некоторых направлений характерна тенденция к смягчению социального неравенства в обществе[193] – из их рядов раздаются предложения по поводу того, что государству не надо брать на себя излишние функции, чтобы оставались силы заниматься именно тем, чего рынок не сделает, – культурой, экологией, поддержанием правопорядка[194].

Можно считать упрощённой схему новой биполярности, предложенную А.С. Панариным. Скорее всего, современный мир будет гораздо более сложным, хотя его деление по линии богатый Север – бедный Юг отчасти сохраняется. Не исключено, что появятся в мире вновь две сверхдержавы, но вряд ли они будут делиться по принципу «государство бедных против государства богатых».

Вместе с тем в исследованиях А.С. Панарина много интересных и актуальных наблюдений. Ряд оценок мыслителя разделяется исследователями.

---

[191] См., напр.: Бхагвати Д. В защиту глобализации. М., 2005; Доллар Д., Край А. Путь к процветанию // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_19 (дата обращения: 10.12.2013).

[192] Сирота Н.М. Политические идеологии: генезис и современные формы. СПб., 2009. С. 35–36; Фукуяма Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2009.

[193] Сирота Н.М. Указ. соч. С. 35.

[194] В частности, об этом говорил профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Д.Я. Травин в приватной беседе.

К примеру, некоторые авторы, как и А.С. Панарин, склонны акцентировать внимание на негативных сторонах идеологии глобализма[195].

В связи с темой нашего исследования заслуживает внимания мысль А.С. Панарина о создании транснациональных федераций-империй, образованных по принципу цивилизационного сходства. В ней можно видеть прообраз новых образований, идущих на смену традиционному государству, а также акцент на приоритетности цивилизационного пути развития России. Хотя следует отметить, что А.С. Панарин отрицал локальную трактовку цивилизации в тойнбиански-хантингтоновском смысле.

Идеология глобализма также была рассмотрена М.А. Мунтяном, выделившим два смысла данного феномена:

1) идеологические концепции, связанные с глобализацией как объективным вектором мирового развития и реальными явлениями жизни человечества (данное значение часто подменяется, что приводит к недоразумениям);

2) идеологические концепции, камуфлирующие глобальную стратегию развитых стран Запада, в первую очередь США[196].

Соответственно, существует и несколько типов глобализма:

– глобализм Просвещения – тенденция, направленная на формирование единого мирового пространства, основанного на универсалиях прогресса, равно доступного всем;

– глобализм правящих элит, вступивших в сговор и стремящихся к установлению мирового глобального порядка, предполагающего ограничение «национального эгоизма и «местных интересов»;

– превращение одной державы в монопольного носителя мировой власти – однополярной глобальной системы.

---

[195] Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004; Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., 2007; Ивашов Л.Г. Мир в XXI веке. URL: http://topwar.ru/10962-leonid-ivashov-mir-v-hhi-veke.html (дата обращения: 03.07.2014); Ивашов Л.Г. Россия в геополитическом контексте XXI века // Геополитика и безопасность. 2010. № 4; Ивашов Л.Г. Глобальный мир стремится к биполярности // Геополитика и безопасность. 2012. № 1.

[196] Мунтян М.А. Идеология глобализма и современный мир. URL: http://medvedev.viperson.ru/wind.php?ID=205780&soch=1 (дата обращения: 03.11.2014).

Таковы основные типы глобализма, выделяемые исследователем (совпадающие в чём-то с панаринскими оценками). Притом один из типов учёный склонен оценивать более положительно, хотя и не уделяет ему большого внимания в своей работе, в отличие от западных авторов.

М.А. Мунтян, хотя и с осторожностью, соглашается с оценками А.С. Панарина: в мире налицо факт отказа от идей Просвещения и подмена их проектом социал-дарвинистского отбора, выбраковывания лишних, неприспособленных к новой жизни людей[197]. Но в целом, рассуждая о глобализме, М.А. Мунтян более оптимистичен, нежели А.С. Панарин.

К числу современных авторов, также размышляющих о глобализме, можно отнести И.Ф. Кефели. Прообразом формирующегося в наше время однополярного мира он считает империализм начала XX века. Данные явления развивались примерно по одним законам, однако между ними произошёл исторический разрыв, обусловленный существованием социалистической системы и приведший к появлению новых феноменов и закономерностей[198].

Основным двигателем всех глобальных процессов выступают ТНК, глобальный рынок товаров и услуг, виртуальная экономика и виртуальные финансы. Подобно А.С. Панарину, И.Ф. Кефели указывает на обострение конкурентной борьбы за природные ресурсы и рынки сбыта, что лежит в основе экономической глобализации. В координатах складывающегося мирового рынка богатство остальной части человечества всё более теряет свою национальную принадлежность и постепенно начинает выступать в качестве источника доходов стран «Золотого миллиарда».

Экономическая глобализация, реализующая идеологию неолиберализма, определяется рыночными, а не государственными механизмами. Проводниками глобализации являются не только ТНК, но и мультинациональные корпорации, МВФ, НАТО и др. И.Ф. Кефели, в отличие от А.С. Панарина, выделяет ещё одну важную тенденцию, связанную с глобализацией: рост экономической

[197] Мунтян М.А. Идеология глобализма и современный мир.
[198] Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. С. 57.

и политической роли мегаполисов, всё чаще выступающих в качестве самостоятельных акторов в мировой экономике[199]. Однако навязывание идеологии глобализма вызывает в мировом сообществе и обратную реакцию в лице движения альтерглобализма. Также в качестве противовеса навязываемому проекту могут выступать геоцивилизации[200]. Здесь можно увидеть прямую перекличку с идеями А.С. Панарина, размышлявшего о крупных территориальных образованиях.

Интерес представляет концепция Ю.В. Яковца и А.А. Акаева. Авторы констатируют, что XXI век станет веком цивилизаций оттеснивших государства-нации[201]. Уже в начале нашего столетия насчитывается 12 цивилизаций[202]. Рост взаимозависимости и рискованности глобального развития ставит на повестку дня вопрос об усилении эффективности глобальных органов управления, в первую очередь ООН как организации, которая представляет интересы не только государств, но и цивилизаций. ООН должна стать своеобразным Всемирным правительством[203].

Совет Безопасности должен быть превращён в Палату цивилизаций, в которую будут входить представители т. н. двенадцати цивилизаций пятого поколения. Авторы чётко прописывают структуру аппарата ООН, указывая на функции, которые при этом будет выполнять Генеральная Ассамблея и Генеральный Секретарь ООН, а также отделы данной организации. Структура ООН как глобальной цивилизационной организации будет иметь шесть контуров: законодательный, исполнительный, судебный, Всемирную общественную палату как представительницу гражданского общества, финансово-экономический отдел и цивилизационно-региональный. В последний будут входить цивилизационные

---

[199] Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. С. 57–59.
[200] Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб., 2007. С. 185.
[201] Яковец Ю.В., Акаев А.А. Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнёрства цивилизаций. М., 2016. С. 25.
[202] К их числу, по мнению авторов, относятся три цивилизации Европы (Западноевропейская, Восточноевропейская, Евразийская), шесть цивилизаций Азии и Африки (Китайская, Индийская, Японская, Буддистская, Мусульманская, Африканская) и три недавно отпочковавшиеся от Запада цивилизации Америки и Океании (Североамериканская, Латиноамериканская и Океаническая).
[203] Яковец Ю.В., Акаев А.А. Указ. соч. С. 58.

объединения (ЕС, СНГ, Организация исламских государств), межцивилизационные (НАФТА, АТЭС, Африканский союз) и региональные объединения государств (типа МЕРКОСУР)[204].

Государства передадут часть полномочий на надгосударственный уровень – региональным интеграционным и цивилизационным объединениям, что приведёт к трансформации их функций и суверенитета. Однако само государство не утратит полностью свой суверенитет, став неким подобием внутригосударственных, региональных и муниципальных органов власти. Должно произойти именно оптимальное распределение компетенций между властными структурами различных уровней[205].

Из современных отечественных авторов интерес представляют работы Е.Г. Пономарёвой. Если А.С. Панарин в целом критикует глобалистский проект на практике, мало уделяя внимания конкретным концепциям, то Е.Г. Пономарёва как раз акцентирует внимание на теориях ослабления государства. По её мнению, ещё с конца 1980-х годов стала формироваться концепция глобального управления, а параллельно возникла и начала развиваться теория размывания национального суверенитета. Суть данной концепции в необходимости решать глобальные проблемы, такие как: экология, урегулирование конфликтов, образование, здравоохранение, бедность. Представители специальной комиссии (Инициативы глобального управления) отмечали, что данные вызовы имеют глобальное значение: не только государство, но и мировое сообщество должно заниматься ими[206].

Автор выделяет несколько сценариев, разрабатывающихся представителями западной интеллектуальной элиты. Сторонники первого из них (Ж. Аттали), т. н. «наднационального управления» полагают, что важнейшим фактором глобального развития являются ценности демократии и рынка. Соответственно, необходимо сформировать средства для реализации т. н. «глобального

[204] Яковец Ю.В., Акаев А.А. Указ. соч. С. 58–61.
[205] Яковец Ю.В., Акаев А.А. Указ. соч. С. 65.
[206] Пономарёва Е.Г. Будущее суверенитета: научный дискурс и политическая практика // Развитие и экономика. 2014. № 11. С. 52.

суверенитета»: правительство и парламент, центральный банк и общую валюту, а также планетарные системы налогообложения, полицию и юстицию и т. п.

Ж. Аттали предлагает на первом этапе создать «скромное» мировое управление, затем расширить «Большую восьмёрку» до «Большой двадцатичетвёрки». Далее на базе последней и Совбеза ООН сформировать Совет управления. Существующие ныне крупные финансовые институты (МВФ и др.) будут подчиняться данному Совету. В качестве основных шагов по реализации указанного сценария необходимо реформировать ООН, в которую теперь планируется принимать не все страны, а только соответствующие определённым показателям (размер населения и т. п.). Остальные страны могут входить в ООН, но уже в рамках региональных организаций.

Важным шагом будет являться создание мирового парламента и мирового правительства. Последнее должно формироваться ООН по согласованию с мировым парламентом. Притом такое правительство должно иметь и силовые структуры (армию и полицию). Кроме того, предполагается создание сети организаций и агентств, а также системы независимой информации.

Второй сценарий Е.Г. Пономарёва называет «демократическими империями». Суть его в демонтаже суверенных государств и замене их несколькими империями. Е.Г. Пономарёва в связи с этим приводит мнение испанского политолога Д. Коломера, считающего, что мировой политический процесс приведёт к формированию пяти крупных империй. Правда, на наш взгляд, Д. Коломер допускает, что тип политического режима в империях может быть разнообразным, не обязательно демократическим.

Третьим сценарием является неореалистская теория «гегемонистской стабильности». Согласно данному подходу, отмечает исследователь, руководство миром осуществляет либеральное государство-гегемон, существенно превосходящее остальные страны по экономическим и военным показателям, опирающееся на согласие других держав и задающее правила игры. При этом гегемон должен уметь жертвовать своими интересами ради благополучия всей системы.

И последний сценарий – «контролируемая нестабильность» (другими словами, управляемый хаос). Ситуация, когда в интересах глобального лидера в мире создаётся хаос посредством демократического транзита, рыночных реформ и иных методов.

Альтернативу данным сценариям Е.Г. Пономарёва усматривает в полицентричном мире, плюрализации международных отношений (проявляющейся в становлении новых центров силы, таких как: Россия во главе Евразийского союза, Китай и Индия)[207].

В свою очередь О.Д. Абрамова выделяет следующие концепции глобального регулирования:

– мировое правительство – своеобразная увеличенная модель национального государства;

– трансформация существующей системы ООН – суть её либо в увеличении полномочий Совета Безопасности ООН, либо в превращении Совета Безопасности ООН и Генеральной Ассамблеи ООН в квазиправительство и квазипарламент. Данная концепция, по словам автора, находит больше сторонников, но отличается узкоэтатистским подходом, сводящим всё глобальное сообщество «к жёстким рамкам государства»;

– политическое управление глобальным развитием – согласно данному подходу глобальные лидеры (или одна сверхдержава, или несколько государств) будут «подталкивать» глобализацию в нужном русле;

– корпоративное глобальное управление, заключающееся в привлечении к решению глобальных задач не только государств, но и иных значимых акторов (ТНК, международных правительственных организаций);

– глобальное сотрудничество;

– управляемый хаос[208].

Начавшийся активный переход к цифровизации обострил вопрос о глобальном управлении. В частности председатель движения «Семья любовь,

[207] Пономарёва Е.Г. Будущее суверенитета. С. 53–56.

[208] Абрамова О.Д. Концептуальные основы внешней политики России в условиях глобальных перемен // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2014. № 1–2. С. 15–16.

отечество» Л.А. Рябиченко ещё в конце 2017 году констатировала в своей статье, что стратегия глобального банковского капитала по созданию механизмов наднационального контроля близится к успешному завершению[209]. Правда автор в данной статье больше перечисляет принятые документы по цифровизации мировой и российской экономики и указывает на риски цифрового общества, нежели обрисовывает определённую структуру будущего глобального управления.

В апреле 2020 года в связи с распространением пандемии коронавируса Л.А. Рябиченко в одной из своих статей попыталась обрисовать возможный сценарий формирования глобального общества во главе с мировым правительством, но статья носит преимущественно публицистический характер[210]. В материале указываются некоторые документы. Например, доклад, приписываемый Фонду Рокфеллеров: «Scenarios for the Future of Technology and International Development. The Rockefeller Foundation, Global Business Network. May 2010» («Сценарии будущего технологий и международногоразвития»).

Данная статья в целом характеризует представления части российской общественности. Например, в 2018 году в докладе публициста В.Г. Филимонова, прочитанном на Рождественских чтениях, была дана трактовка цифрового общества как глобального проекта. В интерпретации В.Г. Филимонова, ведущими в управлении становятся мировые транснациональные банки, навязывающие свои правила государствам (в докладе речь шла больше именно о России) и осуществляющие глобальную власть посредством использования информационно-коммуникационных технологий[211]. Такое определение цифрового общества страдает односторонностью. Но в цели нашей работы не входит разбор

---

[209] Рябиченко Л.А. Идеология цифрового общества как геополитическая стратегия установления наднационального контроля // Культурная безопасность. Интернет-журнал о культуре как факторе национальной безопасности. 2017. URL: http://sec.chgik.ru/ideologiya-tsifrovogo-obshhestva-kak-geopoliticheskaya-strategiya-ustanovleniya-nadnatsionalnogo-kontrolya-2/ (дата обращения: 04.07.2020).

[210] Рябиченко Л.А. Пандемия как инструмент глобализма? URL: http://katyusha.org/view?id=14114 (дата обращения: 04.07.2020).

[211] Филимонов В.П. Цифровое общество и конец истории. URL: https://ruskline.ru/analitika/2018/02/01/cifrovoe_obwestvo_i_konec_istorii (дата обращения: 04.07.2020).

всех трактовок формирующегося социума. Главное – отметить, что существует мнение, сторонники которого связывают цифровое общество с глобалистскими проектами, и наряду с этим, с ослаблением государства.

Пандемия коронавируса актуализировала вопросы о глобальном управлении. Так, например, доктор политических наук В.Б. Павленко указал на то, что эпидемия коронавируса – один из сценариев дальнейшей перегруппировки сил глобалистов[212]. Исследователь разбирает указанный выше доклад Фонда Рокфеллеров, рассматривая основные разработки. По мнению учёного, все эти сценарии дополняют друг друга и фактически указывают на достижение одной цели – нового мира во главе с несколькими глобальными городами, окружёнными мировой деревней. При этом сам автор не даёт своего видения глобалистского сценария, описывая лишь доклад американских аналитиков.

В свою очередь В.Л. Иноземцев, анализируя распространение коронавируса и словно полемизируя с теми, кто утверждал, что страны и регионы мира замыкаются в себе, констатирует, что мир остаётся глобальным. В.Л. Иноземцев высказывается за координацию усилий всех стран мира по борьбе с пандемией, а также за создание глобального управления. Но что из себя будет представлять это глобальное управление, автор не уточняет[213].

В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман в своей публикации осторожнее в выводах, нежели сторонники теории «мирового правительства». Подробно речь о судьбах государства не идёт, но авторы констатируют ослабление сценария либеральной демократии в современном мире. Кроме того, становление электронного государства может привести к развитию электронной демократии. В любом случае вероятны любые сценарии, в т. ч. и эволюция либеральной демократии.

---

[212] Павленко В.Б. Откуда коронавирус и пришел ли конец глобализму? URL: https://regnum.ru/news/society/2902397.html (дата обращения: 04.07.2020).

[213] Иноземцев В.Л. Коронавирус и суверенитет. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/koronavirus-i-suverenitet/?sphrase_id=41497786 (дата обращения: 04.07.2020).

Однако возможности становления мирового правительства авторы данной публикации не рассматривают[214].

Таким образом мы проанализировали работы отечественных исследователей. В целом большинство из них до коронавируса не было склонно оценивать торжество идей глобализма (если его брать в негативном ключе) как неизбежное явление, констатируя рост противодействия в мире данному проекту. Их исследования так или иначе в качестве альтернативы нации-государству указывают на крупные цивилизационные образования или «большие пространства». Повторимся, нации-государству здесь почти не находится места, как и в мондиалистских сценариях, за исключением концепции Ю.В. Яковца и А.А. Акаева, а также, возможно, ещё и Е.Г. Пономарёвой (хотя она всё-таки пишет о России как лидере Евразийского союза).

Ситуация с пандемией коронавируса внесла некоторые коррективы в выводы отечественных авторов, но пока сложно судить о преобладающей тенденции в работах политологов. Кроме того, здесь ещё наблюдаются первые подходы к проблеме, порой имеющие элементы публицистики.

Современные западные авторы также указывают на тенденции формирования глобального миропорядка. По крайней мере, работы некоторых из них не отличаются политической заострённостью, а имеют характер констатации факта «заката Вестфалии» и прихода ему на смену новой системы отношений, в которой государственный суверенитет будет отчасти трансформирован.

Чаще речь идёт о глобальном управлении, что является совершенно иным феноменом, нежели идеология глобализма. Однако подобные дискурсы пересекаются. Даже говоря о глобальном управлении, западные авторы предполагают вероятность создания наднациональных органов власти, мирового правительства, что близко к тематике нашего исследования и о чём также пишет в своих работах Е.Г. Пономарёва.

---

[214] Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. После коронавируса: от оптимизированного старого к новому миру? // Свободная мысль. 2020. № 3. URL: http://svom.info/entry/1034-posle-koronavirusa-ot-optimizirovannogo-starogo-k-/ (дата обращения: 04.07.2020).

Рассматривая кризис «Вестфалии» в контексте глобализации, Р. Фальк трактует последнюю как преобладающую тенденцию в экономической интеграции или более фундаментально как сигнал о рождении планетарной структуры, в которой доминируют рыночные силы[215]. Сам автор признаёт условность данного понятия. Он выделяет два вида глобализации:

1) глобализация сверху – деятельность транснациональных корпораций;

2) глобализация снизу – своеобразный всемирный демократический процесс, функционирование международных неправительственных организаций, формирование глобального гражданского общества.

Говоря о поствестфальском порядке, Р. Фальк констатирует наличие четырёх тупиковых сценариев развития мировой системы.

Во-первых, это «глобальный рынок». Речь идёт о создании в глобальном масштабе рыночных форм политической и мыслительной структуры, что приводит к первой подлинно глобальной цивилизации. Это также предполагает радикальное подчинение территориальных государств, конкретных цивилизационных и религиозных идентичностей и исчезновение таких форм государственного управления, как: дипломатия и войны. В лучшем случае государства будут выживать как подчинённые посредники рыночных отношений и существующих цивилизаций. Однако указанный сценарий недооценивает устойчивость государства, роль силы и конфликта в мире, где существует неравенство материальных стандартов. Возможно и сопротивление созданному глобальному центру со стороны недовольных[216].

Второй тупик «Поствестфалии» – сценарий «мировое правительство». Долгое время мыслители и реформаторы полагались на такое идеальное мировое правительство как единственную серьёзную альтернативу апокалиптической катастрофе. Но и этот сценарий не реален – не ясна передача миротворческой власти, особенно в связи с проблемами безопасности. Государство и идеология национализма сильны. Кроме того, существуют противоречия между богатыми

[215] Falk R. The Declining World Order. Americas imperial geopolitics. NY and London, 2004. P. 18.
[216] Falk R. Ibid. P. 22–23.

и бедными странами. Учреждение такого политического института может привести к триумфу мировой тирании или к крупномасштабной гражданской войне, принимающей угрожающую форму[217].

Третий сценарий – «глобальная деревня». Недостатки этой модели, по мнению Р. Фалька, связаны с тем, что происходит хитрая подмена частью целого. Такая тенденция вполне возможна, однако мало шансов для того, что данная модель в будущем сможет подмять под себя те структуры и отношения, которые сложились сейчас, в том числе регионализм, традиционализм, самоопределение[218].

Четвёртый сценарий – «глобальная империя». События 11 сентября 2001 года и внешняя политика американского руководства, пропагандируемая задача борьбы с глобальным терроризмом обозначили имперский сценарий. На протяжении всей истории международных отношений это вызывало стремительное создание союзов государств, препятствующих возникновению глобальной империи. Сейчас также существуют все основания полагать, что остальная часть мира не будет принимать идею создания глобальной империи. Более того, такой сценарий может привести к восстановлению достижений Вестфальской системы, созданного ею мирового порядка, который основывался на политическом плюрализме и высоком уровне уважения суверенных прав[219].

Р. Фальк считал указанные выше глобальные проекты малореализуемыми и тупиковыми. Однако и старый Вестфальский, «государствоцентричный» порядок не должен сохраниться. Несомненно, роль государств остаётся решающей и не следует предполагать их исчезновение. «Сумерки Вестфалии» – это не только всё более клонящееся к зениту солнце суверенитета, но восход региональной и глобальной политики. Под последней Р. Фальк понимает распространение глобальной демократии.

Поствестфальские государства станут всё более подвержены внешним и внутренним стандартам отчётности, а верховенство закона должно

[217] Falk R. Ibid. P. 23–24.
[218] Falk R. Ibid. P. 24–25.
[219] Falk R. Ibid. P. 24–25.

распространиться на внешнюю политику правительств, которая будет корректироваться с демократической практикой. Одновременно региональные учреждения станут жизненно важными субъектами, придерживающимися рамок, обеспечивающих конституционализм и коллективное благосостояние в пределах региональных границ. Также они будут участвовать в усилиях по повышению качества и количества глобальных общественных благ[220].

В целом Р. Фальк, с одной стороны, как и некоторые его коллеги, связывает глобальный миропорядок с распространением по всему миру демократии. С другой стороны, указывает на формирование регионов как одну из важнейших предпосылок создания нового мирового порядка. Здесь его позиция отчасти совпадает и с российскими авторами, хотя последние больше под регионами понимают цивилизации.

Один из представителей неолиберального подхода Дж. Най-младший трактует глобализм не столько как совокупность идей, взглядов, сколько как процесс (что характерно для части представителей политологического сообщества). Подобно ряду авторов, учёный разграничивает понятия «глобализм» и «глобализация». Если первый – система связей, взаимодействий современного мира, то под последней понимается увеличение или снижение степени глобализма. Другими словами, глобализм – основная сеть взаимодействий, а глобализация – динамическое сокращение расстояния в больших масштабах[221].

Глобализм – явление древнее, и более адекватно оно описывается в категориях «тонкий» и «толстый»». В качестве примера «тонкого глобализма» можно привести Великий Шёлковый путь, связывающий в древности Европу и Азию. Переход от «тонкого» к «толстому» глобализму, по мысли Дж. Ная-младшего, содействует ускорению глобализации. Так, по Великому Шёлковому пути передвигались преимущественно небольшие группы торговцев, и он оказывал непосредственное воздействие только на регионы, находящиеся вдоль

---

[220] Falk R. Ibid. P. 27–28.

[221] Nye J. Globalism Versus Globalization. What are the different spheres of globalism – and how are they affected by globalization? URL: http://www.theglobalist.com/globalism-versus-globalization/ (дата обращения: 29.03.2015).

пути. Однако современные финансовые операции оказывают большее воздействие и на более далёкие расстояния. В результате при глобализации происходит «утолщение» глобализма.

Однако американский политолог оговаривается: глобализм не подразумевает универсальности и более сильно он может ощущаться в одних регионах мира, по сравнению с другими. Например: на рубеже XXI века четверть американцев использовала «Всемирную паутину» – одновременно из жителей Южной Азии к ней имелиадоступ только одна сотая процента.

Словно отвечая оппонентам, связывающим процессы глобализации либо с опасностью гомогенизации мира, либо с несправедливостью, Дж. Най-младший констатирует, что эти процессы никак не связаны с глобализацией.

Исследователь также выделяет четыре различных измерения глобализма: экономическое; экологическое; военное; социальное и культурное. Дж. Най-младший полагает, что данное деление условно, однако помогает при анализе феномена глобализма, непредсказуемого и вариативного. В целом же американский политолог далёк от негативного восприятия глобализма. Что важно для темы нашего исследования, он фактически ничего не говорит о судьбе нации-государства в глобальном мире.

Свой вариант глобализма разрабатывает американский политолог А.-М. Слотер, судя по всему, близкая по своим взглядам к неолиберализму. По её мнению, народам и их правительствам по всему миру нужны институты глобального характера, способные решить нарастающие проблемы, актуальные для всего человечества[222]. Это обусловлено ослаблением эффективности прежних институтов, созданных после Второй мировой войны. Но парадокс ситуации, по мнению А.-М. Слотер, состоит в том, что, часть мировой общественности опасается возможности формирования глобального правительства, полагая, что это несёт угрозу свободе личности.

Выход в создании порядка на основе наднациональных правительственных сетей, работающих совместно и даже вместо более традиционных

[222] Slouter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford, 2004. P. 8.

международных институтов. Правительственные субъекты, входящие в глобальные политические сети, должны взаимодействовать с широким спектром неправительственных организаций (НПО). Вместе с тем их роль в управлении носит самостоятельный характер и отличается наличием разнообразных обязанностей. Такой порядок имеет большой потенциал. Данные сети существовали и раньше. Новыми являются масштаб, объём и тип межправительственных связей. Сети выполняют более широкий спектр функций, нежели в прошлом: от сбора и извлечения информации до рекомендаций бедным и менее опытным членам. Таким образом, строящийся порядок будет миром глобальных сетевых взаимодействий самых разнообразных организаций (правительственных и неправительственных). Именно такой сетевой мир лучше сможет решать многие проблемы глобального управления[223].

Затрагивает А.-М. Слотер и судьбы нации-государства. Американский политолог считает, что будет происходить определённая децентрализация, связанная с ростом потребности государственных учреждений к участию в мероприятиях за пределами своих границ, часто с их зарубежными коллегами.

Складывающееся взаимодействие вертикальных и горизонтальных государственных сетей образует новый мировой порядок, однако оно не заменит существующую инфраструктуру международных институтов, а дополнит и укрепит её. Государства могут быть «разбиты» для различных целей и во многих контекстах, но одновременно всё ещё могут являться полностью унитарными акторами в случае необходимости, например, при решении вопросов, связанных с войной[224].

С интересной идеей выступил американский социолог А. Этциони. Главная цель его концепции – помочь «трансформировать американскую квазиимперию в иную – легитимную – глобальную конструкцию, столь необходимую человечеству»[225].

---

[223] Slouter A.-M. Ibid. P. 10–11.
[224] Slouter A.-M. Ibid. P. 18–19.
[225] Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004. С. 4.

Как и другие авторы, А. Этциони указывает на то, что в мире возникает потребность в формировании глобальных институтов[226], тем более что «государствоцентричная» вестфальская модель устаревает. Но А. Этциони отвергает идеи, согласно которым мир должен брать и заимствовать только западные институты. Вполне возможно построение глобального сообщества, сочетающего как западные, так и восточные ценности, что будет содействовать возникновению новых культуры и морали, основанных на творческом заимствовании, переработке.

Уже на глобальном уровне вырастает нормативный синтез, что способствует формированию мирового сообщества, поэтому основной тенденцией современности будет создание глобальной модели справедливого общества, привлекательной для многих стран. Однако при этом сохранятся и вариации этого проекта на местах.

Наиболее оптимальным А. Этциони считает формирование монофункциональных наднациональных государственных структур – глобальных агентств безопасности, здравоохранения и т. п. Все они будут отвечать за отдельные направления и тем самым участвовать в создании новой глобальной власти. Такие органы, по мысли А. Этциони, могут столкнуться с самыми разнообразными проблемами: несогласие в ценностях, нарушение координации действий. Но главный аргумент автора – и наднациональные структуры в наше время сталкиваются с подобными сложностями[227]. Нужны институты, в рамках которых могло бы осуществляться широкомасштабное согласование интересов.

Имеет место потребность и в образовании наднациональных структур, способных осуществлять решения глобальной власти (например, Международный трибунал по правам человека). Формирующиеся региональные блоки также должны сыграть свою позитивную роль в глобальной архитектуре мира.

В целом концепция А. Этциони выглядит проработанной, стремящейся учитывать специфику отдельных регионов, а также возможные трудности

---

[226] Этциони А. Указ. соч. С. 19.
[227] Этциони А. Указ. соч. С. 236–237.

реализации предложенной схемы. Подобно А.-М. Слотер и другим авторам, исследователь отмечает нарастание потребности в глобальных органах власти, с чем отчасти можно согласиться. Вызовы современности ставят на повестку дня вопрос о координации в решении возникающих проблем.

Однако насколько возможно создание таких институтов – вопрос. Тем более что для формирования мирового правительства всё равно необходима промежуточная ступень. В её роли могут оказаться региональные организации и объединения. Сам автор признаёт такую возможность. Вопрос только в другом – в характере этих организаций. Что они будут собой представлять? Как будут выглядеть данные региональные структуры? К этому вопросу мы вернёмся в следующей главе.

Примерно в то же время, что и А. Этциони, немецкий социолог У. Бек, размышляя о возникающих конфликтах, обозначил два варианта развития мирового политического процесса. Обе тенденции стремятся к преодолению прежнего международно-правового порядка, базирующегося на суверенных национальных государствах, и противостоят друг другу[228].

Первый вариант – это т. н. «Pax Americana». Главный принцип данной модели – иерархичность. Система «Pax Americana» функционирует, отталкиваясь от тезиса о наличии существенного рубежа между государствами: «мы» и «они». Первые – сообщество миролюбивых демократических государств Запада, вторые – «страны-изгои», несостоявшиеся государства и диктатуры.

Этот подход к мировому политическому процессу отвергает какое-либо равенство. Тем более что и сами американцы уверены в своей исключительности, военном и моральном превосходстве, даже по отношению к европейцам. Более того, модель «Pax Americana» не только выстраивает вертикаль отношений с другими странами, но и подменяет собой ООН. Для борьбы с новыми глобальными угрозами, которые порой невозможно наблюдать, необходимо собрать все ресурсы воедино. Только Америка, исходя из такой «парадигмы», имеет уникальную возможность создать новый мировой порядок, основанный

[228] Бек. У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 196.

на американских ценностях свободы и демократии. Так США и превращаются в мирового гегемона. Однако для большей свободы действий, по мысли американской элиты, с Вашингтона необходимо снять «оковы». Под последними, например, понимаются: принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств; международные соглашения и институты, юридически ограничивающие глобального гегемона и требующие от него консультироваться с другими странами[229].

Милитаризованной модели противостоит своеобразный всемирный космополис. Второй вариант подразумевает структурирование федеративной системы государств, имеющей глобальный масштаб. Данная система будет состоять из региональных и континентальных образований, блоков, альянсов, способствующих централизации власти, с одной стороны, а с другой – являющихся для неё противовесом. Главный принцип функционирования всемирного космополиса – равенство и сотрудничество. Глобальное право здесь важнее и становится выше мирового гегемона, который, несмотря на свою мощь, всего лишь «первый среди равных» в данной системе[230].

Разумеется, с середины нулевых курс администрации США сменился. Американские политологи в лицах З. Бжезинского, Ч. Капчена и др. заговорили о более взвешенном подходе к союзникам, об отказе от односторонних действий (см. ниже. альтернативы).

П. Ханна, развивая концепцию нового Средневековья, отмечает, что происходит не только ослабление государственной власти, но и распыление самого процесса управления. Всевозможные неправительственные организации, ТНК всё чаще выступают в роли активных субъектов мирового процесса. В этом плане правительственные ведомства, например, американское, не всегда поспевают за политическим процессом[231]. Нации-государству в такой ситуации необходимо использовать новые субъекты международных отношений, а не стараться подавлять их. Одновременно в мире формируются регионы

[229] Бек У. Указ. соч. С. 198.
[230] Бек. У. Указ. соч. С. 199.
[231] Ханна П. Как управлять миром. М., 2012. С. 59.

со своими нормами и лидерами, следящими за безопасностью у себя. И в этом плане, полагает П. Ханна, региональные организации должны быть сильнее мировых[232]. В связи с нарастающими конфликтами, ростом преступности и т. п. П. Ханна выступает с идеей нового колониализма, предполагающего активное применение силы в несостоявшихся государствах вплоть до ввода войск, организации антиправительственных заговоров и убийств[233].

Перед нами, по сути, проект хаотичного глобального порядка. Мир должен управляться на основе взаимодействия множества акторов, течений. Однако из хаоса рано или поздно всё равно вырастает центр принятия решений. Тем более что взаимодействие всегда происходит на основе чего-либо: общих ценностей, идей. Автор не указывает, что должно лечь в основу такого консенсуса, поэтому его концепция выглядит относительно абстрактной.

Д. Капорассо и М. Мадейра пишут о том, что крайним вариантом формирующейся глобальной системы будет мировое правительство, централизованное государство, которое в своей самой демократической версии начнёт представлять все народы мира[234]. Среди опасных тенденций глобального управления исследователи усматривают возможности установления всемирной тирании, разрушения местных традиционных ценностей (на что указывают и наши авторы)[235].

На Западе существуют и концепции, отрицающие возможность создания единого глобального миропорядка. Так, например, американский исследователь В. Сиджесвари, рассматривая процессы глобализации, отмечает, что данная тенденция означает диверсификацию и, следовательно, создаёт множественный мир[236]. Плюрализм предполагает различные пути жизни, а также цивилизационное многообразие. По мнению автора, в отличие от настоящей гегемонистской мировой системы, в мире цивилизационного плюрализма

---

[232] Ханна П. Как управлять миром. С. 101.
[233] Ханна П. Как управлять миром. С. 137.
[234] Caporaso J.A., Madeira M.A. Globalization, institutionis and governance. LA, 2012. P. 81.
[235] Caporaso J.A., Madeira M.A. Ibid. P. 98–99.
[236] Segesvary V. World state, nation states, or non-centralized institutions. A vision of the Future in Politics. Oxford, 2003. P. 33.

не будет ни общезначимых демократических политических форм, ни рыночных механизмов в качестве основы для экономической деятельности, ни общеобязательных форм структурирования общественной жизни. Политолог критикует и формулу нации-государства, которая из Европы была бездумно пересажена в бывшие европейские колонии[237]. Отчасти такой перенос и привёл к современному кризису данного института. Однако и иной подход – идея создания новой общепланетарной политической системы – вызывает критику у В. Сиджесвари.

Главным препятствием на пути формирования мирового государства является наличие различных цивилизаций, принципиально обусловливающих жизнь каждого человеческого существа, живущего в орбите их воздействия[238]. Правда учёный не даёт наброски цивилизационной структуры мира.

Если сопоставить концепции отечественных и западных авторов, то можно увидеть наличие разных акцентов. Российские исследователи больше воспринимают негативные проявления мирового политического процесса, а в рассмотренных западных концепциях доминирует оптимистический настрой, уверенность, что формирующееся мировое сообщество сможет общими усилиями преодолеть возникающие вызовы. В любом случае для большинства из данных подходов характерно признание, что над нацией-государством в будущем вырастет надстройка в виде транснациональных политических институтов. Однако, на наш взгляд, вряд ли подобная надстройка возможна на высшем уровне. Скорее всего, речь будет идти именно о региональных организациях.

Распространение пандемии коронавируса вызвало различные оценки в западном экспертном и политическом сообществе. Экс-премьер Великобритании Г. Браун весной 2020 года поднял вопрос о создании мирового

[237] Segesvary V. Ibid. P. 34.
[238] Segesvary V. Ibid. P. 102–103.

правительства[239]. Позднее болгарский политолог И. Крастев констатировал, что обозначилась тенденция к глобальной фрагментации и регионализации[240].

Подведём итоги рассмотрения первой главы. Мы проанализировали основные подходы к нации-государству, в том числе из теории международных отношений, геополитики и некоторых других дисциплин. Постсовременный мир, процессы глобализации ставят под вопрос существование такого института, как нация-государство. С одной стороны, оно, обладая рядом качеств, по-прежнему способно играть заметную роль на мировой арене. С другой стороны, представители ряда направлений начинают говорить об ослаблении его роли в складывающихся условиях.

Можно согласиться с мнением О.Ф. Шаброва, констатирующего, что «эпоха постмодерна ставит перед современным государством проблемы, сталкиваться с которыми ему еще не приходилось… Идёт поиск таких государственных и негосударственных форм социального управления, которые сделали бы человечество способным не только приспособиться к глобальным изменениям, но и найти в них новый импульс для развития»[241].

Но что же такое само государство, каковы его дальнейшие перспективы в мире постмодерна? Представители большинства направлений сходятся в постулировании тезиса о дальнейшем существовании нации-государства, особенно это касается реалистов и неореалистов. И всё-же стоит отметить, что неореалисты допускают возможность появления стран-гегемонов, сверхдержав и т. п., оказывающих влияние на соседей, возвышающихся над остальными государствами. В неореализме были чётко сформулированы представления

---

[239] Данилов И. Спаситель Великобритании предлагает мировое временное правительство.URL: https://ria.ru/20200328/1569257083.html (дата обращения: 04.07.2020).

[240] Крастев И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. URL: https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/ (дата обращения: 04.07.2020).

[241] Шабров О.Ф. Государство в глобализирующемся мире: испытание постмодерном / Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьёв. М., 2012. URL: http://shabrov.info/Statji/postmodern5.htm (дата обращения: 15.06.2017).

о статусе нации-государства на мировой арене. Указанные теории сохраняются и в наше время, когда речь идёт о гегемонии США или возвышении Китая.

Вместе с тем в проанализированных концепциях можно увидеть и тезис об исчезновении самого государства (особенно отчасти в неолиберализме, постмодернизме и геополитике), и зародыши рассуждений о трансформации национального суверенитета, возможности плюрализма акторов международных отношений. Это касается отчасти геополитики, социальной философии, и неолиберализма, и даже в чём-то неореализма. В этой связи речь идёт о возникновении крупных наднациональных образований.

Если взять глобалистские концепции, согласно которым государственный суверенитет должен раствориться в наднациональных структурах, то на данном этапе существует множество факторов, препятствующих этому. Даже те авторы, кто пишут о глобальных, наднациональных институтах власти, указывают на региональные образования как промежуточное звено между нацией-государством и мировым правительством. Скорее всего, по данному сценарию и будут развиваться события. Безусловно, пандемия коронавируса стимулировала активизацию идей о создании наднациональных институтов, однако наряду с этим возникли и контрдоводы, согласно которым будет сочетание глобального и локального вариантов… Имеют место концепции «цифрового государства» и «государства-платформы», но пока не совсем чётко прописан механизм их работы на наднациональном уровне.

В целом проанализированные теории, на наш взгляд, не только выступили в качестве интеллектуальных предпосылок для постсовременных моделей трансформации национального государства, но и верно отразили одну важную тенденцию – наступление нового этапа в жизни государства. Не случайны в этом плане и такие термины, как «Поствестфалия», констатирующие наступление данной эпохи.

Подобно тому, как предсовременные и современные государства имели несколько видов и форм, так и грядущие им на смену феномены будут многочисленными. Это обусловлено сложностью и многообразием становящегося

мира постмодерна. В теориях мы можем наблюдать идеи появления крупных государственных образований, сверхдержав и наднациональных, глобальных структур. Фактически у некоторых авторов прозвучала мысль о возможных альтернативах национальному государству, что также обусловлено новым этапом в истории государства. В следующей главе мы обратимся к некоторым альтернативам нации-государства.

II. АЛЬТЕРНАТИВЫ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА

2.1. Типологии и модели государств в меняющемся мире

В прошлой главе мы отмечали, что существуют многочисленные типологии государств, отражающие как разнообразие видов нации-государства, так и политий предыдущей эпохи. Ф. Фукуяма, исходя из политического процесса, выделяет два типа государств: «патримониальное» (управление государством как семьёй) и современное[242]. Эта типология пересекается с принятой в социологии классификацией, согласно которой государства делят по характеру общества на традиционные (или предсовременные), современные и постсовременные (государства постмодерна). Мы в своей работе отталкиваемся от указанной классификации и периодизации истории развития государства.

Кроме данной классификации, можно назвать ещё несколько.

По формационному критерию – рабовладельческое, феодальное, буржуазное, социалистическое.

По типу политического режима – тоталитарное, авторитарное, демократическое и смешанное.

На основе идеологии – либеральное, социалистическое, фашистское.

По форме правления – монархическое и республиканское.

По социокультурному фактору – западное и восточное.

По ведущему социальному слою – военное, светское, клерикальное.

По системообразующему признаку можно предложить такую классификацию: государство-территория, нация-государство, идеократическое государство.

По характеру взаимоотношений с окружающей средой – открытое и закрытое.

По количеству этносов – полинациональное и мононациональное.

---

[242] Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М., 2017. С. 17–18.

Преимущественно данные типологии относятся к государствам прошлых эпох или к сфере внутренней политики и характеризуют качественное состояние тех или иных политий. Для нас указанные типологии интересны в первую очередь тем, что могут характеризовать как традиционные государства (империи), так и современные (нации-государства). Но и не только их, как мы увидим позднее. В целом же приведённые здесь типологии мы не рассматриваем подробно, поскольку они выходят за рамки нашего исследования.

Применительно к мировой политике одну из первых типологий предложили представители геополитического подхода. С позиции классической геополитики, в мире существует дихотомия Моря и Суши, проявляющаяся в противостоянии морских и сухопутных государств. Сухопутные страны (теллурократия), как правило, авторитарные, с жёсткой централизацией, приверженные традиции и не склонные к быстрым изменениям. Архетипом таких стран является Дом. В свою очередь талассократия – преобладание морских стран, характеризующихся склонностью к инновациям, динамизму. Однако эта типология является обобщённой, не отражающей всего многообразия политий.

Также в традиционной геополитике иногда встречается типология по масштабам распространения: город-государство, государство-территория, государство-континент (вслед за Ф. Ратцелем отметим и мировое государство). Данная типология отражает институт государства в его развитии, обозначая лишь какие-то общие черты. Условно говоря, город-государство – продукт античной эпохи, а государство-территория – эпохи Нового времени. И в данной типологии не отражено всё многообразие политических образований конкретного исторического времени.

Существуют и иные типологии государств, более близкие к интересующей нас тематике. Если брать современную геополитику, то здесь приведём мнение Н.А. Комлевой, которая на основании объёма и качества имеющейся военной, экономической и информационной мощи выделяет несколько типов государств:

– сверхдержава – характеризуется тем, что имеет максимальный потенциал для геополитической экспансии во всех направлениях или, другими словами,

«абсолютной, наибольшей совокупной мощью среди государств своей эпохи». С позиции классической геополитики, сверхдержав не может быть больше двух, поскольку одна представляет Море, а вторая – Сушу. Но вероятны случаи, когда может быть одна сверхдержава;

– великая держава – в отличие от сверхдержавы, обладает меньшей совокупной мощью, развитой неравномерно, но также имеющей возможность проводить активную геополитическую экспансию во всех направлениях. К великим державам относятся и такие страны, которые могут превосходить своих соседей по уровню развития конкретного аспекта мощи (например, «великая экономическая держава», «великая ядерная держава», «великая морская держава»). Количество великих держав может быть больше двух. Н.А. Комлева полагает, что великие державы стали появляться только в эпоху Модерна. Ранее, до Нового времени, сверхдержавы и великие державы отсутствовали, поскольку не было средства для распространения влияния державы на другие регионы;

– региональная сверхдержава – её статус повторяется, как и статус сверхдержавы, но уже в масштабах всех типов геопространств конкретного региона;

– региональная держава представляет аналог великой державы, но также на более низком, региональном уровне, и её потенциал на данном уровне существенно ограничен;

– малое государство, обладающее ничтожными возможностями для геополитической экспансии[243].

Существует подобная типология и в теории международных отношений. К сверхдержавам относят государства, характеризующиеся рядом параметров:

а) способностью осуществлять массовые разрушения глобального масштаба;

б) возможностью оказывать влияние на жизнь всего человечества;

в) маловероятностью поражения от любой страны или их коалиции (за исключением случаев, когда в такие объединения могут входить другие

[243] Комлева Н.А. Геополитический статус государства. С. 26.

сверхдержавы). Притом в теории международных отношений не говорится о максимальном количестве сверхдержав.

В свою очередь великие державы способны оказывать существенное влияние на глобальные процессы, но не обладают возможностями полностью доминировать в международных отношениях. Такие государства стремятся играть ведущую роль в мировых делах, однако располагают для этого ограниченными возможностями.

Средние державы, скорее всего, не имеют серъёзных амбиций и большого размаха деятельности, но у них прочное влияние в своём ближайшем окружении.

Малые государства – их влияние на соседей явно слабое, по сравнению со средними державами, однако они должны обладать оптимальными ресурсами и средствами для защиты своей независимости и территориальной целостности.

К микрогосударствам относятся страны, население которых составляет один-два млн человек. Они не имеют возможности защищать суверенитет собственными силами. Возможно, отсюда и появляются такие феномены, как ассоциированные государства (страны, передающие часть внешнеполитических функций более крупной державе для защиты своего суверенитета)[244].

Обе типологии отчасти совпадают. Они показывают многообразный мир современных государств. Другое дело, что геополитический подход более подробный. Важность данных типологий состоит в том, что они, как и отмечалось, делают акцент на многообразии наций-государств в современном мире. Однако, по сути, исключают из себя такие виды, как: появляющиеся непризнанные государства, иные образования, возникающие в эпоху постмодерна. Они только частично отражают изменения, происходящие в мире.

Популярно и деление государств на блоки, что отчасти объясняется политической конъюнктурой. Свой вариант существования государства в глобальном мире предложил израильский профессор А. Гат. Он выдвинул идею «новой авторитарной волны». По его мнению, Китай и Россия, являясь

[244] Мунтян М.А. Основы теории международных отношений. С. 66.

авторитарными странами с успешно развивающимися экономиками, могут представлять собой жизнеспособную альтернативу западным демократиям. Исследователь полемизирует с распространённым тезисом о взаимосвязи экономического развития страны и становления в ней демократии. Китай, на взгляд учёного, не скоро достигнет того уровня, когда возникнет напряжённость между существованием авторитарного режима и растущей экономикой[245]. Развивающиеся «авторитарные гиганты» могут интегрироваться в мировую экономику, но не исключена возможность их вступления во враждебные отношения с демократиями.

Можно согласиться с А. Гатом в том, что современный политический процесс, среди прочих тенденций, содержит в себе и предпосылки для новой волны авторитаризма:

– наличие большого количества стран с диктаторскими или переходными режимами;

– цивилизационный тип некоторых обществ предполагает не только специфику демократии, но и возможность сохранения на данном этапе авторитарных режимов, тем более что в связи с разразившимся мировым финансовым кризисом у ряда стран возникнет соблазн выйти из него путём ужесточения режима;

– притягательность моделей некоторых авторитарных стран (например, Китая);

– учитывая волнообразное распространение демократии, возможна и очередная волна авторитаризма;

– согласно рейтингу английского журнала «The Economist» ни одна из стран БРИК не вошла в число политий со стабильной демократией[246].

Мы видим картину политического процесса, в ходе которого авторитарные

---

[245] Gat A. The Return of Authoritarian Great Powers // Foreign Affers. 2007. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/62644/azar-gat/the-return-of-authoritarian-great-powers (дата обращения: 01.08.2011).

[246] Лазар Ф. Страны БРИК и демократия // Le Monde. 2008. URL: http://www.inosmi.ru/translation/242447.html (дата обращения: 01.08.2011). Статья писалась в 2008 году, когда в группу ещё не входила ЮАР.

державы-гиганты будут противостоять демократическим государствам. Вновь сталкиваются мир диктаторских режимов и мир демократии.

Однако в статье есть и спорные моменты. Во-первых, являются ли «восходящие гиганты» авторитарными державами в полном смысле этого слова? Тем более что Индия и Бразилия – демократические страны и выступают фактически в роли моделей для многих развивающихся стран.

Исследователи приводят и другие аргументы против идеи «возвращения авторитарных держав»:

– некорректность формулировок (когда новые понятия часто пытаются втиснуть в традиционную терминологию) и аморфность самих «миров»;

– пока ни одна из демократических стран не свернула к диктатуре, хотя и «наметились предпосылки не радикального, но значимого отката к авторитаризму»[247];

– сложно определить, какие из стран являются авторитарными, а какие демократическими, т. к. нет чётких критериев[248];

– отдельные политии могут искренне считать себя демократическими, а своих оппонентов – авторитарными;

– когда А. Гат и другие говорят об альтернативах либеральной модели, то они фактически противопоставляют ей только авторитаризм. Однако отечественные политологи считают, что в мире на повестке дня стоит вопрос «о создании новой модели демократии»[249]. Таким образом, концепция «новой авторитарной волны», предлагаемая А. Гатом, не является убедительной: она во многом схематична, отдельные её положения весьма спорны.

Если А. Гат только обозначил тенденцию, то авторы статьи «Мир без Запада» (Н. Барма, С. Вебер, Э. Ратнер) в какой-то степени попытались дать описание формирующегося нового мира, состоящего, на их взгляд, из поднимающихся гигантов (Китая, Индии, Бразилии и России). На взгляд

---

[247] Кулагин В. Нетленность авторитарности? // Международные процессы. 2008. № 1. URL: http://www.intertrends.ru/sixteenth/006.htm (дата обращения: 01.08.2011).
[248] Кулагин В. Указ. соч.
[249] Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. Материалы круглого стола // Полис. 2008. № 5. С. 73.

авторов, в мировом процессе происходит становление новой политической системы, характерными чертами которой являются авторитаризм, принцип национального суверенитета, ставка на силу и ряд иных характеристик. Подобно А. Гату, авторы констатируют, что мир в скором времени будет состоять из двух политических систем:

1) системы, состоящей из демократических, миролюбивых государств, основанной на наднациональных органах;

2) политической системы с преобладанием авторитарных держав, сохраняющей суверенитет отдельных наций-государств, делающей ставку на силовое решение возникающих противоречий.

Со статьёй А. Гата данную публикацию сближает мысль о своеобразном «восстании» держав (преимущественно авторитарных) против тенденций демократизации в мировом политическом процессе. Альтернатива Западу базируется на всё более интенсивном взаимодействии между указанными странами. Создаётся и совершенно иная международная система, в которой существуют свои институты, нормы, общепринятые структуры власти. Лидерами здесь выступают страны группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай)[250]. Основой такого мира является государство. В качестве главных норм здесь господствуют коллективизм и грубая сила. Восходящие гиганты налаживают каналы взаимодействия друг с другом и передачи разнообразной информации. Благодаря природным ресурсам, доступу к инвестициям, использованию передовых технологий экономики этих стран являются перспективными[251].

По ряду аспектов с авторами статьи можно согласиться. Их идеи созвучны работам других исследователей. Да, в мире на лицо тенденция к своеобразному формированию нового мира, ядром которого является группа БРИКС. Мировой

[250] Статья писалась в 2008 году, когда в группу ещё не входила ЮАР.

[251] Barma N., Ratner E., Weber S. A World Withaut the West // The National Interest. 2007. No. 90. С. 29–30. URL: http://iis.berkeley.edu/sites/default/files/a_world_without_west.pdf (дата обращения: 01.08.2011).

экономический кризис не ослабил позиции данной группы[252]. Этот мир, по мнению Н.А. Комлевой и Б.Ф. Мартынова, характеризуется рядом черт:

– готовностью принять на себя часть ответственности за происходящее в мире;

– популярностью в странах идей многополярного мирового порядка и намерения их продвигать;

– критика крайностей либерализма элитами государств[253].

Указанная тенденция не случайна: создание единого информационного, экономического и политического пространства содействует развитию стран, ранее отставaвших от Запада. Добавим, что потребность в общем решении глобальных проблем, частичное недовольство диктатом США и их союзников, международное разделение труда и другие факторы побуждают развивающиеся страны координировать свои усилия в тех или иных направлениях[254].

Возможно, что Китай стремится создать альтернативную систему политических институтов, автономную и бесконфликтную[255]. Её своеобразным прообразом является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Н.А. Комлева отмечает, что не исключено расширение формата ШОС и БРИКС за счёт присоединения к ним латиноамериканской группы АЛБА (Боливарианского альянса)[256]. Укрепляются связи между отдельными ведущими странами Юга, что заметно на примере работы «группы трёх» (Бразилия, Индия, ЮАР). Иран активно сотрудничает с Венесуэлой при посредничестве Мавритании. Вместе с Сирией Иран является приглашённой страной в группе АЛБА.

---

[252] Абрамова О.Д. Сравнительный анализ стран БРИКС на основе индекса глобализации, конкурентноспособности и социального развития // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2015. № 11. С. 176–184.

[253] Комлева Н.А. ШОС – поиск глобального равновесия // Геополитика и безопасность.2009. № 2–3; Мартынов Б.Ф. «Групповой портрет» стран быстрого развития // Международные процессы. 2008. № 1. URL: http://www.intertrends.ru/sixteenth/004.htm (дата обращения: 01.08.2011).

[254] См., напр.: Мартынов Б.Ф. Указ. соч.

[255] Брутенц К.Н. Закат американской гегемонии. Конец однополярного мира и великая геополитическая революция. М., 2009. С. 301.

[256] Комлева Н.А. Указ. соч. С. 98.

Намечаются и тенденции в улучшении китайско-индийских отношений, о чём свидетельствует совместная работа этих стран в группе БРИКС и ШОС. Китай становится одним из основных торговых партнёров Индии (пока вторым после США, но в перспективе и первым). Обе страны сотрудничают в области приобретения необходимых сырьевых ресурсов[257]. По всей видимости, будут делаться и дальнейшие попытки по углублению сотрудничества между странами[258].

В пользу концепции «мира без Запада» могут свидетельствовать рост антиамериканских настроений в исламском мире, а также «левый поворот» стран Латинской Америки в 2000-е годы. Имеет место в Латинской Америке и «индейский ренессанс», существует оппозиция предлагаемому США для стран региона проекту АЛКА (FTAA) (Зоны свободной торговли стран Америки). В любом случае в Латинской Америке идёт поиск своей политической и цивилизационной идентичности.

Однако в статье «Мир без Запада» содержится ряд спорных положений. Неслучайно некоторые идеи вызвали критику, в том числе и на Западе[259], что вполне оправданно, на наш взгляд.

Во-первых, это вопрос о единстве нового второго мира и его противопоставлении Западу. Связка стран БРИКС, выступающая в роли лидера новой тенденции, пока является преимущественно виртуальной и представляет из себя более экономическое объединение, нежели политическое.

Данная группа позиционирует себя в качестве сторонников создания многополярного миропорядка, а отнюдь не образования какого-то особого параллельного мира, блока государств. У каждой из стран-участниц существуют свои потенциальные сферы влияния и интересы. Не является единым и мир

---

[257] Брутенц К.Н. Указ соч. С. 333.

[258] Давыдов В.М. Пробуждающиеся гиганты БРИК. Шансы многополярного мира // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 140.

[259] См., напр.: Stewart D. Report and Retort: Alternative Leadership Still Requires Ethics // The National Interest online. 2007. URL: http://www.policyinnovations.org/ideas/policy_library/data/alternative_leadership/_res/id=sa_File1/stewart_alternative_leadership.pdf (дата обращения: 01.08.2011); Gvosdev N.K. The National Interest. 2007. URL: http://nationalinterest.org/commentary/rapid-reaction-world-without-the-west-watch-1879 (дата обращения: 01.08.2011).

ислама. Несмотря на создание интеграционных объединений, в нём нет общепризнанного политического лидера, тем более такого, который на данном этапе постарался бы противопоставить ислам Западу. Оправдан, на наш взгляд, вопрос Д. Белла «И разве правильно мы делаем, когда говорим, что ислам несёт угрозу западному миру?»[260]. Левые силы в Латинской Америке, которые могли бы стать носителями антизападных идей, также не являются чем-то единым.

У развивающихся стран нет общей идеологии: она и не разрабатывается, а «воля государства», о которой пишут авторы статьи «Мир без Запада», не служит основой для объединения. Кроме того, Евроатлантика пока доминирует на рынке идей, оказывая интеллектуальное влияние на весь мир.

Во-вторых, указанные страны выстраивают отношения с Западом, а не только внутри своих групп и институтов. Формирующийся новый второй мир заинтересован в сотрудничестве с США и ЕС, что видно на примере ведущих стран «мира без Запада».

Нельзя прямо утверждать, что государства БРИКС противопоставляют себя Западу. Мир становится всё более взаимосвязанным, поэтому интересы и противоречия тесно переплетены друг с другом[261], в связи с чем и на Западе некоторые политологи полагают, что поднимающиеся гиганты не смогут доставить беспокойство могуществу США[262].

В-третьих, дискуссионным является утверждение о том, что только страны нового второго мира склонны к применению силы. Для современных элит характерна тенденция прихода к власти лидеров, ориентирующихся преимущественно на силовое решение проблемы[263].

Демократические страны могут бороться друг с другом и проводить агрессивную внешнюю политику. Д. Миршеймер ещё в 1990 году выдвинул тезис, что демократические страны отнюдь не всегда склонны к миру, они могут

---

[260] Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007. С. 216.
[261] Stewart D. Ibid.
[262] Gvosdev N.K. Ibid.
[263] Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт // Полис. 2008. № 6. С. 83.

также стремиться к войне, о чём свидетельствует история[264]. В свою очередь авторитарные лидеры зачастую боятся развязывать войны, «потому что они нередко высвобождают демократические силы, способные подорвать режим». Известны случаи, когда поражение в войне вело к краху того или иного диктатора, авторитарного режима.

Дискуссионным является тезис о стремлении к применению силы «Мира без Запада». Китай прибегает на практике к жёстким мерам, однако если взять историю этой страны, то мы увидим, что рост территории и усиление могущества Поднебесной преимущественно обеспечивались относительно ненасильственными действиями. Другой пример – Бразилия. Рабство в этой стране было отменено более мирным путем, нежели в США[265], в 2003 году Бразилия осудила США за вторжение в Ирак.

Эксперты неоднократно отмечали (например, Б.Ф. Мартынов), что государства БРИКС выступают за укрепление роли ООН и международного права, критикуют практику «гуманитарных интервенций» – всё это противоречит утверждениям авторов идеи «Мира без Запада».

В целом же, рассмотренные концепции отражают кардинальные изменения, происходящие в мире, но они не однозначны. Во-первых, многие из положений, выдвинутых в анализируемых статьях, спорные и нуждаются в дальнейшей проработке. Во-вторых, указанные идеи в определённой степени являются носителями и выразителями конфронтационного духа и стиля. Мир в них рассматривается в парадигме столкновений – противоборства «Запада» и «Мира без Запада», «авторитаризма и демократии». Такой подход, вопреки желаниям авторов, может содействовать усилению конфронтации в мире. Кроме того, он не соответствует делению мира на государства по линии «авторитарные–демократические». В-третьих, здесь вновь идёт деление стран на западные и не-западные, авторитарные и демократические, хотя и в глобальном масштабе.

---

[264] Mearsheimer J. Why We Will Soon Miss The Cold War // The Atlantic Monthly. 1990. No. 2. P. 47.

[265] Мартынов Б.Ф. Бразилия – восходящий гигант // Свободная мысль. 2008. № 9. С. 19–20.

Мир многообразен, и делить имеющие место политии на две или три группы не имеет смысла.

Происходящие в наше время процессы вносят коррективы в имеющиеся типологии. Р. Купер, рассуждая о т. н. постмодернистском мире, выделяет три типа государств:

1) бывшие колонии, или государства «премодерна», так и не ставшие настоящими государствами. Они превращаются в зону хаоса и анархии. К ним относятся Сомали и Афганистан (хотя последний, конечно же, не был колонией);

2) постимперские или постмодернистские государства, как правило, не думающие о завоевании или усилении своей безопасности;

3) традиционные или «современные» государства, ведущие себя как и все страны (к ним автор относит Индию, Китай, Пакистан)[266].

Прообразом государства «постмодерна», по мнению Р. Купера, является ЕС, в котором формируется своеобразная империя нового типа. В её рамках каждое государство имеет свою долю в правительстве и отсутствует преобладание какой-то одной страны, взаимодействие между участниками строится на правовой основе.

Типология интересна тем, что в ней уже учитываются политии, возникшие в результате хаоса и анархии. На наш взгляд, здесь ещё можно добавить непризнанные государства, возникающие в современном мире. У британского аналитика этого нет.

Существенный интерес представляет классификация, предложенная М.В. Ильиным. Вместо категории «государство» он предлагает понятие «государственность», за которым, в свою очередь, стоят два совершенно разных понятия: *statehood* – «статусность государства, его принадлежность к сообществу государств-состояний»; *stateness* – «состоятельность как соответствие своей собственной природе государства-состояния». Если статусность – первичная функция государства, то состоятельность – потенциал её осуществления.

[266] Cooper R. The Post Modern State. URL: http://fpc.org.uk/articles/169 (дата обращения: 23.03.2015).

Статусность преимущественно относится к внешнеполитическим особенностям, а состоятельность – к собственным, как правило, внутриполитическим возможностям.

Отталкиваясь от данной схемы, М.В. Ильин предлагает два критерия типологизации государственности. Во-первых, на основе их статусности:

– мегагосударства – большие многосоставные политии с относительно усиленными внешними аспектами суверенности и избыточной статусностью (у данных образований сильно выражен имперский синдром);

– макрогосударства – довольно крупные страны с относительно сбалансированными внешними аспектами суверенности и достаточной статусностью, обладающие значительным населением, территорией и ресурсной базой;

– минигосударства – небольшие политии с относительно умеренными внешними аспектами суверенности и ослабленной статусностью, обладающие небольшими населением и территорией. Как правило, у них достаточно сильно выражен комплекс зависимости, хотя в некоторых аспектах они в состоянии обеспечивать вполне самостоятельное проведение внутренней и даже внешней политики;

– микрогосударства – совсем малые страны с существенно ослабленными внешними аспектами суверенности и низкой статусностью. Они обладают весьма ограниченным населением и территорией, у них очень сильно выражен комплекс зависимости[267].

К особому классу М.В. Ильин относит непризнанные государства, являющиеся разными по своему характеру с предельно проблематизованными внешними аспектами суверенности и весьма неопределённой статусностью.

[267] Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности. URL: http://igpi.ru/bibl/other_articl/1253005141.html (дата обращения: 20.10.2012).

Второй критерий – состоятельность государств. На его основании пока можно выделить только две группы политий: квазигосударства и несостоявшиеся государства[268].

Мы неслучайно остановились на данной классификации: она более чётко отражает деление государств в постсовременном мире. Кроме того, некоторые из обозначенных групп выступают в качестве зародыша для новых образований. Например, такие мегагосударства, как: США, Россия, Индия, Бразилия – могут выступить как цивилизационные либо новые имперские центры. Среди мини-государств не исключено появление таких феноменов, как: несостоявшиеся государства, квазигосударства. Распадающиеся мини-государства (это касается Юга) вполне могут образовывать «серые зоны».

Квазигосударства и несостоявшиеся государства также могут входить в состав тех или иных цивилизационных образований, отколовшись от «метрополии». Например, Косово, отделившись от Сербии и став таким «государством-фантомом», втягивается в орбиту влияния исламской цивилизации. Подобная ситуация происходит и с Турецкой Республикой Северного Кипра.

Не менее важна для нас классификация, предложенная Е.Г. Пономарёвой. Отталкиваясь от работ зарубежных учёных, исследователь берёт за основу три вида суверенитета (негативный, позитивный и операционный). Автор отмечает, что сейчас в мире существуют три группы государств:

– предсовременное – обладающее внешним суверенитетом, но не внутренним, т. е. государство, признаваемое другими, но не имеющее возможностей контролировать свою территорию;

– современное – классическое государство, обладающее как внутренним, так и внешним суверенитетом;

– постсовременное государство, владеющее операционным суверенитетом, т. е. испытывающее влияние со стороны других субъектов[269].

---

[268] Ильин М.В. Указ. соч.

Данная классификация важна тем, что показывает наличие сложности и многообразия существующих в мире политий. Она может быть использована при разработке новых типологий государств.

На основании таких критериев, как принципы организации политического порядка, Е.Г. Пономарёва выделяет четыре типа государств:

1) нация-государство;

2) государство-нация;

3) государство-консоциация;

4) квазигосударство.

По мнению Е.Г. Пономарёвой, нация-государство характеризуется сочетанием особой политической формы национально-территориального суверенитета и культурной (языковой и/или религиозной) однородности определённой социальной общности. Нация-государство сформировалась в эпоху Модерна, став своеобразным символом Нового времени. К политиям данного типа предъявляют требования однородности этнической общности, что в наше время порой ведёт к этническим чисткам, ассимиляторской политике.

Нация-государство характеризуется унитарным типом государственного устройства (допускается и федеративное устройство), доминированием определённого типа культуры (и цивилизации в широком смысле слова), республиканской формой правления (при этом глава государства обладает широкими полномочиями). На данном этапе существует тенденция трансформации нации-государства, отмеченная в теории и активно проявляющаяся на практике.

Государство-нация проявляется в стремлении любой нации стать государством и наоборот. Также одной из причин формирования данной тенденции является культурное и этнорелигиозное многообразие современного мира. Фактически государство-нация – это поликультурное, многонациональное образование с федеративной формой государственного устройства. Государство-

---

[269] См., напр.: Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации// Свободная мысль. 2007. № 11. С. 97.

нация характеризуется тем, что граждане хотя и могут принадлежать к разным этническим общностям и цивилизационным традициям, но сохраняют идентификацию со своей страной.

Е.Г. Пономарёва считает данную модель неустойчивой, поскольку входящие в такое государство общности могут стремиться к независимости либо само руководство может начать проводить политику культурно-языковой однородности, унификации национальной идентичности.

Государство-консоциация – это пока преимущественно теоретический конструкт, суть которого в создании модели управления, учитывающей интересы всех элементов социума. Другими словами, принятие политических решений должно осуществляться в результате согласования интересов разнообразных этнических и культурных общностей, включения их представителей в процесс управления. Группы интересов, отстаивающие позиции своих этнических, культурных и религиозных общностей, должны активно участвовать в принятии всех решений, добиваясь компромисса. Данная модель – своеобразная реакция на недостатки модели государства-нации, но её успех зависит от желания субъектов сохранить единое государство. В этом плане Е.Г. Пономарёва приводит пример союза Сербии и Черногории, закончившийся расколом.

Квазигосударство – модель, характерная для современного мира. Как правило, такое образование – результат игры субъектов мировой политики, реализующих свои интересы. Данный термин возник применительно к Африке периода деколонизации. С одной стороны, новые государства были признаны, т. е. стали обладать определённой статусностью, с другой – не все из них имели состоятельность, поскольку их институты не могли осуществлять необходимые управленческие функции на своей территории.

Такие политии всё более начинают эволюционировать в сторону несостоявшихся государств, или failed state. Сформировавшиеся политические институты, как правило, заимствованные извне, не осмыслены в достаточной степени местными элитами и не могут адекватно осуществлять возлагаемые

на них задачи. Одновременно они не имеют связи с той средой, в которую оказались перенесены.

Кроме того, субъекты мировой политики – великие державы, международные правительственные организации, ТНК оказывают существенное влияние на деятельность квазигосударств, делая сложившиеся институты ещё более слабыми и зависимыми от внешних сил. С помощью квазигосударств ведущие акторы мировой политики могут реализовывать свои интересы в том или ином регионе. К числу квазигосударств относятся «государства-фантомы» (Босния и Герцеговина) и «государства-призраки» (Косово).

В целом данная типология Е.Г. Пономарёвой больше направлена на характеристику внутреннего устройства государства, однако важна для осмысления типов государственности в глобальном мире.

Интерес для нашей работы представляет схема культурной динамики Б.В. Земскова, который выделил три важных элемента, способствующих культурной динамике: архаический, традиционный и современный[270]. Архаическое у Б.В. Земскова выступает как нечто хаотичное, как деградация, развал культуры. Данный термин вполне применим к возникающим образованиям в некоторых государствах третьего мира: поэтому мы им и воспользуемся.

На наш взгляд, всё-таки необходима типология, которая отражала бы разные типы государств и альтернатив им в постсовременном мире. В связи с этим мы выделяем следующие виды государства, нации-государства и её альтернатив.

Во-первых, это государства архаики или протогосударства. Например, «серые зоны» – территории перманентных войн и конфликтов. К государствам архаики можно отнести «государства-призраки» (термин Е.Г. Пономарёвой). Ещё один тип – «государства-кланы», т. е. образования, находящиеся внутри полураспадающихся стран и, как правило, контролируемые криминальными структурами, полевыми командирами. Это те образования, где, по сути,

[270] Земсков В.Б. Дисбаланс в системе взаимодействия архаическое/традиционное/модерное как фактор культурной динамики // Культура в эпоху цивилизационного слома: Материалы Международной научной конференции. М., 2001. С. 223–224.

не работают как традиционные институты, так и современные; чаще всего они представляют из себя зоны хаоса и анархии, однако могут обладать определёнными признаками государства.

К государствам архаики отчасти можно отнести непризнанные государства. Они могут иметь отдельные элементы государственности (территорию, правительство, возможность издавать законы и применять силу, порой и легитимность), но мировым сообществом данные образования почти не признаны.

Во-вторых, традиционные государства – близкие к государствам современности (нациям-государствам), но сохраняющие ещё черты прошлого. К данной группе относится корпоративное государство, находящееся под контролем определённой сплочённой корпорации: военной, экономической, бюрократической, религиозной. Например, Италия 1920-х годов (чаще всего именно эту страну и называют корпоративным государством). Или Иран 1980-х годов, т. е. первого десятилетия правления аятоллы Хомейни. В наше время отчасти режим ослабевает, но в целом духовное сообщество держит управление в своих руках.

К ним отнесём и государство-цивилизацию – образование, в котором сочетаются политические и цивилизационные границы. Такое государство имеет большую территорию и характеризуется авторитарным режимом. В какой-то степени к государству-цивилизации, например, можно отнести Индию: здесь совпадают политические и культурные рамки, однако режим правления в ней демократический. Можно назвать и Китай, где также почти совпадают культурные и политические рамки (за исключением запада страны, относящегося, по сути, к иной цивилизации).

В-третьих, современные государства – классический тип нации-государства, преимущественно демократический. Они пока ещё сохраняют свои позиции, но испытывают влияние волн глобализации.

В-четвёртых, постсовременные государства или альтернативы нации-государства, к которым можно отнести следующие возникающие образования:

– корпорация-государство – организация, замещающая собой органы государственного управления и ставящая на первое место в своей деятельности корпоративную выгоду;

– регион-государство – объединение нескольких государств или регионов, прежде всего в экономических целях, активно выступающее в качестве самостоятельного субъекта на международной арене и преследующее экономические интересы;

– империя-государство – альтернатива нации-государству, формирующаяся, как правило, путём объединения нескольких наций-государств на основе политической идеологии;

– цивилизация-государство – образование, стремящееся стать, наряду с империей-государством, альтернативой современной нации-государству. Как правило, цивилизация-государство возникает путём объединения нескольких стран по социокультурному признаку на основе общих цивилизационных ценностей;

– глобальное государство – как таковое оно пока не существует, однако в ряде концепций такой сценарий рассматривается.

Повторимся, данная типология показывает нам всё многообразие политий в современном мире: от продуктов распада государств до стран, которые можно отнести как к традиционным государствам, так и к нациям-государствам.

Таким образом, мы рассмотрели основные типологии государств и их альтернатив в постсовременном мире. Многие из них существуют сейчас в той или иной форме или зарождаются, вступая в сложную систему взаимодействий. На основании указанных типологий постараемся проанализировать несколько альтернативных моделей нации-государства, и выявить степень их адекватности складывающейся ситуации.

2.2. Корпорация- и регион-государство как экономические модели альтернатив государства

В данном параграфе рассмотрим две альтернативы: корпорация-государство и регион-государство. Мы их объединяем вместе, поскольку оба фенмоена формируются на экономической основе. Кроме того, обозначенные феномены относительно новые в истории, в отличие от рассматриваемых в следующем параграфе. Их возникновение связано непосредственно с глобализацией. Это также одна из причин, почему мы их группируем вместе, т. к. основой глобализации является экономика.

Сценарий «корпорация-государство» уже давно описан в научной литературе. В первую очередь можно назвать работы А.С. Панарина. Политолог не использовал такое понятие, однако в его монографиях показаны определённые предпосылки формирования и даны наброски нарождающегося феномена[271].

Наиболее подробно модель «корпорации-государства» освещена А.И. Фурсовым, рассмотревшим разные аспекты деятельности данного образования[272]. А.И. Неклесса и Е.Г. Пономарёва указывали на такую модель в контексте новых политий, появляющихся в современном мире[273]. А.Н. Окара на примере нашей страны попытался выявить черты корпорации-государства, которые, по его мнению, проявляются во внешней политике России. В первую очередь – в российско-украинских отношениях[274]. Публицист М.А. Калашников

---

[271] См., напр.: Искушение глобализмом. М., 2003; Стратегическая нестабильность в XXI в. М., 2003; Сюда можно отнести две книги, увидевшие свет уже после смерти мыслителя: Народ без элиты (М., 2006) и Правда железного занавеса (М., 2006). Они представляют отрывки из его работ, публиковавшихся в разное время.

[272] См., напр.: Фурсов А.И. Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь». URL: http://www.intelros.ru/index.php?newsid=124 (дата обращения: 15.10.2011); Фурсов А.И. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью // Defuturo, или история будущего / ред. Д.А. Андреев, В.Б. Прозоров. М., 2008. С. 255–304.

[273] См., напр.: Неклесса А.И. Новый амбициозный план. Проекции и чертежи новой сборки мира // Политический класс. 2008. № 1. С. 91–108; Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации; Пономарёва Е.Г. Государство в условиях глобализации // Свободная мысль. 2009. № 10.

[274] См., напр.: Окара А.Н. Государство-корпорация как новый тренд для России, Украины и Белоруссии. URL: http://www.intelros.ru/2007/05/16/andrejj_okara_gosudarstvokorporacija_kak_n

также уделил внимание данному феномену сквозь призму идей А.И. Фурсова и А.И. Неклессы[275]. С интересным проектом создания в России подобного образования выступил К.В. Маркарян[276], но, в отличие от других исследователей, он более оптимистично рассматривает изучаемый феномен, полагая, что корпорация-государство может стать оптимальным выходом для строительства новой России. Среди западных авторов такая категория не встречается, по крайней мере, нами не обнаружено понятия, описывающего нечто подобное. Рассматриваемый термин встречается только у П. Ханны, к труду которого мы вернёмся немного позднее.

Согласно определению, данному А.И. Фурсовым, корпорация-государство – форма государственного устройства, цели функционирования которой имеют прежде всего экономический характер[277]. Подобным образом трактует этот феномен и А.Н. Окара, считающий корпорацию-государство мобильной, властной самоорганизующейся корпорацией. Данная организация подменяет собою традиционные институты нации-государства, имитирует основные государственные функции и использует ресурсы в своих групповых или корпоративных интересах[278].

Отталкиваясь от указанных трактовок, мы предложим следующее определение корпорации-государства: это организация, подминающая под себя органы государственного управления и ставящая на первое место в своей деятельности корпоративную выгоду (прежде всего экономические интересы). Иными словами, это явление, сочетающее в себе черты корпорации (в широком смысле слова под ней понимается «всякое объединение с экономическими целями деятельности»[279]) и государственной власти.

---

ovyjj_trend_dlja_rossii_ukrainy_i_belorussii.html (дата обращения: 15.03.2011); Окара А.Н. Украинские дискурсы и российская парадигма // Политический класс. 2007. № 5.

[275] См., напр.: Калашников М. Глобальный смутокризис. М., 2009.

[276] Маркарян К.В. Россия как государство-корпорация. О российской национальной идее: «Третий путь» Путина // Политический класс. 2006. № 1.

[277] См., напр.: Фурсов А.И. Мир, который мы покидаем. С. 279.

[278] Окара А. Государство-корпорация как новый тренд.

[279] Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. Т. 7. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – С. 976.

Рядом с категорией «корпорация-государство» можно поставить другое понятие – «государство-корпорацию». Мы согласны здесь с А.В. Митрофановой, трактующей государство-корпорацию как вид именно современного государства-нации, преимущественно занимающийся внешнеэкономической деятельностью. Корпорация-государство – феномен постсовременного мира, одна из альтернатив национальному государству. Если в первом случае речь идёт о политическом институте, осуществляющем высшую власть в обществе, то во втором – об экономической организации, подминающей под себя государство.

Таким образом, данные категории, несмотря на их определённое сходство, описывают разные явления, хотя и имеющие отдельные общие черты, например, экономическую деятельность. Прообразы корпорации-государства стали формироваться ещё в эпоху рождения Модерна (если не раньше). В числе одной из препдосылок корпорации-государства может быть английская Ост-Индская компания (1600–1858 годы)[280]. Основой корпорации-государства могут выступать разнообразные субъекты: регионы, мегаполисы, транснациональные и государственные корпорации, разветвлённые кланы, не вполне легальные холдинги и т. п. Все они составляют сложную систему взаимодействий, из которых постепенно начинает формироваться корпорация-государство[281]. Предпосылки для её становления начали складываться во второй половине XX века.

Главнейшими факторами появления подобной тенденции являются глобализация и возникновение таких игроков на международной арене, как транснациональные корпорации. Формирование единого экономического и информационного пространства, размывание государственного суверенитета создают прекрасный простор для деятельности ТНК. Этому способствует

[280] Фурсов К.А. Ост-Индская компания. История великого олигарха. URL: http://www.analysisclub.ru/index.php?page=hist&art=2205 (дата обращения: 08.11.2014).
[281] Неклесса А.И. Номенклатурное государство. URL: http://www.intelros.ru/subject/gos_korp/2976-statja-aleksandra-neklessa.html (дата обращения: 08.11.2014).

и высокотехнологический прогресс, и совершенствование управленческих и манипуляционных практик, позволяющих воздействовать на общество[282].

Крах колониальной системы на рубеже 1950–1960-х годов привёл не только к позитивным моментам. В ряде случаев местные правящие группы, добившись освобождения своих стран, постепенно стали рассматривать их как источник собственного обогащения[283], как своеобразную награду, «приз» в борьбе. Вновь созданные государства обладают слабым суверенитетом и, контролируя богатые ресурсы, становятся объектом притязаний со стороны ТНК[284]. Последние имеют возможность часто выступать в роли самостоятельных субъектов международных отношений, навязывая порой неравноправные соглашения слабым государствам.

Например, Л. Миталл, индийский бизнесмен, основатель и владелец Mittal Group, во время гражданской войны в Либерии подписал с местным правительством контракт, создав в этой стране корпорацию-государство[285]. В ситуации бессилия государственных органов крупные корпорации начинают создавать свои вооружённые формирования, что ещё больше сужает суверенитет государств[286]. Разумеется, тот факт, что ТНК подчиняет себе госструктуры, не значит, что сразу же формируется корпорация-государство, однако тенденция к тому, что часть суверенитета будет уходить из рук государства, прослеживается.

В настоящее время ТНК добиваются изменений правил ВТО, чтобы иметь право подавать в суд на страну, минуя своё государство. По просьбе концерна Bechtel суд Мирового банка приговорил Боливию к выплате этому концерну 25 млн долл. Причина – население одного из боливийских штатов изгнало со своих земель представителей Bechtel, взвинтивших цены на поставляемую ими воду. Другой пример – суд НАФТА принял решение о том, что Мексика должна

---

[282] Неклесса А.И. Новый амбициозный план. С. 98.
[283] Неклесса А.И. Новый амбициозный план. С. 106.
[284] См., напр.: Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации. С. 109.
[285] См., напр.: Корпорация-государство, или Поклонитесь Будущему Боссу. URL: http://kvisaz.ru/20061225/753 (дата обращения: 15.07.2012). Данный материал взят из источника, автор которого не указан, но мы решили сохранить заметку, т. к. если убрать это сообщение, то не ясна будет и критика нашей концепции П.Л. Крупкиным (см. ниже).
[286] Арин О.А. Мир без России. М., 2003. С. 312.

выплатить американскому концерну Metalclad 17 млн долл. компенсации за запрет на строительство свалки ядовитого мусора рядом с заповедником[287].

Однако корпорации бросают вызов и крупным индустриальным странам: например, Канадская Methanex подала иск против США за принятие Калифорнией экологических законов, запрещающих использование производимого данной компанией химиката, вредного для здоровья, и потребовала компенсации в размере 970 млн долл. Американская Crompton Corporation пригрозила потребовать от США 100 млн долл. компенсации за запрет пестицида Линдейн, вызывающего рак груди и расстройство нервной системы[288].

Деятельность ТНК опирается на значительные экономические ресурсы. Так, 500 глобальных ТНК контролируют примерно 70% мировой торговли и имеют сотни подчинённых компаний в разных странах. Если составить общий список государств мира (по показателю валового национального продукта) и глобальных ТНК по экономической мощи, то «Дженерал Моторс» займёт 23-е место, «Форд» – 24-е, «Мицубиси» – 26-е, «Дженерал электрик» – 44-е, а за ними идут Португалия, Греция, Малайзия, Колумбия[289].

Среди внутренних причин формирования корпорации-государства назовём нахождение у власти группы собственников, связанных, как правило, с ТНК. Это касается в первую очередь богатых стран Запада. Нельзя ни в коем случае однозначно утверждать, что они постепенно превращаются в корпорации-государства, однако рост влияния таких слоёв заметен. Такие магнаты, как К. Слим (признаваемый в 2010–2013 годы самым богатым человеком планеты) и Р. Мёрдок оказывают влияние на политику ряда стран (в том числе США, Австралии, Великобритании)[290].

Бывший президент США Дж. Буш-младший владел крупным пакетом акций компании «Aloha Petroleum» и «Harken Energy», а его окружение также было тесно связано с бизнесом. В 2000 году нефтяная компания «Exxon Mobil»

---

[287] Диктатура ТНК // Завтра. 2012. № 25. С. 4.
[288] Диктатура ТНК // Завтра. 2012. № 25. С. 4.
[289] Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. С. 58.
[290] См., напр.: Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 51.

предоставила Республиканской партии США на президентских выборах крупную денежную сумму.

Вице-президент США в 2001–2009 годах Р. Чейни был президентом и исполнительным директором ведущей нефтедобывающей компании США «Halliburton Company» в Далласе, штат Техас (октябрь 1995–2000 годов). В период его руководства компанией были установлены контакты «Halliburton» с нефтяными компаниями Ирака, несмотря на санкции, предпринимаемые тогда властями США и руководством ООН против Багдада[291].

Другой помощник Дж. Буша-младшего К. Райс была директором «Chevron» в 1989–1992 годах и до 2001 года являлась консультантом данной компании (и владетелем её акций). Министр обороны США 2001–2006 годов Д. Рамсфельд сотрудничал в 1980-х годах с компанией «Bechtel», намеревавшейся построить нефтепровод в Ирак, и получал дивиденды как её советник. Также он занимал пост советника нефтяной компании «Unocal», планировавшей строительство трубопровода через территорию Афганистана в Туркменистан. Всего из высших чиновников администрации Дж. Буша-младшего 43 человека владели различными пакетами акций нефтяных компаний[292]. Налицо именно сращивание правящей верхушки и ТНК.

Следующей причиной можно считать трансформацию такого типа государства, как корпоративное (господство особой профессиональной корпорации). Под корпоративным государством, как правило, понимается тип авторитарного государства, характерный для фашистских стран. Если корпорация-государство – феномен нарождающегося общества постмодерна, то корпоративное государство – продукт предыдущей эпохи. Трансформация корпоративного государства возможна в случае присвоения правящим слоем государственной собственности и использование её в сугубо личных, как правило, коммерческих целях.

---

[291] Цит. по: Комлева Н.А. Преэмптивная война как технология ресурсного передела мира // Геополитика и безопасность. 2012. № 1. С. 88.
[292] Комлева Н.А. Преэмптивная война. С. 88–89.

Есть и иной подход к трактовке корпоративного государства, с позиции которого корпоративизм – это «форма демократии, при которой ведущая роль в гармонизации интересов различных социальных слоёв и групп общества принадлежат объединенным профессиональным организациям работодателей и наёмных работников, общественным ассоциациям и государству»[293]. Однако мы в данном случае под корпоративным государством понимаем именно господство определённой профессиональной корпорации.

Можно выделить ещё одну социальную предпосылку становления корпорации-государства – формирование космополитичной бизнес-элиты, оторванной от своих корней, активность которой распространена по всему земному шару. З. Бжезинский утверждает, что в мире возникла ярко выраженная глобальная элита «с глобалистскими взглядами и транснациональной лояльностью»[294], характерными чертами которой являются:

– свободное владение английским (и использование его для ведения дел);

– высокая мобильность;

– космополитический образ жизни;

– её основная привязанность – место работы (как правило, транснациональный бизнес или финансовая корпорация).

Уроженцы других стран занимают в таких корпорациях высокие должности, что является типичным. Ежегодные встречи всемирного экономического форума стали «партийными съездами новой глобальной элиты», которая «всё более явно демонстрирует понимание своих собственных интересов, дух товарищества и самосознание»[295]. Образующие глобальный управляющий класс люди живут «не в странах, а в пятизвёздочных отелях и закрытых резиденциях…»[296]. И, как

---

[293] Шабров О.Ф. Корпоративистское государство в условиях картельной многопартийности // Политическое управление и публичная политика XXI века: Государство, общество и политические элиты / Под ред. О. Гаман-Голутвиной и др. М., 2008. С. 47–55. URL: http://shabrov.info/Statji/korp_kar.htm (дата обращения: 08.08.2017).

[294] Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 178.

[295] Бжезинский З. Указ. соч. С. 179.

[296] Делягин М.Г. Глобальный управляющий класс // Свободная мысль. 2012. № 1–2. С. 74.

следствие, данный класс не привязан ни к одной стране и не имеет внешних обязательств.

Многое зависит и от того, какой вид элиты находится у власти. Е.Г. Пономарёва и А.И. Фурсов мало уделяют внимания в своих теоретических построениях данному аспекту, но и на нём стоит сделать акцент. Элиту вслед за А.С. Панариным можно разделить на «кочевников» и «пахарей». «Кочевники» – те, кто рассматривают страну как добычу, население – как средство для дополнительного обогащения. В случае доминирования «кочевников» неизбежно не только полное присвоение средств страны победителями, но и частичное подчинение транснациональному капиталу, с которым «кочевники» могут быть связаны множеством взаимодействий.

Для «пахарей» страна – это земля, нуждающаяся в преображении, возделывании, защите. Как правило, они привязаны к своей стране, но по разным мотивам: одни с целью укрепиться у власти, но при этом они объективно приносят пользу своей стране, другие мыслят стратегически, чувствуя ответственность перед государством. Соответственно, слой «кочевников» будет питательной средой для формирования корпорации-государства.

Не менее важную роль, на наш взгляд, играет нарождающийся в последнее десятилетие «класс новых воинов» (термин Р. Питерса)[297] или наёмников. Данный компонент также мало освещён теми авторами, которые пишут о корпорации-государстве. Формирование «класса новых воинов» связано с многочисленными войнами, конфликтами, образованием целых очагов нестабильности, расширением «серых зон» и образованием своеобразных «государств архаики».

Благодаря современным средствам доставки и деятельности частных военных компаний (ЧВК) таких боевиков легко вербовать, перебрасывать из одного региона в другой. На наш взгляд, корпорации-государства будут проявлять всё больший интерес к подобному слою людей. Не останутся

[297] Попов И.М. Солдат против «воина» // Независимая газета. 2004. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2004-02-20/2_enemy.html. (дата обращения: 02.05.2013).

без внимания и ЧВК[298]. В глазах государства и ТНК использование ЧВК имеет ряд преимуществ, что делает услуги последних более востребованными[299]. Неслучайно ЧВК становятся инструментом в руках бизнеса, в том числе и ТНК. Например, одна из частных военных компаний – «Kellog Brown & Root» – является дочерней структурой нефтяной компании «Halliburton», тесно связанной с Р. Чейни, вице-президентом США периода 2000–2008 годов[300].

Ещё одной институциональной и социальной предпосылкой корпорации-государства является деятельность террористических организаций, криминальных синдикатов[301]. По мнению А.И. Фурсова, в главных своих сферах – торговле оружием, нефтью, драгметаллами, наркотрафике, проституции и порнобизнесе – современная глобальная экономика является криминальной, нарушающей основы нации-государства. Поэтому и корпорация-государство является корпорационно-криминальной по своей сути.

Таким образом, взаимозависимыми выступают два процесса: криминализация общества и становление корпорации-государства. Последняя, по А.И. Фурсову, более адекватна той части современной глобальной экономики, которая строится на криминале. В качестве примера А.И. Фурсов приводит Косово, в котором, по его словам, создано криминально-корпорационное государство.

Да, с одной стороны, Республика Косово является перевалочным пунктом для торговли оружием и не только; здесь реализуются разного рода экономические проекты[302]. С другой – возможно, в данном случае имеет смысл говорить не о корпорации-государстве, а о «государстве-призраке»

---

[298] См., напр.: Гушер А. Частные военные компании и их роль в политике и практике некоторых государств. URL: http://www.ru.journal-neo.com/node/3899 (дата обращения: 02.05.2013).

[299] Балмасов С.С. Западные частные военные компании расширяют деятельность в Афганистане, Ираке, Ливии и Сомали. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/17-06-12.htm#top (дата обращения: 02.05.2013); Комлева Н.А. Преэмптивная война. С. 91.

[300] Комлева Н.А. Преэмптивная война. С. 91.

[301] См., напр.: Фурсов А.И. Мир, который мы покидаем. С. 282.

[302] Овчинский В.С. Война миров. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики. URL: http://www.contr-tv.ru/common/2651/ (дата обращения: 15.03.2012).

или «государстве-фантоме»[303], т. к. суверенитет Косова гарантируется присутствием войск НАТО, притом часть территории страны не подчиняется центру.

Другой пример – Колумбия, где «государством являются Медельинский и Калийский картели, а также FARC»[304]. Но в данном случае корпорации-государства напоминают корпоративные, т. е. один из видов традиционного авторитарного государства.

А.И. Фурсов проводит разницу между обоими видами государства. Корпоративное государство он склонен рассматривать как один из видов социального государства, или welfarestate (к их числу он относит и фашистские режимы в Европе в межвоенный период). Если главной задачей нации-государства (в том числе и welfarestate) являлось «включение «в себя» всего населения», то цель корпорации-государства – в исключении из реальной государственности всего экономически нерентабельного, непригодного в качестве объектов эксплуатации населения[305].

С автором можно частично согласиться. Однако фашистское государство, приводимое в качестве примера А.И. Фурсовым, тоже строилось на отсечении и порабощении всех чужих, и термин «социальное государство» здесь неприменим.

Возникает и другой вопрос: насколько возможно сравнивать корпорацию-государство с криминальным государством? Такие сопоставления, конечно, делаются. Например, А.В. Митрофанова отмечает, что модель «корпорация-государство» может возникнуть в результате захвата госаппарата организованной преступностью[306], но всё-таки в подобных ситуациях более корректно говорить о своеобразном «государстве-клане» (под кланом в данном случае можно понимать именно мафиозное объединение), а отнюдь не о корпорации-

---

[303] Пономарева Е.Г. Государство-призрак. Косово в мировой системе // Политический класс. 2009. № 1. С. 30-47.
[304] Фурсов А.И. Мир, который мы покидаем. С. 281.
[305] См., напр.: Фурсов А.И. Мир, который мы покидаем. С. 280.
[306] Харин, А.Н. Модели государственного устройства в условиях глобализации: сценарии для России // Геополитика. Выпуск XX. 2013. С. 128.

государстве. Сам А.И. Фурсов также применяет категории «государство-клан» и «государство-бандит».

Мы считаем, что отождествлять корпорацию-государство с «государством-бандитом» неправомерно: это разные явления. Корпорации-государства вырастают на основе крупных ТНК, официально признанных, деятельность которых не всегда является криминальной. «Государства-кланы» – иные образования. Во-первых, они вырастают из теневых структур, открыто противопоставляющих себя государству и обществу. Во-вторых, ими могут быть как отрасли теневой экономики, так и вооружённые объединения, контролирующие определённую территорию, занимающиеся терроризмом, наркоторговлей и другими видами криминальной деятельности. К государствам-кланам можно отнести территории таких государств, как: Афганистан, Мьянма, Сомали и других. В-третьих, по своей структуре государства-кланы более похожи на предсовременные государства, если отталкиваться от типологии, предлагаемой Е.Г. Пономарёвой[307], а корпорация-государство всё-таки феномен постсовременного общества.

Есть и иные возражения. Например, по поводу утверждения о том, что современная глобальная экономика в своих основных отраслях является криминальной. Однако несомненно то, что корпорация-государство – новый вид государственного образования, своеобразная альтернатива существующим политическим институтам. Отталкиваясь от приведённых выше определений А.И. Фурсова и А.Н. Окары, можно отметить, что внутри страны к данному феномену могут перейти некоторые функции государства. Госаппарат направится на реализацию в первую очередь сугубо узкокорыстных групповых интересов, а не национальных задач, главным образом – на изъятие средств у населения. Основными правилами поведения для такого института будут принципы экономической эффективности и утилитаризма по отношению к населению и территории[308].

---

[307] См., напр.: Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации. С. 97.
[308] Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации. С. 104; Фурсов А.И. Доклад.

Изымая средства из населения и извлекая ресурсы из страны, корпорация-государство начнёт стремиться по максимуму избавляться от социальных обязательств перед «нерентабельным» населением, а по возможности – и от него самого[309]. Культура окажется на обочине вследствие экспансии индустрии «электронных и химических грёз, душевного комфорта, иллюзий»[310]. Духовные, нравственные ценности сменятся потребительскими, являющимися для корпорации-государства превосходным средством манипуляции.

В целом это образование имеет несколько специфических черт:

– характерно для эпохи постепенного размывания государственного суверенитета;

– данный институт сращивается с органами государственной власти либо подчиняет их себе благодаря находящимся в его руках ресурсам (экономическим, политическим и информационным);

– государственные интересы воспринимаются сквозь призму интересов данной корпорации (главным образом коммерческих);

– корпорации-государства могут быть двух основных типов: 1) «внешние» – возникающие в результате подчинения ТНК территории одного из государств либо существенного влияния ТНК на дела этого государства; 2) «внутренние» – могу стать следствием подчинения государства интересам собственной ТНК;

– при развитии подобного феномена возможно наличие таких форм политической власти, как: автократия, олигархия, плутократия (власть богатых). Соответственно, политический режим в данном образовании будет гибридным (смешанным), умеренно-авторитарным, но вряд ли демократическим.

Вместе с тем, по мнению А.И. Фурсова, развитие корпорации-государства, безусловно, тормозится тем, что оно до сих пор нуждается в нации-государстве как в некой скорлупе и естественной среде питания, поскольку сама корпорация-государство практически ничего не создаёт, а лишь проедает произведённое

[309] Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации. С. 104; Фурсов А.И. Доклад.
[310] Неклесса А.И. Новый амбициозный план. С. 102.

ранее[311]. Другая причина затруднений – возможность противодействия подобному сценарию со стороны сплочённой коалиции крайне правых, и крайне левых, и даже части либералов[312]. Последние, недовольные диктатом крупных монополистов, могут выступить с критикой нарождающегося строя как губящего свободу рыночных отношений, подавляющего мелких и средних предпринимателей.

Возникнут возражения и иного рода: насколько правомерно описывать данный феномен? Например, А.В. Митрофанова считает, что «едва ли стоит называть государством объект, полностью поглощённый корпорацией». Кроме того, отсутствует и существенная характеристика современной нации-государства – связь с территорией[313].

Разумеется, в прямом смысле государством это образование назвать нельзя, но руководство корпорации может контролировать властную верхушку и, соответственно, территорию страны, применяя насилие. Всё же условно допустимо говорить о таком «идеальном типе», как корпорация-государство.

Скептически к идее трансформации ТНК в корпорацию-государство относится и П.Л. Крупкин. По его словам, неправомерно приравнивать ТНК к государствам только лишь на основании их мощи: «ежели Миттал «заломал» Либерию, а Мэрдок «влиял на политику» развитых стран, то ТНК стали государствами. Но ведь и ООН может давить на государства, а МВФ – их «заламывать» к выгоде своих основных вкладчиков – они что, тоже государства? А уж как влияют на политику различные неправительственные организации»[314].

Конечно, влияние было всегда. В XIX веке крупный капитал стран Запада оказывал существенное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику своих государств. Однако тогда у корпораций имелся противовес в лице остатков дворянства, земельной аристократии, а мощным противовесом являлось рабочее

---

[311] Фурсов А.И. Корпорация-государство. Доклад.
[312] См., напр.: Фурсов А.И. Корпорация-государство. Доклад.
[313] Митрофанова А.В. Указ. соч. С. 128.
[314] Крупкин П.Л. ТНК пока не стали государствами. URL: http://www.iarex.ru/interviews/33421.html (дата обращения: 25.03.2013).

движение, да и противоборство самих элит не давало возможности одной из них установить власть над страной.

Безусловно, что и международные правительственные/ неправительственные организации также могут воздействовать на политику государства. Однако в таком случае речь может идти о влиянии институциональных, финансовых и иных сетевых структур, в которые могут встраиваться и ТНК. Однако это именно влияние на власть, а не её приобретение.

Существуют и другие аргументы, указывающие на слабость данного феномена. Во-первых, любая корпорация, в отличие от государства, может обанкротиться[315]. Во-вторых, ТНК пока заинтересованы в самом государстве, в первую очередь в его полицейских функциях. Без помощи государства не обойтись и при финансовых кризисах: оно помогает ТНК защищать их интересы как внутри страны, так и за рубежом. В-третьих, не следует сбрасывать со счетов противоречия в самом господствующем классе. В-четвёртых, сохраняется возможность сопротивления со стороны части гражданского общества. В-пятых, существенной альтернативой корпорации-государству могут являться такие новые феномены: как регион-государство и цивилизация-государство. В-шестых, развитие человечества непредсказуемо, и возможно появление новых вариантов государственности. В-седьмых (что важно для нашего исследования), в теории данная модель не получила достаточного распространения. Об этой модели, по имеющимся данным, больше пишут отдельные наши авторы.

Таким образом, данная альтернатива имеет ряд трудностей при своём осуществлении. И, что более важно для темы данного исследования, теоретически она пока слабо разработана.

Мировой политический (и не только) процесс характеризуется как формированием единого глобального пространства, так и объединением нескольких стран по ряду признаков. Неслучайно в связи с этим в политологии

[315] См., напр.: Фурсов А.И. Корпорация-государство. Доклад.

возникает т. н. «пространственный подход», хотя пока и не получивший достаточного распространения[316].

К таковым пространствам можно отнести нарождающиеся цивилизации-государства, империи-государства. Также на мировую арену выходят регионы, являющиеся частью отдельных государств, поэтому сейчас обратимся ко второму сценарию – «региону-государству».

Существующие обстоятельства побуждают исследователей говорить о новом регионализме или даже о появлении такого актора мирового политического процесса, как регион-государство[317]. Руководитель научных прогнозов ЕС Р. Петрелла в конце 1990-х годов утверждал, что к середине XXI века США, Германия и иные крупные нации-государства перестанут быть цельными социоэкономическими и политическими структурами. В мире лидировать будут такие регионы, как: графство Орандж в Калифорнии, Осака – в Японии, Рур – в Германии и др.[318]

Норвежский политолог Й. Гальтунг, обозначая процесс ослабления наций-государств, указал на то, что развитые средства коммуникаций стремительно сокращают пространства политий. Шанс выжить остаётся только у крупных стран (например, США, государства БРИКС). Остальные присоединятся к регионам, формирующимся на основании географической близости и культурного родства. Такими регионами станут:

– светско-христианский ЕС;

– смешанный Африканский союз;

– индуистско-мусульманская Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК);

– смешанная Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН);

---

[316] Потёмкина О.Ю. О транснациональных пространствах и международных регионах // Полис. 2012. № 4. С. 181.

[317] См. Китинг М. Новый регионализм как возможность // Россия в глобальной политике. 2008. № 4; Пономарёва Е.Г. Государство в условиях глобализации; Юдина И.Н. Трансформация роли государств и регионов в эру глобализации.URL: http://hist.asu.ru/aes/iud_st_ru.htm. (дата обращения: 25.03.2013).

[318] Цит. по: Уткин А.И. Мировой порядок XXI века М., 2002. С. 87.

– светско-католическая Латинская Америка;

– мусульманская Организация Исламская конференция (ОИК), простирающаяся от Марокко до Филиппин;

– буддистско-конфуцианская Восточная Азия;

– светско-православная Российская Федерация.

Возможна также замена Организации Объединённых Наций другим институтом – Организацией Объединённых Регионов (ООР)[319]. В мире всего 200 государств и 2 000 наций, но только в 20 странах преобладает одна нация. Поэтому, считает Й. Гальтунг, неизбежны межнациональные конфликты внутри отдельных государств. Нации будут претендовать на автономию или независимость, и здесь регионы могут выступить в роли «адаптационных зонтиков». Й. Гальтунг повторяет тезис Э. Тоффлера и других авторов о том, что государство сейчас начинает размываться двумя мощными силами: сверху это глобальный капитал, ТНК и регионализм, снизу – национализм и гражданское общество[320].

Но этот нарождающийся феномен является нечётким. Он даже имеет несколько определений: «регион-экономика», «регион-государство». Нам по ряду причин ближе термин «регион-государство» – об этом речь пойдёт ниже. Численность населения в таких государствах, по мнению некоторых учёных, не должна составлять более 20 млн человек[321]. Однако, на наш взгляд, она может быть и больше. Регион-государство может представлять из себя конфедерацию либо иметь гораздо более сложную структуру.

К. Омаэ определял регион-экономику как естественную деловую единицу глобальной информационной экономики. Не имеет значения, что представляет из себя данный феномен: находится он внутри отдельной страны или является комбинацией регионов нескольких государств. Главное, что характеризует регион-государство, – определённые масштабы, позволяющие осуществлять

---

[319] Гальтунг Й. Десять тенденций, меняющих мир // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. С. 11–12.
[320] Гальтунг Й. Указ. соч. С. 12–13.
[321] Цит. по: Пономарёва Е.Г. Государство в условиях глобализации. С. 73.

функции субъектов глобальной экономики. Такое образование связано с другими регионами-государствами в большей степени, чем со своей страной, и решает региональные проблемы путём использования глобальных ресурсов. Функционирование данного объединения определяется сугубо экономическими императивами[322], чем отчасти напоминает корпорацию-государство.

В концепции М. Китинга регион-государство не только экономическое явление. Регионы, по его мнению, могут быть как экономическими, так и политическими и культурными пространствами либо пространствами социальной солидарности. В одних случаях центром активности может быть весь регион, в других – только крупный город или город-регион. Также регионы могут существовать внутри отдельных государств[323].

А.И. Фурсов вслед за К. Омаэ вводит понятие «регион-экономика», которое характеризуется сугубо экономическими, а не политическими либо социальными факторами и императивами[324]. А.И. Фурсов не отрицает, что регион-экономика является порождением процессов глобализации, но данное понятие он отождествляет с понятиями «рынок-государство» и «корпорация-государство». Для отечественного исследователя эти вещи почти тождественные.

Постараемся, отталкиваясь от приведённых размышлений, дать определение региона-государства. На наш взгляд, данный феномен можно понимать в двух смыслах. Во-первых, как объединение нескольких государств или регионов, прежде всего в экономических целях, активно выступающее в качестве самостоятельного субъекта на международной арене и преследующее главным образом экономические интересы. Во-вторых, регионом-государством можно считать отдельный регион страны, становящийся в силу внешнеэкономической деятельности всё более самодостаточным. Как правило, это временное образование, которое может потом модифицироваться в нечто иное (например, в цивилизацию-государство) либо прекратить своё существование в результате удовлетворения экономических интересов.

---

[322] Цит. по: Пономарёва Е.Г. Государство в условиях глобализации. С. 73.
[323] См., напр.: Китинг М. Указ. соч. С. 145.
[324] Фурсов А.И. Корпорация-государство. Доклад.

Почему мы останавливаемся именно на термине «регион-государство»? На наш взгляд, данный феномен, активно занимаясь экономической деятельностью, перенимает часть функций у нации-государства, в какой-то степени являясь частичной заменой его в международных (преимущественно экономических) отношениях. Он имеет определённую территорию, часть доходов. Можно привести в пример попытки ЕС создать свои войска, если считать его прообразом рассматриваемого феномена. К регионам-государствам могут относиться:

– страны, деятельность которых ведёт к появлению крупного экономического пространства, постепенно превращающегося в значимый субъект международных экономических отношений;

– отдельные регионы страны, занимающиеся активной внешнеэкономической деятельностью и становящиеся заметными игроками на мировой арене.

Необходимо различать такие феномены, как регион-государство и корпорация-государство. Корпорация-государство может выступить в роли одной из предпосылок формирования региона-государства, но оно подчиняет себе власть в отдельной стране, в то время как регион-государство – это объединение суверенных государств (или некоторых их регионов) по экономическим интересам.

Отличаются регионы-государства и от империй-государств, а также от цивилизаций-государств, хотя у них есть общие моменты. Так, регионы-государства могут стать предпосылками для формирования как новых империй-государств, так и цивилизаций-государств. Регион-государства, как и цивилизации-государства, вполне вероятно, могут существовать в форме конфедераций.

Вместе с тем если регион-государство строится, главным образом на экономической основе, то два других феномена объединяются вокруг какой-либо идеи: политической, религиозной. Но, повторимся, вполне возможен переход одного образования в другое. Экономического интереса, как правило,

бывает недостаточно, и субъекты начинают искать ещё что-то, сближающее их. Это и станет, на наш взгляд, главным фактором эволюции тех же регионов-экономик в империи-государства и цивилизации-государства.

Причины формирования региона-государства могут быть разными. Во-первых, данный феномен могут образовать несколько корпораций-государств, т. е. таких организаций, которые сочетают в себе черты корпорации и государственной власти. Во-вторых, географическая структура мира и существующие экономические связи также ведут к становлению регионов-государств.

М. Спиндлер пишет о том, что мир постепенно разделяется на несколько региональных экономик: ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР и АТЭС[325]. Существуют и африканские региональные объединения (например, Экономическое сообщество стран Восточной и Южной Африки). ЕС может стать классическим вариантом складывающегося региона-государства. Другой пример – это НАФТА. В определённой степени к ним можно отнести и общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР). Ряд государств Европы поднимает идею создания Объединённой федерации северных стран[326].

Имеется также проект расширения НАФТА на юг, в Латинскую Америку. В СМИ обсуждают идею создания Трансатлантической торгово-экономической интеграции США и стран ЕС[327]. В случае реализации данной идеи может возникнуть крупная регион-экономика, пусть и разделённая Атлантическим океаном.

---

[325] Spindler M. New regionalism and the Construction of Global Order. URL: http://wrap.warwick.ac.uk/2025/ (дата обращения: 25.03.2013).

[326] Пронякина Е.Д. «Северное сотрудничество» в условиях глобализации: опыт и перспективы интеграции скандинавских государств // Политекс. 2012. № 3. С. 243–251.

[327] Блеттон Ж.И. Трансатлантический рынок ЕС – Соединенные Штаты и глобализация. URL: http://newsland.com/news/detail/id/569152/ (дата обращения: 26.03.2014); Василенков С. Создаётся трансатлантическая зона свободной торговли. Крупные мировые игроки объединяют усилия в борьбе с конкурентами. URL: http://www.inforos.ru/?module=news&action=view&id=33484 (дата обращения: 26.03.2014); Катасонов В. Трансатлантическая интеграция: скандал накануне старта. URL: http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_plany/transatlanticheskaya_integraciya_skandal__nakanune_starta_05072013/ (дата обращения: 26.03.2014).

Возникают не только большие региональные объединения. Регионы-государства могут образоваться внутри одной страны, а затем при неумелой политике центра выйти из состава государства. Проблемы сепаратизма мы сейчас можем наблюдать в Италии, Испании, Бразилии[328]. Они связаны, помимо прочего, и с формированием в них регионов-государств.

Политически государства остаются суверенами, а экономически их мощь может изменяться под воздействием сил глобализации[329]. Однако возникает опасность, что формирующиеся регионы могут разорвать страну.

На основании указанного выше можно условно выделить несколько типов т. н. регионов-государств, тем более что в имеющейся литературе пока слабо проработана возможная типология данных образований.

Во-первых, микрорегионы-государства – как правило, это отдельные области внутри той или иной страны, являющиеся также заметными игроками в международных отношениях. Процессы глобализации содействуют активности таких регионов. Обладая разнообразными ресурсами, регионы «сумели замкнуть на себя важнейшие экономические потоки»[330].

Большую роль начинают играть Каталония в Испании, север и юг Италии, Сан-Паулу в Бразилии, Гонконг в Китае, возможно, Бавария в ФРГ. Активизируется деятельность некоторых провинций Индии и того же Китая, имеющих даже свои представительства за рубежом. Калифорния «эффективно осуществляет собственную политику в сфере иммиграции, климата и энергетики»[331].

То же можно сказать и о Большом Франкфурте (Франкфурт-на-Майне и Рейн-Майнская область), являющемся своеобразными глобальными финансовыми воротами Германии. Ещё один пример – Ранштадт (название,

---

[328] См., напр.: Лебедева О. Республика Венето: жители севера Италии высказались за отделение. URL: http://nv-news.com/index.php?fla=stat&nma=news&nums=7621 (дата обращения: 26.03.2014); Более 80% каталонцев высказались за независимость. URL: http://www.interfax.ru/world/406187 (дата обращения: 10.11.2014).

[329] См., напр.: Юдина И.Н. Указ. соч.

[330] Плотникова О.В. Региональное измерение в современном мироустройстве (на примере унитарных государств) // Власть. 2012. № 9. С. 72.

[331] Ханна П. Новое средневековье. С. 52.

образованное от имён городов Амстердам, Роттердам, Гаага, Утрехт). Кроме него, Милано-Венецианский коридор на севере Италии. Для Японии это будет регион Кансай (города Осака и Кобе/Киото)[332].

Сотрудничество регионов на субнациональном уровне является настолько необходимым и важным для их социально-экономического развития, что это начинают признавать и центральные власти. Регионы ряда европейских стран (Швеции, Нидерландов) располагают большой самостоятельностью по осуществлению международных связей и, более того, уже влияют на внешнюю политику своих государств[333]. Конечно, в унитарных государствах вся международная деятельность регионов строго регламентирована и осуществляется под руководством центральных органов власти[334]. Вполне возможна и реакция центра на излишнюю самостоятельность каких-либо регионов. Так стоит ли в таком случае говорить о формировании микрорегионов-государств? Не является ли это просто незначительным расширением полномочий регионов под бдительным наблюдением центра? На наш взгляд, такая тенденция обнаруживается: Каталония, участвуя в международных делах, стремится к ещё большей самостоятельности; существует сепаратизм в Северной Италии, активно взаимодействующей с немецкими городами и землями.

Во-вторых, это мезорегионы-государства, которыми могут стать объединения нескольких регионов отдельных стран. Ряд регионов в силу своего пограничного положения и хорошо развитой инфраструктуры становится точками соприкосновения разных политий[335]. Е.Г. Пономарёва приводит такие примеры, как Северная Италия и Баден-Вюртенберг в ФРГ; объединение Пинанг (остров и штат в Малайзии) – Медан (административный центр провинции Северная Суматра в Индонезии) – Пхукет (остров, расположенный на юго-западе Таиланда).

---

[332] Глобальная геополитика. С. 130.
[333] Плотникова О.В. Указ. соч. С. 72, 75.
[334] Плотникова О.В. Указ. соч. С. 75.
[335] Плотникова О.В. Указ. соч. С. 72.

В-третьих, это макрорегионы-государства. Их следует в первую очередь понимать как регионы-государства. Наиболее классический пример – это ЕС. Кроме него, ещё отметим АСЕАН, МЕРКОСУР, в какой-то степени даже ШОС (хотя здесь вопрос очень спорный).

Однако макрорегионы-государства могут быть и другими, более дробными. Если отталкиваться от принятой ООН классификации мира по макрорегионам, то структура будет следующей:

– в Европе регионы-государства могут формироваться по следующим группам – Западная Европа, Северная Европа, Южная Европа, Восточная Европа;

– в Азии: Западная Азия, Центральная Азия, Южная Азия, Восточная Азия, Юго-Восточная Азия;

– в Африке: Северная Африка, Западная Африка, Центральная Африка, Восточная Африка, Южная Африка;

– в Америке: Северная Америка, Центральная Америка, Карибский бассейн, Южная Америка;

– в Австралии и Океании: Австралия и Новая Зеландия, Меланезия, Микронезия, Полинезия.

Существует мнение, что данные макрорегионы объединяются в цивилизации[336]. На наш взгляд, это не совсем так. Границы цивилизаций в некоторых случаях проходят прямо по этим регионам.

Подведём итоги. Корпорация-государство выступает в роли одной из альтернатив современному государству. Социально-экономическими предпосылками её формирования являются транснациональные корпорации, а также высшие финансово-промышленные слои общества. Данный вид альтерантивы нации-государства характеризуется подчинением государственных механизмов той или иной финансово-промышленной корпорации.

Допустимо говорить о данной тенденции (всего лишь тенденции, но заметной) формирования альтернативы современному государству, однако, по сравнению с анализируемыми ниже, она менее реальна и менее проработана

[336] Глобальная геополитика. С. 175.

в литературе. Например, пока не хватает эмпирического материала для выводов, показывающего деятельность ТНК по отношению к государствам и превращение их в зародыши корпораций-государств. Абсолютно не проработаны предпосылки формирования данного феномена: как социально-экономические, так и политические, и иные. Поэтому в дальнейшем мы её не будем рассматривать.

Теперь обратимся к сценарию «регион-государство». В целом регион-государство можно рассматривать как альтернативу нации-государства представляющую из себя конфедерацию. В литературе дано чёткое описание данного феномена. Что касается термина «регион-государство», то он является более дифференцированным, чем, например, постсовременные цивилизации-государства или империи-государства, пэтому здесь отметим ряд моментов. Во-первых, в будущем придётся говорить о нескольких феноменах, которые мы представили в одной группе.

Во-вторых, регион-государство будет иметь переходное значение и постепенно эволюционировать в политический феномен цивилизаций-государств за некоторым исключением.

В-третьих, данный вариант прослеживается слабее, нежели формирование империй-государств или цивилизаций-государств, но более чётко, чем корпорация-государство. Кроме того, данную тенденцию можно проследить на нескольких примерах (ЕС, АСЕАН). В рассмотренной литературе ставится вопрос о возможности подобных образований, поэтому данный феномен нуждается в дальнейшей научной проработке.

2.3. Империя- и цивилизация-государство как социально-политические и культурно-идеологические модели альтернатив

В данном параграфе мы объединим два феномена: империи-государства и цивилизации-государства. Империи, как и цивилизации, существовали с давних пор, тем более что часто эти понятия были тождественны (Древний Египет и Рим, цивилизация и империя инков). Как правило, империи и цивилизации возникают на социально-политической и культурно-идеологической основе. Ядром цивилизации или империи является определённое общество, создающее свои государство, систему ценностей и иные институты.

Сначала обратимся к сценарию «империя-государство». До XVI века империи были основными субъектами мировой политики, а затем уступили ведущую роль национальным государствам. Можно согласиться с позицией И.И. Рогова, что «терминологически неверно использовать слова «империя» и «государство» как синонимы»[337]. Да, это государство, но несколько иное, нежели современная нация-государство[338].

Есть и иной подход. Политолог К. Кумар не соглашается с противопоставлением империи и нации-государства. По его мнению, на практике наблюдается значительное сходство между обоими феноменами. Кроме того, империи и национальные государства могут существовать параллельно. Всё это альтернативные политические проекты, реализуемые в зависимости от ситуации[339].

С одной стороны, между империями и национальными государствами есть различия. Нация-государство выражает или стремится воплотить общую культуру, поддерживает радикальный эгалитаризм: все члены нации, в принципе, равны. Нации-государства не отрицают существование других аналогичных институтов, однако убеждены, что только их опыт превосходит пути других

---

[337] Рогов И.И. Империя и политическое государство: проблемы идентификации // Власть. 2011. № 4. С. 48.
[338] Рогов И.И. Указ. соч. С. 48.
[339] Kumar K. Nation-states as empires, empires as nation-states: two principles, one practice? // Theory and Society. 2010. P. 119.

народов. Мир за пределами нации рассматривается как безнадёжно чужеродный, состоящий из других народов, как правило, враждебных.

Империи, в отличие от этого, на первый взгляд, демонстрируют принципы, противоположные национальным государствам: оони многонациональны и подчёркивают неоднородность культур, особенно разницу между ядром и периферией. Имперская элита, как правило, космополитична, чего не скажешь об окраинах. Империи – иерархические структуры, строящие вертикальные модели взаимоотношений между центром и периферией (в отличие от государств, где существуют горизонтальные). Империи стремятся к универсализму и видят себя в центре известного им мира, источником самой культуры и зачинателем процесса цивилизации во всех уголках земного шара. Они рассматривают себя в качестве средств для более крупных, вселенских целей морального или религиозного характера[340].

С другой стороны, нация-государство и империя являются дополнительными выражениями одного и того же феномена власти. Несмотря на отличия, у империй и наций-государств гораздо больше общего, чем обычно предполагается. Идея естественного перехода «от империи к национальному государству» – заблуждение, искажающее как реальную историю, так и анализ существующих форм и возможностей. Даже если признать, что существуют принципиальные различия между империями и национальными государствами и что они представляют собой разные «идеальные типы», всё равно оба феномена часто одинаково функционируют в подобных ситуациях. Кроме того, сами империи не только сохранились в наше время, но имеют перспективы в будущем. Многие нации- государства представляют собой империи в миниатюре. Также многие империи можно рассматривать как национальные государства «с большой буквы».

И империи, и нации-государства могут переходить друг в друга. Мы можем говорить о государстве, называя его империей, и наоборот. Важно отметить, полагает К. Кумар, что многие государства раннего модерна считали себя

[340] Kumar K. Ibid. P. 121–122.

империями. Англия или Испания, будучи нациями-государствами, владели рядом территорий. Кроме того, большинство наций-государств, как и империй, – результат завоевания и колонизации[341]. Соглашаясь со многими наблюдениями К. Кумара, отметим, что, несмотря на родство данных институтов, мы склонны разделять империю и нацию-государство. Если нация-государство всё-таки видит, признаёт другие национальности вне себя, то для империи недопустимо существование соперницы. Любая империя только себя считает единственной, т. к. она выполняет вселенскую миссию. Нация-государство, как правило, застывает в своих границах, а империя стремится к расширению, поскольку в этом её вселенская миссия.

Хотя империи имеют долгую историю существования, до сих пор нет чёткого определения данного феномена. Г. Бишов, проанализировав трактовки империи, данные американскими политологами, констатирует, что империи характеризуются обширными размерами, длительностью существования, чётко фиксированными границами и доминирующим контролем над клиентами[342].

Это определение не всегда адекватно описывает имперский феномен. Как раз империя отличается от современной нации-государства нечёткостью границ. Кроме того, империи не всегда существовали продолжительное время и имели большую территорию: империя Цинь в Китае фактически просуществовала пятнадцать лет (221–206 годы до н. э.), недолго просуществовала и империя инков (1438–1533 годы), уничтоженная испанцами.

Нам близко понимание империи К.С. Пигровым, который рассматривал её как надэтническое, наднациональное государственное образование, организованное на принципах некоторых высших начал, более значимых, чем просто общность происхождения[343]. Близка по смыслу к этому подходу трактовка Л.Е. Бляхера, данная им в приватной беседе: «Империя – политическая форма,

---

[341] Kumar K. Ibid. P. 122–125.

[342] Bischof G. Empire Discourses: The «American Empire» in Decline?» // Kurswechsel. 2009. № 2. P. 15. URL: http://www.beigewum.at/wordpress/wp-content/uploads/2009_2_014-23.pdf (дата обращения: 18.07.2015).

[343] Пигров К.С. Империя как инновация, или императив империй // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 6. Вып. 2. Ч. 1. С. 3.

предшествующая государству, обязательно содержащая в себе «Вселенский проект». Империя всегда господствует над «четырьмя сторонами света». Правда, зачастую это господство существует только в пространстве смыслов. В этом случае мир делится на уже империю и ещё не империю». Главное в трактовках К.С. Пигрова и Л.Е. Бляхера – характеристика империи как образования, сформированного на основе определённого «наднационального проекта».

Существует несколько общеизвестных типологий империй.

На основании типологии политических систем, предложенной Ш. Эйзенштадтом, а также на основании ведущего субъекта можно выделить следующие типы империй:

– «патримониальные» империи (государство Александра Македонского, держава Карла Великого);

– империи кочевников (хунну, тюрки, монголы);

– «централизованные исторические бюрократические империи» (Древний Египет, Китай, империи Доколумбовой Америки, Рим).

Отталкиваясь от критерия контроля над пространством, предложенного В.П. Семёновым-Тян-Шанским, можно выделить три типа империй:

– «кольцеобразные»: Римская империя, Византийская империя, Османская империя, Швеция в XVII веке;

– «клочкообразные»: Испанская, Португальская, Голландская, Британская, Французская империи;

– «от моря и до моря»: самый распространённый вид (Персидская, Парфянская, Арабская, Монгольская, Российская)[344].

Другим критерием выступает контроль над водным пространством:

– «речные»: Египет, Вавилон, империи Древнего Китая (Цинь, Хань);

– «морские»: Рим, Византия;

– «океанические»: Великобритания, Франция и т. п.

По наиболее развитым сферам общественной жизни существуют империи:

---

[344] Семёнов-Тян-Шанский В.О Могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. Пг, 1915 / Геополитика: Антология. М., 2006. С. 737.

– военные (Ассирийская империя);

– экономические (Голландская, Британская);

– политические (Римская);

– культурно-конфессиональные (Арабская).

Данные типологии интересны, однако в целом в них сложно увидеть образования, которые можно отнести к феноменам постсовременности. В то же время уже сейчас появляются новые виды имперских образований, поэтому мы предлагаем классифицировать империи по времени существования:

– традиционные – существовавшие примерно до XVII века, т. е. до выхода на арену наций-государств;

– империи модерна – возникавшие, как правило, на основе наций-государств и представлявшие колониальные империи XVII–XX веков;

– империи-государства (или империи постмодерна) – те образования, что формируются в эпоху постсовременности и идут на смену нациям-государствам.

Исходя из имеющихся в научной литературе определений[345] можно отметить, что традиционные империи, как правило, характеризовались рядом признаков:

1) наличием имперской идеи (оправдывающей существование данного образования);

2) расширяющимися границами (иначе как можно было бы оправдать свою имперскую идею – только привнесением своих идеалов);

3) особым образом организованным взаимодействием центра и периферии.

Империи модерна мало чем отличаются от традиционных: они также стремятся к расширению, однако их ядром является нация- государство. Другими словами, надэтническая идея замещается идеей доминирования нации. Правда, здесь нация выступает в качестве носителя высших идеалов (христианства). Соответственно, такие империи имеют ещё один фактор, который может детонировать их распад. В качестве примера можно привести Римскую

[345] См., напр.: Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М., 2012; Пигров К.С. Указ. соч.; Рогов И.И. К вопросу о геополитической структуре имперской организации: пространство и его смыслы // Геополитика и безопасность. 2013. № 3.

и Британскую империи: первая основывалась на наднациональной идее, распространяя по Средиземноморью греко-римскую культуру, вторая всё-таки руководствовалась идеей английской нации.

В эпоху постмодерна (или постсовременности) империи как таковые (или империи-государства) модифицируются, видоизменяются, становятся своеобразной альтернативой нации-государства. Однако сохраняются и традиционные империи, к которым ряд исследователей относит Россию (об этом см. ниже). Другие полагают, что такой империей является США.

Империи-государства могут быть разнообразными. Возможно появление корпоративно-идеократических империй, носящих смешанный характер. В таких империях будет господствовать замкнутый слой, взявший на вооружение какую-либо мессианскую идею. Вместе с тем подобные империи можно отнести к образованиям нового типа, т. к. через экономику, диаспоры и СМИ их влияние начнёт распространяться далеко за пределы их границ. Такой империей-государством мог бы стать Иран: власть в стране фактически находится в руках духовных лиц, Иран традиционно проявляет интерес к таким регионам, как: Ближний Восток и Центральная Азия.

Второй тип новых империй-государств – это либеральные. Здесь можно вспомнить, что существует и термин «либеральная империя», применимый к США. Однако в целом проблему США как империи мы рассмотрим в следующей главе.

Возникает вопрос: чем империи-государства отличаются от своих предшественниц? В первую очередь, меньшей фиксированностью границ. Конечно, у традиционных империй существовали сферы влияния, но имели место и территории, непосредственно подчиняющиеся метрополии, входящие в имперскую структуру. Если брать империю Цинь или Римскую империю, то они даже старались отгородиться от мира варваров пограничными укреплениями. В наше время ситуация гораздо сложнее. Колоний как таковых не осталось (разве что полуколонии), но существует множество зависимых территорий или таких регионов, где пересекается влияние нескольких центров силы.

Во-вторых, если раньше империя имела не только фиксированные границы, но и определённую иерархическую структуру (в Риме, например, существовал разнообразный статус территорий, входящих в состав империи), то на постсовременном этапе возможна и сетевая модель. Хорошо это показано в концепции М. Хардта и А. Негри, к которой мы обратимся ниже.

В-третьих, если в прошлом мессианские идеи, на которые опирались империи, были, как правило, религиозными, то теперь они основываются на «Великих учениях», то есть идеологических проектах. В любом случае происходит как трансформация империй, так, зачастую, и содержания самого понятия «империя». Сложность данной трансформации не могла не отразиться и в теории.

М. Хардт и А. Негри постарались описать империю как аппарат управления, лишённый центра и привязки к определённой территории. Данный институт постепенно включает в свои открытые и расширяющиеся границы всё глобальное пространство. Империя, отмечают учёные, «управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменами посредством модулирования командных сетей»[346]. Иными словами, империя – сетевая структура, существующая в единственном числе и носящая глобальный, всеобъемлющий характер.

Испанский политолог Д. Коломер представил будущее как мир, разделённый на крупные империи и малые нации, живущие в их орбитах[347]. Империи могут быть демократическими, диктаторскими, смешанными[348]. По его словам, данный феномен забыт в политологической литературе по политическим соображениям, однако он существует и отличается от государства. Империи как форме государственности присущи следующие признаки:

– очень большие размеры территории и населения;

---

[346] Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 12.

[347] См., напр.: Colomer J.M. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. NY – London: Routledge, 2007; Josep M. Colomer. Bringing the Empire Back in. URL: http://gcg.universia.net/pdfs_revistas/articulo_81_1206609718123.pdf (дата обращения 01.08.2012).

[348] См., напр.: Josep M. Colomer. Bringing the Empire Back in. P. 48.

– отсутствие фиксированных и постоянных границ, т. к. империи имеют тенденцию к расширению территории;

– целостное образование многообразных групп и территориальных единиц, варьирующихся в разные эпохи. Например, в древнем мире это города, в Средние века – республики, графства, княжества, епископства и т. п.;

– набор многоуровневых, часто пересекающихся юрисдикций. Власть в империях ограничена, существует разделение властей, т. к. центральное правительство может лучше управлять регионами опосредованно[349].

В свою очередь государство обладает следующими признаками:

– большими и средними размерами территории и населения;

– фиксированной территорией и оформленными границами;

– суверенитетом или, иными словами, государство имеет верховную власть над территорией и населением. Признаётся верховенство законов, и решения власти признаются другими политиями;

– монополия на исключительную юрисдикцию, единообразие порядка.

На данном этапе, отмечает автор, существует пять империй, соответствующих указанным признакам: США, Европа, Россия, Япония и Китай[350]. Они включают в себя около 40% населения мира и 80% мировой продукции. Ещё пять стран, которые могут быть сопоставимы с первой пятёркой по численности населения, разнообразию федеральных типов их внутренней организации: Индия вместе с Пакистаном и Бангладешем, Индонезия, Бразилия, Австралия и Канада (хотя две последние являются малонаселёнными). В этих десяти единицах вместе существует более чем 2/3 мирового населения, начиная с XXI века[351]. Остальные политии подразделяются на несколько видов, в которые входят как современные государства, так и другие образования (непризнанные государства, субъекты федераций и т. п.)[352].

---

[349] Josep M. Colomer. Bringing the Empire Back in. P. 52.
[350] См., напр.: Josep M. Colomer. Bringing the Empire Back in. P. 48–49.
[351] См., напр.: Josep M. Colomer. Bringing the Empire Back in. P. 54.
[352] См., напр.: Josep M. Colomer. Bringing the Empire Back in. P. 55–56.

«Проект» мироустройства, предлагаемый Д. Коломером, интересен: можно согласиться с автором, что, помимо наций-государств, в мире наличествует много образований иного рода. Вместе с тем возникает несколько вопросов. Во-первых, судя по описанию, «империи» Д. Коломера напоминают федерации, но Китай и Япония отнюдь не федерации, а унитарные государства. Во-вторых, почему к империям относится Япония, которая не только не является федерацией, но и уступает другим государствам по численности населения и территории? Может быть, благодаря её экономической мощи? Однако подобный критерий исследователем не указан.

И.М. Бусыгина считает, что в «имперском проекте» Д. Коломера всё же представлены федерации[353]. Тогда получается, что даже по логике Д. Коломера не все федерации являются империями. Например, Нигерия или Судан. Нужно сказать, что отдельные исследователи склонны отождествлять империи и федерации[354]. Однако это допустимо не во всех случаях.

Если Д. Коломер полагает, что имперская структура возможна в будущем, то для американского политолога П. Ханны межимперские отношения уже «определяют контуры современного мира». Именно империи, а не цивилизации, наполняют географию смыслом. Они не признают цивилизационных границ. По мере распространения своих норм и обычаев империи могут изменять людей, к какой бы цивилизации те ни принадлежали. Поскольку империи больше озабочены властью и собственным расширением, а не сохранением чьей-либо уникальной культуры, они превосходят по размерам любую из цивилизаций. В отличие от Д. Коломера, П. Ханна называет три империи: США, ЕС и Китай. Другие политические объединения выступают в роли объектов воздействия мировых империй.

П. Ханна проводит определённую грань между империями прошлого и настоящего. Если раньше главным фактором была военная сила, то теперь

---

[353] Бусыгина И.М. Великие империи, малые нации. Неясное будущее суверенного государства. URL: http://www.perspektivy.info/book/velikie_imperii_malye_nacii_neyasnoe_buduschee_suverennogo_gosudarstva__2008-11-18-12-8.htm. (дата обращения: 15.03.2011).

[354] Захаров А. Империя и федерация // Свободная мысль. 2006. № 5.

к показателям имперской мощи можно отнести экономическую эффективность, долю на мировом рынке, технологические инновации, запасы природных богатств, численность населения, а также волю нации и дипломатическую искушённость[355].

Американский политолог не даёт чёткой характеристики того, что он понимает под империей. В.Л. Иноземцев в связи с этим подчёркивает, что термин «империя» в данном случае «скорее призван придать его теории дополнительную «звучность», чем определяет её глубинную суть». Вместе с тем, по замечанию В.Л. Иноземцева, в книге П. Ханны есть и новшество: он чётко противопоставляет империи цивилизациям[356], в то время как большинство исследователей их отождествляет.

Но здесь возникает ряд вопросов. Во-первых, почему такой империей не может быть Индия, проводящая активную внешнеполитическую деятельность? И какой империей может быть пока аморфный ЕС? Возможно, империи П. Ханны тождественны сверхдержавам – феноменам, которые способны оказывать решающее воздействие на мировую политику (о чём справедливо писал В.Л. Иноземцев), однако ЕС пока не годится на роль сверхдержавы, будучи расколотым.

Активно вопрос об империи в своих трудах разрабатывает российский политолог С.И. Каспэ[357]. В современном мире, как полагает автор, выстроена новая империя – империя Запада, достигшая завершённой универсальности, пронизывающая своими сетями и охватывающая инфраструктурой весь мир, обеспечив его взаимодействие. Поэтому у неё нет границ не только интернационально, но и фактически: отсутствуют даже альтернативы и «внешние варвары», от которых можно изолироваться. В отличие от М. Хардта и А. Негри, империя у С.И. Каспэ имеет свой центр.

---

[355] См., напр.: Ханна П. Второй мир. С. 9–10.
[356] См. Иноземцев В. Л. «Вторые и первые» / Ханна П. Второй мир. IX.
[357] См. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2008; Каспэ С. И. Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи // Полития.2008. № 1.

В плане имперского строительства является завершённой и глобализация, т. к. не осталось зон вне влияния империи. При этом автор оговаривается, что речь не идёт о гомогенизации всего мира: империя представляет из себя иерархическую организацию, и составляющим её сообществам присваивается различный статус. Данная дифференциация детерминирована не произволом и алчностью, а степенью солидарности периферийных элементов с центром и единой мерой справедливости для всех[358]. Однако отмечено, оговаривается, что задача является масштабной и может быть непосильна для империи.

Идеи С.И. Каспэ находят поддержку у других исследователей. Например, Л.Е. Бляхер отмечает, что перспективы новой империи обозначились предельно чётко, но это пока лишь контуры. Не вступил в силу главный компонент – «соотнесение политического порядка с ценностями более высокого аксиологического уровня»[359]. «Однако человечество находится в поиске нового ценностно-символического пространства» – оптимистично и вполне обоснованно заявляет Л.Е. Бляхер[360].

Анализ отдельных имперских «проектов» показывает их разнообразие. Если характеристики таких структур, как корпорация-государство и регион-государство у исследователей в целом совпадают, то под империей нового типа (или империей постмодерна) в проанализированных теориях понимаются различные образования, такие, как: глобальная сетевая структура; сверхдержава; иерархичный мировой порядок с наличием центра; федерация.

Вполне возможно формирование таких видов, как: глобальная сетевая структура, сверхдержава. В любом случае, каким именно путём станет развиваться имперский тренд, покажет время.

Цивилизационная парадигма в общественных науках, в т. ч. в политологии и геополитике, является одной из старейших. Фактически уже с XIX века стали формироваться два подхода: стадиальный и локальный. Для стадиального

---

[358] См., напр.: Каспэ С.И. Центры и иерархии. С. 285–287.
[359] Бляхер Л.Е. Империя как парадигма политологического рассуждения: проблема «оборачивания» в политической науке // Полития. 2008. № 4. С. 170.
[360] Бляхер Л.Е. Империя как парадигма политологического рассуждения. С. 170.

подхода цивилизация – высший или определённый этап в развитии общества. Здесь для примера можно назвать знаменитую концепцию Л.Г. Моргана, выделившего три этапа в развитии человечества: дикость, варварство и цивилизацию.

Для нас в первую очередь интерес представляет локальный подход, связанный с трактовкой цивилизации как замкнутой социокультурной системы, проходящей определённые этапы в своём развитии (как правило, рождение, развитие, угасание и смерть). Среди основоположников можно назвать русского философа Н.Я. Данилевского и его труд «Россия и Европа», немецкого мыслителя О. Шпенглера с его нашумевшей книгой «Закат Европы».

Также к основоположникам относится и А. Тойнби. В первую очередь для нас интерес представляют идеи А. Тойнби об универсальном государстве и цивилизации, концепции Вызова-и-Ответа и столкновения цивилизаций. Согласно взглядам А. Тойнби цивилизация возникает в результате Вызовов социуму со стороны окружающей среды (изменения в природе или нападения окружающих народов).

Если общество справляется с Вызовом, даёт на него Ответ, то возможен рост цивилизации. Всего А. Тойнби насчитывает 21 цивилизацию. Хотя, по замечанию рецензентов, в ходе исследования примерно восемь цивилизаций куда-то исчезают[361]. А. Тойнби не даёт чёткой формулировки цивилизации, но выделяет ряд критериев, по которым социумы можно относить к данному феномену: вселенская церковь; степень удалённости от того места, где данное общество первоначально возникло[362].

Разумеется, что цивилизации должны обладать специфическими чертами, отличающими их от остальных обществ. Сопоставляя цивилизации с примитивными обществами, А. Тойнби отмечает, что первые, в отличие от последних, имеют более длительные сроки существования, занимают обширные территории, многочисленнее по населению. Рост цивилизации связан

[361] Уколова В.И. Историк в поисках ответов на вызов // А.Дж. Тойнби. Постижение истории: Сборник. М., 2001. С. 10.
[362] Тойнби А.Дж. Постижение истории: Сборник. М., 2001. С. 82.

с её территориальным расширением. Неслучайно, по А. Тойнби, получается, что цивилизации существуют в форме универсальных государств или империй. Кроме того, учёный обозначил такой важный момент, согласно которому для науки целесообразно различать международные отношения, определяющие связи между государствами внутри конкретного общества (под которым А. Тойнби понимал цивилизацию) и отношениями между «самими обществами» (или цивилизациями)[363].

В другом месте, в статье «Столкновение цивилизаций» (здесь, в отличие от С.П. Хантингтона, нет вопросительного знака) А. Тойнби указывал на государство как подчинённый и эфемерный феномен в жизни цивилизаций, в лоне которых оно возникает и исчезает[364]. Таким образом, цивилизация становится над государством.

Идеи А. Тойнби оказали влияние на развитие цивилизационного подхода. Особенно в истории, но не только. Отдельные современные западные авторы стараются объединить цивилизационный и мир-системный подходы[365]. Если брать мировую политику, то здесь развитием идей А. Тойнби стала статья американского политолога С.П. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», появившаяся в 1993 году. Данная концепция общеизвестна, и мы ограничимся здесь несколькими моментами. По мнению С.П. Хантингтона, после краха биполярной системы начинают усиливаться межкультурные противоречия, идущие на смену идеологическим.

Главными игроками на мировой арене становятся цивилизации, возникающие на основе государств, близких друг к другу по культуре. Они вступают в противоборство с другими цивилизациями, но могут идти и на союзы, подобно государствам. Так, С.П. Хантингтон указывал на формирующийся

---

[363] Тойнби А.Дж. Постижение истории. С. 39.

[364] Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М, 2003. С. 407.

[365] См. напр.: Wilkinson D. Central Civilization // Comparative Civilizations Review. No. 17. P. 31–59. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/12262/12162 (дата обращения: 12.08.2015); Wilkinson D. Civilizations are world systems! // Comparative Civilizations Review. No. 30. P. 59–71. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/13454/13388 (дата обращения: 12.08.2015).

конфуцианско-исламский блок. В то же время учёный отмечал, что и Америке нужно искать себе союзников среди других цивилизаций.

Концепция «столкновения цивилизаций» вызвала волну дискуссии. Часть исследователей в России и за рубежом подвергла критике идеи С.П. Хантингтона. Например, представители цивилизационной парадигмы в общественных науках (Д. Уилкинсон, Д. Дрю и др.), одобрительно оценив попытку применить цивилизационный подход к мировой политике, отметили непроработанность самой концепции, неясность списка цивилизаций, предложенного С.П. Хантигтоном, некую политизированность ряда выводов[366].

Критики, ставя под сомнение субъектный статус цивилизаций, указывают на следующие тенденции:

– государство пока сохраняет свои позиции главного субъекта международных отношений;

– большую роль играют экономические взаимоотношения между странами;

– происходит взаимопроникновение культур: например, во многих странах мира существуют значительные субкультуры, ориентирующиеся на Запад, и это относится не только к элитам стран, но и к простому населению;

– ядром цивилизации, как правило, является религия, но сейчас в ряде регионов мира её влияние ослабевает, несмотря на имеющиеся всплески религиозного фундаментализма;

– возможно, что ведущая роль в мировом политическом процессе будет принадлежать империям[367].

Признавая существенными подобные аргументы, мы не во всём согласны с ними. Мировой политический процесс и глобализация неизменно ставят

---

[366] См., напр.: Drew D. Editor’s Note The Struggles of Civilization // Comparative Civilizations Review. 2013. No. 69. P. 1–3. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/32473/30648 (дата обращения 29.08.2015); Sallach D.L., Huntington S. The Clash of Civlizations and the Remaking of World Order // Comparative Civilizations Review. 2000. No. 42. P. 90–99. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/12714/12586 (дата обращения: 13.08.2015); Wilkinson D. Samuel Huntington. The Clash of Civlizations and the Remaking of World Order // Comparative Civilizations Review. 2001. No. 44. P. 118–127. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/12768/12638 (дата обращения: 13.08.2015).

[367] См., напр.: Ханна П. Второй мир; Kolomer J. Op. cit.

на повестку дня вопрос о социокультурной идентичности, идёт взаимодействие не только капитала, но и идей, символов, смыслов. Встречаясь с ценностями другого общества, та или иная страна стремится понять через них себя, осмыслить своё место на культурной карте мира. Зачастую страны сближает не только капитал, но и общий взгляд на вещи, консенсус в понимании тех или иных ценностей.

Постсовременное общество – информационное, способствующее более интенсивному обмену знаниями, ценностями, что не может не содействовать возникновению крупных социокультурных образований или цивилизаций. На возрастающую роль цивилизационного фактора указывала и Концепция внешней политики Российской Федерации от 2013 года: «Оборотной стороной процессов глобализации становится тенденция повышения значения фактора цивилизационной идентичности. Стремление вернуться к своим цивилизационным корням отчётливо прослеживается в событиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке… Схожие процессы наблюдаются и в других регионах…»[368].

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 года также шла речь о цивилизационном факторе: «Отчётливо проявляются многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств»[369].

Неслучайно в отечественной геополитике начинает формироваться парадигма, представители которой делают акцент на важности цивилизационного фактора в мировом политическом процессе. Условно можно выделить четыре основных подхода:

– «ценностный» (С.Г. Киселёв) – его представители берут за основу систему ценностей;

---

[368] Концепция внешней политики Российской Федерации // Гарант.ру. 2013. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/#ixzz3XUG1fEED (дата обращения: 16.04.2015).

[369] Концепция внешней политики Российской Федерации**.** Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 25.01.2018).

– «этнологический» (В.Л. Цымбурский) – с позиции такого подхода народы, создавая государства, выступают ядром цивилизации;

– «культурно-географический» или «геокультурный» (в терминологии С.В. Хатунцева) – маркировка цивилизаций происходит по географическому критерию;

– «универсалистский» (А.С. Панарин, Ю.В. Яковец).

Здесь важно указать на идеи А.С. Панарина о формировании цивилизаций как основных акторов мирового политического процесса[370]. С интересной концепцией уже в наше время выступили Ю.В. Яковец и ряд других учёных[371]. По их мнению, современный мир характеризуется сменой цивилизационных поколений: на смену индустриальной цивилизации Запада (цивилизации четвёртого поколения) приходит пятое поколение цивилизаций, т. е. наступает эпоха т. н. интегральной цивилизации[372]. Отчасти речь уже шла об этом выше. Под данной категорией понимается сотрудничество цивилизаций как акторов мирового политического процесса. Взаимодействие происходит на уровне как отдельных цивилизаций, так и межцивилизационных объединений. Авторы не исключают возможностей конфликтного характера мирового политического процесса, но полагают, что он будет строиться в первую очередь на основе сотрудничества[373].

Множественность подходов определяет и наличие разнообразных интерпретаций категории «цивилизация»[374]. На наш взгляд, цивилизация –

---

[370] Панарин А.С. Философия политики. М., 1996. С. 152.

[371] Яковец Ю.В., Акаев А.А. Указ. соч. С. 25.

[372] См., напр.: Яковец Ю.В., Акаев А.А. Указ. соч.; Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнёрства цивилизаций и объединений. Научныйдоклад. М., 2017. С. 24–25.

[373] См., напр.: Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 5. М., 2008. С. 426.

[374] См., напр.: Drew J. Civilization: Definitions and Recommendations. URL: http://www.wmich.edu/iscsc/civilization.html#drew (дата обращения: 29.08.2015); Perumpanani A. Civilization Defined // Comparative Civilizations Review. 2013. No. 68. P. 9. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/20784/19256 (дата обращения: 11.07.2015); Ruan W. Two Concepts of «Civilization» // Comparative Civilizations Review. 2012. No. 67. P. 16, 22. URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/17889/16675 (дата обращения: 23.06.2015); Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 51; Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011. С. 56.

сложная многоуровневая, социокультурная организация, формирующаяся на основе общих ценностей, занимающая значительную территорию. Помимо понятия «цивилизация», в теории мировой политики и геополитике используются категории «геоцивилизация» и «государство-цивилизация».

Под государством-цивилизацией понимается феномен, в котором совпадают политические и социокультурные границы. Такими государствами-цивилизациями, например, считаются Индия и Китай. Геоцивилизация – субъект глобальной политики, формирующийся на основе общих культурных ценностей. Хотя есть и иные трактовки данного термина. Жуан Вэй, например, под геоцивилизациями понимает крупные образования, блоки, в которые входят несколько близких друг к другу культур. Геоцивилизации в его интерпретации выступают в роли своеобразных предтеч глобализации, создания единой глобальной цивилизации[375].

Для обозначения постсовременных акторов мировой политики мы предпочитаем использовать категорию «цивилизация-государство». Это образование, стремящееся стать наряду с империей-государством альтернативой современной нации-государства.

Данная категория является более широкой и акцентирует внимание на зачатке новой государственности, отличной от нации-государства. Наличие цивилизации как таковой является одной из важнейших предпосылок формирования цивилизации-государства. На данном этапе эта категория используется отдельными авторами. Например, западный исследователь М. Жак применяет её только к Китаю, но не раскрывает её сущность. Позже мы вернёмся к его концепции[376].

Жуан Вэй также останавливается на категории «цивилизация-государство», рассматривая её в качестве альтернативы нации-государства. Он отмечает, что некоторые цивилизации, созданные из совокупности народов или этнических

[375] Ruan W. Geo-Civilization // Comparative Civilizations Review. 2012. No. 66. P. 91–105. URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/16281/15434 (дата обращения: 23.06.2015).

[376] Jacques M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. London, 2009. P. 196.

групп, имеют не только общий набор ценностей, но и общее географическое пространство. Здесь имеют место общая история, культура и социально-политические институты. Такая цивилизация даже напоминает национальное государство (Китай и Индия), поэтому её можно назвать цивилизацией-государством. Политическая конфигурация здесь похожа на нацию-государство. Как и последняя, цивилизация-государство имеет свой суверенитет, но в то же время многочисленные народы, входящие в состав этой цивилизации, его не имеют[377].

На наш взгляд, здесь речь идёт всё-таки о «государстве-цивилизации», являющемся своеобразным видом традиционного государства, в котором совпадают только культурные и политические границы. Автор прав в том, что такие государства-цивилизации, как: Китай, Индия – полностью сохраняют суверенитет над своей территорией, их границы фиксированы, и они признаются в качестве акторов мировой политики. Однако понятие «цивилизация-государство» шире.

Главным скрепляющим элементом в цивилизации-государстве будет культурная идентичность. Здесь могут существовать наднациональные органы, не имеющие, однако, больших полномочий. Отдельные частицы такого образования обладают суверенитетом, и власть цивилизации-государства может не простираться на всех членов того или иного сообщества.

В любой из цивилизаций, а также формирующихся ныне цивилизаций-государств существует комплекс ценностей, знаний и норм, составляющих её ядро. Об их характере ведётся дискуссия. Сторонники одной позиции (к ним можно отнести основоположников цивилизационного подхода) считали, что ядром цивилизации является религия. Подобного мнения придерживался и С.П. Хантингтон[378]. Однако у данной позиции есть и критики[379].

---

[377] Ruan W. Two Concepts of «Civilization». Ibid. P. 24.

[378] См., напр.: Хантингтон С.П. Столкновениецивилизаций. М., 2003. С. 49.

[379] См., напр.: Рашковский Е.Б. Мировые цивилизации и современность (К методологии анализа) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 39.

К.С. Гаджиев, выступая против распространённого отождествления понятий «религия» и «цивилизация», отмечал, что первая один из компонентов последней. Рассматривая ислам, он задаётся вопросом: можно ли ставить знак равенства между Турцией и Ираном, Индонезией и Ираком? К какой цивилизации отнести Казахстан, населённый почти поровну христианами и мусульманами? Если мы говорим о православно-славянской цивилизации, то к кому отнести чехов и поляков? Часто цивилизация либо империя выбирают ту или иную религию, по-своему переосмысливая её[380].

Сравнивать указанные К.С. Гаджиевым исламские страны можно, тем более что их население причисляет себя к единому мусульманскому миру. Мир ислама многообразен и состоит из разных субцивилизаций. И названные автором страны относятся к данным компонентам. Казахстан – это, по сути, осколок огромной страны, но сейчас, возможно, его корректно отнести к миру ислама, к тюркской субцивилизации. Термин «православно-славянская цивилизация» относится в первую очередь к странам, где живут славяне, исповедующие православие, поэтому чехи и поляки не могут относиться к этой цивилизации. Они составной элемент Запада.

Критиком тезиса С.П. Хантингтона о взаимосвязи мировых религий и цивилизаций выступал В.Л. Цымбурский. Он признавал, что в период своего становления цивилизации используют формотворческий и «энергетический» потенциалы религий, но позднее отказываются от них[381]. С.В. Хатунцев, размышляя о цивилизациях, задаётся несколько иными вопросами: «насколько удачно и вообще правомерно их определение, «маркировка» именно через религию или какое-либо учение религиозно-этического характера»[382]?

---

[380] См., напр.: Гаджиев К.С. Указ. соч. С. 162–163.

[381] Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 243–245.

[382] Здесь С.В. Хатунцев мог быделать акцент на истории с болгарами, которых Россия освободила после русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В результате последние дважды выступали против нас в двух мировых войнах, в 1999 году отказывались пропускать наши грузы с гуманитарной помощью для Югославии, а в конце нулевых в Болгарии имели место попытки осквернения памятников нашим воинам-освободителям.

При анализе критики тезиса взаимосвязи цивилизации и религии следует учитывать ещё одно обстоятельство: от каких критериев отталкиваются авторы. К.С. Гаджиев в своих работах указывал на сложность определения цивилизации. В.Л. Цымбурский отождествлял цивилизации с народами, а С.В. Хатунцев – с территорией. На наш взгляд, данные отождествления возможны, но недостаточны. Сразу возникает вопрос «на основании чего происходит объединение народа»? Группового самосознания? А чем обусловлен его генезис? Только ли языком и хозяйственной деятельностью? Так же и по территориям. Чем они характеризуются? Только ли ландшафтом, или ещё культурой проживающих на их территории народов?

Сначала обратимся к вопросу «что является ядром культуры»? Знание. Сейчас оно, как правило, носит научный либо идеологический характер. Однако каким было знание на первом этапе его формирования? Именно религиозным, которое и задавало систему представлений, образов, ценностей, мифов. Вокруг них и сплачивалось общество. Справедливо утверждение, что ценности могут меняться. Современная Европа уже не является христианской, а базируется преимущественно на либерально-социал-демократических идеалах. Можно так же сказать и о России, где к православным относится всего несколько процентов человек. Кто-то охарактеризует Китай как атеистическую страну. Но даже если религия оказывается вытесненной на задворки общественного сознания, всё равно остаются архетипы поведения, менталитет, заложенные ею ранее.

Второй ответ о сущности ядра культуры – это система ценностей. Однако и здесь возникает вопрос о генезисе аксиологического компонента. Первые ценности также были религиозными. Анализ аксиологической составляющей западного, исламского и других обществ показывает, что именно религиозные ценности в основном становятся ядром цивилизации, определяют поведение людей, их взаимоотношения с представителями других стран и народов. Невозможно исламскую или индийскую цивилизации представить без религии. На первом этапе истории различных цивилизаций (не всех) она играла существенную роль, но затем отходила на второй план. Например, в Европе.

Однако и здесь, если брать ценностное ядро западного общества, мы увидим, что либеральные идеалы фактически вытекают из протестантизма.

Таким образом, ядром культуры выступает в любом случае религия, а цивилизация является производной от культуры. Признавая важность и значимость разнообразных факторов, влияющих на цивилизацию, мы на первое место ставим религию как таковую. Замена последней на данном этапе идеологией, нерелигиозными ценностями отнюдь не ставит под сомнение значение религиозного фактора, т. к. сохраняются архетипы, идеи, истоки которых лежат именно в религиозных представлениях.

Однако, несмотря на единую систему ценностей, внутри любой цивилизации существует множество противоречий, вызванных структурой самой цивилизации, наличием контркультурных элементов, государств, этносов, религиозных течений и т. п.

В рамках цивилизации либо цивилизации-государства может одновременно существовать одна или несколько стран, являющихся монархиями или республиками, федерациями или конфедерациями, империями или городами-государствами. Политические режимы здесь крайне разнообразны. Помимо цивилизационных образований, вероятны объединения внутри них самих или т. н. субцивилизации (подробнее об этом ниже), что позволяет миру становиться ещё более многообразным и полицентричным. Тем более что цивилизации-государства могут возникать не только на основе самой цивилизации, но и на базе таких субцивилизационных образований.

Все цивилизации и цивилизации-государства могут создавать суперсистемы. Классическим является деление мира на два крупных цивилизационных блока: Запад и Восток. Такая градация существует уже не одно столетие, однако у неё есть свои недостатки. Одна цивилизация – Запад – здесь противопоставляется остальному миру, выделяется из него. Но куда в этом случае отнести Россию, Латинскую Америку, Африку, Океанию? Каким термином описать данные феномены? Если брать традиционную геополитику, то там распространено иное деление цивилизаций: Суша – Море или Континент – Океан.

Но мы видим в этом своеобразное отражение той же схемы «Запад–Восток», только в изменённом виде.

Интересный подход у российского философа Г.С. Померанца, предложившего понятие «субэкумена». Под ним понимается устойчивая коалиция культур, связанных единой вселенской религиозно-философской традицией[383]. Сначала Г.С. Померанц выделял три «субэкумены»: средиземноморскую, индийскую и китайскую[384]. Однако и теория субэкумены, несмотря на её большую конкретность, не может охватить всего многообразия мира.

Для описания крупных цивилизационных систем используют также и другую категорию – «метацивилизацию». Например, В.А. Дергачёв понимал её как «концептуальное объединение нескольких цивилизаций на основе определённых общих признаков… например, Запад и Восток»[385]. Иными словами, это крупные родственные цивилизационные образования. Так или иначе, для всех определений метацивилизации характерно главное – сложный социокультурный организм, состоящий из разнообразных подэлементов. Но каковы компоненты данной метацивилизации? В.А. Дергачёв выделил два структурных элемента – Запад и Восток[386].

Свой вариант предложил С.В. Хатунцев. Развивая, с одной стороны, традиционное деление «Восток – Запад», а с другой – теорию Великого Лимитрофа, С.В. Хатунцев указал, что существуют три метацивилизации в Старом Свете. Они отделены друг от друга Великим Лимитрофом, или поясом пограничных земель (метасистемы Россия–Европа, Китай–Индия, арабо-персидский мир – Чёрная Африка)[387]. В Новом Свете существует ещё одна

---

[383] Померанц Г.С. Субэкумена. URL: http://kultorolog.slovaronline.com/C/488-SUBEKUMENA (дата обращения: 13.08.2013).
[384] Цит. по: Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. М., 2001. С. 26.
[385] Дергачёв В.А. Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. 2010. URL: http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/12/70.html (дата обращения: 13.08.2013).
[386] Дергачёв В.А. Указ. соч.
[387] Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2. С. 86–87.

система, состоящая из двух культурно-исторических миров. К особым мирам относятся Австралия и Океания[388].

Мы предлагаем несколько иной подход. Во-первых, выделяем два крупных цивилизационных блока. Во-вторых, на наш взгляд, более обоснованным является понятие «мегацивилизации». Приставка «мега-» означает «большой», «огромных размеров», «растянутый». С учётом охвата территорий, которые заняли две цивилизационные суперсистемы, данный термин более оправдан, нежели «метацивилизация». Категория «мегацивилизация» используется в научной литературе и публицистике[389], однако до сих пор не является достаточно проработанной.

В нашем понимании мегацивилизации – крупные цивилизационные суперсистемы, основанные в первую очередь на общности происхождения и ценностной близости. Её типами являются:

1) средиземноморская суперсистема – названа так потому, что все принадлежащие к ней цивилизации имели свои культурные истоки в ареале Средиземного моря либо находились под сильным влиянием данного региона. В указанную мегацивилизацию входят следующие цивилизации: евроатлантическая, православная, иберoамериканская, исламская, африканская;

2) индо-тихоокеанская суперсистема – названа так потому, что её источником является обширный индо-тихоокеанский регион. К ней мы относим следующие цивилизации: индийскую, конфуцианскую, буддистскую и, возможно, океаническую.

Таким образом, перед нами две большие и сложные суперсистемы с входящими в них цивилизациями и их составными частями. Хотя такое деление условно, оно показывает наличие крупных цивилизационных образований, определённую родственность всех культур. Данная дефиниция, на наш взгляд,

---

[388] Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света. С. 87.

[389] См., напр.: Албани Б. Национальная безопасность Казахстана. Диалог цивилизаций. Доклад на круглом столе. URL: http://www.zonakz.net/articles/2019 (дата обращения: 12.11.2014).

является более содержательной, нежели деление по устоявшемуся типу Запад–Восток.

Указанные феномены могут стать зародышами государств-цивилизаций. Формирование последних возможно разнообразными путями, в т. ч. посредством создания своей сферы культурного влияния. Либо некоторые государства будут передавать часть суверенитета цивилизационному ядру, о чём в своё время писал С.П. Хантингтон. Если при формировании современных империй-государств главными критериями будут выступать политические и экономические факторы, то в цивилизациях-государствах – социокультурные.

По мере эволюции цивилизации-государства число и природа составляющих её образований могут изменяться. Это может быть одно государство или несколько. Во втором случае возникает стержневое государство, к которому примыкают другие на основе цивилизационной общности. Тогда вполне возможно возникновение конфедерации.

Взаимодействие между цивилизациями-государствами неизбежно ставит вопрос ещё об одном важном элементе в их структуре – территориях, ведь любая цивилизация конституируется ею. Однако порой границы между цивилизационными мирами являются нечёткими. Поэтому динамичность и размытость границ цивилизации заставляет поднимать вопрос о так называемых «пограничных территориях». Отчасти они аналогичны «промежуточным регионам»[390]. У них много общего, и иногда одни могут переходить друг в друга. Однако промежуточные регионы выступают в качестве Больших пространств, стягивающих мегацивилизации. Они чаще являются самостоятельными субъектами межцивилизационного взаимодействия. Это могут быть, в зависимости от ситуации, даже империи, отдельные государства.

В свою очередь пограничные территории, как правило, входят в состав той или иной цивилизации. Таких регионов много в современном мире. Центральная Америка, являясь частью иберoамериканской цивилизации, испытывает сильное

[390] Не смешивать с понятием «промежуточный регион», введённым греко-канадским историком Д. Кицикисом (об этом см. ниже). Учёный понимал под «промежуточным регионом» цивилизацию, расположенную между Западом и Востоком.

влияние евроатлантического мира[391]. Восточная Африка находится под перекрёстным воздействием исламской и индийской цивилизаций. В культурном плане такие регионы могут являться частью иных миров, тем самым выполняя важную коммуникативную функцию между различными цивилизациями. Для описания подобных феноменов очень важны концепции пограничных территорий внутри цивилизаций.

Одним из первых проблему цивилизационных границ поднял С.П. Хантингтон. Он выделил «стержневые государства», «страны-участницы», «страны-одиночки», «расколотые страны», «разорванные страны»[392].

В наше время появляются и другие концепции, в которых выделяются уже более крупные регионы. Отечественный исследователь Я.Г. Шемякин выделил несколько «пограничных цивилизаций», к которым отнёс Латинскую Америку, Россию, страны Балканского полуострова, Испанию и Португалию[393]. В рамках указанных цивилизаций идёт борьба противоречивых тенденций, связанных с решением кардинальных противоречий между сакральным и мирским, человеком и природой, человеком и социумом, традицией и инновацией[394]. От решения данных противоречий зависит либо принятие одного из вариантов вестернизации и вхождение региона в состав Евроатлантики, либо избрание стратегии самобытности[395].

С автором можно отчасти согласиться. В указанных им странах и регионах действительно долго решался, а где-то и решается до сих пор вопрос о цивилизационной идентичности. Однако «пограничность» регионов Я.Г. Шемякин относит только к западному миру, в то время как есть и другие

---

[391] В самой Южной Америке можно обозначить Аргентину, в которой долгое время решался вопрос о цивилизационной идентичности.

[392] Хантингтон С.П. Указ. соч. С. 202–210.

[393] Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных цивилизаций» (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2008. № 3. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/568/562/1216/009yEMQKIN.pdf; (дата обращения. 23.09.2012); Шемякин Я.Г. Специфика латиноамериканской цивилизации. Обзор // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост. Б.С. Ерасов. М., 2001.

[394] Шемякин Я.Г. Специфика латиноамериканской цивилизации. С. 454.

[395] Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных цивилизаций».

миры, занимающие пограничное положение между отдельными, отнюдь не западными цивилизациями.

Рассмотренная концепция имеет определённое совпадение с теорией «Промежуточного региона» греко-канадского исследователя Д. Кицикиса. Совпадение – в констатации пограничности крупных регионов, отнесение к этим регионам России, Балканского полуострова (о Латинской Америке Д. Кицикис не пишет). В своих работах Д. Кицикис выделяет три цивилизации: Восток, Запад и Промежуточный регион[396]. Однако иногда в его текстах встречается и иная градация: вместо Востока почему-то упоминается Китай, в связи с чем сразу встаёт вопрос об Индии и Японии[397].

Данный регион раскинулся от Греции до Пакистана и от Сибири до Северной Африки. Западная граница Промежуточного региона проходит между Белградом и Загребом[398]. В центре Промежуточного региона всегда находилась Империя, постоянно защищавшая себя от вторжения варваров с периферии.

На наш взгляд, такие концепты, как: «Промежуточный регион» и «Пограничная цивилизация» – не совсем адекватны для описания цивилизационной картины мира, хотя и дают о ней определённое представление. Во-первых, промежуточность по отношению к чему? Тем более сама оппозиция «Восток – Запад» устаревает. На наш взгляд, данную дихотомию лучше заменить делением на две мегацивилизации – Средиземноморскую и Индо-тихоокеанскую. Во-вторых, даже обозначенные авторами западная и восточная цивилизации не являются некими монолитами. Более того, входящие в «канонический список» цивилизации[399] не являются полностью однородными: внутри них существуют переходные зоны, территории, которые можно отнести к иным цивилизациям.

---

[396] Кицикис Д. Геополитика Греции и Промежуточный регион. URL: http://evrazia.org/article/1861 (дата обращения: 23.09.2012).

[397] Кицикис Д. Роль Промежуточного региона в глобальной войне. URL: http://evrazia.org/article/1866 (дата обращения: 23.09.2012).

[398] Кицикис Д. Геополитика Греции и Промежуточный регион.

[399] То есть часто называемые. К ним относятся западная, православная, исламская, конфуцианская, буддистская, индийская, африканская, латиноамериканская.

В чём-то более плодотворной и продуктивной является теория Великого Лимитрофа[400], предложенная В.Л. Цымбурским и С.В. Хатунцевым. Создавая свою концепцию В.Л. Цымбурский окружил Россию поясом земель, который назвал «территориями-проливами». Позднее он ввёл понятие «Великий Лимитроф». С.В. Хатунцев применил категорию «лимитроф» для всех межцивилизационных пространств, а не только для России[401]. Позднее доработал теорию Великого Лимитрофа. В его представлении, это пояс земель, отделяющий друг от друга три метацивилизации в Старом Свете. В него уже входят лимитрофы, разграничивающие отдельные цивилизации, придающие им всем «островитянский» характер[402].

Необходимо обговорить ещё один важный момент. Характеризуя цивилизационные системы в Евразии, С.В. Хатунцев анализирует и структуру отдельной цивилизации. По его мнению, каждая из них имеет четыре важных элемента: ядро цивилизации; лимб – пояс территорий, имеющий лишь некоторые – второстепенные – признаки «пограничности»; лимитроф – межцивилизационные пространства; лимес – культурно-географическая граница, отделяющая одну цивилизацию от другой[403].

С одной стороны, в рассмотренной концепции заметен территориальный критерий деления цивилизаций, что и вызывает полемику. С другой стороны, мир цивилизаций предстаёт более дробным и сложным, чем, например, подход С.П. Хантингтона. Лимитрофная концепция в этом плане выглядит более гибкой и ёмкой, нежели теории «Пограничной цивилизации» и «Промежуточного

---

[400] Лимитроф – первоначально этот термин означал пограничную область Римской империи, затем государства, возникшие в 1917 году после распада Российской империи.

[401] Хатунцев С.В. Новый взгляд на развитие цивилизаций и таксономия культурно-исторических общностей // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Ч. 1. Воронеж. 1994.

[402] Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света. С. 86–87.

[403] Хатунцев С.В. «Мысли вслух» о Евразийском союзе // Развитие и экономика. 2012. № 2. URL: http://devec.ru/almanah/evrazijskij/602-s-hatuntsevmysli-vsluh-o-evrazijskom-sojuze.html (дата обращения: 02.04.2015); Хатунцев С.В. Вадим Цымбурский, русский геополитик // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 159; Хатунцев С.В. Идите все, идите… на Урал! // Политический класс. 2007. № 12. С. 28–45.

региона». Важна концепция и при формировании цивилизационной стратегии любого государства.

Е.Б. Рашковский старается совместить концепты «пограничной цивилизации» и «лимитрофа». Принимая концепцию «пограничных цивилизаций» Я.Г. Шемякина, учёный характеризует лимитрофы как промежуточные пространства между суперэтническими системами или образованиями имперского типа[404]. Однако, к сожалению, оставляет рассмотрение данного вопроса за пределами своей работы.

Соглашаясь с подходом С.В. Хатунцева, добавим, что пограничными являются и крупные образования внутри цивилизаций. И это необязательно отдельные страны (о чём пишет С.П. Хантингтон) либо регионы внутри стран (что предполагает отчасти и концепция С.В. Хатунцева). Такие образования мы называем субцивилизациями[405]. В нашем понимании это составные элементы цивилизации, формирующиеся на основе ряда факторов: культурном, религиозном, территориальном, этнонациональном. Каждая из цивилизаций включает в себя несколько подобных частей. Например, евроатлантическая – англо-американскую и континентально-европейскую; исламская – арабскую, иранскую, тюркскую, малайскую, мезоафриканскую.

Каждая из субцивилизаций в какой-то степени тоже является пограничным регионом. В ней как раз отражаются уровень и характер взаимодействия преобладающей в той или иной цивилизации системы ценностей с другими мирами. Кроме того, субцивилизация может явиться предпосылкой создания цивилизации–государства.

Особые отношения в любой цивилизации существуют между центром и периферией: они имеют разные способы взаимодействия, неодинаковые принципы функционирования.

Цивилизация может существовать в форме империи. Классические примеры – Рим, Россия с XVIII века. Однако не всякая цивилизация может быть империей,

---

[404] Рашковский Е.Б. Мировые цивилизации и современность. С. 41.

[405] Данный термин всё более активно в последнее время начинает использоваться в культурологии и, судя по всему, в геополитике.

так же как и не любая империя уже является цивилизацией. В современном мире империя, на наш взгляд, может быть только унитарным государством или федерацией. В свою очередь цивилизация всё-таки может выступать и в роли конфедерации. Как империя, так и цивилизация строятся на основе определённой идеи, однако если в цивилизации преобладает «ценностный проект» и она стремится к сохранению своих ценностей, то империя более направлена на расширение территории, на экспансию. Империя – это более «космическое» образование, нежели цивилизация. Но и границы империй будут отчётливее, нежели цивилизационные, т. к. империя – политическое образование. В империи граждане могут ощущать себя частью некоего политического, идеологического и экономического целого, принадлежа к разным типам культуры. А цивилизация предполагает культурное единство. Однако допустимо совпадение империи и цивилизации (государства инков, ацтеков, Римская империя).

Цивилизация – более социокультурное явление, а империя – политическое. Цивилизация предполагает наличие «другого»: «мы и они», «эллины и варвары». Империя исключает «других», по удачному замечанию Л.Е. Бляхера. С позиции имперского мировоззрения существуют две части мира – уже империя и ещё не империя[406]. Возможен вопрос о соотношении цивилизаций прошлого, современности и постмодерна. Раньше в некоторых случаях субъектами цивилизации главным образом выступали империи или политии, ставшие потом основой крупных государств. Например, империя Карла Великого была у истоков таких крупных государств Европы, как: Франция, Германия. На основе Арабского халифата сформировались некоторые государства Ближнего Востока и Северной Африки. В наше время, наоборот, возможны объединение государств на основе цивилизационной идентичности и зарождение предпосылок для формирования цивилизации-государства.

О.В. Плебанек, занимаясь проблемой геоцивилизационной динамики, выделила несколько этапов функционирования данного феномена:

---

[406] Мысль Л.Е. Бляхера в приватной беседе.

1) формирование социокультурной матрицы (например, одной или нескольких стран с определённым типом культуры);

2) упорядочение существующих ценностей;

3) упорядочение функционирования всех социальных институтов;

4) распад геоцивилизационной матрицы[407] (и параллельно формирование нового мира).

Соглашаясь с данной схемой, мы можем предложить ещё один вариант цивилизационной динамики. На первом этапе возникает ядро будущей цивилизации, формируется её ценностная основа. Второй этап характеризуется образованием цивилизационного пространства, но оно, как правило, недолговечно и потом распадается на множество мелких государств. В результате третьего этапа складывается новое «Большое пространство» цивилизации, становящееся предпосылкой для формирования цивилизации-государства.

Подводя итоги по данному параграфу, можно отметить, что в научных и публицистических кругах нет чёткого представления об империях-государствах будущего: ни об их количестве, не об их структуре. Однако, несмотря на это, империя-государство и в теории, и в практике является альтернативой нации-государства. Фактически это образование, характерное для эпохи постмодерна и отличаются рядом черт:

1) наличием центра в виде той или иной крупной державы;

2) размытостью границ империи;

3) слабостью связей между центром и периферией. Как правило, данная связь поддерживается политической или экономической зависимостью, нахождением войск имперского центра на периферии;

4) империи-государства могут быть как сетевыми структурами (т. е. находящимися в центре взаимодействий), так и конфедерациями;

5) имперская идея, или глобальный проект, способствующий активной экспансии империи постмодерна.

---

[407] Плебанек О.В. Алгоритмы геоцивилизационной динамики // Геополитика и безопасность. 2011. № 3. С. 21–22.

В свою очередь цивилизация-государство – это феномен эпохи постмодерна (или постсовременности), характеризующийся следующими чертами:

1) объединением нескольких государств на социокультурном фундаменте (в основе этого феномена могут быть религиозная или иная идея, общие ценности);

2) цивилизация-государство может существовать в форме федерации или конфедерации;

3) границы данного образования также могут быть размытыми, как и у империй-государств.

Таким образом, мы рассмотрели основные типологии государств в современном мире и альтернативы нации-государству в эпоху постмодерна. Всё многообразие государственных образований можно условно поделить на несколько групп (что уже нашло отражение в разнообразных классификациях государств). Данное обстоятельство отражает поливариантность развития постсовременного мира, протекания политического процесса, его сложность и многоуровневость. Помимо этого, многообразие классификаций свидетельствует о многоуровневости развития самого государства, возможности появления альтернатив ему.

Меньше всего шансов, на наш взгляд, у корпорации-государства ввиду наличия мощного противовеса внутри страны. Тем более данный феномен пока слабо описан и проработан. Также не исключено появление в будущем новых альтернатив нации-государства, поскольку мировой политический процесс непредсказуем. Не следует забывать о разрастании т. н. «серых зон», о тенденции распада государств, что может привести к формированию новых политий или государств-архаики.

В любом случае необходим анализ возникающих интегративных, наднациональных объединений, а также литературы, посвящённой им. Однако нет гарантии того, что новые альтернативы государства не превратятся всего лишь в новые виды той самой нации-государства или в определённые типы территориального устройства. Например, цивилизация-государство, как мы уже

отмечали, может выступать в роли конфедерации государств, возникшей на основе общих ценностей. Регион-государство со временем может стать федерацией в более крупных размерах.

Вместе с тем, на наш взгляд, более проработанными являются цивилизационный и имперский сценарии.

III. США: СТРЕМЛЕНИЕ К ЛИДЕРСТВУ КАК БАЗИСНАЯ УСТАНОВКА ИМПЕРСКОЙ ИДЕИ

3.1. Имперский дискурс

На протяжении примерно двух десятилетий в США особенно популярным является имперский дискурс. Можно даже говорить об определённой моде на данную тему: в начале 2000-х годов не было ни одного уважающего себя исследователя, который не считал бы нужным внести свой вклад в оживлённую дискуссию по этому поводу[408]. Правда, как отметил Т. Джадд, для общественности характерна «нервная неопределённость», метания от фраз «мы не хотим империю, мы не империя» до «мы новый вид империи»[409]. Тем не менее для части американской общественности вывод очевиден: США – это империя. Соответственно, перед Америкой стоит задача взять на себя имперское бремя.

Часто американские публицисты и учёные сравнивают Америку с Римом[410]. Не только с республиканским периодом, но и с имперским: обе страны были созданы иноземцами; Рим и Вашингтон несут по всему миру «высшие ценности»; обе империи действовали на основе права, хотя и могут прибегнуть к силе, что оправданно, т. к. Рим, подавляя свободу других народов, нёс мир, избавляя их от беспорядков[411]. Усматривают американцы и различия: их страна не несёт

---

[408] Bischof G. Ibid. P. 14.

[409] Judt T. Dreams of Empire // United States MilitaryReview. 2004. Vol. 51, No. 17. URL: http://terpconnect.umd.edu/~dcrocker/Courses/Docs/PUAF698J-Judt-Dreams%20of%20Empire.pdf. (дата обращения: 19.07.2015).

[410] Фененко А.В. США – Четвёртый Рим. URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/SSHA-CHetvertyj-Rim (дата обращения: 30.03.2014); Гранин Ю. США – последняя либеральная империя // Политический класс. 2009. № 5. С. 80–98; Уткин А.И. Американскаяимперия. М., 2003; Bischof G. Ibid; Cox M. Still the American Empire // Political Studies Review. 2007. Vol 5. P. 1–10. URL: http://raider.mountunion.edu/~GROSSMMO/POL%20270/articles/still%20the%20american%20empire.pdf (дата обращения: 27.02.2015).

[411] Фененко А.В. Указ. соч.

высокую культуру, но массовая культура США распространена по всему миру[412]. В целом опыт Рима даёт уроки и для современной американской империи.

Например, Ч. Капчен, обеспокоенный обозначившейся в начале 2000-х годов тенденцией разногласий между США и ЕС, обратился к опыту Рима. Раздел Римской империи на западные и восточные провинции в 395 году привёл к конфликту между распавшимися частями, а затем и гибели обеих. Отталкиваясь от этого урока истории, политолог предупреждает об опасности напряжённости в отношениях между США и ЕС[413].

Профессор Бостонского университета Э. Басевич в связи с популярностью имперской тематики обращал внимание американского общества на важные вопросы: не могут ли США стать имперской властью, какой империей Америка должна быть[414]?

Но уже позднее в работах Э. Басевича нарастает скептицизм, вызванный недочётами во внешней политике США. Одной из главных ошибок Америки стал взгляд на мир сквозь призму идеологии. Стремление привнести всему миру либеральные ценности, переделать другие страны по образу США – всё это обернулось началом истощения страны, её ресурсов. Более того, происходит крушение ряда мифов – о мировой миссии США, благости её гегемонии, эффективности рынка и т. п.[415]. Америке необходимо адекватно осознать реальность и сделать из неё выводы. Однако Э. Басевич ничего не говорит об отказе от имперского статуса, скорее всего, считая, что США должны оставаться империей, хотя и частично реформируя свою внутреннюю и внешнюю политику.

В начале 2000-х годов подробно на имперском сценарии остановились американские политологи В. Одом и Р. Джаррик. Подобно другим авторам, они

---

[412] Левченко А. Указ. соч.

[413] Kupchan Ch. The End of the West // The Atlantic. 2002. URL: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2002/11/the-end-of-the-west/302617/ (дата обращения: 19.07.2015).

[414] Bacievich A. American Empire. The realities and consequences of US diplomacy. London, 2002. P. 244.

[415] Bacievich A. An End to Empire // The American Conservative. 2011. URL: http://www.theamericanconservative.com/articles/an-end-to-empire/ (дата обращения 19.07.2015).

указывали на исключительное положение США в современном мире, при этом критикуя тезис, согласно которому США помогает мягкая сила. С их точки зрения, такой силой пользуются и союзники Америки, сдерживая или подталкивая Вашингтон при реализации последним экономической, военной и иных стратегий[416]. За годы холодной войны возникла сложная система взаимозависимостей Америки и других крупных западных стран.

Авторы убеждены, что США представляют из себя империю, однако совершенно новый, нетрадиционный её вид. От империй прошлого она отличается качественно. С одной стороны, описание сложившейся ситуации в категориях «империя», «имперский» лишь запутает ситуацию. С другой стороны, сложно найти какую-то иную, альтернативную терминологию.

Как метрополия Соединенные Штаты могут иметь большую свободу в осуществлении власти. Однако они создали свою империю, допуская, что союзники могут ограничивать их свободу. Иногда власть Америки должна превышать определённые рамки, чтобы избежать паралича, характерного для больших коалиций государств, в которых каждый участник имеет право накладывать «вето» на коллективные действия. В любом случае данный режим имеет зачаточный конституционный характер, производный от американского законодательства.

Империя структурируется не просто на основе принципов мирового федерализма. Скорее, это добровольное сообщество суверенных государств, большинство из которых имеет зрелые конституционные режимы. Военная мощь США выступает в качестве крайней меры против внешних угроз и наведения порядка внутри империи. Чтобы быть политически эффективной, данная санкция должна осуществляться на основе военных коалиций. Одностороннее использование американской военной силы хотя и не исключается, но, признают авторы, чрезвычайно рискованно для «здоровья имперского порядка»[417].

---

[416] Odom W.E., Dujarric R. America’s Inadvertent Empire. New Haven & London, 2004. P. 4.
[417] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P. 5.

Авторы неоригинальны, утверждая, что главным истоком могущества США являются либеральные институты. Под ними в первую очередь понимается идеология, включающая в себя религиозные, моральные и культурные убеждения людей. Хотя учёные и признают наличие определённых моделей, правил и практик в политической и иных сферах, тезис о главной основе американского могущества даёт им повод утверждать, что и иные страны не смогут процветать, не внедряя у себя либеральные порядки[418].

Американские институты не только способствовали созданию не имеющей себе равных власти у себя дома, но и сделали возможным возникновение сети глобальных и региональных организаций, военных союзов, известных во времена холодной войны как «западный лагерь». Его масштабы и разнообразие являются беспрецедентными в истории и не всегда признаются другими в качестве свободно интегрированной политической, экономической и военной системы. Однако это действительно качественно иной тип гегемонистского режима, основывающийся на идеологии, добровольном членстве и экономических выгодах для всех стран, а не на территориальном контроле[419].

Исследователи не принимают категорию «империя по приглашению», предложенную Г. Лундестадом, поскольку та отражает только одну из черт империи нового типа и является упрощённой. Более адекватной выглядит категория «либеральная империя»[420]. На первый взгляд данные слова несовместимы: либерализм отвергает колониальное господство, отстаивает принцип национального суверенитета, требует прав для всех граждан и является антитезой империализма. Однако сами авторы такового противоречия не усматривают: либеральные ценности разделяют в современном мире, в сообществе свободных демократических государств, составляющих первичные элементы либеральной империи. Все страны с передовым конституционным устройством желают сближения с США, но не все государства могут войти в такое сообщество.

---

[418] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P.11–13.
[419] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P. 36.
[420] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P. 40.

Американцы сформулировали базовые принципы, на которых основываются международные организации. Будучи сильной страной, Америка может осуществлять свою власть на основной части Западной Европы, а также в Японии, Корее и на Тайване, однако территориальная экспансия не является целью США. Территорию Америки даже можно расширить, если другие страны захотят войти в состав США. Для этого есть и юридическое основание – принятый в 1787 году Континентальным конгрессом Северо-Западный Ордонанс, предполагавший такую возможность. Но власти США не видят в этом потребности и не создают новую конституцию для своей империи.

Ещё одной причиной отсутствия подобного документа является опасение Вашингтона по поводу возможностей ограничения собственного суверенитета новыми конституционными законами. Кроме того, все другие члены сообщества одинаково защищают свой суверенитет. Большее, чего может быть достигнуто в подобной ситуации своеобразный квазиконституционализм. Однако он не нужен. США представляют мировое сообщество в течение нескольких десятилетий. Власть США настолько существенна, что Вашингтон может воздерживаться от применения силы при урегулировании споров между членами сообщества, используя либерализм в качестве руководящего принципа[421].

Говоря об американской империи, В. Одом и Р. Джаррик проводят различие между своим пониманием данного феномена и трактовкой ещё одного исследователя – Дж. Айкенберри. Последний, в представлении его оппонентов, считает, что США ограничены сетью формальных институтов, соглашений и т. п., созданной после окончания Второй мировой войны. Данный тезис, по мнению В. Одома и Р. Джаррика, слаб: в подобные институты (в первую очередь в ООН) входит большое количество стран, в т. ч. и нелиберальных. В то же время члены небольшой группы государств, имеющих зрелые либеральные режимы или стремящиеся к этому, связаны более плотно и, соответственно, имеют более крепкую неформальную институциональную согласованность через следование принципам либерализма. В любом случае США доброжелательны по отношению

[421] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P. 41–44.

к своим либеральным союзникам, а также к другим государствам. Не меньшую роль играют и экономические выгоды, которые предоставляют США для своих партнёров. Успехи американской экономики также связаны с либеральной демократией.

Ни происхождение, ни содержание американской империи не могут быть объяснены без учёта центральной роли военной силы США: уход американских сил из Европы или Восточной Азии приведёт к разрастанию конфликтов – сами эти страны не справятся с назревающими проблемами. В. Одом и Р. Джаррик патетически восклицают: «Представьте себе, что произойдёт, если все американские войска будут выведены из Европы и Северо-Восточной Азии в течение нескольких лет»[422]. И далее называют возможные конфликты в данных регионах.

Однако в целом В. Одом и Р. Джаррик убеждены в длительности сложившегося мирового порядка: у либеральной империи нет пока конкурентов ни в экономическом, ни в политическом плане. Словно отвечая на обеспокоенность Ч. Капчена, авторы констатируют, что ЕС, по мнению некоторых исследователей, мог бы стать противовесом США в мире, однако ему для этого ещё необходимо достичь максимальной интеграции.

Стабильности новой империи способствуют, помимо военной силы, характер экономической системы, университетов, самой элиты и СМИ, а также некоторые аспекты культуры. В отличие от традиционных империй, государства-члены нового образования заинтересованы в его долговечности. В то же время и безопасность США зависит от благосостояния других членов империи. Новому образованию свойственны центростремительные силы, что позволяет избежать затрат по принуждению, необходимых при сдерживании центробежных тенденций, которыми характеризуются все традиционные империи[423].

При этом авторы оговариваются, что американская империя ни в коем случае не является копией федерального правительства США: там нет чёткого

[422] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P. 56.
[423] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P. 205.

баланса между тремя ветвями власти. Крепость империи проверяется не отдельными структурами институтов, а желанием американских руководителей и граждан поставить международные либеральные институты впереди узконациональных интересов США.

Отсюда вытекает и главнейшая опасность, угрожающая американской империи, – сила лидеров ограничивается в основном идеологией, набором либеральных норм, регулирующих использование президентами имперской власти. Другие средства отсутствуют. Однако набор правил не может застраховать от злоупотреблений и недальновидности. Даже действия из лучших побуждений могут навредить империи[424]. Поэтому возникает вопрос по поводу долговечности американской власти. В. Одом и Р. Джаррик справедливо указывают, что история знает примеры существования мощных политических режимов в разных регионах, но все они ушли в прошлое. США стремительно развиваются в экономическом и научном плане. Долго ли это будет продолжаться? Учёные убеждены: хотя нет выверенных предсказаний о долговечности американской власти, вполне могут быть созданы все условия для этого.

Не могут также помешать эрозии империи террористические угрозы и иные глобальные проблемы. Так, за пределами империи находится около 83% населения Земли, потребляющего менее 30% мирового валового продукта. Разумеется, это не может не вызывать вопросов к либеральной империи у мирового сообщества, поэтому власти США, исходя из идеалов помощи и сострадания к бедным разрабатывали на протяжении XX века программы содействия странам третьего мира. Однако главная проблема не в этом, а в наличии эффективных правительств в развивающихся государствах: только это сможет частично урегулировать проблему бедности, стимулируя развитие экономики. Соответственно, решение данной задачи должно стать одной из самых больших проблем, стоящих перед американской империей в ближайшие

[424] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P. 207–208.

десятилетия[425]. США понимают это и давно стремятся культивировать эффективное правительство во многих государствах, но с небольшим успехом, за исключением тех случаев, когда американские войска и чиновники подолгу присутствовали в той или иной стране. Однако этот дорогой способ не возможен в масштабах всего мира. Задача США – найти более эффективные средства. Исследователи предлагают ряд мер, эффективных, на их взгляд, для оптимизации «имперской» стратегии США:

– поддержка либеральных институтов Америки, являющихся ключом к власти;

– поддержка и улучшение американской военной мощи;

– культивирование развития либеральных институтов, политических, экономических и военных как организационный контекст и идеологический стандарт для международных отношений;

– переосмысление продвижения демократии в странах, которые ещё не достигли успеха на пути либерализма;

– признание того факта, что правительство США не только ответственно за Америку, но и становится метрополией для многих других стран. Это накладывает новые обязанности на Вашингтон.

Хотя долговечность американской империи и не может быть предсказана в конечном счёте, но ресурсы и другие преимущества США позволяют исследователям надеяться на длительность данного режима[426].

Таким образом, учёные предложили в развёрнутом виде модель «либеральной империи», постаравшись обосновать её долговечность, обозначив отличие данной категории от других (например, от «империи по приглашению»). Выдвигаемый «проект», выглядит разработанным. Важен также упор на идеологическую составляющую часть. Согласимся с авторами, что именно идеологическая привлекательность позволяет США в первую очередь осуществлять глобальное лидерство.

---

[425] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P. 215.
[426] Odom W.E., Dujarric R. Ibid. P. 217–218.

Проработанной выглядит и концепция профессора Мичиганского университета Д. Штайнмеца. Он, как и другие учёные, констатирует общее настроение в американском социуме: мало кто в США сомневается в том, что Америка – империя. Однако в научной литературе до сих пор нет единого мнения по ряду вопросов: что есть империя? каким типом империи являются сами США? Д. Штайнмец даже цитирует Х. Арендт, отметившую наличие «дикой путаницы в исторической терминологии», в т. ч. и в сфере изучения империи[427]. Соответственно, для Д. Штайнмеца главным является анализ самого имперского феномена, а уже исходя из этого и характеристика Америки как империи.

В качестве способа познания Д. Штайнмец выбирает исторический метод, предлагая обратиться к исследованиям других имперских феноменов прошлого. Учёный разводит понятия «империализм» и «колониализм»: первая категория описывает нетерриториальный тип империй (к которому исследователь и относит США), а второй – территориальный.

Если колониальные державы в своей политике руководствовались расовыми и этнографическими категориями, то империалистическая направленность США определяется более общими моделями: демократической опекой, неолиберализмом, правами человека.

Помимо этого, автор выделяет и имперские практики, разделяя их на территориальные и нетерриториальные. Первые включают в себя классические наземные империи, экспансионистские нации-государства, (например, Франция раннего Нового времени), колониализм раннего модерна (испанские владения); современный колониализм.

Нетерриториальные империи включают в себя контроль над пространством, а не аннексию территории и подавление суверенитета. Данные формы также очень разнообразны и присутствовали в разные периоды истории (Венеция, Генуя, Португалия).

---

[427] Steinmetz G. Return to Empire: The New U.S. Imperialism in Comparative. Historical Perspective. P. 340. URL: http://www-personal.umich.edu/~geostein/docs/SteinmetzReturn.pdf (дата обращения: 14.07.2015).

Современные нетерриториальные империи, относящиеся к империалистическим, имеют более широкую повестку для контроля над миром или регионом, притом по самым разнообразным причинам: экономическим, вопросам безопасности, стремления к славе и установления порядка. Саму империю автор определяет как политическое доминирование ядра над периферией, охватывающее передачу различных практик от центра к окраинам[428].

Проанализировав разные типы империй, Д. Штайнмец характеризует США после 1945 года как имперское государство, допускающее частичное осуществление полномочий местными лидерами в своих регионах, даже когда последнее слово остаётся за Америкой. Отличительным аспектом современного американского империализма является экспорт прочно устоявшихся неолиберальных подходов к управлению и постфордистских моделей «гибкой специализации» с домашней и «экономической» сферами в зарубежной военной и империалистической практике, несмотря на то что одновременно под угрозой находятся определённые ключевые особенности «внутреннего» постфордизма. Это проявляется, например, в том, что фирмы окружены сетью независимых производителей, поставляющих пользовательские партии в любой момент.

Постфордистский акцент на более короткие, более специализированные, компьютерные производственные линии вторит, в свою очередь, меньшим, лёгким, более гибким воинским формированиям, точности наведения «умных бомб», компьютеризированным сражениям и другим элементам того, что называется «новым американским путём войны»[429]. Или другой пример: постфордистский акцент на нишевых рынках параллелен усилиям со стороны США, препятствующим ЕС в деле создания автономной армии и поощряющим некоторых членов НАТО к тому, чтобы отдельно сосредоточиться на вырезке «нишевых» возможностей, которые будут дополнять мощь США, нежели потенциально оспаривать её.

---

[428] Steinmetz. G.Ibid. P. 34341.
[429] Steinmetz. G. Ibid. P. 356–357.

Автора поражает, что сами американцы не замечают империализма. Однако приток в американские университеты иностранных студентов со всего мира напоминает массовую иммиграцию в центр Римской империи. Точно так же можно сказать и о поступлении предметов роскоши, распространении английского языка, милитаризации о других явлениях. Всё это напоминает времена Древнего Рима[430]. Однако изменения происходят и во внутренней политике: наблюдается появление странного сочетания рыночного либерализма и социально-политической закрытости. Д. Штайнмец даже намекает на рост авторитарных тенденций в Америке.

Эти факторы не могут не влиять на эволюцию политической мысли: всё больше принимается идея, что США не только глобальный «гегемон», но и «империя». В целом автор старается предупредить американскую правящую элиту об опасном крене в данную сторону, но сомневается, что его услышат[431]. Таким образом, признавая, что США – империя, Д. Штайнмец опасается, что она может стать не тем её видом, который желателен для Америки. Возможно превращение США в своеобразную «авторитарную империю», а не в «либеральную империю» В. Одома и Р. Джаррика.

С положительной стороны американскую имперскую гегемонию рассматривает Д. Айкенберри, относящий возвышение США к окончанию Второй мировой войны и связывающий его с упадком Британской империи. На данном этапе американский однополярный порядок имеет глубокие основания. Маловероятно, что любое другое государство или альтернативный политический проект могут возникнуть в ближайшее время. Причина в том, что источники американского господства и стабильности американо-центричного либерального капиталистического мирового порядка удивительно многогранны и взаимодополняющи. Крайне необходимой задачей такого порядка является стремление сделать американскую мощь менее угрожающей, что уменьшит

[430] Steinmetz G. Ibid. P. 361.
[431] Steinmetz G. Ibid. P. 364.

желание других стран дистанцироваться от Америки или объединиться против неё. В целом же американская власть базируется на четырёх важных аспектах:

1) мощь – проявляется в защите безопасности США, доминировании на рынке, международной роли доллара;

2) фактор американской географии и исторических условий. Здесь Д. Айкенберри указывает на тот факт, что США были созданы как антиколониальное, постимперское государство, имеющее чётко обозначенные стратегические интересы и формулирующее универсальные принципы межгосударственных отношений;

3) уникальный способ, который предоставили Америке демократия и международные учреждения: благодаря их механизмам США являются менее опасными для остального мира; либеральный характер американской гегемонии позволяет США брать на себя обязательства и держаться в установленных рамках;

4) внутренние факторы модернизации и отличительные принципы американской политии: гражданский национализм и мультикультурная идентичность также дают США необычное влияние. Долговечность американского порядка поддерживается усилиями по формированию мира и управлению им[432].

Дж. Айкенберри обращается к анализу реалистского подхода к международным отношениям. Мировой порядок в рамках данной парадигмы трактуется как результат балансировки государств в условиях анархии для противостояния наиболее возвысившемуся государству или блоку, несущему другим угрозу. В связи с этим лидерство США – это порождение холодной войны и баланса сил в условиях биполярности. Советская угроза стимулировала США для создания некоммунистического мира, однако после краха СССР американское превосходство является неустойчивым: теперь оно представляет опасность для других государств и балансировочные реакции неизбежны.

---

[432] Ikenberry G.J. Liberal Order and Imperial Ambitions. Essays on America Power and World politics. London, 2006. P. 146.

Здесь Дж. Айкенберри повторяет тезис К. Уолтца о том, что при наличии мощных государств слабые акторы будут искать защиты в компенсационных коалициях менее сильных стран. Пока этого не происходит, что говорит о чрезмерных опасениях реалистов. В целом же Америка находится перед выбором одного из трёх вариантов гегемонии.

Первый сценарий основан на принудительном господстве страны-лидера (о чём писал и З. Бжезинский). Более слабые государства, недовольные своим подчинённым положением, будут активно искать способы отменить существующий порядок, неофициально являющийся имперским. Мощность и принудительное господство (в последней инстанции) поддерживают единство порядка.

Второй сценарий – гегемония скрепляется некоторым минимальным сближением интересов. Доминирующее государство предоставляет «услуги» подопечным странам, для которых помощь может оказаться полезной, что снижает вероятность их попыток изменить существующий мировой порядок. К таковой помощи можно отнести вопросы безопасности, а также предоставление слабым государствам-партнёрам доступа на свой рынок. Расширенная роль Америки по вопросам безопасности в Западной Европе, Восточной Азии и на Ближнем Востоке, например, приветствуется государствами в данных регионах, потому что это позволяет им стабилизировать ситуацию на местах.

Третий сценарий – мировой порядок, закреплённый более тщательно благодаря политическому взаимодействию. Это, как правило, открытая, доброжелательная гегемония, где есть даже институциональные ограничения такой власти[433].

История уже знала державы, стремящиеся к господству, но гегемония США менее опасна для современного мира. География, история, идеология, демократия, институциональные структуры и модернизация – всё это отличает Америку от прошлых великих держав. США могут использовать свою силу и власть, чтобы

[433] Ikenberry G.J. Ibid. P. 148–149.

решать проблемы безопасности в разных регионах, что, по мысли Дж. Айкенберри, должно ослаблять идею создания контрбаланса для Америки.

Возникшая система союзов, многосторонних учреждений и запутанных отношений позволяет говорить об американской однополярности в качестве отличительного политического образования. Однако «Pax Americana» не только мощная страна, распространяющая вокруг свой авторитет, это политическое образование с собственной логикой и законами движения. Такой порядок был создан и поддерживается американской властью, но он не просто отражение этой власти. Прочность данному порядку придаёт глубокое соответствие между внутренней американской политической системой и долгосрочным проектом современности.

При этом Дж. Айкенберри предостерегает от попыток реализации первого – неоимперского – сценария, считая, что неоимперская стратегия США, односторонние действия Америки могут разрушить сложившуюся инфраструктуру сотрудничества. В случае новой гонки вооружений возможно появление классической для империи проблемы перенапряжения.

Ещё один минус неоимперской стратегии – она не сможет создавать взаимодействие, необходимое для решения практических задач внешней политики США. Осуществление таких целей зависит, помимо прочего, от непрерывного потока дружественных рабочих отношений с крупными государствами во всём мире. Такие отношения позволяют решать вопросы, связанные с либерализацией торговли, глобальной финансовой стабилизацией, охраной окружающей среды и т. д. Однако в случае продвижения Америкой такого неоимперского проекта подобное взаимодействие вряд ли возможно. Тем более что другие центры силы располагают относительной экономической мощью и способны хотя бы на таком уровне дать ответ на реализацию Вашингтоном неоимперского проекта. В качестве примера Дж. Айкенберри приводит возникающие трения между Вашингтоном и Брюсселем по ряду экономических вопросов. Не менее важный аспект, препятствующий подобному

сценарию, – опасность того, что США окажутся в одиночестве[434], поэтому для США лучше осуществлять гегемонию, опираясь на несколько факторов.

Во-первых, зрелые политические институты Америки. Организованные на основе законности, они сделали относительно предсказуемым сотрудничество других государств с гегемоном. Демократические институты позволяют выстраивать более продуманную и взвешенную внешнюю политику США с соседями.

Во-вторых, предоставление иностранным корпорациям больших возможностей на американских рынках ещё более скрепляет отношения Америки с её партнёрами.

В-третьих, элемент американского порядка, который должен снизить беспокойство по поводу асимметрии власти, – сеть многосторонних институтов, возникших после Второй мировой войны: ООН, ВТО, ГАТТ, МВФ и т. п. Они дали возможность развитию мощи США, но сделали их более предсказуемыми и податливыми[435].

Всё это должно позволить уклониться США от негативного развития неоимперского сценария. Однако в целом, хотя автор и с опаской смотрит на негативные тенденции в реализации данного сценария, всё-таки он не отказывается от гегемонии США в мире, повторяя выводы многих коллег о необходимости согласованных действий.

Говоря об имперском дискурсе в США в 2000-е годы можно отметить интересную работу М. Ханта, разграничивающего понятия «империя» и «гегемония». М. Хант отмечает популярность категории «империя» и даёт ей своё определение. Империя в его представлении – это централизованный политический проект, характеризующийся тем, что принуждение (насилие или, по меньшей мере, угроза его применения) используется для подчинения территориально ограниченного пространства. К данным признакам, отмечает М. Хант, добавляются новые (после окончательного становления империи).

[434] Ikenberry G.J. Ibid. P. 224–227.
[435] Ikenberry G.J. Ibid. P. 191–192.

Главные ключевые слова у М. Ханта – это «политический проект» и «господство над территорией». Последнее напрямую зависит от ряда факторов:

1) сотрудничества имперской элиты и «туземной»;

2) наличия разнообразных механизмов: военных баз, соответствующей идеологии, оправдывающей имперский проект.

М. Хант не соглашается с теорией, согласно которой США не империя, поскольку осуществляет лишь неформальный контроль над другими территориями. Такого рода контроль был характерен и для Рима, Китайской империи. Дело в различиях не между существующими видами контроля, а в тех методах, какими он реализуется, возможностями для его осуществления (ресурсы, современные технологии, отношение покорённого населения к власти).

При любом виде контроля империя всегда идёт на частичные уступки местным элитам. Главный вопрос в ином: за кем остаётся последнее слово при принятии управленческих решений? Ответ: США. Следовательно, Америка была и остаётся империей на протяжении всей своей истории, только в различных видах:

– континентальная империя (XIX век);

– формальная, обладающая колониями (конец XIX века);

– неформальная, расширяющая своё влияние на страны Латинской Америки, Азии, Европы.

На каждой из данных фаз США использовали самые разнообразные методы имперского контроля. Соответственно, имперское мышление прочно вошло в национальный генетический код.

Однако особенной чертой американской империи является то, что значительная часть общества была и остаётся в открытой оппозиции к имперской идее. Во-первых, опасения, что империя создаст угрозу республике. Во-вторых, потребительское общество, существующее в Америке. В-третьих, убеждённость части американцев в противоречии империализма и права наций на самоопределение. Последнее существенно ослабляет стратегию Америки. Возникает противоречие между стратегическим курсом и настроениями

в обществе. Американцы насаждают в мире свой контроль и тут же проповедуют принцип права наций на самоопределение.

В отличие от понятия «империя», категорию «гегемония» интерпретировать гораздо сложнее. М. Хант полагает, что если империи встречаются часто, то гегемонии гораздо реже. Основным критерием определения гегемонии, считает автор, является метод противопоставления с империей. Гегемония обладает теми признаками, какие отсутствуют у империи:

– экономическое и культурное проникновение в другие регионы, более тщательное и искусное, нежели политическая и военная экспансия;

– целенаправленное внедрение транснациональных норм и институтов; в свою очередь сама империя стремится создавать специфические, зависимые от неё режимы (колониальные, клиентные);

– гегемония – это не стремление к психологическому удовлетворению, материальным благам;

– серьёзные обязательства;

– отсутствие принуждения;

– разрозненность источников поддержки;

– несколько более аморфный территориальный диапазон, нежели у империи.

Если империя вошла в генетический код США, то гегемония выступает для Америки приобретённым признаком.

Гегемония, считает М. Хант, стала возможной в результате небывалого экономического роста, имевшего место в XIX – начале XX веков. Следствием явилось возникновение созданной американцами системы международных отношений. Именно США, их экономика и культура начали задавать правила игры во всём мире. Однако, сконструировав определённую систему, США постепенно сами стали пренебрегать институтами и практиками, возникшими в результате их деятельности. Кроме того, гегемония держится на обязательствах, а Америка стала уклоняться и от них. Это подорвало ещё один признак гегемонии

– легитимность. Более того, оказалась ослабленной и способность США быстро и гибко реагировать на глобальные вызовы.

Таким образом, и империя, и гегемония постепенно подрываются. Одновременно происходит переплетение данных феноменов, что также негативно сказывается на положении США. Например, внедрение имперской идеи с чрезмерным энтузиазмом наносит удар по легитимности страны. Часто имперские действия оправдываются гегемонистскими целями. Так, экспансия США часто проходит под лозунгами демократии, прав и свобод человека, в результате чего Вашингтон запутывается в своих действиях.

Американцам необходимо осмыслить своё положение, просчитать возможные варианты: как отказ от гегемонии, так и возрождение обязательства быть гегемоном. Не взвесив все шаги, Америка может нанести себе ущерб, привести к хаосу, дезориентации. Только выявление некой исторической перспективы, считает М. Хант, основанной на сравнительном анализе глобальных процессов, даст возможность Америке выйти из тупиковой ситуации, когда имперская идея отторгается, а гегемония понимается обществом как прерогатива, без соответствующих обязательств. В то же время врождённой особенностью американской внешней политики является дезориентация[436].

На наш взгляд, противоречия между имперским курсом США и провозглашением принципа права наций на самоопределение не существует. Именно расколотые страны, раздробленные по своим национальным квартирам, легко могут превратиться в добычу того или иного гегемона. История знает подобные примеры. Так, в XVII–XVIII веках французская дипломатия стремилась утвердить могущество своей страны на континенте. Вместе с тем французы не давали возможности Священной Римской империи усилиться в Германии, выступая гарантами «свободы» немецких княжеств. Подобным образом вели себя и римляне на эллинистическом Востоке.

---

[436] Хант М. Между империей и гегемонией: сумятица в политике США // Полис. 2008. № 6. С. 7–10.

Не менее позитивно на имперский сценарий смотрит З. Бжезинский. Америка доминирует в четырёх сферах – военном отношении, инновациях, культуре, экономике. В некоторых отношениях господство США напоминает империи прошлого, хотя те были ограничены региональным масштабом и опирались на иерархию вассалов, протектораты и колонии. Сейчас это не подходит для стран, входящих в орбиту американского влияния.

Как и в прошлом, осуществление американской «имперской» (З. Бжезинский это слово обозначает в кавычках) власти опирается в значительной мере на способность незамедлительно мобилизовать огромные экономические и технологические ресурсы для военных целей, на массовую культуру, обращающуюся к американскому образу жизни. Существенную роль играют динамизм и конкурентоспособность американских социально-политических элит.

Политолог проводит сопоставление с такими империями, как Римская, Китайская, Монгольская, Британская. Американская глобальная власть превосходит все данные образования по масштабу своей деятельности, экономическому динамизму и лидированию, научным достижениям и технологиям. Сочетание данных факторов делает Америку всеобъемлющей мировой сверхдержавой[437]. Власть США осуществляется посредством глобальной системы, конструкция которой отражает внутренний американский опыт. З. Бжезинский, как и В. Одом, Р. Джаррик, указывает на то, что центральным местом отечественного опыта является плюралистический характер американского общества и его политическая система.

Как в случае с внутренней политикой, американская мировая гегемония включает в себя структуру взаимосвязанных институтов и процедур, предназначенных для достижения консенсуса и асимметрии при осуществлении власти. Американское мировое превосходство, таким образом, подкрепляется

[437] Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard. P. 22–23.

сложной системой альянсов и коалиций, буквально распространённых по всему миру[438].

Будет ли брошен вызов данной системе? Подобно большинству американских политологов, З. Бжезинский отвечает отрицательно. Единственной реальной альтернативой американскому лидерству в обозримом будущем является международная анархия. Задача американской дипломатии – расширять международное сотрудничество, предотвращая тем самым хаос, не допустить нового конкурента Америке.

Учёный усматривает и возможные трудности при реализации имперского сценария для Америки, но не меняет своей убеждённости в том, что в течение следующих нескольких десятилетий будет сформирована структура глобального сотрудничества, которая примет роль своеобразного «регента», берущего на себя ответственность за мировую стабильность. Геостратегический успех в этом деле предоставит Америке роль первой, единственной глобальной сверхдержавы[439].

И хотя З. Бжезинский здесь использует понятие «сверхдержава», можно вести речь об имперской структуре, пусть и немного отличной от прошлого. Тем более что империи действительно могут быть как авторитарными, так и демократическими, о чём убедительно писал Д. Коломер. История даёт такие подтверждения: например, древние Афины, являвшиеся империей, несмотря на демократический строй.

В одной из последующих своих работ З. Бжезинский не ставит под сомнение гегемонию Америки, но указывает, что перед США стоит выбор: либо господство над миром, либо глобальное лидерство[440]. Многое здесь зависит не только от качества внешних угроз, но и от политики американского руководства. Главное для Вашингтона – найти баланс между демократическими ценностями и обязанностями глобальной державы[441]. Мир становится

---

[438] Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard. P. 23–26.
[439] Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard. P. 214.
[440] Бжезинский З. Выбор. С. 12.
[441] Бжезинский З. Выбор. С. 183.

взаимозависимым. Формируется глобальное сообщество, и элита США должна учитывать этот фактор.

Однако позднее З. Бжезинский констатирует факт ослабления влияния США в мире. О такой опасности он говорил ещё в конце 1990-х годов, но в начале 2010-х годов политолог более отчётливо обозначает негативные моменты. Америка отчасти находится в сложном положении, вызванном самоуспокоением, кризисом 2008 года, неудачей внешней политики США и войной на Ближнем Востоке[442]. В долгосрочной перспективе глобальная политика станет менее благоприятной для концентрирующего в своих руках власть одного государства. Более того, Запад уже не может действовать совместно, что также ослабляет позиции лидера. И неудачи дипломатии Вашингтона, и начавшееся т. н. «глобальное политическое пробуждение», изменения в расстановке сил на глобальной арене ставят под вопрос жизнеспособность американской системы и наследия Запада в целом[443]. Даже происходит косвенное смещение центра тяжести мировой власти и экономического динамизма от Атлантики к Тихому океану, с запада на восток[444]. Помимо внешнеполитических сложностей, Америка сталкивается и с внутриполитическими трудностями: государственным долгом, проблемами в финансовой сфере и др[445].

Нерешённые внутренние и внешние проблемы приведут к тому, что к 2025 году Америка может лишиться господства над миром[446]. Данный вариант возможен. З. Бжезинский даже соглашается со сторонниками тезиса о китайском лидерстве в будущем. Однако ответ у американского политолога на такой сценарий тот же, что и в предыдущих его работах: в результате исчезновения благотворного руководства миром, осуществляемого Вашингтоном, человечество неизбежно и неумолимо начнёт погружаться в хаос. Китай с Европой не смогут в такой ситуации выполнить роль, которую играла Америка.

---

[442] Brzezinski Z.K. Strategicvision. America and the Crisis of Global Power. NY, 2012. P. 16–17.
[443] Brzezinski Z.K. Strategic vision. P. 20–21.
[444] Brzezinski Z.K. Strategic vision. P. 32–33.
[445] Brzezinski Z.K. Strategic vision. P. 100–101.
[446] Brzezinski Z.K. Strategicvision. P. 135.

Критика внешнеполитического и внутриполитического положения США её ведущими интеллектуалами присутствует на всём протяжении 2000-х годов[447], поэтому можно констатировать, что по существу З. Бжезинский не сказал в данном случае ничего нового. В то же время, несмотря на признание негативных факторов, в книге сохраняется определённый оптимизм, вызванный сквозной идеей, проходящей через всю работу: миру без США будет сложно. Но и Америка должна осознавать и исправлять свои просчёты, иначе произойдёт смещение центра силы на Восток и её перспективы в мире окажутся безнадёжными. Хотя у американского политолога много верных, точных наблюдений, он недостаточно обосновывает тезис, что миру невозможно обойтись без Америки. Данная идея лишь постоянно повторяется на страницах книги.

Близка к взглядам З. Бжезинского отчасти и идея Дж. Айкенберри, и «имперская» концепция П. Ханны. Однако подход П. Ханны отличается тем, что у него в мире действует уже три империи, а не одна. Влияние США как империи, по мнению П. Ханны, базируется в основном на её престиже: Америка защищает свободу с оружием в руках: это самое богатое общество и самая жизнеспособная демократия в мире. Однако Америка может осуществлять свою имперскую власть только совместно с двумя другими империями – ЕС и Китаем. На смену монопольной власти одной империи пришёл своеобразный «рынок». Три ведущие державы используют всю имеющуюся у них мощь для формирования сфер влияния по всему миру, а остальные страны выбирают себе покровителя.

Имперская дипломатия США представляет собой коалиционный подход, суть которого в опоре на нежёсткие «добровольные коалиции», выстраивание союзов на прагматичной основе для последовательного решения отдельных

[447] Капхэн Ч. Закат Америки уже скоро. М., 2004. С. 13; Престовиц К. Страна-изгой. СПб., 2005. С. 28–29; Бьюкенен П. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М., 2006. С. 14.

вопросов[448]. Американцы предлагают военную защиту и экономическую помощь[449].

США выражают готовность вести за собой, задавая тон в международных организациях, однако П. Ханна, как и другие политологи, констатирует, что индивидуализм Вашингтона, сосредоточенность на собственных интересах в малой степени способствуют выстраиванию системы дипломатического доверия, что ведёт к отдалению США от соседей[450].

Каковы перспективы американской империи? Для любой империи характерны перенапряжение и распад, вслед за А. Тойнби считает учёный. Символами «заката Америки» являются сильное оружие и сильные выдающиеся личности[451]. Закат происходит на фоне потери экономического первенства империи и размывания фундамента, на котором покоится глобальное лидерство США. Есть у империи и слабые места: зависимость от внешнего финансирования и переменчивость союзников. Существуют и иные трудности: падение жизненного уровня граждан, деградация образования, ветшающая инфраструктура, неуверенность в будущем и многие другие[452]. Прямо о перспективах заката США П. Ханна не говорит, но, судя по его тезису об угасании империй, такое можно допустить.

Э. Азард анализирует теории, согласно которым в будущем Америку могут заменить ЕС и Китай: в первую очередь это идеи Ч. Капчена и М. Жака. Полемизируя с этими авторами, Э. Азард приводит те же доводы, что и другие сторонники сохранения гегемонии Америки: ЕС пока расколот, а Китаю мешают внутренние проблемы. Таким образом, во внешнеполитической сфере гегемонии США почти ничего не угрожает, не считая быстрорастущей экономики Азии. Однако и данные показатели автора не убеждают.

Из основных преимуществ Америки Э. Азард выделяет демографическую тенденцию и иммиграцию, а также высшее образование и научные

[448] Ханна П. Второй мир. С. 13.
[449] Ханна П. Второй мир. С. 424.
[450] Ханна П. Второй мир. С. 13.
[451] Ханна П. Второй мир. С. 426.
[452] Ханна П. Второй мир. С. 427–436.

исследования[453]. Политолог признаёт наличие внутренних проблем: именно политическая система, укоренившаяся в устаревших конституционных рамках, и усугубляющаяся растущая поляризация более чем что-либо другое делают США хрупкой сверхдержавой[454]. Однако сам Э. Азард не предлагает путей трансформации американской империи, ставя её будущее в зависимость от решения внутренних проблем.

В 2010-х годах, как и раньше, можно было встретить сравнения США с Римской империей. Интересны и отчасти типичны (в плане сопоставления Древнего Рима и Америки) рассуждения Д.Р. Фирса[455]. Для исследователя несомненно, что США – империя. Однако для сохранения своих позиций Америке необходимо учитывать и опыт империй прошлого. Во-первых, демократии не всегда дают мир, подчёркивает автор. Свободные демократии Греции вели постоянные войны, и только Рим принёс мир на земли Средиземноморья.

Во-вторых, сложно передать другим «институты Свободы». Сами римляне пришли к пониманию, что свобода не является универсальной ценностью: люди всегда выбирают безопасность, жертвуя самоуправлением.

В-третьих, нельзя управлять мировой империей с конституцией, предназначенной для малого города-государства. Но можно принять конституцию, гарантирующую сущность политической свободы, и одновременно, развивать институты, способные управлять такой империей, сохраняя и даже расширяя позиции сверхдержавы, приносящей мир и процветание. У американской республики есть ещё много возможностей, и ей не грозит опасность превращения в диктатуру. В-четвёртых, став сверхдержавой, нельзя отступать, нужно идти по этому пути до конца[456].

---

[453] Asard E. The End of the American Era? // American Studies in Scandinavia. 2011. No. 43–2. P. 110.
[454] Asard E. Ibid. P. 119.
[455] Fears J.R. The Lessons of the Roman Empire for America Today. URL: http://www.heritage.org/research/lecture/the-lessons-of-the-roman-empire-for-america-today (дата обращения: 24.10.2014).
[456] Fears J.R. Ibid.

Здесь мы видим своеобразный «римский сценарий», предлагаемый автором, пусть и более связанный с историей через призму Древнего Рима. Вместе с тем в статье звучат и вполне оправданные предупреждения, основанные на опыте Рима: свободу нельзя передавать другим. Она не есть универсальная ценность.

О популярности имперского сценария может свидетельствовать и Стратегия национальной безопасности США, принятая в декабре 2017 года. В ней говорится о готовности США добиваться успехов в политической, военной и экономической конкуренции по всему миру[457]. В стратегии подчёркивается необходимость распространять влияние США по всему миру. Один из аргументов, который приводится в Стратегии: США усвоили урок – когда Америка не лидирует, «злокачественные акторы» заполняют пространство в ущерб США. Когда Вашингтон действует с позиции силы, то выигрывают все[458].

Существует в США и критика имперского сценария. Например, американский политолог Т. Поупп, автор книги «Исход из империи», отмечал, что плутократия США стремится реализовать имперский сценарий[459]. В качестве доказательства он ссылается на историю внешней политики Америки, особенно на вторую половину XX века.

Помимо этого, Т. Поупп приводит и такие аргументы, как: риторика администрации США, вторжение в Ирак в 2003 году, милитаризм. По мысли исследователя, происходит нарушение международного права, а американское господство в третьем мире несёт разрушение автономии наций, коррупцию местных властей, превращение последних в клиентов США. Американские ТНК проникают на рынки стран Юга, подчиняя их экономическим интересам Севера[460]. В мире формируется порядок, почти не отличающийся от предыдущих. Разница лишь в том, что сейчас мир испытывает влияние глобализации[461].

---

[457] National Security Strategy of the United States of America. 2017. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf P.2. (дата обращения: 08.04.2019).
[458] National Security Strategy of the United States of America. Ibid. P. 3.
[459] Poupp T.E. Exodus From Empire: The Fall of America’s Empire and the Rise of the Global Community. London, 2007.
[460] Poupp T.E. Ibid. P. 37.
[461] Poupp T.E. Ibid. P. 55.

Однако в целом имперское господство США, по логике автора, мало отличается от испанского, аналогии с которым Т. Поупп проводит в своей книге, поэтому и перспективы для империи США, исходя из опыта той же Испании, очевидны – в мире уже формируется контргегемонистский альянс государств Латинской Америки, социальное движение в странах Юга, становящееся мировое гражданское общество. Все они бросают вызов американской империи[462]. Политолог даже очень смело сравнивает мировое гражданское общество со второй сверхдержавой, хотя здесь речь идёт больше не о второй сверхдержаве, а о факторе, который влияет на внешнюю политику США.

Наметившуюся имперскую тенденцию в деятельности Белого дома критикует другой американский политолог – С. Бромли[463]. По его мнению, стратегия однополярности, непродуманного применения силы обречена на провал[464]. С. Бромли считает, что в будущем США продолжат действовать в качестве внешнего балансира и политического влияния, но им придётся и учитывать коллективные выгоды всех стран[465]. Правда, здесь речь идёт больше именно о внешнеполитической тактике, а не о трансформации государства. При этом Т. Поупп, С. Бромли и др., критикуя имперский сценарий, по сути, не предлагают каких-то своих вариантов трансформации государства.

Обратимся к европейским и российским авторам. Представитель Лондонской школы экономики М. Кокс также выступил с идеей сохранения Американской империи, считая, что США всё ещё остаются ею, хотя и испытывают трудности[466].

Империи принимали различные формы во все времена, вполне резонно замечает политолог. Чтобы стать империей, необязательно обладать территорией других государств. США делают то же, что и другие империи в прошлом:

---

[462] Poupp T.E. Ibid. P. 344.
[463] Bromley S. American power and the prospects for International Order. Cambridge, 2008.
[464] Bromley S. Ibid. P. 50–51.
[465] Bromley S. Ibid. P. 202.
[466] Cox M. Still the American Empire. // Political Studies Review. 2007. Vol 5, No. 1–10. P. 1. URL: http://raider.mountunion.edu/~GROSSMMO/POL%20270/articles/still%20the%20american%20empire.pdf (дата обращения: 27.04.2015).

устанавливают основные правила для тех, кто живут в империи, наказывая непокорных и награждая тех, кто принимают подобные правила[467]. Анализируя теории «упадка империи», «имперского перенапряжения», М. Кокс полагает, что, если даже и существует такая перспектива, США всё равно должны стараться не делать ошибок предшественников.

Есть ещё очень веские причины полагать, что у Америки сохраняются перспективы. Первое и самое очевидное – пока нет другой силы, имеющей военный потенциал или экономически необходимые средства, чтобы бросить серьёзный вызов США[468]. Второе – существуют многие структурные преимущества Америки, начиная от нескольких систем альянсов, которые она возглавляет, доллара, финансового и коммерческого влияния.

Вывод автора: если опыт последних нескольких лет и указывает на что-то, так это на необходимость остерегаться любых аналитиков, проводящих аналогии между тем, что произошло с римлянами и британцами в прошлом, и тем, что происходит сегодня в США[469]. И ещё один вывод – нельзя идентифицировать США с какой-то одной администрацией и не надо судить о долгосрочном будущем США через проблемы, стоящие перед одним президентом. Можно сказать, что в работе М. Кокса уже заметны некоторые наброски империи постсовременности. Это видно и по тезису насчёт территориальных приобретений империи, и по тезису о различных формах имперского феномена в разные эпохи.

Норвежский исследователь Й. Гальтунг не так оптимистично смотрит на перспективы американской империи, как политологи США. Исходя из истории империй Й. Гальтунг замечает, что для них характерны одинаковые этапы существования: рождение, рост, зрелость, старение и смерть. Соответственно, упадок – это ещё не сама гибель, хотя данные процессы и имеют единую логику. Таким образом, автор намекает, что и США, подобно иным империям, не будут существовать вечно.

---

[467] Cox M. Still the American Empire. Ibid. P. 4–5.
[468] Cox M. Still the American Empire. Ibid. P. 7–8.
[469] Cox M. Still the American Empire. Ibid. P. 8.

Безусловно, любая империя способна добиваться успехов при грамотной политике, полагает автор. Однако в этом он видит и опасность: переоценивая свои силы, империя может оказаться жертвой своих же достижений. Выход для США Й. Гальтунг видит в том, что Америка, отталкиваясь от опыта других империй, должна приступить к производству товаров, а не существовать посредством неравноправной торговли и распространения «мировой валюты».

Й. Гальтунг считает неизбежной гибель доллара как единой мировой валюты. На смену ей должна прийти валютная корзина. Какие рецепты он предлагает Америке? Выход он видит в двух моментах:

1) концентрация на внутренней безопасности вместо ведения войн по всему миру;

2) диалог с другими культурами, а не диктат своей позиции[470]. Здесь представлена, по сути, программа мягкого отказа от имперского бремени.

Германский геополитик Г. Мюнклер в своей работе, посвящённой империям, указывает на процесс возвращения данного феномена. Причина возвращения в том, что система государств, возглавляемая ООН, не может обеспечить порядок и стабильность. В то же время империи обладают возможностью вторгнуться в свободные от государства пространства для предотвращения там геноцида и войны. Также империи способны взять на себя весьма масштабную охрану хрупких линий связи между экономическими центрами Земли. США – яркий пример такой империи, способной обеспечить выполнение стратегических задач, убеждён немецкий политолог.

Вместе с тем, хотя автор и признаёт объективность «ренессанса» империй, он присоединяется к критикам имперской политики США, указывающим на разбросанные по всему миру базы Америки, поддержку Вашингтоном экономической глобализации. Такая политика может потерпеть крах в силу морального перенапряжения от своей миссии, т. к. последняя делает невозможной требуемую индифферентность по отношению к внешнему миру. Автор проводит любопытное сопоставление США с Римом и Китаем, отмечая, что «вечные»

[470] Гальтунг Й. Указ. соч. С. 9–10.

империи (или империи прошлого) мало интересовались тем, что происходило за укреплённой границей, в отличие от современной Америки[471]. Безусловно, с последним тезисом нельзя полностью согласиться, т. к. любая империя стремится к своему расширению: и Рим, и Китай проявляли интерес к периферии. Однако, действительно, многие авторы, о которых уже шла речь в нашем исследовании и ещё пойдёт, указывают на опасность перенапряжения США (З. Бжезинский).

Из отечественных исследователей об имперском сценарии для США писал А.И. Уткин. По его мнению, после гибели СССР перед США, оказавшимися на вершине власти, встала дилемма: быть первыми среди равных, руководствуясь принципом национального суверенитета или подняться над всей совокупностью мирового сообщества наций и не лидировать, а контролировать его, манкируя суверенитетом недружественных стран.

Выбор для Америки происходит в определённых исторических условиях, похожих на ситуацию накануне Вестфальского мира: в то время государство пока ещё не являлось главным субъектом международных отношений, а в основе мирового порядка лежала иерархия правителей. Также и в последние десятилетия происходит отрицание государственного суверенитета, практикуется вмешательство в дела других стран. Об этом свидетельствуют ситуация и в бывшей Югославии и на Гаити.

Америка в такой обстановке сделала выбор в пользу «гипердержавы», и на этом пути были сделаны два шага. В 1990-х годах США ещё вели себя осторожно, старались действовать совместно с союзниками[472]. Однако на втором этапе, в 2000-е годы, США ушли в отрыв от союзников, фактически избрав стратегию односторонних действий, игнорируя международное право[473].

Похожа ли Америка на империю? Под последней А.И. Уткин понимает форму правления, в которой «главенствующая страна определяет внешнюю

---

[471] Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015. С. 277.
[472] Исследователи называют эту концепцию: «Согласованная безопасность».
[473] Уткин А.И. Крах Вестфальской системы // Политический класс. 2007. № 2.С. 69–70.

и частично внутреннюю политику всех других стран»[474]. Метрополия контролирует другие нации, предписывая им законы, регулируя их поведение. А.И. Уткин, как и многие другие авторы, подчёркивает, что сама категория «империя» является запутанной. Например, под империализмом стали понимать любое влияние одной страны на другую.

Что касается самой Америки, то она всё больше стала уподобляться Римской империи: об этом можно судить по популярности имперского дискурса в политической элите США. Констатирует он и отсутствие противопоставления таких категорий, как «империя», с одной стороны, и с другой – «республика», «свобода».

Примерами реализации имперской стратегии, по мнению А.И. Уткина, являются вторжение США в Ирак (2003 год), односторонние действия Вашингтона, свержение в 1992–2007 годах девяти свободно избранных правительств, навязывание серии односторонних соглашений бывшим противникам по холодной войне, нахождение американских солдат в 120 странах мира.

А.И. Уткин считает, что положение США всё-таки зависит от признания мировым сообществом надгосударственного статуса Америки. Здесь возникает вопрос: согласятся ли страны мира урезать свой статус в пользу усиления одного государства, притом ведущего себя единолично, ни во что не ставящего союзников? США в подобной ситуации акцентируют внимание на том, что Америка может не спрашивать мнения других государств в силу уникальности своей позиции как лидера мирового сообщества. Все шаги Вашингтона ведут к тому, чтобы союзники США растворились в мегасоюзе, ограничили «свой и чужой суверенитет, признав над собой и над всеми остальными американскую гегемонию»[475]. Лидерство США в мире при этом сохранится ещё долго. Другой вопрос: как остальные страны будут смотреть на это?

---

[474] Уткин А.И. Крах Вестфальской системы. С. 70.
[475] Уткин А.И. Крах Вестфальской системы. С. 76.

Постепенно возникает и ещё одна проблема. К концу 2000-х годов появились симптомы утомления самой американской элиты от проводимой имперской стратегии, накопились внутри– и внешнеполитические проблемы[476]. Существенной для американцев является и плата за имперское могущество, что также вызывает усталость. Бремя империи становится изнурительным. Более того, мир начинает координировать свои усилия в противостоянии США, мировой политический процесс усложняется[477]. Всё это не может не ставить под вопрос будущее американской гегемонии.

С выводами А.И. Уткина отчасти можно согласиться. Тем более что с конца 2000-х годов действительно намечается корректировка внешнеполитического курса, следствием чего и явились новые концепции, о которых речь ещё пойдёт ниже.

С.В. Ткачёв, рассматривая США как современную империю, располагающую определённым влиянием, выделяет три отличительных черты Америки от империй прошлого:

1) США впервые в истории представляют собой единственную глобальную империю;

2) они с конца XIX века сознательно отказались от прямых территориальных приобретений;

3) общественность США в целом не желает признавать свою страну империей[478].

Каковы перспективы такой империи? Вряд ли, по мнению автора, появится новый глобальный конкурент США, который сможет одержать верх над Америкой: нет новой идеи, объединяющей большинство стран, и отсутствуют средства для такого противостояния. Не факт, что США добровольно откажутся от имперского статуса. Наиболее вероятным является вариант формирования США как региональной империи: это может произойти в случае усталости

---

[476] Уткин А.И. Крах Вестфальской системы. С. 78.
[477] Уткин А.И. Крах Вестфальской системы. С. 78.
[478] Ткачёв С.В. Империя как современная полития: дис. … канд. полит. н. Владивосток, 2005. С. 111.

Америки от бремени глобального лидерства, истощения в войнах и т. п. Тем более что таковыми империями могут стать и другие страны (Россия, Китай)[479].

Встречаются и иные позиции по поводу имперского сценария. Например, отечественный исследователь С.В. Кортунов оспорил тезис о «новой империи», считая его мифом, в плену которого оказались американцы, а также западные и российские учёные.

Настоящая империя, а не то, что под ней часто понимается, по его мнению, характеризуется рядом отличительных черт:

– идеократическое государство, являющееся сверхнациональным и объединённое идеей общего блага;

– универсальный, единый исторический проект, базирующийся на религиозных ценностях, включающий в себя универсальный тип спасения и порождающий идею служения империи в качестве абсолютного морально-нравственного императива не только в политической, но и в личной жизни;

– проявление терпимости по отношению к иным цивилизациям, культурам, жизненным укладам и этносам, в первую очередь к тем, которые живут в империи;

– осознание имперского бремени и добровольное принятие его на себя субъектом. Под таким бременем, в первую очередь, понимается ответственность за подданных своего государства;

– главным ресурсом выступает имперский этнос, являющийся стержневым[480].

США не подпадают под данные критерии, поскольку им соответствуют только четыре империи: Римская, Византийская, Священная Римская империя германской нации и Российская. Ценности США не соответствуют имперским, т. к. индивидуалистичны, лидерство Америки вызывает неприятие в мире. Американская нация не может быть имперообразующей. Могущество США

---

[479] Ткачёв С.В. Указ. соч. С. 171–172, 175.

[480] Кортунов С.В. Почему США не империя // Журнал «Золотой Лев». № 81–82. Издание русской консервативной мысли. URL: http://www.zlev.ru/81_70.htm (дата обращения: 24.10.2014).

испытывает проблемы[481].

На наш взгляд, С.В. Кортунов отталкивается от идеального образа империи, поэтому его концепция выглядит относительно спорной. Особенно в том месте, где он выделяет всего четыре империи, о которых говорилось выше. Но данный вопрос дискуссионный и выходит за рамки исследования.

С.В. Кортунов прав в том, что военная машина США выдыхается, их экономика испытывает трудности. Однако США всё-таки занимают лидирующее положение в мире. С.В. Кортунов рассматривает империю как традиционное образование, а в наше время данные государства модифицируются и необязательно соответствуют критериям прошлого. Например, политический контроль над периферией может быть не таким сильным, как раньше, возможно и ограничение экспансии. Следовательно, здесь можно оспорить тезис С.В. Кортунова.

Полемизирует со сторонниками имперского сценария и Э.Я. Баталов. Выделяя различные позиции в научных и политических кругах США по вопросу об имперском статусе Америки, учёный отмечает небрежность к трактовке данного понятия[482]. Отсюда и неверные интерпретации того статуса, который сейчас занимает США, поэтому Э.Я. Баталов даёт своё понимание империи: это международная политическая система, охватывающая группу политически организованных территорий (государств) и характеризующаяся определёнными способами возникновения, организации и функционирования. При этом «внутриимперские отношения имеют достаточно устойчивый характер и сохраняются в течение более или менее длительного времени»[483].

Характерными чертами империи являются:

– возникновение в ходе колонизации или подчинения одних государственных образований другими (в том числе и путём завоевания);

---

[481] Кортунов С.В. Указ. соч.

[482] Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 326–336.

[483] Баталов Э.Я. Указ. Соч. С. 336.

– разделение всей имперской системы на центр и периферию (колонии и зависимые территории). Имперский центр ведёт себя как гегемон, распоряжаясь ресурсами периферии по своему желанию. Существуют только вертикальные связи, никакого партнёрства. Э.Я. Баталов признаёт, что окраины могут обладать ограниченным суверенитетом (дарованным центром), а их руководители – достаточно высоким политическим статусом (пожалованным всё тем же центром), но, несмотря на это, существует обязательное подчинение, имеющее разные юридические формы, а в случае неподчинения центр может наказать непокорных;

– имперское сознание, задающее ориентацию на расширение, экспансию и «универсализацию культивируемых центром ценностей»;

– выполнение империями самых разнообразных функций, к важнейшим из которых можно отнести цивилизаторскую, интеграционную и мобилизационную[484].

Автор отмечает, что «тип связей, соединяющих современную Америку с другими субъектами международных отношений, в общем и целом не соответствует имперской парадигме» и о США как империи можно говорить лишь условно[485]. Более того, империи как таковые сходят со сцены. Отчасти Америка напоминает империи прошлого (распространение военной мощи, поп-культуры, языка по всему миру и т. п.).

Исследователь не одинок в указании на то, что в мире формируется глобальное политическое сообщество нового типа. Зачастую оно существует путём применения практик и норм прошлых эпох – отсюда и сложности его характеристики. США в данном мире занимают ведущее, центральное положение, что является одним из факторов роста претензий Вашингтона. Вместе с тем Америка не всегда может применить свою силу в полной мере: она имеет и уязвимые моменты.

Вашингтон выстраивает в существующих рамках международных

[484] Баталов Э.Я. Указ. Соч. С. 335–337.
[485] Баталов Э.Я. Указ. Соч. С. 337.

отношений т. н. систему гегемонии, предполагающую верховенство в глобальных процессах США, которые и принимают за империю. Данная система характеризуется следующими чертами:

– она связывает страну-гегемона с другими акторами глобальной политики, в числе которых отдельные нации-государства и их объединения. Также международные организации (как правительственные, так и неправительственные);

– данная система исключает наличие колоний и зависимых территорий; более того, в ней отсутствует устойчивая пространственная локализация; также она не предполагает и наличия периферии, находящейся под опекой США;

– это сложная и многоуровневая структура, состоящая из разнообразных отношений, институционализированных и неоформленных; притом военные институты могут играть решающую роль;

– в этой системе допустимы отклонение от принципов демократии, норм нравственности и международного права, действия в обход ООН и других международных организаций;

– наличие разнообразных методов достижения цели: как мягких, так и силовых;

– наступательный характер системы[486].

С автором отчасти можно согласиться. По крайней мере в том, что США не подпадают под категорию традиционной империи. Что касается самой категории «империя», то здесь действительно наблюдается методологическая путаница, когда под империей понимают разные явления: конфедерации, сетевые структуры и т. п.

Однако отдельные моменты говорят о том, что США можно считать империей: наличие мессианской, наднациональной идеи (имперский проект как раз универсален), стремление к экспансии (пусть и мирной, путём распространения своих взглядов, установления угодных политических режимов), иногда своеобразное продавливание своей линии, неприятие горизонтальных

[486] Баталов Э.Я. Указ. Соч. С. 340–342.

отношений, а только вертикальных. Существует наличие имперского дискурса в американском обществе, о чём пишет и сам автор. Кроме того, термины «гегемония» и «империя» не исключают друг друга.

Подводя итоги по данному параграфу можно отметить, что в США сложилась внушительная традиция, рассматривающая Америку в качестве империи. При этом, помимо военного и экономического фактора, учёные указывают и на идеологический. Имеет место и акцентирование внимания на том, что США – это империя уже нового типа. Отдают дань характеристике США как империи и европейские, и российские учёные. Другое дело, что перспективы на благополучное продолжение имперского сценария не всеми оцениваются положительно. Тем не менее можно говорить о проработанном имперском сценарии.

3.2. От стратегии гегемона к идее лидерства

Ещё в начале 2000-х годов бывший госсекретарь США Г. Киссинджер удовлетворённо констатировал: «На заре нового тысячелетия Америка вкушает плоды своего могущества, превосходящего мощь величайших империй прошлого. От военной сферы до бизнеса, от науки до технологий, от высшего образования до массовой культуры, Америка господствует в мире в беспрецедентных масштабах»[487]. Вашингтон имеет средства для проведения своей позиции, американские войска разбросаны по всему миру, США лидирует в международной финансовой системе, а её массовая культура задаёт стандарты.

Однако Г. Киссинджер усматривает и теневую сторону этого процесса: увлёкшись своей ролью глобального лидера и посредника, США стали втягиваться даже в те дела, куда их и не приглашали. Более того, они начали выносить вердикты, решения другим странам мира по поводу ситуации в данных государствах. Однако многие из этих рекомендаций далеки от реальности и зачастую несут отпечаток времён холодной войны. Всё это грозит Америке тем, что она может оказаться вдалеке от многих тенденций, влияющих на глобальный порядок.

Вмире соседствуют разные позиции по отношению к Америке: уважение, покорность её воле, а также раздражение курсом Вашингтона, непонимание его целей. Более того, меняется и сам мир. Претерпевают трансформацию представления о нации-государстве, отдельные страны объединяются в региональные образования, стремясь играть более крупную роль в устройстве мирового порядка. Такие важные факторы государственной мощи, как: территория, применение силы – всё более утрачивают свою роль[488].

В данной ситуации США показали свою неподготовленность к происходящим в мире процессам. Если американская элита чётко не сформулирует национальные интересы, США ждёт прогрессирующий паралич,

[487] Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 1.
[488] Киссинджер Г. Указ. соч. С. 2–9.

а страну – изоляция и истощение. Кроме того, в мире США воспринимают как империю, даже несмотря на то что Америка отвергает подобные претензии и создавалась явно по иному образцу государственного устройства. Окружающие оценивают шаги Вашингтона как имперские, деспотические, высокомерные и действуют соответственно. Итак, Америка, по мнению Г. Киссинджера, оказалась перед развилкой: мировой гегемонизм или лидерство.

Автор в своих выводах соглашается с австралийским политологом К. Беллом: США нужно осознать своё превосходство, но учитывать и наличие других центров силы. Только так Вашингтон сможет найти партнёров, готовых разделить бремя лидерства и сформировать новый порядок, базирующийся на демократии и свободе. Главная задача США – преображение своей мощи в моральный консенсус. Америка должна не навязывать свои ценности миру, а создавать условия, при которых мировое сообщество, «отчаянно нуждающееся в руководстве» приняло бы их[489]. Сложно согласиться с идеей, что США отвергают имперские амбиции: Америке существует сопоставление своей страны с империей. Другое дело, что, судя по всему, начинают появляться сценарии мягкого имперского варианта.

В какой-то степени к подобным сценариям можно отнести доктрину «двух колец» Б. Обамы, направленную на создание Трансатлантического партнёрства и Транстихоокеанского партнёрства. Суть их в формировании двух экономических союзов в Европе и в АТР, которые должны помочь укреплению лидерства США в мире (и не только экономического)[490]. Также этой стратегии, по мнению О.Д. Абрамовой, ещё относится создание Североатлантической зоны свободной торговли (НАФТА), должное укрепить влияние Америки. Вашингтон, таким образом, закреплялся бы в трёх частях света и дальше мог реализовывать свои лидерские амбиции.

Ещё одним примером такого сценария является идея автономного управления, предложенная американскими политологами Ч. Капченом

[489] Киссинджер Г. Указ. соч. С. 324–326.
[490] Абрамова О.Д. Перспективы развития трансатлантической зоны свободной торговли «TAFTA» // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2013. № 3–4. С. 93.

и А. Маунтом[491]. Их статья отражает настроения части интеллектуальной элиты США конца 2000-х – начала 2010-х годов. Как и З. Бжезинский тремя годами позднее, авторы публикации указывают на неуклонное ослабление влияния Запада. Доводы в подтверждение этого факта особо не отличаются от аргументов других аналитиков: ссылки на тот же экономический кризис, возвышение Китая и ряда других авторитарных держав, подъём России. К этому авторы добавляют рост политического влияния ислама. Вывод для учёных, как и для части их коллег, очевиден: все данные процессы ставят под сомнение международный порядок, возведённый США[492].

Беспочвенны надежды, разделяемые рядом политологов, что созданный Евроатлантикой порядок пустит корни даже после угасания Америки. Ч. Капчен и А. Маунт в данной ситуации выступают с позиций неореализма, критикуя идеи универсальности западного порядка. Такие рассуждения есть стремление выдавать желаемое за действительное. На протяжении всей истории восходящие державы следовали своим собственным интересам. И, заняв место Евроатлантики, новые лидеры вряд ли будут следовать курсу предшественника. Ч. Капчен в своих работах часто проводит аналогии с поздней античностью, и здесь вполне обоснованно мог бы привести пример, связанный с упадком Рима и возникновением «варварских королевств». Последние заимствовали какие-то элементы римской государственности и саму идею Вселенской империи, однако создавали уже свой порядок. Другими словами, такая стратегия для Америки, с позиции Ч. Капчена и А. Маунта, означает «плестись в хвосте событий».

В противовес этому авторы статьи предлагают иное решение, хотя также связанное с античностью, в котором А.И. Фурсов и В.С. Овчинский увидели параллели с эпохой Римской империи времён династии Антонинов (II век н. э.)[493]. Несмотря на то что американские политологи такие аналогии не проводят, можно отчасти согласиться с отечественными авторами, учитывая склонность Ч. Капчена

---

[491] Kupchan Ch., Moynt A. The Autonome Rule // Democracy: A Journal of ideas. 2009. Issue № 12. P. 8–21.

[492] Kupchan Ch., Moynt A. Ibid. P. 8–9.

[493] Овчинский В.С., Фурсов А.И. Передышка для гегемона: к чему ведёт автономное управление // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 69–79.

к такого рода приёмам. Учёные предлагают возглавить события: Америка должна взять на себя инициативу по созданию более разнообразного мирового порядка.

В основе подобного «проекта» лежит согласованность между всеми государствами вне зависимости от типа политического режима. Такие акторы должны обеспечивать ответственное управление и широко содействовать автономии и благосостоянию своих граждан. Данный процесс авторы статьи предлагают назвать «автономным управлением»[494]. Оно отнюдь не уступка недемократическим режимам, а более прогрессивное понимание либеральной традиции Америки, её внутреннего устройства.

США должны приветствовать разнообразие за рубежом, а либеральной демократии необходимо конкурировать на рынке идей наряду с другими идеологиями. Однако, помимо конкуренции, главным оружием должна выступать терпимость, которая сможет более эффективно содействовать интересам США, нежели высокомерие неоконсерваторов или узкий подход нынешних либералов.

Новый порядок должен формироваться на основе нескольких принципов:

– уважаемое ответственное правительство;

– терпимость по отношению к культурному и политическому разнообразию;

– баланс между глобальным управлением и региональными властями;

– более скромный бренд глобализации[495].

Подобная система открыта даже для авторитарных государств: тем более что современная ситуация говорит об определённой прочности подобных режимов. Но, как справедливо замечают авторы, противоречия существуют и между самими западными демократиями, а не только между диктатурой и демократией. Порядок, создаваемый совместно разными игроками, с различными типами политических режимов и будет поддерживаться.

Главным критерием для вхождения в новый мировой порядок является не тот или иной тип режима, а т. н. «добропорядочность», т. е. стремление улучшать жизнь своих граждан, способствовать их большей автономии. Лучше

---

[494] Kupchan Ch., Mount A. Ibid. P. 9–10.
[495] Kupchan Ch., Mount A. Ibid.P. 9.

этому способствует либеральная демократия, нежели другие системы, однако принцип автономного управления должен гласить, что она не является единственным средством, как и нет универсальной формы правительства[496]. Любое государство может уважать права своих граждан, а также суверенитет других стран.

Важность данной категории в том, что она позволяет отделять «добропорядочные» политии от тех, которые осуществляют геноцид своих граждан и проводят агрессивную внешнюю политику. Более того, авторы признают, хотя и в завуалированном виде, что подобные стандарты предоставят более широкую свободу действий Вашингтону. США в такой ситуации, опираясь на поддержку «добропорядочных», смогут принять решительные меры против «хищных режимов», угрожающих безопасности и нарушающих права[497].

Именно искоренение тирании, а не распространение демократии должно стать первой задачей США. Признавая многообразие культур и систем в мире, США всё-таки не должны отказываться от распространения демократии: это остаётся одной из главнейших задач их внешней политики. Следующий важный аспект – принцип терпимости авторы переносят и на Америку. По мысли политологов, не только США должны уважать другие культуры, но и принцип уважительного отношения к иным системам должен позволять Америке демонстрировать перед другими достоинства демократии.

Совершенно очевидно, что «добропорядочным» государствам следует вести себя соответствующим образом, и поэтому вполне логично Ч. Капчен и А. Маунт предлагают выработать нормы поведения. Вновь настойчиво проводится мысль, что такие нормы должны вырабатываться на основе всеобщего консенсуса, и западные понятия легитимности будут сочетаться с критериями других стран. Необходимы консенсус всех участников и дальнейшая маргинализация «государств-хищников»[498].

---

[496] Kupchan Ch., Mount A. Ibid. P. 12.
[497] Kupchan Ch., Mount A. Ibid. P. 14.
[498] Kupchan Ch., Mount A. Ibid. P.15.

Именно на основе консенсуса должно происходить вмешательство мирового сообщества в дела государств, ущемляющих права своих граждан. Так же обстоит дело и с реформированием международных институтов – необходимо часть полномочий передать региональным организациям, осуществляющим управление на местах. Вполне оправданно звучит предложение расширить количество постоянных членов Совета Безопасности ООН, включив в него такие страны, как: Бразилия, Германия, Индия и Япония. С этой мыслью можно вполне согласиться.

Однако когда речь заходит об экономике, авторы забывают о плюрализме и настаивают на том, что мировая экономика не должна подрывать основы либерального подхода. США должны принимать меры против протекционистских импульсов, возникающих, когда государства начинают стремиться к отстаиванию своих позиций[499].

Такой подход, по мысли авторов, должен помочь Америке в деле управления современным миром, переложив часть ответственности на региональные организации, а также поставить международную экономику на более стабильную основу. Уважение со стороны США к другим системам даст положительный эффект: страны мира также начнут демонстрировать лояльность к порядкам США[500].

К достоинствам схемы можно отнести присущую многим американцам критичность. Это действительно характеризует многих политологов США, стремящихся взвешенно оценивать положение своей страны в мире. Отметим и признание авторами возможности сосуществования различных политических моделей в мире, допущение иных взглядов, оценок. Звучит также и ставшая популярной в конце 2000-х годов идея поиска Америкой партнёров не только в Евроатлантике. Заслуживают внимания некоторые идеи по реформированию международных организаций. Отчасти концепция напоминает рассмотренные выше предложения А. Этциони по формированию монофункциональных

[499] Kupchan Ch., Mount A. Ibid.P. 19.
[500] Kupchan Ch., MountA. Ibid. P. 20–21.

наднациональных государственных структур и реализации идеи глобального ценностного консенсуса.

Вместе с тем общие рассуждения о смене курса, плюрализме и т. п. вуалируют главную мысль: США должны проводить свою линию, и авторы так же, как и З. Бжезинский, убеждены в том, что Америка неизбежно останется лидером. Не случайно, когда речь заходит о борьбе с «государствами-хищниками», тут же подчёркивается роль США. Это видно и в тезисе, согласно которому Америка должна продвигать либеральные взгляды.

Данная схема отчасти выглядит умозрительной. Каждый из акторов может по-своему понимать процесс автономного управления. Как тогда вести себя Америке, если кто-то из региональных держав будет поступать не так, как хотелось бы США? Что тогда? Объявить такое государство «хищником»? А если почти у всех стран будет иное мнение, нежели у США? Хотя авторы и предлагают свои критерии «добропорядочных государств», но кто и как должен определять эту «добропорядочность»? В общем, вопросы к данной схеме остаются.

Несмотря на высказанные замечания, можно усмотреть определённое достоинство концепции: её авторы предлагают своеобразную модель «косвенного лидерства» или «принципата», т. е. мира, где Америка выступает как первая среди равных. Такой сценарий, на наш взгляд, может иметь перспективу.

Отечественные авторы А.И. Фурсов и В.С. Овчинский подвергли критике идеи Ч. Капчена и А. Маунта, но признали и значимость статьи американских политологов. Важность публикации американских исследователей российские учёные справедливо усматривают в нескольких аспектах:

1) признание неэффективности односторонних методов управления;

2) необходимость перехода к иному типу лидерства, в представлении А.И. Фурсова и В.С. Овчинского – более авторитарному[501].

Критикуя позицию Ч. Капчена и А. Маунта, отечественные исследователи интерпретируют их модель как имперскую, но отмечают, что в меняющихся

[501] Овчинский В.С., Фурсов А.И. Передышка для гегемона: к чему ведёт автономное управление // Россия в глобальной политике. 2009.№ 3. С. 74.

условиях происходит и трансформация империи[502]. Интересно сравнение отечественными учёными современной ситуации с эпохой Древнего Рима, после правления императора Траяна, когда империя достигла максимума в своём развитии и далее уже не расширялась, перейдя к оборонительной политике.

С доводами авторов можно согласиться отчасти. Международная напряжённость обостряется, о чём свидетельствуют Украинский кризис и ситуация на Ближнем Востоке. Российские исследователи верно подметили, что Ч. Капчен и А. Маунт неустанно подчёркивают интересы США.

Однако имеет ли смысл интерпретировать модель американских политологов как авторитарно-имперскую, как отход от либеральной? Конечно, их фразы обтекаемы и некоторые тезисы можно трактовать по-разному. Можно согласиться, что перед нами, скорее всего, имперская модель, но в более мягком варианте, которую, повторимся, условно можно назвать «глобальным принципатом».

Есть и другого рода оценки положения и перспектив США. А.-М. Слотер, в частности, развивая свои теории, отмечает, что формируется новый мир, отличный от того, что был в XX веке. На наш взгляд, интересен и удачен пример сопоставления мужского и женского типов поведения: если первый рассматривает мир иерархически и поэтому стремится взгромоздиться на вершину власти, то женщина видит мир как паутину взаимодействий и отсюда движется к центру. Пример удачен, тем более если брать психологию, то в мужчине часто проявляются такие архетипы, как: «воин», «философ», «монарх», – т. е. те, кто стремятся к власти (в том числе и духовной), желая другим навязать свои волю, взгляды.

Мир прошлого века как раз полностью соответствует такой мужской психологии: сталкивающиеся бильярдные шары (тоже, на наш взгляд, удачный пример у А.-М. Слотер), т. е. государства, с их амбициями, архетипами поведения. Мир XXI века иной: он уже существует над государством, ниже его и проходит через него. Государство здесь выступает в роли своеобразного стекла,

[502] Овчинский В.С., Фурсов А.И. Указ. соч. С. 69–79.

пропускающего всевозможные лучи света. В таком мире государство с большинством связей, коммуникаций станет центральным актором, способным установить правила игры; и здесь США имеют явное преимущество[503].

Соответственно, по логике А.-М. Слотер, для Америки более приемлема женская линия поведения. Преимущество Вашингтона базируется на трёх вещах: демографии, географии и культуре. США обладают потенциалом, чтобы быть самым инновационным и динамичным обществом в любой точке мира[504].

Американское руководство вполне способно осознать наступающие реалии XXI века: борьба с терроризмом и финансовый кризис показали умелое дирижирование Вашингтона. Не уместны и суждения о «подъёме остальных»: в сетевом мире вопрос стоит иначе – о центральном месте в системе взаимодействий, а оно принадлежит Америке, о чём автор не устаёт повторять в своей работе.

Рассматривая в целом оптимистически будущее для США, исследователь полагает, что для Америки в таком сетевом мире всё же необходимо предпринять ряд мер, в их числе всеобъемлющую иммиграционную реформу, реформу в области образования, содействие экономическому и социальному равенству.

Америке требуется создать сетевую систему взаимодействия, где те или иные страны могут формировать различные коалиции для конкретных целей. Ключевые элементы американской дипломатии – поддержание контакта с нужными людьми в разных частях мира, чтобы с их помощью управлять сложной системой взаимодействий. Необходимо к такой системе подключить самых разнообразных правительственных и неправительственных акторов, поскольку эпоха правительств закончилась[505].

Мир сетей не лишён проблем, однако положительные эффекты такого общества станут превышать издержки. Указанная сетевая структура сделает американское руководство более информированным и эффективным, быстро

---

[503] Slouter A.-M. America's Edge. Power in the Networked Century. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2009-01-01/americas-edge(дата обращения: 28.05.2015).
[504] Slouter A.-M. America's Edge. Ibid.
[505] Slouter A.-M. America's Edge. Ibid.

реагирующим на возникающие проблемы. Именно исключительная способность США к подключению, а не гордое одиночество либо гегемонистское доминирование поможет США восстановить свою власть и осуществить их глобальные цели.

Модель автора отчасти напоминает идею сетевой империи М. Хардта и А. Негри. Также есть и переклички с концепцией Ч. Капчена и А. Маунта.

С выводами А.-М. Слотер частично соглашается и Дж. Най-младший, предложивший свою концепцию. В разные эпохи ведущие мировые державы использовали самые разнообразные ресурсы. Испания в XVI веке – контроль над колониями и золото; Голландия в XVII веке – прибыль от торговли и финансы; Франция в XVIII веке – большое население и войско; Великобритания в XIX веке – промышленную революцию и военно-морской флот. Соответственно, в новом столетии должны быть и иные ресурсы. Какие?

Дж. Най-младший рекомендует обратить внимание (конечно, не он один) на растущую революцию в области информационных технологий и глобализацию: понимание данных процессов поможет преодолеть некоторые подводные камни современности. В грядущем мире для государства ведущее значение уже будет иметь не армия или экономика, а культура.

Меняется в современном мире и сама власть. Она напоминает три шахматные доски. На верхней – США со своей военной мощью. И такое положение, уверен исследователь, сохранится некоторое время. На средней доске приобретает всё большее значение экономическая многополярность. Основными игроками тут выступают, помимо США, Европа, Япония, Китай. Нижняя шахматная доска – сфера транснациональных отношений, включающая в себя разнообразных негосударственных акторов – банкиров, террористов, хакеров и т. п. Сюда же относятся и многочисленные проблемы: пандемии, изменение

климата. На данном уровне власть распространена достаточно широко и поэтому не имеет смысла говорить об однополярности, многополярности или гегемонии[506].

На этих досках происходят сложные геополитические и иные игры. Дж. Най-младший отвергает все ссылки на возвышение Азии, аналогии США с Британской империей как неуместные. На протяжении всей истории США политологи говорили об упадке Америки, но этого не происходило. Мощность, измеряемая в ресурсах, редко бывает равной могуществу, измеренному в предпочтительных результатах; циклы веры в упадок зависят больше от психологии, нежели от реальных сдвигов в мощи, власти[507]. США также не стоит опасаться ни имперского перенапряжения, ни наплыва иммигрантов. Не убеждают его и разнообразные негативные сценарии. У будущего несколько вариантов, а не один сценарий, обоснованно замечает автор.

Политолог солидаризируется с тезисом А.-М. Слотер о сетевом мире и месте в нём США. При грамотной стратегии в таком мире, полагает Дж. Най-младший, США могут извлечь для себя преимущества. Большую роль здесь должно сыграть взаимодействие с Японией и Европой: хотя у двух этих центров силы есть свои интересы, они готовы к сотрудничеству в сетевом мире. Америка отнюдь не в кризисе и способна решать стратегически важные задачи. Главное – учитывать, что современный мир не следует описывать в категориях прошлого столетия: это может привести к негативным последствиям.

Перед США в таких условиях стоит основная задача – выбор оптимальной модели поведения с учётом взаимозависимого сетевого мира. Для этого необходимо более глубоко понять власть, её трансформацию и исходя из этого выстроить политику т. н. «умной силы», являющейся комбинацией «жёсткой» и «мягкой» сил. Важным аспектом такой стратегии будет поддержка альянсов и создание сетей. Дж. Най-младший сразу оговаривается, что речь в данном случае идёт не о сохранении гегемонии (фактически американской, хотя прямо он

---

[506] Nye J. The Future of American Power // Foreign Affairs. 2010. No. 6. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2010-11-01/future-american-power (дата обращения: 29.03.2015).

[507] Nye J. The Future of American Power. Ibid.

об этом и не пишет), а о поиске путей для объединения ресурсов. Это необходимо для успешной стратегии в контексте «подъёма остальных», т. е. восходящих гигантов, а также распыления власти[508].

По сути, и А.-М. Слотер, и Дж. Най-младший описывают Америку как государство, находящееся в центре системы сетей и умело дирижирующее ими. Данный подход частично отличается от позиции П. Ханны и других авторов, характеризующих США как империю. Вместе с тем если трактовать слово «империя» широко, то можно увидеть, что в указанных работах даются своеобразные наброски т. н. сетевой империи или её прообраз.

К этим подходам близка и концепция Ф. Закарии. Американский учёный, подобно многим исследователям, констатирует новую эпоху, наступающую в глобальной политике. Мир меняется, причём стремительно (об этом пишет не только Ф. Закария). Более того, за последние пятьсот лет произошли три крупных изменения: Запада в XVIII веке, США в конце XIX века и региональных держав в наше время[509].

В современных условиях, на этом политолог акцентирует особое внимание, нация-государство не способна решать накопившиеся проблемы в одиночку: необходимо сотрудничество многих государств. Говоря о восходящих державах, Ф. Закария предлагает иначе посмотреть на их возвышение. Также страны не желают либо вписываться в существующий порядок, либо противостоять ему (о чём предупреждают некоторые политологи). Они ищут свой, третий путь – возможное заимствование западных порядков, однако со своей спецификой. Это и содействует своеобразной трансформации мировой системы, которая не может быть однополярной[510].

Ф. Закария не устаёт подчёркивать: перед нами совершенно иной мир, постамериканский, в котором все взаимосвязаны, но каждый идёт своим путём. Для решения проблем создаются широкие коалиции всевозможных

---

[508] Nye J. The Future of American Power. Ibid.
[509] Zakariya F. The Post-American World. NY, London, 2008. P. 1–2.
[510] Zakariya F. Ibid. P. 36–37.

негосударственных акторов, устаревают традиционные институты (например ООН), восходят не только крупные державы, но и отдельные регионы внутри них.

Каково место Америки в таком мире? Политолог использует термин З. Бжезинского, обозначая Америку как последнюю сверхдержаву. В целом, говоря о мировой гегемонии, следует учитывать, что меняется расстановка власти в глобальном масштабе: от многополярного мира в начале XX века через биполярный (противоборство США – СССР) к однополярному. Однако и последний также стремительно размывается. Если в военно-политической сфере США остаётся сверхдержавой, то в остальных измерениях ситуация меняется. Как и З. Бжезинский, Ф. Закария констатирует постепенное смещение баланса, указывает на всё более усиливающуюся конкуренцию со стороны недавних союзников по отношению к США в области экономики.

Однако категория «многополярный мир» не подходит для описания складывающейся реальности. Здесь можно согласиться с логикой Ф. Закарии. Правда, он не указывает на такой момент: в современном мировом политическом процессе появляется множество акторов, и не все они представляют из себя полюсы. Наиболее адекватно, по мнению учёного, складывающуюся ситуацию отражает понятие «униполярность», предложенное С.П. Хантингтоном, и китайская категория «много сил и одна супердержава»[511].

Здесь вновь звучит тезис, подобный идеям Ч. Капчена и А. Маунта: задача США – сделать так, чтобы восходящие державы и игроки были заинтересованы в формирующемся международном порядке. Тем более что потенциал у Америки для такой деятельности есть: США всё равно находится на лидирующих позициях, и другим странам до неё далеко. Соответственно, Ф. Закария так не пишет, но это следует из его логики: США могут формировать определённые правила игры, быть первыми среди равных, т. е. своеобразным глобальным принцепсом. Иначе никак нельзя. Даже в современную постамериканскую эпоху мир нуждается в сверхдержаве, т. к. без неё сложнее решать общие проблемы[512].

[511] Zakariya F. Ibid. P. 43.
[512] Zakariya F. Ibid. P. 44.

Трудности для Америки есть, но они вполне преодолимы. Среди таких сложностей Ф. Закария, как и многие, выделяет неправильное восприятие американцами окружающего мира, раскол в США между американской бизнес-элитой, являющейся космополитичной и рядовыми гражданами. Политическая система США теряет свою способность создавать широкие коалиции, решать сложные вопросы[513]. Существуют и иные трудности, на которые указывают и другие политологи.

Но это не уменьшает оптимизма Ф. Закарии, убеждённого, что потенциал у США сохраняется. Данная идея является ключевой в работе политолога. Америке всего лишь нужно «отремонтировать» существующий порядок, тем более что у «растущих» стран нет желания его менять.

Политолог также повторяет излюбленный тезис других американских авторов: между возвышающимися странами существуют противоречия, и Америка, будучи отдалённой от основных конфликтов, может выступить в роли посредника для многих региональных держав. Однако это не есть система динамического равновесия, присущая предшествующим эпохам (ведь мир меняется): всё гораздо сложнее. И проблемы иные.

Противоборство восходящих держав позволяет Америке играть большую и конструктивную роль, находясь именно в центре (а не на вершине) мирового порядка. Глобальный брокер должен работать, опираясь не только на правительство, но и общество[514]. Главное отличие от сверхдержавы состоит в том, что такая роль включает в себя консультации, сотрудничество и даже компромисс. Ф. Закария уподобляет такую ролевую игру со статусом председателя правления, умело направляющего совет директоров. Однако это директор, эффективно сочетающий как жёсткую, так и мягкую силу. Тем самым вновь повторяется тезис о своеобразной роли Америки, когда она вроде бы и не давит, но многое зависит от неё[515].

---

[513] Zakariya F. Ibid. P. 211.
[514] Zakariya F. Ibid. P. 232–233.
[515] Zakariya F. Ibid. P. 241–249.

Итак, Ф. Закария, как А.-М. Слотер и Дж. Най-младший, выступает за большую активизацию связей США с окружающим миром. Для него Америка – это посредник, находящийся в центре сложной системы взаимодействий. Они не возвышают США, а ставят их в один ряд с другими государствами.

Типичным является и мнение Р. Арта, убеждённого в том, что США должны продолжать оказывать глобальное лидерство, поскольку им подходит такая роль, но необходимо учитывать интересы союзников и других важных сторон при разработке политики и принятии мер, при том не забывая и о своей выгоде[516]. Другой исследователь, Р. Беттс, как и Ч. Капчен, полагает, что США должны передать часть обязанностей по обеспечению безопасности дружественным странам на местах[517].

Но существует и критика лидерства США. Например, П. Каммик полагает, что наибольшим вкладом Америки в многостороннем мире был бы отказ от претензии на лидерство, в частности в случае, когда существуют общие взгляды, мнения в отношении целей и средств. В противном случае это приведёт к затрате ресурсов[518].

Таким образом, часть американских авторов, учитывая меняющиеся внешнеполитические условия, предлагает скорректировать политику США. От прямого имперского давления Америка должна перейти к новым методам взаимодействия с окружающим миром, но при этом не отказываться от своей руководящей роли, о чём особенно активно пишут Ч. Капчен и А. Маунт.

Подведём выводы по главе. Американские авторы в основном рассматривают свою страну как державу, возвышающуюся над другими, или как посредника в мировых делах. Мало сценариев, согласно которым США выступали бы как региональная держава или как цивилизация-государство. Как правило, используются три термина: «империя», «лидер», «посредник».

---

[516] Art R.J. Selective engagement in the era of austerity // America's Path. Grand Strategy for the Next Administration / Edited by R. Fontaine and K.M. Lord. Washington, 2012. P. 19, 24.
[517] Betts R.K. American strategy: grand vs. grandiose // America's Path. Grand Strategy for the Next Administration / Edited by R. Fontaine and K.M. Lord. Washington, 2012. P. 35, 36.
[518] Cammack P. Smart Power and US Leadership: A Critique of Joseph Nye // 49th Parallel. 2008. Autumn. Is. 22. P. 5, 7, 14.

Данные концепции отражают реальное положение вещей. Хотя американская мощь слабеет, у правящей элиты сохраняется всё-таки убеждённость в своём превосходстве. Мессианские идеи и ряд преимуществ геополитического положения США указывают на то, что Америка действительно будет оставаться империей какое-то время. Империей нового типа, распространяющей свою власть на часть мирового сообщества. Потенциал для этого у США есть.

Переосмысливая концепции Ч. Капчена, А. Маунта и А.И. Фурсова, В.С. Овчинского, отметим, что в наше время США всё больше продвигают именно идею «глобального принципата», согласно которой США, формально отказавшись от имперской риторики и агрессивного внешнеполитического курса, выступят в роли «первых среди равных» (таковым и был в Риме принцепс). Однако, опираясь на военную силу, авторитет, денежные ресурсы (а сейчас ещё и на разработки в области искусственного интеллекта), США будут проводить свои идеи, о чём пишет большинство авторов рассмотренных концепций. Имперский проект в той или иной степени проработан в США, и, по сути, подкреплён стремлением к реализации, о чём свидетельствуют многие исследования.

IV. КИТАЙ: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Долгое время Китай развивался как империя. Если брать типологии государств, что мы рассматривали раньше, то Китай можно отнести и к великим державам в наше время, и к великим региональным державам в прошлые века. Исследователи В.В. Малявин, В.А. Дергачёв, Д. Молдин и др. неоднократно отмечали изолированность Китая от окружающего мира. Однако, несмотря на определённую изоляцию, Китай уже с древности стремился к активному участию в делах окружающих его территорий (в первую очередь Юго-Восточной и Центральной Азии), формируя свою сферу влияния. В наше время Китай также придерживается данной политики: в КНР обсуждаются вопросы места Китая в мировом политическом процессе, особенно в условиях глобального мира.

Так, в октябре 2017 года открылся XIX съезд Коммунистической партии Китая (далее – КПК). Выступая на нём, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин выделил два основных этапа дальнейшего развития Китая. На первом (2020–2035 годы) КНР должна в своём развитии достичь уровня стран-лидеров инновационного типа. В числе прочих достижений Си Цзиньпин отметил, что значительно возрастёт культурная «мягкая сила» государства и расширится влияние китайской культуры[519]. А на втором этапе КНР «по совокупной национальной мощи и международному влиянию» должна войти в число стран-лидеров.

Говоря о «мягкой силе», Си Цзиньпин ещё в августе 2013 года выделил четыре тезиса, о которых необходимо «чётко рассказывать»:

1) путь развития каждой нации обязательно обладает своей спецификой;

2) китайская культура вобрала в себя самые глубокие духовные поиски китайской нации: неустанное порождение жизни и развитие, добросердечие;

[519] Си Цзиньпин: «Необходимо одержать решающую победу в полном построении среднезажиточного общества, начать новый поход к всестороннему построению модернизированного социалистического государства» [выдержки из выступления председателя КНР Си Цзиньпин на открытии XIX съезда КПК 2017 года] / Сайт ИА «Синьхуа». 2017. URL: http://russian.news.cn/2017-10/18/c_136688873.htm (дата обращения: 08.04.2019).

3) китайская традиционная культура – выдающееся преимущество китайского наследия, это самая основательная культурная «мягкая сила»;

4) социализм с китайской спецификой укоренён в плодотворном развитии культуры КНР[520].

Таким образом, мы видим акцент на культурной составляющей китайской мощи. Хотя, безусловно, здесь речь не идёт о какой-то трансформации государства, создании наднациональных образований.

Свою оценку перспективам развития Китая также дают как китайские, так и иностранные эксперты.

[520] Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2 т. / Отв. ред. В.Г. Хорос. Т. 1. М., 2014. С. 195.

4.1. Проблема изоляции и империи как сценарий дальнейшего развития Китая

Ещё в 1990-е годы В.Л. Цымбурский сравнивал Россию с островом. Полемизируя с ним, другой учёный, С.В. Хатунцев, вполне обоснованно замечал, что «островитянство» присуще и иным цивилизациям[521]. В этом плане в качестве примера можно привести Китай, тем более что и среди западных исследователей встречаются позиции, сравнивающие Китай с островом. Например, об этом писал американский учёный Д. Молдин. Его утверждение базируется на том, что вдоль сухопутных границ КНР расположились горы, джунгли и пустоши, а на востоке Поднебесная омывается морем.

Сам «остров» Д. Молдин вполне оправданно делит на две неравные части: «ханьское» ядро (которое населяет около одного миллиарда человек) и буферные некитайские области. Также и «ханьский» хартланд (срединная земля) дифференцируется на две части – северную и южную, которые представлены двумя основными диалектами: мандарин на севере и кантонский – на юге.

Хартланд окружают неханьские регионы – Тибет, Синьцзян–Уйгурский автономный район, Внутренняя Монголия и Маньчжурия. Фактически все они относятся к другим цивилизациям (исламской и буддитской). Но с давних пор эти территории находились под властью Китая, когда он был сильным, и по возможности откалывались от Поднебесной в эпоху смуты. На данном этапе в указанных регионах существуют разнообразные трения, однако сам Китай пока силён, что говорит и о перспективе нахождения «лимитрофов» в составе КНР. Контроль Пекина над указанными территориями объясняется рядом причин: потребностью в безопасности страны, а также стремлением выйти к труднопроходимым территориям, окружающим страну.

Единственное исключение составляет Казахстан. Эта страна – мост, связывающий Китай с Центральной Азией и лежащими за ней территориями. Но граница между КНР и Казахстаном удалена от самого «острова», а маршрут

[521] Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства. С. 87.

проходит через малонаселённые районы, в которых живут мусульмане, что создаёт определённые трудности для сношений с внешним миром и лишний раз подчёркивает «островитянский» статус Китая.

Границу с Монголией и Россией Д. Молдин считает не слишком опасной для Китая. Тем более что и здесь доступ затруднён, а с востока Китай омывается морем. Таким образом, перед нами «островное», изолированное положение Поднебесной. Есть точки непосредственного трения, конфликта (например, с Индией или Вьетнамом), но они незначительны. В силу того, что Китай никогда не был морской державой, наиболее уязвимым местом страны является побережье Тихого океана.

Конечно, в целом Китай не может отгородиться от остального мира, но его преимущества и позволяют быть великой державой:

– в КНР трудно вторгнуться;

– учитывая размеры и население, страну сложно захватить;

– население Поднебесной – 1/5 населения мира.

Однако при этом у Китая особая специфика поведения, не такая, как у других государств. Исходя из особенностей китайского «острова» геополитика КНР, считает Д. Молдин, имеет три наиболее главных императива:

1) поддержка внутреннего единства в китайских регионах;

2) сохранение контроля над буферными территориями;

3) защита побережья от иностранного вторжения[522].

Д. Молдин неоднократно проводит тезис о Китае как закрытой или изолированной стране, стремясь аргументировать его. Будучи страной многонаселённой, с ограниченным количеством пахотных земель, КНР страдает от бедности, которая влечёт за собой иные проблемы. Возможен дальнейший социальный раскол в обществе, после чего может последовать ослабление китайского правительства, что вновь приведёт к потере контроля над «лимитрофами». В результате Китай окажется уязвим для иностранцев,

[522] Mauldin J. The Geopolitics Of China. URL: http://www.investorsinsight.com/blogs/john_mauldins_outside_the_box/archive/2008/06/12/the-geopolitics-of-china.aspx (дата обращения: 19.07.2015).

стремящихся воспользоваться слабостью КНР. В целом же пока управлять легче именно изолированной страной, закрытой от внешнего мира, его воздействий.

Однако парадоксальность ситуации состоит в том, что для процветания Китая необходимо его участие в торговле, чем Поднебесная и занималась на протяжении столетий. Но вместе с процветанием посредством того же Великого Шёлкового пути в Китай проникало и иностранное влияние, что нарушало стабильность в стране[523]. Какое-то время можно было управлять таким государством, но как долго? Напрямую исследователь не задаёт такой вопрос, однако этот вопрос следует из его текста.

И ещё одну противоречивость ситуации в связи с торговлей усматривает автор. Прибрежные регионы заинтересованы в развитии связей с иностранными державами, поскольку это способствует их обогащению. Отчасти это выгодно и центру, т. к. доходы поступают ему, поэтому правительство развивает восток страны[524]. Однако устремления жителей данных провинций начинают постепенно совпадать и с интересами иностранцев, что угрожает целостности государства (так же, как и диспропорции в развитии между центральными и прибрежными территориями). Перед Китаем сложная задача – ослабить влияние Запада на восточные регионы, одновременно продолжая участие в международной торговле. Такой же проблемой является и удержание буферных регионов. В противном случае это угрожает национальной безопасности Китая.

С политической и военной точки зрения, Китай достиг своих стратегических целей, однако сейчас главными для страны являются экономические угрозы. Несмотря на своё «островитянство» и определённую изолированность от соседей (а может, и вследствие этого), Китай всё-таки зависим от внешнего мира в экономическом плане, в первую очередь от экспорта.

От экономики зависит и решение двух стратегически важных задач Китая, о которых речь шла выше: сохранение единства КНР и защита побережья. Все проблемы, по мнению учёного, вытекают из экономики. Китай уязвим

---

[523] Mauldin J. The Geopolitics Of China. Ibid.

[524] Добавим, что здесь расположены основные свободные экономические зоны.

для глобальных экономических сил, которые он не может контролировать и не в состоянии вместить.

Таким образом, Д. Молдин, рассматривая Китай как закрытую державу, склонен акцентировать внимание на её слабостях: зависимость от глобального мира; противоречие между потребностью в изоляционизме для удержания территорий и необходимостью встраивания в мировую экономику. Автор даже намекает на возможность раскола страны, но подробно не прописывает данный сценарий.

Другой исследователь, Д. Фридман, также констатирует, что Китай является островом, отгороженным от остального мира большими участками непроходимой местности и пустошей[525]. Подобно Д. Молдину, Д. Фридман отмечает наличие казахского «коридора», подчёркивая, что для прохождения по нему потребуется немало усилий. Две трети самой страны почти пустуют, а основная часть населения концентрируется в пределах 1500 км от побережья[526]. Полностью Поднебесную, по мнению автора, завоёвывали только один раз – монголы[527]. В свою очередь и сами китайцы редко устанавливали собственные порядки за пределами нынешних границ. Кроме того, Китай редко вёл торговлю с другими странами, периодически закрывая границы. Таким образом, перед нами практически остров.

Стремясь к процветанию государства, китайское правительство интегрировалось в международное хозяйство. На данном этапе китайская экономика даёт положительные результаты, однако у любого роста есть свои структурные пределы. Близок к ним и Китай[528]. Экономический спад может привести к ослаблению центральной власти и развалу страны на несколько государств[529]. При этом автор не рассматривает какие-то оптимистические

---

[525] Фридман Д. Бумажный тигр? Почему Китай не сможет стать супердержавой // Россия в глобальной политике. 2010. № 3. С. 83.
[526] Фридман Д. Указ. соч. С. 84.
[527] На наш взгляд, Д. Фридман забывает ещё о маньчжурах, также полностью завоевавших Китай.
[528] Фридман Д. Указ. соч. С. 89.
[529] Фридман Д. Указ. соч. С. 92.

сценарии развития Китая. Подобно Д. Молдину, Д. Фридман акцентирует внимание именно на негативных аспектах.

Аналогичные мысли можно увидеть и у публициста Д. Раймондо, так же, как и Д. Фридман, называющего Китай «бумажным тигром». В какой-то степени, в представлении Д. Раймондо, Китай – это остров, погружённый в свои внутренние проблемы, в первую очередь связанные с экономикой и территориальными вопросами[530].

В целом перед нами пессимистические сценарии будущего китайской государственности, вытекающие из трактовки Поднебесной как изолированной страны. Суть «изоляционитского» сценария – замкнутость Китая как негативный фактор его положения. Но здесь напрашивается ещё один вопрос: если изоляционизм губителен для китайского государства, то что тогда необходимо? Не исключено, что одним из ответов может быть вариант эволюции китайской государственности в нечто новое. Выход за свои «островитянские» пределы.

В связи с этим можно вспомнить и иной сценарий – имперский или гегемонистский, предполагающий определённый выход Китая за рамки своего региона. Китай очень часто называют империей исходя из размаха его деятельности, экономической мощи.

Американский автор Ч. Фримен, рассматривая подъём Индии и Китая, считает, что результаты китайского возвышения предсказуемы. С одной стороны, Китай является экономической сверхдержавой. В стране складываются меритократическая технократия и средний класс собственников, люди получают всё большую свободу, реформируется не только государственное управление, но и китайская армия. Пекин в центре внимания всего мира; и в то же время в других странах растёт опасение по поводу усиления Китая[531].

Однако Ч. Фримен считает, что достижения КНР последних десятилетий не могут гарантировать безоблачного будущего. В Китае нарастают проблемы,

---

[530] Raimondo J. China – A Paper Tiger // Antiwar.com. 2011. URL: http://original.antiwar.com/justin/2011/01/20/china-%E2%80%93-a-paper-tiger/ (дата обращения: 22.07.2015).

[531] Фримен Ч. На чём споткнётся Китай? // Россия в глобальной политике. 2007. № 5. С. 23.

связанные с неспособностью управленческого аппарата обеспечить государственные потребности, с разрывом в уровне развития различных регионов, бедностью и нищетой части населения. Проблемой является и обеспечение национальной безопасности: Поднебесная фактически разделена на две части, существует угроза иностранного вмешательства. Китай может постичь катастрофа и в результате краха доллара, нехватки ресурсов, националистического взрыва внутри самой страны и провала демократическогопроцесса[532].

Кроме того, трудности, с которыми сталкивается Китай, коснутся и всего человечества. Например, опасность кроется в возникновении новой потребительской цивилизации, наподобие западной, со своим миллиардом жителей. Более того, Китай может перенять и западные методы обеспечения безопасности, применяя силовое давление, поэтому американцам не следует возмущаться упорным нежеланием КНР жить по западным правилам.

Вместе с тем Ч. Фримен видит и положительные стороны, характерные для Китая: наличие людских и природных ресурсов, власть работает над улучшением внутриполитической обстановки, Пекин проводит грамотную политику[533].

Открыто автор не называет Китай империей, однако его характеристика КНР как страны, с которой по мощи может сравниться только США, наводит на подобные мысли. Ч. Фримен верно указывает негативные моменты, которые ослабляют Китай. Согласимся с исследователем в том, что для Китая предпочтительнее развитие с учётом своих традиций. Таким образом, можно считать, что у автора Китай предстаёт как самобытная империя.

Приведём здесь и мнение Дж. Айкенберри, считающего, что КНР встроилась в институты, созданные Западом, приняла существующие правила игры и не будет их менять[534].

---

[532] Фримен Ч. На чём споткнётся Китай? С. 29–32.
[533] Фримен Ч. На чём споткнётся Китай? С. 32–33.
[534] Ikenberry G.J. The Rise of China and the Future of the West. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2007/12/the_rise_of_china_the_future_o.html (дата обращения: 22.08.2015).

Американский политолог П. Ханна отнёс Китай к империям наряду с США и Евросоюзом (о чём уже шла речь выше). По его мнению, Пекин доминирует в треугольнике, вершины которого образуют Индия, Япония и Австралия, и стремится возродить старую имперскую систему международных отношений в Азии, в которой доминировала Поднебесная.

Появление государственного суверенитета у стран Восточной Азии – лишь видимость автономии от китайского господства. Страны данного региона не в состоянии противостоять экономическому, демографическому, политическому и культурному наступлению Китая. Даже Токио, Сеул и Сингапур чувствуют свою зависимость от Пекина. Кроме того, Китай строит глобальную экономику, опирающуюся на массовое производство и массовое потребление[535].

Модель китайской дипломатии – гибрид древних принципов и современных институтов. Если некоторые исследователи (Д. Молдин, Д. Фридман и др.) указывают на трудности, с которыми Китай не сможет справиться, то П. Ханна, наоборот, утверждает, что Китаю удастся решить возникающие непримиримые противоречия[536], но постоянно подчёркивает: Китай – одна из трёх империй, ни о каком единоличном лидерстве речи быть не может.

Австралийский политолог С. Бабонес также характеризует Китай как империю. Однако неясно, на каком основании: автор не предлагает ни своего определения, ни критериев, по которым Поднебесную можно отнести к подобного рода образованиям. С. Бабонес, как и многие исследователи, отмечает беспрецедентный рост китайской экономики (хотя одно только это не даёт оснований характеризовать КНР как империю). Однако автор констатирует, что прогнозы широко варьируются от осторожных до более оптимистичных[537]. Он, судя по всему, не разделяет некоторых восторгов или испугов (в зависимости от контекста) по поводу роста Китая. Экономическое развитие КНР не является

---

[535] Ханна П. Второй мир. С. 403.
[536] Ханна П. Второй мир. С. 336–337.
[537] Babones S. The Middling Kingdom: The Hype and the Reality of China's Rise // Foreign Affairs. 2011. No. 5. P. 79.

чем-то естественным, это не возврат на старые позиции, которые были у Китая в мире до XV века. Тезис о «возвращении» умозрителен.

Обращаясь к методу исторического анализа, С. Бабонес показывает, что Китай сейчас примерно на тех же позициях, на каких он был в XIX веке, когда попал в зависимость от Запада. Иными словами, Китай останется там, где он есть[538]. Да, страна сейчас сильна в политическом и военном плане, но означает ли это, что КНР будет расти, чтобы стать богатым государством? Автор допускает, что в какой-то момент в будущем – возможно, уже скоро – избыточные темпы роста начнут выравниваться по сравнению с другими государствами.

Какие же он находит аргументы? Главный – причины роста китайской экономики за последние 20 лет. Подъём стал возможен только благодаря сокращению рождаемости и росту урбанизации. Да, оба фактора способствовали массовому увеличению экономической продуктивности, однако их потенциал ограничен.

Кроме того, в будущем Китаю придётся столкнуться с рядом сложностей экологического, политического и структурного плана. Например, авторитарный режим, политическая культура Китая в целом препятствуют творческому развитию интеллигенции. Это как раз мешает выходу Китая на глобальный уровень, поэтому сложно представить динамично развивающуюся экономику в стране с однопартийным режимом и репрессиями. Экологические проблемы побуждают переходить к дорогостоящему производству, не приносящему ущерба природе. В то же время засухи и иные явления также создают сложности[539]. По существу, все препятствия для дальнейшего развития Китая являются структурными. По характеру своего развития КНР относится к группе стран, в которую входят Россия, Бразилия, Мексика. Соответственно, КНР столкнётся с такими же проблемами, что и указанные страны.

Но соседи Пекина опасаются его взлёта. Исходя из этого, Китаю сложно будет добиться лидерства в регионе, к чему он стремится. Иными словами, он

[538] Babones S. Ibid. P. 80–81.
[539] Babones S. Ibid. P. 82.

не сможет даже стать лидером в Восточной Азии, не говоря уже обо всём мире. Тем более что этому будут противодействовать и США. В целом Китай – это большая, но обычная страна. Он вернулся в своё естественное состояние, в котором был в XIX веке, и не более того. Скорее всего, в ближайшем будущем Китай сосредоточится на удовлетворении потребностей собственного народа, а не на борьбе за статус нового глобального гегемона[540].

Ничего страшного в возвышении Китая для гегемонии США не видит и М. Бекли[541]. Однако он, как и С. Бабонес, не указывает путей эволюции Китая. Региональная держава – возможно, но не более.

Директор китайских программ в Карнеги Фонде Пэй Миньцзинь признаёт, что Китай является великой державой. Под таковой он понимает страну, которая не только эффективно защищает свой суверенитет, но и имеет существенное влияние во всём мире по вопросам экономики и безопасности.

Однако до статуса сверхдержавы Китаю далеко. Во-первых, этому мешает большое количество сельского населения, живущего в сложных условиях. Во-вторых, политолог, подобно другим своим коллегам, полагает, что экономический рост Китая вскоре замедлится. КНР здесь главным образом мешает экспортно-ориентированная модель экономики страны. В-третьих, деградация окружающей среды.

Среди политических проблем Пэй Миньцзинь называет те же, что и другие исследователи. В первую очередь он указывает на отсутствие универсальной идеологии, которая могла бы позволить Китаю привлечь другие страны. Имеются и внутриполитические трудности, прежде всего – отсутствие политической интеграции. Однопартийный режим не может долго существовать, вызывая себе оппозицию. В случае его краха страна столкнётся с большими потрясениями. Допускает учёный и развал страны. Огромные ресурсы Китай сейчас как раз тратит на поддержание единства государства, что мешает его внешнеполитической экспансии. Одновременно имперский характер китайского

[540] Babones S. Ibid. P. 88.
[541] Beckley M. China’s Century? Why America’s Edge Will Endure // International Security. 2011. Vol. 36, No. 3. P. 78.

государства способствует желанию других стран воспользоваться межнациональной напряжённостью внутри самого Китая.

Не забывает Пэй Миньцзинь, как и другие аналитики, отметить, что соседи со всё большей озабоченностью смотрят на возвышение Китая. Правда, на наш взгляд, исследователь приводит не очень удачный аргумент: страна не может стать глобальной сверхдержавой, если она не является также и региональным гегемоном. Здесь вопрос очень сложный. Региональным гегемоном Китай как раз является: у него есть своя сфера влияния, определённый вес в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР). В то же время, например, США хотя и можно назвать гегемоном в Западном полушарии, но и там не все принимают верховенство Вашингтона. Отметим, что Пекин осознаёт возможность изоляции в регионе и китайская дипломатия стремится решить данный вопрос в положительном для себя ключе[542].

Автор признаёт, что Пекин занят расширением своей имперской мощи за рубежом, хотя особо и не пишет об этой перспективе. Однако в целом он констатирует, что КНР в будущем станет в лучшем случае только экономической сверхдержавой: его геополитическое и военное влияние ограничено внутренней хрупкостью и внешней конкуренцией[543]. К подобным выводам приходит и профессор Техасского университета К. Лейн, считающий что Китай не конкурент США в силу имеющихся у Поднебесной проблем[544].

Б. Оннис также отмечает, что рост Китая вызывает опасения среди соседей. Она разбирает аргументы разных сторон, выделяя при этом т. н. «энтузиастов», считающих, что Китай даст миру новую модель, и «скептиков». По мнению автора, для Запада и особенно США характерно восприятие Китая как

---

[542] См., напр.: Tam A. Beijing’s Master Plan for the South China Sea. URL: http://foreignpolicy.com/2015/06/23/south_china_sea_beijing_retreat_new_strategy/?utm_content=bufferf60ce&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer (дата обращения: 14.07.2015).

[543] Pei M. China’s Not a Superpower. URL: http://apac2020.thediplomat.com/feature/china%E2%80%99s-not-a-superpower/ (дата обращения: 11.07.2015).

[544] Layne C. China's Role in American Grand Strategy: Partner, Regional Power, or Great Power Rival? URL: http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/RegionalFinal%20chapters/Chapter5Layne.pdf (дата обращения: 19.07.2015).

прожорливого экономического конкурента Евроатлантике, как возникающую сверхдержаву с растущими неопределёнными намерениями, действующую исключительно в своих собственных интересах, даже в ущерб международному порядку.

Однако для более адекватного понимания международной ситуации Западу всё-таки необходимо осмысление внутриполитической обстановки в Поднебесной и тех вызовов, которые стоят перед страной. Это позволит увидеть, что у Китая мало перспектив стать ведущей нацией. В ближайшем будущем, скорее всего, он займётся решением своих многочисленных проблем – как на национальном, так и международном уровнях. Б. Оннис полагает, что и дальше Китай будет стремиться создать себе нишу, соразмерную его международному статусу как «ответственной великой державы», но без получения мирового господства[545].

С западными авторами согласны и отдельные отечественные исследователи[546]. Так, А.А. Дынкин и В.И. Пантин рассмотрели два сценария для США и КНР в будущем. Авторы полагают, что Китай, несмотря на имперскую экспансию, не сможет стать лидером мирового политического процесса. Отказывают учёные Китаю и в имперском статусе[547].

Другой отечественный автор Н.М. Сирота, по существу, не исключает имперский статус Китая[548], однако полагает, что Китай как империя, скорее всего, не сможет стать второй державой мира.

Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин ещё несколько лет назад отмечал, что Китай пока сам не определился со своим статусом. Автор приводит при этом мнение китайских политологов. По мнению одного из них (Юань Пэна) Китай сочетает в себе четыре типа государств:

1) развивающееся (официальное);

---

[545] Onnis B. Has China Plans for World Domination? // Comparative Civilizations Review. 2013. No. 68. P. 70.

[546] Дынкин А.А., Пантин В.И. Мирное столкновение. США и КНР: за какой моделью будущее // Россия в глобальной политике. 2012. № 2. С. 104–106.

[547] Дынкин А.А., Пантин В.И. Указ. соч. С. 105.

[548] Сирота Н.М. Геостратегия Китая и позиционирование России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 191–195.

2) поднимающееся;

3) глобальное;

4) квази-сверхдержава.

По мнению С.Г. Лузянина, Китай позиционирует себя «рождающейся сверхдержавой», но с официальным статусом «большого развивающегося государства». В целом Китай на подходе к гонке за глобальное лидерство[549].

Один из крупных современных специалистов по Китаю В.Я. Портяков отмечает, что в 2013–2015 годах происходило нарастание присутствия Пекина в глобальной политике. Китай, по замечанию автора, «всё ощутимее ведёт себя на мировой арене как одна из ведущих мировых держав»[550]. И среди других государств страна воспринимается как держава номер два в глобальной политике[551]. Вместе с тем Китай особо наращивает влияние в восточноазиатском регионе.

Есть и иные подходы. Например, по мнению ряда учёных из Института мировой экономики и международных отношений, в ближайшие десятилетия для КНР мало перспектив стать глобальным лидером. Да, КНР продвигает различные экономические проекты, но для них мало институционального оформления. Например, для проекта «Один пояс, один путь». Тем более что не все страны приветствуют инициативы Пекина. Например, тот же проект возрождения Великого Шёлкового пути. Если брать Юго-Восточную Азию, то страны АСЕАН также неоднозначно реагируют на действия КНР в Южно-Китайском море. Вряд ли сможет Китай предложить другим и идею глобального

---

[549] Лузянин С.Г. Китай в системе глобальной и региональной безопасности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIX: ежегодное издание / Отв. ред. и сост. Е.И. Софронова. М., 2014. С. 29.

[550] Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 29.

[551] Портяков В.Я. Внешнеполитический курс КНР и перспективы отношений великих держав в Восточной Азии // Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. Москва, 2016. С. 215.

развития. Однако авторы допускают, что Китай существенно укрепит свою экономику и займёт место одного из военно-политических лидеров в мире[552].

Профессор Института Дальнего Востока РАН Ю.В. Морозов, как и многие исследователи, констатирует, что Пекин проявляет стремление к экономическому и политическому лидерству, стараясь навязать всем свою общественно-политическую модель. Тем не менее, основную задачу КНР учёный усматривает в стремлении стать на равных с теми государствами, которые играют важную роль в «создании нового миропорядка, и продемонстрировать готовность нести ответственность за глобальное развитие человечества»[553].

Таким образом, с одной стороны, ряд факторов говорит об имперской мощи страны: наиболее многочисленное население, территория, экономическое и географическое положение, военный потенциал. С другой стороны, российские учёные (например, Н.М. Сирота) отмечают такие «пределы роста», как: существенное отставание Китая от США по важнейшим показателям развития, нехватка сырья и энергоресурсов, хрупкость финансовой системы и государственного сектора экономики, сепаратизм в ряде китайских регионов, противоречия с соседями.

Не все исследователи приводят и ещё один важный фактор: отсутствие идеи, которая позволила бы Китаю реализовать свой имперский проект, стать второй мировой империей. Одной экономики мало. Конфуцианские ценности «работают» преимущественно в Восточной Азии.

Безусловно, работа над такой идеей ведётся, что отмечает в своих статьях Н.И. Мигунов. Вместе с тем если брать марксизм, то китайцы его приспосабливают к своей цивилизационной специфике[554]. Ведётся работа по гальванизации идей «Манифеста китайской культуры гражданам мира»,

---

[552] Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатьев С.В. К вопросу о перспективах Китая как глобального лидера // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 155, 157–158.

[553] Морозов Ю.В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 90.

[554] Мигунов Н.И. Геоцивилизационный контекст «китаизации марксизма» // Геополитика и безопасность. 2010. № 3. С. 55; Буров В.Г. Дискуссии о конфуцианстве. Ч. 2. URL: http://kitaia.ru/kitay-i-kitaycy/p-20/ (дата обращения: 31.10.2014).

пропагандируются концепции постконфуцианства в трёх разновидностях (островное, материковое и заокеанское). Идёт обращение к идеям Фэнь Юлая о всемирной философии будущего, «диалоговой цивилизации» Ду Вэймина, также ведутся поиски «китайской идеи» (Великого Китая)[555], но пока не совсем ясно, что Китай может предложить остальному миру в идейном плане. Частично на данный вопрос отвечают представители цивилизационного подхода в геополитике, о чём пойдёт речь ниже.

Таким образом, изоляционистский сценарий фактически является тупиковым, если исходить из рассмотренных теорий. Авторы работ не видят перспективы Китая в качестве закрытой державы. Что касается имперского сценария в отношении Китая, то он слабо представлен в различных теориях. Не все авторы характеризуют Китай как империю или, определяя её так, не поясняют своих критериев. Кроме того, если брать сам Китай, то здесь всё-таки нет понятия «империя» в его европейском смысле.

[555] Мигунов Н.И. О геоцивилизационных характеристиках величия Китая // Геополитика и безопасность. 2011. № 1. С. 21.

4.2. Теории континентально-морской и региональной держав как проекты расширения влияния китайского государства

Географическому фактору в истории Китая уделяет много внимания старший научный сотрудник Центра новой американской безопасности Р. Каплан. Он полагает, что исследователи напрасно не всегда вспоминают о выгодном географическом положении Китая[556], поскольку именно география в будущем обеспечит Китаю ключевую роль в геополитике. Отталкиваясь от тезиса Х. Маккиндера, согласно которому Китай может вскоре превратиться в угрозу для Запада, Р. Каплан считает такие опасения небезосновательными. Более того, Китай может построить особую цивилизацию: ни достаточно восточную, ни достаточно западную.

Если Д. Молдин и Д. Фридман рассматривают Китай как своеобразный «остров», отрезанный от Евразии, то у Р. Каплана иной подход. Географическое положение Китая как раз позволяет ему контролировать территории от Центральной Азии, богатой природными ресурсами, до стратегически важных коммуникаций Тихого океана. Занимающее огромное пространство (примерно девять тысяч миль), китайское побережье обладает множеством удобных и естественных бухт и находится в зоне умеренного климата. Благодаря этому Китай и континентальная, и морская держава одновременно.

Преимущества географии, а также экономический динамизм и национальная напористость способствуют тому, что Китай рано или поздно будет стоять в самом центре геополитики. Автор оговаривается, что экономический рост Китая – временное явление. Почему? Р. Каплан старается это пояснить, однако, на наш взгляд, не вполне убедительно. Китай сочетает в себе элементы современного Запада и традиционной «гидравлической цивилизации». Под последней понимается общество, практикующее централизованный контроль над орошением почвы.

---

[556] Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power: How far Will China reach on Land and at Sea // Foreign Affairs. 2010. No. 3. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2010-05-01/geography-chinese-power (дата обращения: 25.07.2015).

Достоинства централизованного управления в том, что оно помогает решать стратегически важные задачи, определяет темпы экономического развития. Такого нет в демократиях, где власть вынуждена согласовывать основные вопросы с гражданами. Исследователь не поясняет, в чём же минус данной системы, но если исходить из логики политолога, то он внутри самой централизации. По крайней мере, можно сделать такой вывод. Тем более что далее Р. Каплан подчёркивает: западные практики интегрируются в китайскую систему, обладающую специфическим опытом навязывания подданнических отношений другим государствам[557].

Так или иначе, на данном этапе Китай – динамично развивающаяся страна. И это развитие (здесь Р. Каплан не одинок в своих оценках) подпитывает его внешнеполитические амбиции. Последние в чём-то схожи с амбициями США столетней давности, однако имеют иную причину. Китай отказывается от «миссионерского» подхода к мировым делам, не стремится навязать свою идеологию или систему правления, как США. Его цель – ресурсы для поддержки существования огромного населения, на основании чего и выстраиваются отношения с окружающими государствами. Следовательно, Китай – сверхреалистичная, сверхпрагматичная держава.

Умело используя выгоды географического положения, Китай расширяет своё влияние, проникая в Африку, Центральную Азию, Монголию, Юго-Восточную Азию. Китай растёт как континентальная держава. Р. Каплан отмечает, что речь идёт не об империализме в духе XIX века, а о совершенно ином, характерном для эпохи глобализации типе властвования. В то же время с империей Китай роднит присутствие в нём двух самобытных регионов – Тибета и Синьцзяна. Однако Р. Каплан не даёт определения империи, и к этому мы ещё вернёмся.

Среди ресурсов китайского влияния исследователь выделяет в первую очередь демографию и экономику. Отчасти мощь Китая на суше достигается успехами его дипломатов. Отметим, что в заслугу последних можно поставить,

[557] Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power. Ibid.

помимо прочего, и тот факт, что страны Юго-Восточной Азии оказывают всё более слабое сопротивление проникновению Китая.

Следствием благоприятной ситуации на суше является то, что Китай в настоящее время может приступить к строительству большого флота, усиливая уже имеющийся. Тем более что КНР занимает господствующее положение на тихоокеанском побережье Восточной Азии, а южная граница страны находится достаточно близко к Индийскому океану, который скоро превратится в центральную арену XXI века[558]. Для Китая важен и контроль над Южно-Китайским морем. Американский политолог здесь, по сути, повторяет мысль В.П. Семёнова-Тян-Шанского, считавшего Южно-Китайское море «Средиземным морем» для Азии. Таким образом, Китай превращается в могущественную континентально-морскую державу. При этом политолог, как и многие его коллеги, отмечает, что Вашингтон не даст КНР стать мощной державой[559].

Концепцию Р. Каплана можно было бы отнести к «имперским», однако сам автор не использует данного термина, а лишь указывает на определённую похожесть Китая на империю в связи с наличием у КНР таких районов, как Тибет и Синьцзян. Однако можно ли по данным признакам относить Китай к империи? Указанное утверждение Р. Каплана является неоднозначным.

Спорной выглядит и мысль автора о том, что США преследуют сугубо идеологические цели. Америка наиболее активно проводит свою политику как раз в регионах, богатых природными ресурсами. США обеспокоены состоянием демократии именно на нефтеносном Ближнем Востоке. Разумеется, в руководстве США есть и идеалистическое направление, однако и прагматиков не следует недооценивать. Тем более сейчас, когда запасы ресурсов в мире сокращаются и многие страны обеспокоены их поиском.

---

[558] Kaplan R.D. Center Stage for the 21st Century. Power Plays in the Indian Ocean // Foreign Affairs. 2009. URL: http://www.foreignaffairs.org/articles/64832/robert-d-kaplan/center-stage-for-the-21st-century (дата обращения: 25.07.2015).

[559] Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power. Ibid.

Среди китайских авторов можно назвать работу Чжан Вэньму, являющегося одним из самых влиятельных политологов в КНР[560]. Нужно уточнить, что в Китае иное понимание великой державы, величия, нежели в США. Например, Сюэ Юн, автор книги «Как стать великой державой», отмечал: «Быть великой державой – это не значит упиваться первым местом по ВВП <…> Цель того, чтобы стать великой державой, заключается в том, чтобы стать «великим народом», дать китайскому народу возможность жить в безопасности, со своим достоинством и своими ценностями»[561]. В Китае акцентируют доминанту величия как духовного начала, как культурно-цивилизационный абсолютизм. Величие трактуется как жизнеспособность, а последняя есть «способность не покидать своего корня». Корень – китайское миросозерцание, лежащее в основании цивилизационной иерархии[562]. В какой-то степени это близко к цивилизационному подходу.

А.В. Гордон, анализируя китайскую прессу, отметил, что Китай провозглашается «великой державой» (примерно 100% статей). Вместе с тем авторы примерно 87% статей к этому добавляют определение – «возвышающаяся держава». Имеют место и оговорки, согласно которым речь должна идти не о «возвышении» китайской державы, а о «возрождении» Поднебесной, об обретении ею «законного» места, которое она занимала в прошлом. Существует и ещё одно определение – «мировая держава». Однако оно используется в прессе нечасто (11,34%). Притом здесь, как и в случае с «великой державой», существует двойственность трактовок. Одни аналитики полагают, что Поднебесная всегда была «мировой державой» «ключевой фигурой в международных делах», а другие полагают, что об этом пока преждевременно говорить[563].

---

[560] Мигунов Н.И. О геоцивилизационных характеристиках величия Китая // Геополитика и безопасность. 2011. № 1. С. 21.
[561] Цит. по: Мигунов Н.И. О геоцивилизационных характеристиках величия Китая. С. 27.
[562] Мигунов Н.И. О геоцивилизационных характеристиках величия Китая. С. 27.
[563] Гордон А.В. Китай в мировой истории и международной политике: модернизм-традиционализм-глобализм: Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. Отделение Азии и Африки. М., 2017. С. 63–64.

Если вернуться к Чжан Вэньму, то следует отметить, что он обращает внимание на внешние, объективные качества величия. По его мнению, подъём великих держав необходимо рассматривать как определённую политическую закономерность в рамках теории государства. Чжан Вэньму приводит слова древнекитайского мыслителя Мэн-цзы: «Люди, применяющие оружие во имя «жэнь» (праведности), могут господствовать, поэтому гегемонами должны быть великие державы»[564]. Чжан Вэньму оговаривается, что категорию «господство» нужно употреблять в современном значении – «влияние». Под «жэнь» следует понимать государственную систему, а под «ли» – реальную силу государства.

Таким образом, делает заключение китайский мыслитель, для возникновения великой державы необходимы два фактора:

1) национальная мощь, форма и способность маневрирования ресурсами;

2) государственная система[565].

Соответственно, великая держава – в первую очередь страна, владеющая многочисленными ресурсами и контролирующая их. Это главнейшая причина, объясняющая возникновение и подъём великих держав. Любое общество стремится к потреблению ресурсов, а любое государство существует, опираясь на ресурсный потенциал.

Обращаясь к истории, Чжан Вэньму констатирует, что возвышение великих держав всегда шло по нарастающей: от консервативного в своей сути местничества, так или иначе связанного с отсталостью и упадком, – к глобальной экспансии. Вместе с тем и скорость их падения была пропорциональна степени расширения. В этом плане китайский политолог берёт за образец пример О. фон Бисмарка, его осмотрительную политику. Именно редкостная мягкость его дипломатии (уже после объединения страны) обеспечила успех Германии на международной арене. Отказ от данной линии преемников О. фон Бисмарка привёл к трагическим последствиям для его страны.

---

[564] Цит. по: Чжан В. Логика подъёма великих держав // Геополитика и безопасность. 2011. № 1. С. 13.

[565] Чжан В. Указ. соч. С. 14.

Чжан Вэньму считает ценным для Китая весь этот исторический опыт. Отмечая всё большую интегрированность китайской экономики в мировые дела и растущую потребность КНР в ресурсах, мыслитель предупреждает: страна должна помнить об уроках истории. Следует осознавать рациональные пределы использования военной силы и не преступать их. Если Китай сохранит это рациональное понимание и станет следовать данному ограничению, то его подъём будет устойчивым и продолжительным.

Одним из условий роста великих держав является независимость. Государство, зависящее от других, расти не может. Пример – обе Америки. Латинская Америка подчинилась Западу и тем самым отказалась от своего развития. В свою очередь США отстояли свою независимость в борьбе с Великобританией, что привело к их возвышению[566].

Применительно к Китаю логика подъёма его как великой державы имеет ряд особенностей. Во-первых, суверенитет. Китай – суверенное государство, но всё ещё не полностью воссоединённое. Следовательно, не полностью суверенное. Таким образом, подъём Китая как великой державы – незавершённый процесс. Данное ограничение сдерживает Китай в реализации своего суверенного права на воссоединение. Соответственно, в борьбе с «независимыми силами Тайваня» КНР не гарантирует отказа от применения силы: для Китая данный принцип незыблем и здесь не может быть компромиссов.

Во-вторых, ресурсы. По мнению китайского политолога, это основное звено логики подъёма великих держав. Но для Китая данный фактор – уязвимое место, т. к. ресурсы на грани исчерпания, что приходит в противоречие с быстро растущей экономикой. Это обстоятельство, полагает учёный, побуждает КНР обратиться к мировому сообществу с требованием более демократического распределения ресурсов.

В-третьих, политическая культура, являющаяся гарантией продолжения подъёма Китая. Главное требование к политической культуре в Китае – признание необходимости единства «международной демократии» и «национальной

[566] Чжан В. Указ. соч. С. 15–16.

демократии». В чём это проявляется? Китайский учёный вновь поднимает проблему ресурсов. Для него современная мировая система, в сущности, является системой их распределения[567]. Соответственно, и дефицит ресурсов он связывает именно с неправильным распределением благ.

Китай внёс большой вклад в мировое экономическое развитие: он осознал значение права свободной торговли и международных демократических прав для развивающихся стран. Соответственно, он в праве предъявить демократические требования недемократической системе. Тем более что международная демократия выражает суверенное право государств на международные ресурсы.

В целом же КНР необходимо выстроить такую политическую систему и форму управления обществом, которая опиралась бы на опыт других цивилизаций и в то же время соответствовала политической культуре социализма с китайской спецификой. Конечной целью такого строительства являются усиленное использование всех позитивных факторов (как внутренних, так и внешних) и мобилизация всех сил для превращения Китая в могущественную великую социалистическую державу[568].

Как видим, Чжан Вэньму не использует категории «империя» и «цивилизация»: ему ближе категория «держава». Отчасти можно сопоставить его концепцию с подходом Р. Каплана. В обоих случаях речь идёт более о державе. Кроме того, оба автора указывают на такую важную вещь, как ресурсы. Именно обладание последними и суверенитетом (под которым в данном случае понимается единство территории) сделает Китай великой державой.

Близки к данным подходам и концепции Китая как региональной державы, возглавляющей континентальный блок. Современные процессы способствуют

[567] Чжан В. Указ. соч. С. 17.
[568] Чжан В. Указ. соч. С. 20.

регионализации мира. КНР в связи с этим вырабатывает свою стратегию нового регионализма[569].

Е.К. Андреев рассматривает данную стратегию как первый этап Китая в его стремлении к мировому лидерству. Китайские политологи уверены, что подъём Азии – непреодолимая историческая тенденция. Данная убеждённость лежит в основе интеграционных устремлений Пекина[570].

Это мнение теоретически обосновывает продвижение Китаем концепции азиатского регионализма. В чём её сущность? Один из китайских учётных, Чжай Кунь, полагает, что в её основе лежит отказ от традиционной схемы отношений «сюзерен-данник» и переход к идеологии азиатского согласия, связанной с системой национальных государств. Это должно послужить тому, чтобы «общая цивилизация будущей Азии служила орудием внутрирегионального сплочения и вместе с тем была своего рода противоядием, предотвращающим слепую нетерпимость и неприятие «открытости»[571].

Помимо указанной выше концепции, Пекин разрабатывает теорию нового регионализма. Китайский политолог Гэн Сефэн характеризует регионализм как социальное жизненное пространство, имеющее определённые масштабы и дифференцирующееся на основе ряда критериев:

– географическая расположенность;

– исторический опыт;

– политическая, экономическая, культурная и другие сферы[572].

Согласно стратегии нового регионализма государства не замыкаются в своём развитии, а используют выгоды регионального взаимодействия для своего

---

[569] Андреев Е.К. Геополитическая концепция «нового регионализма» КНР. URL: http://mir.spbu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=15:mns-15-2-01&Itemid=29 (дата обращения: 15.10.2014).

[570] Андреев Е.К. Указ. соч.

[571] Цит. по: Андреев Е.К. Указ. соч.

[572] Цит. по: Андреев Е.К. Политика «нового регионализма» КНР в процессе её глобальной регионализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8. Ч. 4. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2011_8-4_02.pdf (дата обращения: 15.10.2014).

усиления в глобальной политике. В ходе реализации концепции нового регионализма возникают следующие моменты:

– происходит резкое возрастание социальной интеграции стран в «китайском регионе», наблюдается активное взаимодействие саморазвивающихся обществ и экономик;

– формируются региональное сознание и региональная идентичность, особенно в странах Юго-Восточной Азии;

– ключевой категорией теории нового регионализма является «сотрудничество»;

– происходит рост интеграции стран региона АТР. Политика Пекина, направленная на решение противоречий, вызванных глобализацией, заключается в вовлечении в «китайский регион» новых стран и их потенциалов. При этом формируется пространственно раздельная сетевая система регионального производства и обменов, государства и целые регионы становятся второстепенными, ресурсообеспечивающими субъектами данного воспроизводства, обмена, потребления и конкуренции за китайские капиталы[573].

Деятельность КНР, направленная на реализацию стратегии регионализма, по мнению Е.К. Андреева, происходит на двух уровнях – на уровне функционирования форума АТЭС и на уровне субрегиональных интеграционных группировок, таких, как АСЕАН. Однако мы не совсем согласны с Е.К. Андреевым. На наш взгляд, КНР также активно проникает и в Центральную Азию.

Юго-Восточная и Центральная Азия соседствуют с Китаем, и на протяжении столетий (если не тысячелетий) Пекин стремился присутствовать здесь. Укрепление АСЕАН, ШОС и других организаций остаётся приоритетом для Пекина в проведении своего новой региональной стратегии[574].

---

[573] Андреев Е.К. Геополитическая концепция «нового регионализма» КНР.

[574] Xiang L. China and the International «Liberal» (Western) Order / T. Flockhart, Ch.A. Kupchan, Ch. Lin, E.N. Bartlomiej, P.W. Quirk, L. Xiang // Liberal Order in a Post-Western World. Washington: Transatlantic Academy, 2014. P. 120.

Помимо прочего, усиление влияния в указанных регионах – шаги на пути к росту гегемонии Пекина в Евразии. Также это может укрепить позиции КНР в АТЭС.

В Центральной Азии Пекин использует свою излюбленную тактику двусторонних соглашений – площадку ШОС. Китай выступает с инициативами создания здесь зоны свободной торговли, Банка развития ШОС, что вызывает обеспокоенность Москвы, т. к. в случае реализации этих предложений ШОС может полностью перейти под контроль КНР[575]. Активно КНР продвигает и проект нового Великого шёлкового пути, который должен стать проводником китайского влияния[576].

В Юго-Восточной Азии, главным ресурсом выступает хуацяо – китайская диаспора. Китай продвигает идею создания зоны свободной торговли в данном регионе, несмотря на конкуренцию со стороны США и других стран, делает всё новые шаги по пути экономической гегемонии[577].

Поднебесная является наряду с Японией и Южной Кореей активным участником форумов АСЕАН+. Однако Пекин идёт дальше, стремясь объединить регионы Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и на этой основе подтолкнуть процессы субрегиональной экономической интеграции.

При этом Китай избегает закрытых региональных организаций, чтобы не раздражать США, с опаской поглядывающих на существование подобного рода объединения. Используется Пекином и политика «мягкой силы», хотя некоторые эксперты сомневаются в её большой эффективности[578]. Главная цель Китая в Восточной Азии – сближение экономических систем стран региона,

---

[575] Голошников О. Центральная Азия на прицеле Китая: последствия для России. С. 48. URL: http://globalaffairs.ru/studconf/Tcentralnaya-Aziya-na-pritcele-Kitaya-posledstviya-dlya-Rossii-16693 (дата обращения: 07.07.2014).

[576] Воробьёв В.Я. Новый шёлковый курс // Россия в глобальной политике. 2014. № 3. С. 142–151; Савин Л.В. Новый шёлковый путь и евразийская интеграция // Геополитика. 2013. Вып. XX. С. 27.

[577] Preeg E.H. China as Economic Hegemon in East Asia // The globalist. 2008. URL: http://www.theglobalist.com/china-as-economic-hegemon-in-east-asia/ (дата обращения: 11.08.2015).

[578] Chin-Hao H. China’s Soft Power in East Asia: A Quest for Status and Influence? P. 17–19. URL: http://dornsife.usc.edu/assets/sites/451/docs/Huang_FINAL_China_Soft_Power_and_Status.pdf (дата обращения: 23.06.2015).

рассчитанное в будущем на интеграцию в рамках региона[579]. Под интеграцией здесь понимаются определённые процессы, ресурсы и организации.

В августе 2013 года Пекин предложил государствам АСЕАН ряд экономических и политических проектов. Внешне они приемлемы для государств Юго-Восточной Азии, однако если их довести до логического завершения, то возможно создание единого экономического и стратегического пространства, в котором страны Юго-Восточной Азии будут тесно привязаны к юго-западу Китая[580].

Таким образом, Китай формирует свой регион в Восточной Азии, рассчитывая, что будущее в XXI веке именно за АТР[581]. Нужно сказать, что это мнение не только китайской элиты, но и части политических деятелей стран региона[582].

В целом именно в Восточной Азии, на наш взгляд, возможен сценарий регион-государства, а не цивилизации-государства. С одной стороны, страны Северо-Восточной Азии относятся к конфуцианской цивилизации. Здесь речь могла бы как раз идти о «конфуцианском блоке». С другой стороны, государства Юго-Восточной Азии разнообразны в цивилизационном отношении: здесь присутствуют элементы конфуцианства (Вьетнам, Сингапур), буддизма (Таиланд), ислама (Индонезия, Малайзия). Общее для обоих регионов в данном случае – именно экономика. Это не отрицает факта, что страны могут объединяться на основе только цивилизации, но показывает, что экономические факторы, помимо прочих, способны выступать в качестве интеграционных в современном мире.

---

[579] Андреев Е.К. Политика «нового регионализма» КНР в процессе её глобальной регионализации.
[580] Каусикан Б. Удастся ли бесконфликтный переход? // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. С. 168.
[581] Андреев Е.К. Политика «нового регионализма» КНР в процессе её глобальной регионализации.
[582] Хантингтон С.П. Указ. соч. С. 158–159.

Однако насколько оправдано говорить о формировании крупных региональных блоков, «регионов-государств» на востоке Евразии? Данный тезис может вызвать полемику.

Если брать ШОС, то это пока формирующееся образование. Помимо Китая, в нём присутствуют Россия и, на правах наблюдателя, Индия. Сомнительно, что три крупные державы смогут создать «регион-государство». По крайней мере каждая из них стремится к лидерству, а дух шанхайской организации не допускает безраздельного доминирования одного из государств[583].

Центральная Азия является регионом, где делаются попытки реализации разных проектов: западного, исламского, а также отдельных стран. Больше потенциала у Китая для доминирования в данном регионе[584], однако не следует исключать и указанных выше субъектов.

Несмотря на усиливающееся экономическое взаимодействие стран-участниц ШОС, это пока преимущественно политическое образование, решающее проблемы безопасности. Хотя некоторые исследователи видят и перспективы развития ШОС как крупного экономического региона в XXI веке[585]. Станет ли он напоминать регион-государство? И каким окажется место Китая в складывающейся структуре? На эти вопросы пока ответить сложно.

Есть сомнения по поводу формирования регионального блока в Юго-Восточной Азии. Во-первых, это наличие сильных антикитайских настроений, опасений в данном регионе. Во-вторых, существует мнение, что в деятельности Пекина здесь больше политики, нежели экономики. Так, продвигаемое Китаем Соглашение о свободной торговле с АСЕАН «охватывает лишь малую толику торговли Китая с соответствующими странами»[586]. В-третьих, у Китая существует противовес в лице США. В связи с этим американский политолог П. Годвин сомневается в гегемонии Пекина: пока есть вторая региональная великая держава

---

[583] Воробьёв В. ШОС как растущий властелин «хартлэнда». Как вывести самую перспективную организацию Евразии на новый уровень // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 201.
[584] Верлин Е.В., Иноземцев В.Л. Указ. соч. С. 49.
[585] Андреева Е.Л., Ратнер А.В. ШОС в новой модели международной экономической интеграции // Геополитика и безопасность. 2011. № 3. С. 58.
[586] Бергстен Ф. Партнёрство равных // Россия в глобальной политике. 2008. № 5. С. 204.

в Азии, Китай по определению не может стать лидером в Восточной Азии[587]. Разумеется, автор отчасти прав, тем более что США с 2011 года всё активнее обращают внимание на АТР. Однако ситуация меняется, что видно даже по некоторым бывшим союзникам США. Например, по Таиланду.

Можно согласиться с мнением Е.К. Андреева, считающего, что в Восточной Азии «отмечается высокий уровень плюрализма и разнообразия идеологических, культурных и языковых течений в регионе, а также большой разрыв в экономическом развитии, что может негативно сказаться на темпах и успехах интеграционных процессов»[588]. При этом, повторимся, речь идёт больше о юге Восточной Азии, нежели о севере. Не подрывает ли это формирование региона-государства?

Ещё одно препятствие, по мнению Е.К. Андреева, к формированию «азиатской идентичности» на Востоке континента – национализм. Однако автор признаёт, что у КНР есть потенциал для нивелирования данной угрозы. Скорее всего, Китаю удастся найти баланс между консервативным патриотизмом и азиатской интеграцией[589]. Е.К. Андреев обозначает последнее как задачу, стоящую перед внешней политикой КНР. Однако мы полагаем, что это выполнимая задача из-за наличия давних дипломатических традиций у Китая в этом регионе, его мощной экономики, хуацяо и ряда других факторов. Всё это и укрепляет позиции КНР в регионе.

Помимо Центральной, а также Восточной Азии, Китай начинает делать ставку на создание крупного аморфного объединения, куда, кроме стран АСЕАН, могли бы войти Индия, государства Северо-Восточной Азии, Австралия и Новая Зеландия. Не исключено, что такие попытки могут привести в будущем к возникновению зоны свободной торговли в Восточной Азии под эгидой

---

[587] Godwin P.H.B. China as regional hegemon? P. 83. URL: http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/RegionalFinal%20chapters/Chapter6Godwin.pdf (дата обращения: 11.08.2015).

[588] Андреев Е.К. Политика «нового регионализма» КНР в процессе её глобальной регионализации.

[589] Андреев Е.К. Политика «нового регионализма» КНР в процессе её глобальной регионализации.

Китая[590]. Однако насколько прочной будет эта зона? Не станет ли и она, подобно другим регионам АТР, аморфным образованием? В какой-то степени данный проект можно сравнить с расширением ЕС. Последний, расширяясь, становится всё более рыхлым и аморфным, что мешает интеграции Европы.

Интерес для нашей работы представляет исследование китайского регионализма, проведённое В.А. Абрамовым и Н.А. Абрамовой[591]. Авторы отмечают, что в Китае идёт формирование концепции регионализма. В 2003 году было дано определение регионализма: это «обладающее определёнными масштабами жизненное пространство, которое дифференцируется на основе признаков географической расположенности, исторического опыта, политических, экономических, культурных интересов китайского государства»[592]. При этом речь идёт именно о трансграничном регионализме, выходящем за рамки государств.

Авторы выделяют следующие особенности китайского регионализма:

1) своеобразный симбиоз между национальным и глобальным, играющий роль посредника между ними;

2) китайский новый регионализм отличается от европейского, базирующегося на приоритете прав и интересов личности, и американского, использующего идеологию в экономических интересах.

Китайский новый регионализм представляет не только экономическую сферу. Он «определяет внешнюю региональную политику и приводит в соответствие все сферы социокультурной жизни с её фундаментальными потребностями: безопасностью, гармоничным развитием, сотрудничеством, благополучием»[593]. Выделяются военно-политический, экономический, культурный и другие виды китайского регионализма.

Китайское социокультурное пространство характеризуется следующими тенденциями:

---

[590] Бергстен Ф. Указ. соч. С. 204.
[591] Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М., 2014.
[592] Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Указ. соч. С. 160.
[593] Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Указ. соч. С. 161–162.

– рост социокультурной интеграции стран в «китайском регионе» – своеобразная неофициальная интеграция или мягкий регионализм;

– рост регионального самосознания и региональной идентичности в Восточной Азии, где пробуждается осознание принадлежности к китайскому регионализму;

– рост регионального сотрудничества, определение его содержания;

– интеграция стран АТР.

Противоречия своего развития в условиях глобализации КНР стремится решить, вовлекая в «китайский регион» новые страны, которые становятся ресурсообеспечивающими участниками обмена, потребления и конкуренции за китайские товары – материальные, финансовые и культурные.

В целом китайский новый регионализм имеет два измерения – внешний и внутренний. К внешнему регионализму относятся следующие аспекты:

1) формирование китайского надгосударственного региона, не имеющего чётких пространственных границ;

2) формирование новых региональных трансграничных социокультурных образований с усилением в них ведущей роли политического, военного, экономического и культурного влияний КНР.

Под внешней регионализацией авторы понимают процесс глобализирующегося развития Китая, в ходе чего появятся относительно самостоятельные субъекты международной практики – надгосударственные регионы. Внешняя регионализация – это одна из новейших китайских моделей региональной интеграции на основе развития интенсивных связей, вырастающая из трансграничного и приграничного сотрудничества, но ведущая к уменьшению числа национальных суверенитетов[594].

Обращаются авторы и к трактовке самого региона. Последний для них выступает в качестве социокультурной системы, имеющей четыре основных компонента: территориальную организацию, ресурсный потенциал, систему

[594] Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Указ. соч. С. 163.

воспроизводства и региональные культурные ценности. Таким образом, здесь важны как экономика, так и культура.

С позиции социокультурного и социоприродного подходов китайский регион можно рассматривать как пространственно-социокультурную систему, имеющую три уровня:

1) внутренние регионы, формирующие стратегию построения гармоничного общества;

2) регионально-надгосударственную систему, экспансивно развивающуюся и полностью/частично осваивающую территории двух или более государств;

3) китайское пространство: регион как составная часть системы международных отношений.

Используют авторы и термин «китайское государство-регион». Под ним они понимают самодостаточное образование, имеющее высокую степень социокультурной однородности и определённости и ограниченное государственной границей[595].

Что касается надгосударственного уровня, то это некитайские социокультурные пространства, полностью или частично охватывающие территории других государств. Например, страны Юго-Восточной Азии. При этом авторы подчёркивают, что может существовать несколько трансграничных регионов, отличных от других. Их границы размыты, и сами они мало однородны. Китайский трансграничный регионализм является одним из механизмов реализации нового регионализма. Это пространственно интегративная форма социокультурного взаимодействия для решения актуальных проблем соразвития приграничных регионов. Такие наднациональные, надгосударственные региональные объединения позволяют «моделировать международное пространство в соответствии с политическими интересами государства-доминиона. В данном случае Китая»[596].

[595] Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Указ. соч. С. 165.
[596] Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Указ. соч. С. 168.

Трансграничный регионализм способен «присваивать», «поглощать» определённые участки физического, экономического, политического, социокультурного пространств, формируя «гармоничную периферию».

Авторы отмечают, что термин «чжоубянь» трактуется по-русски как «периферия», но в китайском понимании «периферия» – это нечто большее, не только география. Любое государство, включаемое в «периферию», обязательно должно находиться под китайским политическим, культурным, экономическим и даже военным влияниями. Исследователи приводят позицию китайских аналитиков, согласно которой в систему «гармоничной периферии» входят близкие, сопредельные регионы:

1) Северо-Восточная Азия (Япония, КНДР, Южная Корея, Монголия и российские Сибирь с Дальним Востоком);

2) Юго-Восточная Азия (Вьетнам, Лаос. Камбоджа, Индонезия, Малайзия, Филиппины и т. п.);

3) Южная Азия (Индия, Пакистан, Непал, Бутан и т. п.).

Для расширения своего влияния Китай использует «мягкую силу» – реализацию стратегии построения могущественного культурного государства. Странам «периферии» Пекин предлагает собственное понимание «гармоничного развития» как отдельной личности, так и китайского государства. Китай использует такие ценности, как: идею «гармонии» (как внешней, так и внутренней), «динамичного равновесия» (термин близок к принятому на западе понятию «гомеостаз), «дружественность» (развитие добрососедских связей со всеми государствами), «безопасность и покой». Все эти и другие ценности направлены на формирование позитивного образа Китая как регионального лидера.

Авторы не дают перспектив дальнейшего развития КНР, однако определённая тенденция ими обозначена явно. На наш взгляд, это как раз формирование своеобразного китайского региона, основанного на экономике и культурных ценностях.

Таким образом, регионалистские концепции, представляющие Китай как региональную или континентальную державу, можно отнести к числу наиболее разработанных.

Другой вопрос – в каком направлении будет развиваться становление Китая как региональной державы. Потенциал у него есть, и существующие концепции адекватно отразили данную перспективу. Экономика – один из главнейших факторов развития Китая в наше время, и экономически сильный Китай вполне может втягивать в сферу своего влияния соседей, формируя свой регион, создавая базу для регионального объединения, подобного ЕС или АСЕАН.

4.3. Проблематизация Китая как цивилизации-государства: от локального проекта к глобальному

Одним из первых на Западе сценарий Китая как цивилизационного ядра крупного образования предложил в 1993 году С.П. Хантингтон, подробно расписавший структуру данного феномена:

– ханьский Китай – ядро цивилизации;

– провинции, являющиеся частью Китая, но обладающие значительной автономией;

– территории, официально принадлежащие к Китаю, но имеющие значительную часть не-китайского населения из других цивилизаций (Тибет, Синцзян), т. е. своеобразные «лимитрофные» земли;

– китайские общества, которые станут или могут стать частью Китая с центром в Пекине на определённых условиях (Тайвань);

– Сингапур – по сути, китайское государство (в этническом плане), всё более ориентирующееся на Пекин[597];

– китайские диаспоры в Таиланде, Вьетнаме, Малайзии, Индонезии и на Филиппинах, играющие заметную жизнь в своих странах, а также государства, разделяющие основные компоненты конфуцианской культуры (Северная и Южная Кореи, Вьетнам)[598].

В изменившихся реалиях после окончания холодной войны Китаю пришлось пересматривать своё положение на мировой арене. Проанализировав складывающуюся ситуацию, китайское руководство, по мнению С.П. Хантингтона, обозначило две основные задачи: цивилизационное развитие и восстановление доминирующих позиций в Восточной Азии, утраченных в XIX веке[599].

---

[597] Однако С.П. Хантингтон не указывает на то, что в Сингапуре есть и оппозиция Китаю; опасение оказаться в слишком большой зависимости от Поднебесной.
[598] Хантингтон С.П. Указ. соч. С. 259–260.
[599] Хантингтон С.П. Указ. соч. С. 260.

Материковый Китай воспринимается правящей элитой КНР как именно стержневая страна синской цивилизации, на которую должны ориентироваться другие государства и сообщества, населённые китайцами или принадлежащие к конфуцианской культуре. Благодаря чувству культурной идентичности происходит рост экономических взаимоотношений стран региона. Это явилось главным фактором, обусловившим экономический подъём Китая и других стран, что позволит КНР вернуть лидерство в регионе.

С.П. Хантингтон вполне уверенно заявлял, что категория «Большой Китай» является не абстрактным понятием, а имеющим определённое содержание: «это быстро растущая культурная и экономическая реалия, которая уже начала становиться политической»[600]. Помимо общей культуры, американский политолог указывал и на такой важный фактор совместного процветания, как «бамбуковая сеть» семейных и личных отношений.

Американский исследователь выделил два главных фактора развития синской цивилизации (культура и экономика), ведущих к росту авторитета Китая в Восточной Азии. Не случайно в 1990-х годах почти все восточноазиатские страны, выражая на словах свою поддержку сохраняющемуся военно-политическому присутствию США, на деле стремились учитывать интересы КНР. Даже такой союзник Америки, как Япония, может в будущем повернуться лицом к Китаю[601].

Хотя С.П. Хантингтон писал о Китае середины 1990-х годов, т. е. о почти другой стране, с картиной, предложенной американским аналитиком, можно частично согласиться. Культура и экономика Китая в наше время являются важными факторами развития КНР, а в последнее время Пекин действительно стремится формировать вокруг себя цивилизационное пространство. Но при этом автор основное внимание уделяет экономическим признакам, поэтому остаётся неясным, что именно в большей степени объединяет синскую цивилизацию? Механизм культурного влияния С.П. Хантингтоном рассмотрен не очень чётко.

---

[600] Хантингтон С.П. Указ. соч. С. 262.
[601] Хантингтон С.П. Указ. соч. С. 371, 379.

Мы не согласны и с термином «синская цивилизация». Главным критерием, объединяющим многие страны, помимо экономики, является культура, а один из её источников у многих государств Восточной Азии – конфуцианство и буддизм. Термин «конфуцианская цивилизация» более широк, нежели «синская», тем более что конфуцианство есть в Южной Корее, Вьетнаме, хотя имеет там свою специфику. «Синская цивилизация» – категория, скорее всего, описывающая одну из субцивилизаций конфуцианского мира.

Могут возникнуть возражения по поводу Японии. Автор прав в том, что Япония может следовать в русле Китая. Вместе с тем, он выделяет данную страну в особую цивилизацию, хотя она как раз относится к конфуцианскому миру, являясь его субцивилизационным элементом. Япония может пойти за Китаем не только в силу слабости позиции США, но и по двум другим причинам: экономическая мощь КНР, общая культура.

Однако пока между Китаем и Японией существует напряжённость, рассматриваются даже сценарии противоборства[602], тем более что историческая память обеих стран и территориальные претензии КНР к Японии время от времени проявляют себя. Тем не менее общие культурные истоки и экономические связи способствуют поиску компромиссов, поэтому Пекин уже подавал «намёки» на разрядку в отношениях японской стороне[603].

Почти два десятилетия спустя после С.П. Хантингтона другой эксперт, британский журналист М. Жак, сделал более смелый прогноз, аргументировав его закатом гегемонии Запада. Отталкиваясь от данных группы «Голдман Сакс», М. Жак считает вполне возможным к 2025 году экономическое доминирование Китая, который оттеснит Америку на второе место. В первой десятке экономически развитых стран окажутся всего два европейских государства –

---

[602] Holmes D. Asia's Worst Nightmare: A China-Japan War // The National Interest. 2014. URL: http://nationalinterest.org/commentary/asias-ultimate-nightmare-china-japan-war-9662 (дата обращения: 26.07.2015).

[603] См., напр.: Tiezzi S. Is China Ready to Repair Ties With Japan? // The diplomat. 2014. URL: http://thediplomat.com/2014/04/is-china-ready-to-repair-ties-with-japan/ (дата обращения: 26.07.2015).

Великобритания и Германия[604]. Из этого исследователь делает смелый и часто повторяющийся в публицистике вывод о закате западного мира. Если Дж. Найм-младший протестует против аналогий с Британской империей, то М. Жак не стесняется их применять.

Специфика XXI века будет заключаться в том, что появится так называемая «оспариваемая современность», и одним из основных её видов является Китай, несмотря на подъём других развивающихся стран[605]. Иными словами, мы видим не какой-то один западоцентристский сценарий, когда будет доминировать одна цивилизация, а поливариантность путей развития.

М. Жак, как и другие авторы, указывает на размах влияния Китая, констатируя, что в сфере внимания и воздействия пекинской дипломатии находятся Восточная, Центральная и Южная Азия, Латинская Америка, Африка. Китай существенно отличается от предыдущих азиатских «тигров», таких как Южная Корея и Тайвань, поскольку никогда не являлся вассалом США. Кроме того, один из главных ресурсов КНР – огромное население. Китай делает поразительные экономические успехи, хотя трансформация его ещё далека от завершения.

Ошибочным автор считает тезис, согласно которому Китай в итоге превратится в страну западного типа. Этим и объяснялась готовность Вашингтона к сотрудничеству с Пекином, открытию своих рынков для китайского экспорта, согласие США на вступление КНР во Всемирную торговую организацию.

Также неверен тезис, по мнению исследователя, о том, что мир сравнительно мало изменится в результате подъёма Китая. Запад неадекватно воспринимает окружающий мир и не способен понять, что Китай несёт иной тип культуры.

М. Жак полемизирует со скептиками, считающими, что достижения Китая временные. Миграция в города будет продолжаться, а это означает новые рабочие места. Основой глобальной конкурентоспособности китайской экономики

---

[604] Jacques M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. London, 2009. P. 3.
[605] Jacques M. Ibid. P. 11.

является экспортная политика, сделавшая страну привлекательным местом для иностранных инвестиций. Такая политика будет сохраняться ещё долго[606].

Безусловно, Китай сталкивается с различными сложностями; в том числе с глобальным кризисом и зависимостью от остального мира. Вместе с тем КНР технологически неуклонно совершенствуется: Пекин обладает большим количеством высокообразованных профессионалов, а также сильным образовательным этосом[607].

Несмотря на сложности, Китай выходит из затруднений. Успех страны предполагает, что китайская модель государственного регулирования экономикой способна осуществлять мощное глобальное влияние, особенно в развивающихся странах. Распад англо-американской модели в результате кредитного кризиса сделает китайский сценарий ещё более желаемым во многих странах[608]. В какой-то мере здесь выводы М. Жака перекликаются с идеями А. Гата о Китае как альтернативной авторитарной модели западной политической системы.

Говоря о политическом строе, М. Жак отмечает, что Китай не только нация-государство; это также цивилизация и континент[609]. По мнению автора, китайцы рассматривают себя в первую очередь не с точки зрения национального государства (как это делают европейцы), а, скорее, с позиции цивилизации-государства. Оно уподобляется геологическим формированиям, где нация-государство – это не более чем верхний слой почвы.

Несмотря на разного рода катаклизмы, в Китае сохранилась историческая преемственность. Именно чувство принадлежности к прошлому коренится в китайской цивилизации и служит для сцепления огромного населения, различающегося в других случаях по диалектам, обычаям, географии, климату, уровню экономического развития и уровню жизни[610]. Правда, сам термин «цивилизация» автор даёт нечётко и размыто.

---

[606] Jacques M. Ibid. P. 164.
[607] Jacques M. Ibid. P. 178.
[608] Jacques M. Ibid. P. 185.
[609] Jacques M. Ibid. P. 196.
[610] Jacques M. Ibid. P. 201.

Для понимания Китая исследователь также использует категорию «континент», указывающую на практическую значимость, на механизм функционирования Поднебесной. В первую очередь он это связывает с тем, что процессы в разных частях большой страны могут и не влиять друг на друга, как это бывает на континентах.

М. Жак вполне справедливо отмечает, что Китай сложно описать через категорию «нация-государство» – о нём необходимо думать именно как о континентальной системе, содержащей много полуавтономных провинций с характерными политическими, экономическими и социальными системами. Любую провинцию следует рассматривать как родственную нации-государству. Они даже более разнообразны, чем страны Европы[611].

В связи с возвышением Китая М. Жак обозначает ещё одну интересную тенденцию. До середины XX века доминировали нации-государства в привычном смысле этого слова: территориальные образования средних и малых размеров. Во второй половине XX века начинают преобладать США и СССР, а это уже нечто большее, чем европейские государства. Отчасти в результате этого процесса западноевропейские нации-государства и создали ЕС. Это образование, как и АСЕАН, и МЕРКОСУР является шагом вперёд в развитии наций-государств. Поднимающиеся сейчас Китай и Индия формально являются нациями-государствами, однако, по существу, наряду с США их можно охарактеризовать как мегагосударства. Альтернативой таким мегагосударствам и станут союзы наций-государств[612].

Притом Китай и Индия уже не будут колониальными державами в том смысле, в каком ими были страны Запада, поскольку сами были в своё время колонизированы (Индия полностью, Китай – отчасти). По этой причине и возвышение двух указанных гигантов – это совершенно иной стиль в мировой политике. Пример – помощь Китая странам Африки[613].

---

[611] Jacques M. Ibid. P. 206.
[612] Jacques M. Ibid. P. 226.
[613] Jacques M. Ibid. P. 232.

Мощность каждого нового гегемона – нации или континента – неизменно выражается в новых направлениях. Для Европы классическими формами были морское расширение и колониальные империи, для Соединенных Штатов – господство в воздухе и глобальная экономическая гегемония. Китайская власть также начнёт применять новые формы. Экспансия КНР не будет похожа на европейскую, а более всего мотивы китайской гегемонии проявятся в области культуры и расы.

Китайское чувство культурного превосходства основывается на его долгой и богатой истории как цивилизации-государства и совершенно отличается от американского. США не имеют такого наследия, чтобы привлекать к себе, и даже с Европой заметен их контраст в культурном плане. В результате рост Китая как мировой сверхдержавы, скорее всего, приведёт в течение длительного периода времени к глубокому культурно-расовому изменению мирового порядка в китайском понимании.

Формирует Китай и свою сферу влияния в Восточной Азии, задавая здесь повестку дня. М. Жак приводит мнение одного из исследователей, характеризующего китайский миропорядок как «одну цивилизацию, множество систем». Можно выделить в данной характеристике два уровня, отталкиваясь от теории двух кругов геостратегии Поднебесной:

1) Китай и его соседи;

2) Китай и те отдалённые страны, которые также начинают попадать в сферу влияния КНР.

Сам автор больше останавливается на первом круге, однако если исходить из его логики, то и во втором круге начнут происходить подобные процессы.

Пока путь Китая к региональному лидерству является сложным, но автор не сомневается в его успехе, констатируя, подобно другим исследователям, укрепление влияния Китая в соседних государствах, более интенсивное взаимодействие со странами АСЕАН, чего не было ранее. Росту доминирования Китая в регионе, помимо экономики, содействует и культура, на которой автор делает особый акцент: она выступает в роли особого строительного блока

для нового здания или, мы можем дополнить М. Жака, возрождения старого. Не только китайская культура по-прежнему пользуется большим авторитетом во всей Восточной Азии, но и её влияние переживает новый подъём.

Проводя параллели между подданнической системой, присущей Восточной Азии и Вестфальской системы, автор отмечает, что обе имеют в числе составляющих культурное влияние. Идея гегемонии или мягкой силы присутствует в обеих системах[614], однако существуют и принципиальные различия. Исторически сложилось так, что подданническая система была спутником международной идентичности и существования Китая как цивилизации-государства.

Китайский подход к концепции суверенитета и межгосударственных отношений по-прежнему следует из традиций подданнической дипломатии. Иными словами, цивилизация-государство как система, следствием которой является подданичество, основывается на принципе «одна цивилизация, несколько систем». В отличие от западного понимания – «одна нация-государство, одна система» – и Вестфальской системы с её принципом «одна система для многих национальных государств».

Рассуждая о перспективах китайского могущества, автор соглашается: попытки заглянуть в будущее отчасти спекулятивны; но тем не менее стремится набросать контуры грядущего. По его мнению, Китай сможет стать в будущем мировым лидером[615].

М. Жак вполне оправданно утверждает, что сложно обозначить формы грядущей китайский гегемонии. Она будет включать, по меньшей мере, четыре фундаментальных геополитических сдвига:

1) появление Пекина в качестве центра глобального капитала;

2) Китай как ведущая мировая держава;

3) Восточная Азия станет наиболее важным регионом мира;

---

[614] Jacques M. Ibid. P. 290–291.
[615] Jacques M. Ibid. P. 363.

4) Азия возьмёт на себя роль наиболее важного континента в мире; данный процесс автор также связывает и с возвышением Индии – эпоха Запада подходит к концу[616].

М. Жак постоянно подчёркивает, что гегемония Китая будет опираться на такие ресурсы, как культура, демография и экономика[617]. При этом сохранятся и иные центры власти. Более того, мир станет многополярным и в нём возникнет конкуренция самых разнообразных политических систем, ценностей. Китай в этом мире постепенно будет занимать доминирующее место.

Концепция М. Жака интересна, отчасти выглядит провокационно, стимулируя к дальнейшим размышлениям. Примерно так она и была воспринята, судя по всему, рецензентами[618]. Можно согласиться с автором в том, что не всегда представления Запада о Китае адекватны. Убедительно выглядят аргументы М. Жака по поводу экономического развития Китая, верно показаны и основные ресурсы могущества КНР. Работа изобилует большим фактологическим материалом, в том числе и статданными, подтверждающими аргументы автора.

Однако повторимся, Китаю всё-таки не хватает идеологии, с помощью которой он может стать гегемоном: конфуцианство и китайская культура в целом не имеют такого потенциала. Китай может благодаря диаспоре создать глобальное экономическое пространство, своеобразный Большой Китай, но здесь речь будет идти только об экономических сетях, не более. Перспективнее всё-таки вариант закрепления Китая в определённом регионе. Кроме того, неясно, скольких ресурсов хватит Китаю для усиления своих позиций в Африке и Латинской Америке: в обоих регионах он может столкнуться с противодействием других акторов. Одной экономики здесь мало.

---

[616] Jacques M. Ibid.P. 373.
[617] J acquesM. Ibid. P. 384.
[618] См., напр.: Michaels A. China Ruling: review // The Telegraph. 2009. URL: http://www.telegraph.co.uk/culture/books/bookreviews/5788080/When-China-Rules-the-World-by-Martin-Jacques-review.html (дата обращения: 10.08.2015); Ting X. Book Review: When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order by Martin Jacques. URL: http://blogs.lse.ac.uk/lsereviewofbooks/2012/06/16/when-china-rules-the-world-martin-jacques/ (дата обращения: 10.08.2015); Anderson P. Sinomania // London Review of books. 2010. Vol. 32, No. 2. URL: http://www.lrb.co.uk/v32/n02/perry-anderson/sinomania (дата обращения: 10.08.2015).

Нельзя игнорировать ещё один момент. История Китая, как правило, развивается циклически. Периоды подъёма, развития чередуются с временами кризиса, хаоса в стране или застоя. Так было на протяжении всей многотысячелетней истории Китая. Если М. Жак заглядывает так далеко – в середину XXI века, – то не исключено, что за это время возможен определённый сбой в развитии КНР (пусть и небольшой), чем не преминут воспользоваться конкуренты. Данный фактор всё-таки нельзя оставлять без внимания.

Из отечетсвенных авторов возможность цивилизационного доминирования Китая в будущем высказал доктор политических наук А.В. Виноградов. По его мнению, возможно «возвращение» КНР к мировому цивилизационному лидерству. Однако это для КНР, скорее всего, не цель, а некий идеал, не требующий временных сроков.

Он достижим, если исходить из логики автора, но при условии уклонения от таких негативных сценариев: как экологические проблемы, старение населения и т. п. Необходимо сохранение устойчивого комплексного экологического и социального баланса как внутри страны, так и за её пределами. Его нарушение может привести к катастрофе. Например, к возникновению цепочки «локальное экологическое бедствие – социальный взрыв – ошибочные шаги китайского руководства – сбой в социально-политической системе». Однако А.В. Виноградов полагает, что руководство КНР будет предпринимать все возможные усилия для предотвращения бедствий[619].

Теперь обратимся к китайским авторам. Следует оговориться, что трактовка цивилизации в китайской культуре отличается от западной. В западной традиции цивилизация так или иначе связана с движением, уходом от варварства, олицетворением прогресса (если брать линейные трактовки цивилизации). В представлении китайцев цивилизация не «удаляется» от варварства, а противостоит ему. Цивилизация есть данность, наличествование[620]. Культура

---

[619] Виноградов А.В., Головачёв В.Ц., Кобзев А.И., Ломанов А.В., Чудодеев Ю.В. Сценарии развития Китая до 2050 года // Восточная аналитика. 2014. № 4. С. 13.

[620] Мигунов Н.И., Мигунова О.В. Трансформация и стабильность в контексте китайского цивилизационного дискурса // Геополитика и безопасность. 2012. № 3. С. 38.

может меняться, иметь многообразие форм, а цивилизация есть «монолитная субстанция, мыслимая в категориях метаисторического циклизма. Цивилизация «живёт» в большом циклическом времени, а потому и воспринимается недвижимой в соотнесении с масштабом человеческой жизни»[621]. Другими словами, цивилизация – это незыблемый принцип организации (упорядочения) жизни.

Оригинальной является трактовка цивилизации политолога Чжао Хунвэя (по всей видимости, живущего и работающего в Японии). Учёный характеризует цивилизацию как «комплекс закономерностей, определяющих духовную и материальную деятельность человека, сформировавшегося в рамках пространственно-временной сферы замкнутого взаимодействия причинно-следственных связей». Соответственно, политическая цивилизация – комплекс закономерностей в политической сфере[622]. Из данного определения исследователь выводит следующие характерные черты политической цивилизации:

– цивилизация имеет международно-региональную природу, а также появляется и воспроизводится в конкретном регионе;

– преемственность цивилизаций вне рамок определённой эпохи; цивилизация, в которой причинно-следственные связи носят замкнутый характер, существует в интервале, превосходящем эпоху; ценности, институты социальная структура передаются через эпохи и в ходе этого процесса самостоятельно эволюционируют;

– относительная природа цивилизаций: не существует противопоставления единственной цивилизации «варварским» народам», имеют место многообразие цивилизаций и многоукладность мира;

– взаимодействие цивилизаций: все цивилизации вступают в сложные взаимоотношения друг с другом, и именно в таком процессе проявляется их сила и слабость[623].

---

[621] Мигунов Н.И., МигуноваО.В. Указ. Соч. С. 39.
[622] Чжао Х. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии // Аналитические записки. 2007. Вып. 1 (21). С. 8.
[623] Чжао Х. Указ. соч. С. 8.

Применение цивилизационного подхода к Китаю, по мнению учёного, показывает наличие преемственности в политике древнего и современного Китая. Возникнув в глубокой древности, китайская цивилизация передавалась из поколения в поколение и смогла дойти до наших дней, не прекратив своего существования. В этом заключается коренное отличие истории и цивилизации Китая от других стран. Китайская цивилизация – непрерывный звуковой фон из глубины исторического сознания.

Хотя на дипломатию КНР оказывали влияние капитализм и социалистическая революция, её основы формируются при воспроизведении китайской политической цивилизации, и такая дипломатия является традиционной в своей основе. Таким образом, в современной китайской дипломатии проявляются отголоски «даннической дипломатии» прошлого и дипломатии «баланса сил»[624].

Чжао Хунвэй приводит мнение проректора Пекинского университета Хэ Фанчуаня, давшего описание даннической дипломатии: такая система поддержания мира предполагала положение Китая как центра всех взаимодействий. В отношении других народов действовали институт дани и «строгий этикет». Основными принципами системы являлись единоначалие и мир. Китай был единственным главой, а мир обеспечивался тремя условиями:

1) невмешательством Китая во внутренние дела соседних народов;

2) «щедрой поддержкой, но малой помощью», которые получали соседние народы у Китая;

3) поддержанием мира в регионе усилиями Китая.

Данный порядок, соединившись с принципом «дипломатии баланса сил», продолжает проявляться в деятельности КНР как в регионе, так и во взаимоотношениях с другими державами. Что касается политики «баланса сил» в её западной интерпретации, то, по мнению политолога, она заключается в технике разделения влияния и ответственности между крупнейшими державами.

---

[624] Чжао Х. Указ. соч. С. 9.

Китайский политолог обращается и к термину «империя». КНР не является империей – Поднебесной больше подходит категория «держава». Хотя державная и имперская дипломатии сходны, у них есть и различия: империя стремится к вмешательству в дела соседей и может применять силу, а державе это не свойственно.

Таким образом, Китай на данном этапе, по мнению мыслителя, в своей политике использует все элементы: политику «державности», «данничества» и «баланса сил». Как великая держава Китай добивается признания его центрального положения в регионе другими великими державами. Однако вместе с тем он старается не вмешиваться в дела соседей и оказывает им щедрую поддержку[625].

С автором можно согласиться по ряду моментов. Во-первых, Китай действительно стремится оказывать содействие своим союзникам, делает всё, чтобы они почувствовали выгоды от взаимоотношений с Пекином. Во-вторых, КНР редко старается вмешиваться в дела соседей. Здесь можно привести события 2010 года: этнические конфликты в Киргизии. Не замечено открытого вмешательства Пекина и в дела КНДР (что, впрочем, не исключает скрытого воздействия). Хотя, разумеется, Китай прибегает к силе, может и вмешаться в дела соседних стран в определённой ситуации, как это было в Мьянме несколько лет назад[626]. Заметно у исследователя противопоставление терминов «держава» и «империя». В этом разделении категорий можно увидеть скрытую критику США и утверждение, что Китай не Америка, он не будет вмешиваться в дела других государств.

Вызывает полемику тезис, согласно которому державы в меньшей степени, нежели империи, вмешивались в дела соседей. У любой страны есть своя сфера влияния, и она готова порой идти на любые средства для её сохранения. Это

---

[625] Чжао Х. Указ. соч. С. 10–11.

[626] См., напр.: Кузнецов А. Индийский океан – новый приз в Большой игре // Информационно-аналитический портал «Геополитика». 2013. URL: http://www.geopolitica.ru/node/2615#.U9s8Jsa0auI (дата обращения: 01.08.2014).

относится как к державам, так и к другим государствам. При этом мы согласимся с тем, что такие понятия, как «империя» и «держава», можно разделить.

Безусловно, цивилизационная тематика в КНР популярна. Так, глава КНР Си Цзиньпин в своих выступлениях постоянно обращается к тематике, связанной с категориями «цивилизация» или «цивилизационная основа государства»[627]. В этом плане можно привести и мнение профессора Китайского Народного Университета Ван Ивэя, полагающего, что социалистический путь с китайской спецификой, с точки зрения внутреннего развития КНР, является возрождением китайской цивилизации[628].

Если брать геополитику, то на данном этапе, по замечанию Н.И. Мигунова, геополитическая проблематика в Китае серьёзно рассматривается «как в прикладном, так и в теоретическом (геоцивилизационном) аспектах»[629]. В китайской мысли известны две парные оппозиции: «центр–периферия» и «цивилизованность–варварство» носят преимущественно геокультурный характер, что предопределило специфику китайского геополитического мышления. Пространственно-географическая локализация государства (Центр) мыслится китайцами как культурно-цивилизационное средоточие мира. Соответственно, в представлении китайцев их страна – это неделимый универсум, «государство-цивилизация».

Поднебесная находится в центре мира, который состоит из двух кругов[630]. Таким образом, для Китая неприемлем порядок, в котором руководили бы одна или несколько богатых стран. В то же время отчасти такие идеи напоминают мысли А.-М. Слотер и других политологов о том, что Америка должна оказаться «в центре паутины» сотканных ею связей. Только здесь вместо Америки

---

[627] Мигунов Н.И., Мигунова О.В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума» // Век глобализации. 2017. № 2. URL: http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek2-2017/33276-o-teoreticheskih-osnovaniyah-kitayskoy-koncepcii-geocivilizacionnogo-kontinuuma.htmlдата обращения: 17.04.2019).

[628] Wang Y. Revival of China’s civilization gives legitimacy to its rise // Global Times. 2013. URL: http://www.globaltimes.cn/content/756033.shtml (дата обращения: 12.08.2015).

[629] Мигунов Н.И. Геостратегия в контексте китайского геокультурного дискурса // Геополитика и безопасность. 2011. № 3. С. 50.

[630] Девятов А., Мартиросян М. Китайский прорыв и уроки для России. М., 2002. С. 41–42.

оказывается Китай.

В связи с термином «геоцивилизация» можно выделить работы Жуан Вэя, речь о котором шла выше[631]. Занимаясь разработкой тематики геоцивилизации, Жуан Вэй выстраивает своеобразный ряд: «китайская цивилизация» – «китайская геоцивилизация» – «глобальная мировая цивилизация». Исследователь считает, что данный ряд наиболее адекватно отражает положение КНР в современном мире. В понимании учёного, геоцивилизация является системой тесных контактов, взаимодействий «близких друг другу культур (по духу), территориально сопредельных в качестве объективной данности»[632].

Другими словами, геоцивилизация есть своеобразное взаимодействие цивилизации с другими культурами. Как пишет Жуан Вэй: «Геоцивилизацию можно рассматривать как геоисторическое сообщество одной географической судьбы и, в общем, с похожей культурно-исторической памятью. Более того, [её можно рассматривать] как сравнительно высокую, экономически и политически целостную геосубстанцию или геоорганизм (единое «тело»)»[633].

Три фактора ведут к превращению цивилизации в геоцивилизацию:

1) регионализация;

2) установление внутри региона тесных взаимодействий;

3) «культурная близость» и схожая историческая судьба.

Примеры надцивилизационного сотрудничества для Жуан Вэя – это ЕС, страны Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Геоцивилизации есть своеобразный этап формирования глобальной цивилизации. В какой-то степени, полагают Н.И. Мигунов и О.В. Мигунова, геоцивилизацию Жуан Вэя можно рассматривать как конфедерацию, но с существенными оговорками. Китай в этом плане как раз стремится стать лидером в Юго-Восточной Азии и реализовать идею «Большой Восточной Азии».

---

[631] Мигунов Н.И., Мигунова О.В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума». Указ. соч.

[632] Мигунов Н.Н., Мигунова О.В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума». Указ. соч.

[633] Цит. по: Мигунов Н.Н., Мигунова О.В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума». Указ. соч.

Важность концепции Жуан Вэя для Китая Н.И. Мигунов и О.В. Мигунова видят в том, «что «конфуцианская цивилизация», традиционно ассоциируемая с Поднебесной, становится благодаря предложенной им идее географической судьбы легитимно транслокальной и трансграничной. Причём легитимность такой трансформации (георасширения) фундируется объективностью логики исторического процесса, а не логикой китайского геоцивилизационного экспансионизма»[634].

Сложно пока в целом судить о концепции Жуан Вэя, границах китайской геоцивилизации. Мы видим здесь идею своеобразной культурной общности, а не тезис о формировании каких-либо надгосударственных институтов.

Воззрения части китайской элиты, согласно которым КНР находится в центре мира, также сказываются и на цивилизационном дискурсе. Неслучайно возникают идеи о глобальном значении китайских ценностей. Например, Ван Ивэй, в одной из своих публикаций, рассуждая о возрождении китайской нации, выделяет перед ней три задачи:

1) сочетая лучшие традиции китайской цивилизации и элементы современной западной культуры, «пойти навстречу всему миру»;

2) вбирая в себя западную культуру и отбрасывая миф об «общечеловеческих ценностях», создать систему настоящих ценностей, близкую всему человечеству;

3) сформировать новую общечеловеческую цивилизацию и, став флагманом новой, постзападной эпохи, «создать предпосылки для вечного развития всего человечества в мире, где Китай будет помощником и наставником каждого»[635].

Ван Ивэй в своих работах проводит мысль о чуждости для КНР западных ценностей[636]. Подобные взгляды отражают определённую тенденцию,

---

[634] Цит. по: Мигунов Н.Н., Мигунова О.В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума». Указ. соч.

[635] Ван Ивэй. Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей» («Жэньминь жибао», Китай). URL: http://www.inosmi.ru/world/20130114/204595110.html#ixzz2OmNVCYVW (дата обращения: 11.07.2014).

[636] Wang Y. Revival of China’s civilization gives legitimacy to its rise // Global Times. 2013. URL: http://www.globaltimes.cn/content/756033.shtml (дата обращения: 12.08.2015).

характерную для Восточной Азии. Уже несколько десятилетий некоторые политологи данного региона начинают абсолютизировать азиатский опыт, что нашло отражение в знаменитой формуле бывшего малазийского премьер-министра Мохамада Махатхира: «Азиатские ценности – это универсальные ценности. Европейские ценности – это европейские ценности»[637].

Отметим, что и руководство КПК занялось активно разработкой государственной стратегии повышения мирового влияния китайской культуры. Более того, китайская культура должна найти пути глобального распространения на фоне доминирования западной цивилизации[638]. Правда, как отмечает автор статьи А.Н. Ломанов, китайская культура выходит вовне не для изменения внешнего мира, а чтобы изменить в лучшую сторону образ Китая в мире. Без интенсивного развития культуры, по мнению китайского руководства, КНР не сможет на равных соперничать с другими странами.

Для этого китайским руководством и ставится задача ознакомления иностранцев с лучшими достижениями китайской культуры, её богатством. Отсюда и разработка стратегии «мягкой силы». Мы уже отмечали выше идею Ван Ивэя о своеобразном симбиозе китайских и западных ценностей. Кроме того, в стратегию «мягкой силы» включается теперь и китайская трактовка таких ценностей Евроатлантики, как демократия, свобода, индивидуализм и т. п.[639]

Одновременно в 2012 году на XVIII съезде КПК был представлен набор «сердцевинных» ценностей, характерных для китайского государства и общества: богатство и сила, цивилизованность, гармония, демократия, свобода, равенство и др. Китайское руководство призвало общество к выработке концепций, которые соединили бы Китай и внешний мир[640] (о чём уже отчасти шла речь выше). Притом отмечалось, что конфуцианская идея о социальной гармонии и даосские представления о единстве человека и мироздания выглядят привлекательно, но им не хватает конкретности. В целом здесь речь идёт всё-таки не о создании

---

[637] Цит. по: Хантингтон С.П. Указ. соч. С. 161–162.
[638] Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференций / Отв. ред. В.Г. Хорос. Т. 1. М., 2014. С. 189.
[639] Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. С. 192.
[640] Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. С. 194.

цивилизационного блока, а о формировании определённого внешнеполитического имиджа, который должен в выгодном свете представлять Китай, в том числе и среди соседей.

Отчасти данные наблюдения совпадают с тезисом белорусского учёного А.М. Байчорова о политике «китаизации». Исследователь указывает на китаизацию как процесс распространения китайской культуры в мире. По мнению автора, данный процесс происходит объективно, т. к. связан с интересом к культуре и истории КНР. Кроме того, указанному процессу способствовали и появляющиеся во многих государствах «чайна-тауны», созданные приезжающими из КНР эмигрантами, и, соответственно, китайская диаспора.

С другой стороны, китаизация носит субъективный характер, являясь сознательной политикой руководства КНР по распространению в мире китайских ценностей и стиля жизни. Однако излишняя агрессивность в проведении китаизации неблагоприятно сказывается на её реализации, вызывая отторжение у тех, на кого она направлена. Помимо политики «мягкой силы», автор называет ещё и такие средства, как деятельность китайских ТНК и банков. Наряду с инвестициями китайский бизнес привносит своё понимание делового поведения, нормы и модели. Вместе с тем он заимствует некоторые элементы западной деловой этики. И третьим аспектом автор считает использование Пекином ООН и других международных организаций[641].

В целом о цивилизационном сценарии можно говорить, но наблюдаются разные его варианты. От регионалистского (например, тот же С.П. Хантингтон писал о нём) до «глобалистского» (М. Жак, Ван Ивэй), в котором Китай выступает как доминирующая в мире цивилизация. Повторимся, западные трактовки цивилизации здесь расходятся с китайскими.

Подводя итоги по главе, сделаем следующие выводы. Если рассмотреть в целом существующие концепции, то, как правило, можно выделить четыре

[641] Байчоров А.М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. М., 2013. С. 180–181.

основных подхода: изоляционистский, имперский, цивилизационный и регионалистский. Изоляционистский, в представлении исследователей, предполагает образ Китая как замкнутой державы, со временем обречённой на распад. КНР не может быть замкнутой державой, отгородившейся от мира, в силу многих обстоятельств. Тем более что и китайское руководство ставит перед страной совершенно иные задачи.

Несмотря на активную деятельность Китая по всему миру (особенно в Африке, Латинской Америке), у имперского варианта пока недостаточно сил и средств (на что указывают многие авторы) и нет чётко разработанной универсальной идеи, способной объединить многие регионы. Разрабатываемое китайскими интеллектуалами новое конфуцианство пока не вписывается в эти рамки. Кроме того, в китайской политической мысли, по имеющимся данным, речь идёт больше не об империи (если данное понятие и применимо к КНР).

На первый взгляд, больше шансов у цивилизационного сценария. Существуют и предпосылки: экономические (взаимодействие Китая, Японии и Южной Кореи), культурные (общие истоки). Цивилизационная парадигма популярна в Китае.

Однако пока слабыми являются политические основы: прохладные отношения между Китаем и Японией, а также Японии с обеими Кореями; сохраняющийся раскол Кореи на две части; нерешённая тайваньская проблема для самого Китая, т. е. цивилизационное ядро пока не собрано. Если брать страны Юго-Восточной Азии, то они разнообразны в цивилизационном отношении: здесь элементы и конфуцианства (Вьетнам, Сингапур), и буддизма (Таиланд), и ислама (Индонезия, Малайзия). Добавим в связи с этим, что и сам Китай уже перешагивает цивилизационные рамки, проникая в Юго-Восточную Азию и в центр континента, который также относится к иному культурному миру.

Китайские авторы, по имеющимся материалам, не ставят вопрос о создании крупного цивилизационного блока. Речь идёт, скорее, о распространении китайских идей по всему миру (о чём и пишет Ван Ивэй). Но какими будут эти идеи? Этот вопрос является дискуссионным. Мы предполагаем, что наиболее

вероятным является «региональный» вариант, поскольку Китай перешагивает цивилизационные рамки: он втягивает в себя страны Юго-Восточной Азии и даже Центральной Азии, формируя большой макрорегион. Мартин Жак пишет о проникновении КНР в Африку и Латинскую Америку. Основной ресурс всего этого – экономика.

Таким образом, на основе экономической деятельности КНР возможно формирование в ближайшем будущем макрорегиона-государства – либо на базе только КНР, либо с включением сюда Центральной Азии, частей Африкии Латинской Америки. Возможны и иные варианты благодаря реализации китайского проекта в Евразии «Один пояс, один путь».

V. РОССИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

5.1. Модели формирования российского государства

Процессы, связанные с частичной трансформацией государственного суверенитета, сказываются и на России. С учётом названных выше моделей эволюции нации-государства можно рассмотреть несколько сценариев, встречающихся в литературе.

Ряд исследователей указывает на то, что во внешней политике России проявляются черты корпорации-государства. Например, А.Н. Окара усматривает их в риторике российского руководства, заявляющего о России как «энергетической сверхдержаве» и «либеральной империи». В системе ценностей российской власти на первое место выходят сугубо утилитарные факторы – цифры вместо смыслов[642]. К подобным выводам приходит и К.В. Маркарян, считающий, что российские политики, «вынося оценки и принимая решения <…> мыслят страну как корпорацию, а мир – как рынок»[643].

Американский учёный П. Ханна полагает, что российская дипломатия подчинена «Газпрому». По мнению политолога, яркий пример этому – ситуация с Белоруссией. Преследуя свои узкокорпоративные интересы, «Газпром» отталкивает от России своего стратегического союзника. Точно так же и внутри страны «Газпром» превратился в самостоятельное государство и крупного собственника, влияющего на политический курс. Экономика «Газпрома» составляет треть экономики России[644]. Подобные выводы делает и Б. Кагарлицкий: «Отношения России с Украиной и Белоруссией легче всего понять исходя из стратегических задач «Газпрома» и проблем, с которыми корпорация сталкивается на рынках…»[645].

---

[642] См., напр.: Окара А.Н. Украинские дискурсы и российская парадигма. С. 85.
[643] Маркарян К.В. Указ. соч. С. 20.
[644] См. Ханна П. Второй мир. С. 39–40.
[645] Кагарлицкий Б.Ю. До основания а затем? Способна ли Россия предложить новую внешнеполитическую стратегию? // Россия в глобальной политике. 2012. № 3. С. 80.

А.И. Фурсов констатирует, что в 1990-е годы в России возникли черты такого государства. По его мнению, когда на высшем уровне подчёркивается, что для государства главное быть экономически конкурентоспособным, – это уже признак корпорации-государства. Именно фирма или государство, превращающееся в фирму, по словам автора, может ставить задачу быть конкурентоспособным[646].

Говоря об усилении роли «Газпрома» в жизни общества[647], можно отчасти согласиться с тезисом о наличии подобной тенденции в России. Помимо этого, в научной литературе и публицистике неоднократно звучали суждения о свёртывании демократии в России (этот вопрос выходит за рамки данного исследования). Сохраняются проблемы в социальной сфере и культуре. Рост аполитичности масс может привести к усилению авторитарных тенденций. С.П. Перегудов, анализируя ситуацию в современной политической системе России, отмечает, что становится всё заметнее автономизация госсектора экономики. Учёный считает, что термин «параллельное государство» – преувеличение, но соглашается, что влияние госкорпораций растёт[648].

В данной ситуации большую роль играет соотношение сил в треугольнике: Власть – Бизнес – Общество. В случае перекоса в сторону одного из властных элементов возможно корпоративное государство. Но если будет наблюдаться усиление группы собственников, подчинение ими властных органов, то может возникнуть корпорация-государство. Пока же в целом данный сценарий слабо просматривается в России. Тем более что, повторимся, и в научной литературе он слабо проработан. На наш взгляд, более актуальными являются другие тенденции.

В последнее время обозначается ещё один сценарий, близкий к «корпорации-государству». Речь идёт о становлении в России цифрового государства. В статьях отдельных экспертов встречаются опасения, что Россия может утратить суверенитет в цифровом мире, т. е. появятся наднациональные

---

[646] Фурсов А.И. Корпорация-государство. Доклад.

[647] См., напр.: Бляхер Л.Е. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // Полития. 2008. № 1. С. 6.

[648] См., напр.: Перегудов С.П. Политическая система России после выборов 2007–2008 годов: факторы стабилизации и дестабилизации. Ч. II // Полис. 2009. № 3. С. 152.

структуры[649]. Например, О.В. Климашевская с опаской констатирует, что в цифровом обществе усиливается натиск не только на права и свободы личности, но и на суверенитет государства, т. к. последнее должно уступать свои позиции новому классу операторов-специалистов[650]. Однако развитие ситуации пока не позволяет сделать какие-то более определённые выводы.

Если проблема формирования регионов-государств в современном мире начинает постепенно освещаться в научной литературе, то почти нет работ, посвящённых возможной эволюции России в регион-государство. В то же время есть исследования, в которых уделяется внимание другим сценариям (цивилизационному, имперскому и даже, о чём шла речь выше, сценарию «корпорация-государство») применительно к России. На наш, взгляд подобный вариант возможен. Во-первых, Россия участвует в таких международных объединениях, как ШОС и БРИКС, в случае их эволюции в сторону регион-государства. Во-вторых, регион-государство могло бы появиться на базе Содружества Независимых Государств. Несмотря на проблемы во взаимоотношениях, сохраняется возможность российско-белорусской интеграции. Перспективы появляются в связи с созданием Белоруссией, Казахстаном и Россией Таможенного союза.

В-третьих, в России существует восемь федеральных округов, выступающих также экономическими макрорегионами. В случае неумелой политики правительства некоторые из них могут вовлекаться в другие экономические объединения либо выступать в качестве самостоятельных регионов-экономик. Например, Дальневосточный федеральный округ может постепенно втягиваться в созданную на севере Китая свободную экономическую зону. Северо-Запад России – во взаимодействие с ЕС, тем более что отдельные районы Финляндии и Карелии близки к созданию местной регион-экономики по типу существующей в Эльзасе и Лотарингии. Повторимся, такая опасность

[649] См., напр.: Агеев А., Аверьянов М. Указ. соч. С. 120.
[650] Климашевская О.В. Цифровая модернизация российского государства и общества: плюсы, вызовы и риски // Власть. 2020. № 1. С. 96.

может возникнуть при определённом стечении обстоятельств, однако это не значит, что она реальна на данном этапе.

Напомним, что в 1990-х годах З. Бжезинский полагал одним из наиболее вероятных сценариев для России именно разделение её на три крупных региона: европейская часть, Сибирская и Дальневосточная республики. По мнению исследователя, это необходимо, учитывая огромный размер и разнообразие страны, а также децентрализованную политическую систему, основанную на свободном рынке. Такое разделение, считал политолог, поможет развязать творческий потенциал русского народа и лучше освоить обширные природные ресурсы страны. Более того, децентрализованная Россия, по его мнению, будет менее чувствительна к имперским амбициям, а также лучше наладит отношения с Европой, новыми государствами Центральной Азии и Востока[651].

Однако в недавно изданной своей книге З. Бжезинский уже не пишет о дезинтеграции России как оптимальном сценарии для неё. Наиболее желательным вариантом развития России, по мнению политолога, является постепенная интеграция нашей страны в состав Европы. Результатом должно стать возникновение крупного макрорегионального блока, включающего в себя Европу, Российскую Федерацию и Турцию[652].

Из отечественных авторов можно привести мнение И.Ф. Кефели, выделяющего два возможных сценария экономического развития России:

1) втягивание западной и восточной России в орбиты влияния двух соперничающих мировых группировок и превращение центра страны в глобальную экономическую периферию либо зону борьбы за экономический передел мира;

2) объединение Россией АТР и Евроатлантики на своей территории.

Второй сценарий, полагает И.Ф. Кефели, наиболее приемлем для России. Но что требуется от руководства страны в экономическом плане

[651] Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard. P. 201.
[652] Brzezinski Z.K. Strategic vision. P. 272–274.

для предотвращения расползания России на ряд регионов-государств? По мнению исследователя, необходимы следующие шаги:

– модернизация Транссиба и завершение автомагистрали Дальний Восток – Западная Европа;

– сооружение второго транспортного железнодорожного хода – Северо-Сибирской магистрали от БАМа;

– возрождение Северного морского пути как наиболее короткого маршрута между северными акваториями Атлантического и Тихого океанов, соединяющими Европу, Восточную Азию и Северную Америку;

– проведение тоннеля через Берингов пролив для формирования полимагистрали Северная Америка – Азия;

– организация трансконтинентального воздушного моста между Азией и Северной Америкой через Северный полюс;

– создание трансконтинентальных коммуникационных систем[653].

Разумеется, здесь возникает проблема развития отдельных регионов страны. В связи с этим В.Л. Иноземцев предлагает несколько сценариев развития Сибири для превращения её в более активную часть России в экономическом плане. Во-первых, открытие новых месторождений, с последующей консервацией для будущих поколений. Во-вторых, привлечение новых инвестиций, в т. ч. из-за рубежа, при сохранении контроля над ресурсами. Это могло бы постепенно привести к превращению Сибири в центр высокотехнологичной промышленности и инноваций[654].

Также возможно проведение грамотной политики и по отношению к другим регионам России, что позволило бы сохранить её единство, экономическую целостность и предотвратить диспропорции в социально-экономическом развитии. Вместе с тем указанные восемь федеральных округов вполне могут сыграть роль в формировании вокруг России крупного макрорегиона.

---

[653] Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. С. 66–67.

[654] Иноземцев В.Л. Поруганная часть России. Сибири нужна не госкорпорация, а деколонизация. URL: http://www.mk.ru/politics/article/2012/05/01/699081-porugannaya-chast-rossii.html (дата обращения: 20.04.2013).

Некоторые общественные и политические деятели, а также учёные, предлагали перенести столицу за Урал, что, по их мнению, дало бы толчок развитию Сибири[655]. На данном этапе эта полемика стихла. Мы на ней не останавливаемся подробно, поскольку она выходит за рамки нашего исследования.

Теперь обратимся к имперской модели для России. Термин «империя» чрезвычайно популярен в политологическом дискурсе как России, так и за рубежом. Профессор Лондонской школы экономики Д. Ливен рассматривает Россию как империю и периферию одновременно. Империей Россию можно было называть вследствие огромной мощи и контроля над обширной территорией. Периферийные моменты проявлялись в связи с тем, что Россия располагалась на окраине Запада (автор здесь имеет ввиду только мощь и ценности). Также российская элита не могла решить, чем является страна по отношению к Евроатлантике – самобытной цивилизацией или составной частью Запада. Однако потрясения в XX века и крах СССР привели к ослаблению имперского статуса. На данном этапе, считает Д. Ливен, Россия уже слаба и не может возродиться как империя[656]. Американский политолог П. Ханна также не относит Россию к империям. Напомним, что он выделяет только три империи.

---

[655] См., напр.: Межуев Б.В. Уход на Восток, или движение по кругу. URL: http://www.izvestia.ru/news/521270 (дата обращения: 13.01.2014); Мэр Владивостока предложил перенести столицу России на восток. URL: http://lenta.ru/news/2013/08/28/pushkarev/ (дата обращения: 13.01.2014); Дианов М. Два президента, две столицы, по два губернатора. Федерация через 45 лет // Политический класс. 2005. № 6. С. 49–52; Караганов С.А. России нужна ещё одна столица – сибирская. URL: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-nuzhna-esche-odna-stolitca---sibirskaya-15553 (дата обращения: 13.01.2014); Шойгу предложил перенести столицу в Сибирь. URL: http://lenta.ru/news/2012/04/06/shojgu/ (дата обращения: 13.01.2014); Розов Н. Большой Восточный проект. Сибирь как плацдарм российско-европейской цивилизаторской миссии. URL: http://globalsib.ru/node/99 (дата обращения: 25.12.2013); Сибирский региональный форум. URL: http://siberiaregion.ru/index.php?fid=9&id=1252030265 (дата обращения: 25.12.2013); Вольский С.О Необходимости переноса столицы России в Сибирь. URL: http://badnews.org.ru/news/o_neobkhodimosti_perenosa_stolicy_rossii_v_sibir/2010-12-28-5723 (дата обращения: 25.12.2013); Хатунцев С.В. Идите все, идите… на Урал // Политический класс. 2007. № 12; Лунёв С. Чего стоит Сибирь // Международные процессы. 2004. № 1. URL:http://www.intertrends.ru/four/013.htm (дата обращения: 20.12.2013).

[656] Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 36–37, 46.

В свою очередь Д. Коломер всё-таки рассматривает Россию как империю[657], хотя к его концепции существуют вопросы. Таким образом, оценки у западных политологов относительно имперского сценария России противоположные.

Другой западный исследователь Дж. Хоскинг, усматривает два сценария развития России: русское национальное государство и империя. Первый вариант предполагает, что Россия примет статус одного из большого количества наций-государств в современном мире с особой миссией – говорить от лица русских, где бы они ни были. Второй вариант предполагает сохранение роли великой державы с приоритетными интересами на постсоветском пространстве, а также наличие мессианских идей для всего мира[658]. Наиболее реальным, по мнению Дж. Хоскинга, является имперский вариант, хотя и в видоизменённой форме. К этому Россию побуждают угроза международного терроризма и её очередное соревнование с США.

Кроме того, по мысли Дж. Хоскинга, русские продолжают верить в особую, наднациональную роль России на постсоветском пространстве. Тем более для т. н. «постимперской державы» характерно стремление сохранять контакты со своими бывшими колониями. Исходя из этого Дж. Хоскинг признаёт закономерность интереса России к территории бывшего СССР и полагает, что наша страна на какой-то срок сохранится «остаточной империей», а не национальным государством. Однако почему в России возобладает на определённый срок сценарий «остаточная империя», Дж. Хоскинг не поясняет.

Среди отечественных авторов одним из первых имперский сценарий начал разрабатывать А.Г. Дугин ещё в 1990-е годы. В одной из своих последних работ он вновь акцентировал внимание на необходимости воссоздания единого стратегического пространства в рамках бывшего СССР с добавлением Монголии и исключая Прибалтику. Разумеется, идеология данного образования должна быть совершенно иной, нежели почти 30 с лишним лет назад. Воссоздав распавшееся государство, Россия вновь станет империей.

---

[657] Colomer J.M. Bringing the Empire Backin.

[658] Хоскинг Д. Рождение национального государства? URL: http://postnauka.ru/longreads/11258 (дата обращения: 08.09.2015).

Евразийский союз должен, по мысли автора, возникнуть добровольным путём, с уважением автономии входящих в него политий. Наиболее оптимальной формой для такого образования могла бы стать конфедерация. В целом основными условиями формирования нового большого пространства будут служить наличие демократической империи, строго соблюдающей принципы свободы и независимости входящих в её состав народов и культур[659]. Однако предлагаемая А.Г. Дугиным идеология евразийства, как нам представляется, пока выглядит весьма аморфной, и не совсем ясно, какие стороны «евразийского проекта» смогут побудить представителей других народов войти в состав империи.

Применительно к России также можно взять концепцию «Космополитической империи» В.С. Мартьянова. По мнению учёного, это транснациональный способ координации властно-политического, экономического и культурного мирового пространства, «не связанный с сакрализацией части земной поверхности и её человеческой истории, но предлагающий взамен более универсальную миссию или идею, претендующую на глобальность»[660].

С одной стороны, данный вариант вполне подходит для всего мира, а с другой – он является наиболее приемлемым для интеграции постсоветского пространства. В данном объединении учёный видит задачу России. Во главу угла ставится не разъединяющая логика интересов национальных элит, а нечто большее – политическая этика, основанная на авансах и аксиомах доверия, на разделяемых всеми нормах. Власть на территории бывшего СНГ передаётся неким космополитическим структурам. Для того чтобы быть жизнеспособной, империи нужно переиграть нации-государства, предложив более универсальные и прозрачные культурные, этические и экономические правила игры[661]. Развивая логику автора, можно предположить, что мир превращается в сложную иерархическую структуру, возможно, из нескольких империй. Россия может

---

[659] Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. С. 171.
[660] Мартьянов В.С. Космополитическая империя // Свободная мысль. 2009. № 7. С. 51.
[661] См., напр.: Мартьянов В.С. Указ. соч. С. 65.

сформировать свою имперскую структуру, одновременно входя в новую, более сложную организацию.

Вместе с тем при конструировании новой империи возникает ряд вопросов. Во-первых, какие ценности должны стать универсальными, объединяющими все страны в космополитическую империю и в империи второго уровня? Во-вторых, важным является вопрос о формировании наднациональных политических структур. Или одна из стран, как это было ранее, по существу станет руководящим центром, или данные структуры будут созданы на каких-либо иных основаниях? В-третьих, не может ли империя совпадать с цивилизацией вновь?

В конце 2016 года Совет по внешней и оборонной политике, редакция журнала «Россия в глобальной политике» и факультет мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики провели опрос среди экспертов, посвящённый тематике «Империя в эпоху «после империй» и нация в постнациональном мире». Перед экспертами был поставлен ряд интересных и актуальных вопросов:

1. Может ли Россия стать «нацией-государством» (nation-state) в классическом понимании? И насколько оправданно стремление «узаконить» российскую нацию?

2. Возможна ли современная версия «имперской» политики?

3. Способна ли Россия на «умный» империализм? Нужен ли он?

4. Что требуется для того, чтобы стать «интегратором» в XXI веке?

Опрошенные эксперты указали на такие аспекты, как отсутствие профессионального и общественного консенсуса по вопросу о статусе, целях и роли России в мире, её границах: от идеи расширения границ страны до обратной позиции о сужении территории.

Было указано экспертами и на противопоставление «империя-нация» как оппозиции «плохое–хорошее». Некоторые из экспертов указали на то, что на самом деле противопоставление империй нациям- государствам ложное.

В этом плане эксперты указали на XVIII – первую половину XX веков, когда империи приспосабливались к национализму.

Современная Россия находится на развалинах двух империй, в том числе советской. Наследием последней является институционализация и территориализация этничности – сейчас в составе Российской Федерации представлена 21 автономная республика, организованная по этническому принципу. В каждой из республик есть титульные группы, считающие себя нациями и владельцами этой территории.

В таких условиях, полагают эксперты, построение классического национального государства невозможно, поскольку указанные республики отменить нельзя, а принцип nation-state предполагает, что существуют только одна нация, являющаяся хозяином государства, и меньшинства, признающие себя таковыми. Не проходит и идея о «российской нации». Её не приемлют в том числе и русские националисты, считающие что «россиянство», «российскость» – своеобразное второе издание «советскости».

Правда, единства среди экспертов по поводу невозможности построения «нации-государства» в России не было. В качестве примера опрошенные приводили Канаду, Швейцарию, Бельгию и т. п.

Однако в целом возникает потребность в создании новой системы. Но какой? Эксперты полагают, что империей Россия не является, поскольку это пройденный этап. Отдельными аналитиками было высказано мнение, что российским политикам необходимо думать в национальных, а не в имперских терминах.

Среди обсуждаемых вопросов была и проблема положения России в мире. Чем стране заниматься в текущих условиях? Противостоять чужим влияниям по периметру границы? Создавать какой-то свой проект (о чём сейчас и пишут представители имперской и цивилизационной парадигм)? Если последнее, особенно связанное с проецированием безопасности, стабильности на прилегающих территориях, то это уже функции империи

Как уже отмечалось выше, участники опроса указали и на недоосмысленность, недоусвоенность некоторых базовых концептуальных аспектов обсуждаемых проблем. Об этом свидетельствует и противопоставление нации и империи.

Но всё-таки часть экспертов, судя по материалам опроса, отметила, что сама Россия на данном этапе является империей без чётких границ. И если обеспечить консолидацию государства, то удастся восстановить и экономику. Говоря о Кавказе, эксперты отметили, что Россия здесь выступает в качестве империи.

Также было отмечено, что острой является проблема разделённой русской нации, на чём пытаются сыграть некоторые силы. Но как необходимо её собирать, не дестабилизируя ситуацию в Евразии, не подогревая националистические течения? Сам по себе ирредентизм, по мнению экспертов, не опасен, при некоторых условиях. Например, если речь идёт о добровольном демократическом объединении двух стран (например, России и Белоруссии). Но в других случаях (как, например, с ситуацией на востоке Украины или севере Казахстана) ирредентизм может привести к войне.

В связи с этим эксперты предлагают создать программы, позволяющие переселяться, интегрироваться, получать поддержку соотечественникам за рубежом. Необходимо и предоставление гражданства как русским, находящимся за рубежом, так и тем группам, которые считают Россию родиной[662].

Фактически из материала обсуждения вытекает отчасти неприемлемость для России формирования имперского блока. Вместе с тем проблематичной является и задача построения нации-государства в самой России. Но если не нация-государство, то тогда что? В этом же обсуждении мелькнула идея о «стране-цивилизации». Правда, не указано, кто из экспертов сказал об этом, и особо подробно данный вариант экспертами не разбирался.

---

[662] Между империей и нацией. Материалы экспертных заседаний. Россия в глобальной политике. 2017. № 1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdu-imperiei-i-natciei-18570 (дата обращения: 11.08. 2018).

Таким образом, мы рассмотрели несколько сценариев дальнейшего развития российского государства в постсовременном мире. Модель «корпорация-государство» преимущественно к России пока почти не разработана. Также абстрактной и почти не проработанной выглядит модель «регион-государство». Более популярен имперский сценарий. Однако в большей степени в России распространён цивилизационный сценарий, к которому сейчас и обратимся.

5.2. Цивилизационные сценарии развития России

Как уже отмечалось выше, в России сейчас более популярны цивилизационные концепции. И это неслучайно. Во-первых, в России существует давняя традиция конструирования больших пространств, цивилизаций. Можно вспомнить идеи таких мыслителей XIX века, как Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, стоявших у истоков цивилизационного подхода[663]. В первой половине XX века данную традицию продолжили евразийцы: П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и другие, – выступившие с идеей Евразии как особого культурно-исторического мира[664]. Менее известен в наше время их современник, философ-евразиец К.А. Чхеидзе, разрабатывавший идеею «государств-материков» (фактически тех же крупных цивилизационных образований)[665]. Нельзя не назвать и Л.Н. Гумилёва с его этнологическим подходом[666]. От идей последнего также отталкиваются неоевразийцы.

Во-вторых, в позднесоветское, особенно в постсоветское время усилился интерес к цивилизационным концепциям в целом как альтернативе доминировавшего перед этим марксизма. В-третьих, сложности, связанные с проведением либеральных реформ 1990-х годов, вызвали всплеск интереса к тематике цивилизационной самобытности, специфике России.

В связи с этим и рядом других факторов актуальными стали идеи Н.Я. Данилевского, П.Н. Савицого и других. Поиск цивилизационной идентичности для России не является чем-то праздным, сейчас стоит выбор: либо отстоять себя не только как хозяйственно-экономическое целое,

---

[663] См., напр.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 2003; Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Записки отшельника / Леонтьев К.Н. М., 1992.

[664] См., напр.: Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.

[665] Чхеидзе К.А. Лига Наций и государства-материки URL: http://www.politnauka.org/library/mpimo/chh.php (дата обращения: 28.08.2018).

[666] См., напр.: Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993. URL: http://gumilevica.kulichki.net/MVA/mva09.htm (дата обращения: 28.05.2015).

но и социокультурное, «либо уйти в историческое небытие»[667]. Возможно, что именно система цивилизационных ценностей поможет остановить деградацию общества и сплотить его, дать ориентиры для развития.

Современная Россия выступает ядром крупного социокультурного образования. Очень часто его называют «Православной цивилизацией» (С.П. Хантингтон, А.С. Панарин). Но есть и иные названия данной цивилизации: «Евразийская» (А.Г. Дугин), «Славяно-православная» (И.Ф. Кефели), «Православно-славянская», «Восточнохристианская» (А.Н. Окара), «Восточноевропейская» (С.Д. Баранов). Существуют и другие вариации: «Русско-православная», или «Русская (Православная) цивилизация»[668], «Русская цивилизация»[669], «Северная цивилизация»[670]. Таким образом, вопрос с цивилизационной идентичностью остаётся открытым: для одних Россия – Православная цивилизация, для других – Евразийская.

Из всех определений наиболее часто встречаются три категории. Назовём и кратко охарактеризуем их:

– «Православная цивилизация» – данное название указывает на религиозные истоки современной цивилизации, её системообразующее ядро, а также позволяет в культурном плане повернуться к Восточной Европе, где находятся православные государства;

– «Восточнохристианская цивилизация» – данная формулировка является ёмкой, поскольку позволяет включить такие ареалы, как Закавказье и Ближний Восток. Она также даёт возможность увидеть общие корни с западной цивилизацией, указывает на социокультурное ядро рассматриваемого феномена.

---

[667] См., напр.: Хорос В.Г. Цивилизации сегодня // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9. С. 95.

[668] Термин, употребляющийся в публицистике. См., напр.: Барам Д. Русская (православная) цивилизация. Полемика с Аркадием Малером о значении православия для России // Русский журнал. URL: http://www.russ.ru/pole/Russkaya-pravoslavnaya-civilizaciya (дата обращения: 04.04.2019); Курносов А. О развитии русской православной цивилизации // Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/analitika/2016/02/10/trudnaya_tema (дата обращения: 04.04.2019).

[669] Володихин Д.М. Перспектива тысячелетнего развития Русской цивилизации // Политический класс. 2007. № 9.

[670] Самуйлов С. О России как северной цивилизации // Свободная мысль. 2007. № 5.

Однако появляется вопрос: а как быть с той же Центральной Азией и с Сибирью? Возникает ситуация, схожая с категорией «Православная цивилизация»;

– «Евразийская цивилизация» – данная категория позволяет указывать на более широкий характер цивилизации, включающий в свой состав ещё и иные, неправославные элементы. Неслучайно критики термина «Православная цивилизация» указывают именно на то, что в России есть элементы ислама и буддизма. Однако возникает и здесь вопрос. У любой цивилизации есть своя система ценностей. Какие «евразийские» ценности можно взять за основу данной цивилизации? Православные? Но, может, тогда имеет смысл назвать цивилизацию Православной? Сочетание православных и исламских ценностей? Но не будет ли тогда такая цивилизация всего лишь субкультурным элементом, например, того же исламского мира, тем более что он, интегрировав огромные пространства, сохранил частично культуру подчинённых народов.

Или, быть может, евразийская цивилизация – своеобразный симбиоз западных, православных и исламских ценностей? Однако насколько устойчиво такое здание, основанное на множестве ценностей из разных культур? В любом случае должны быть общие ценности. Возможно, стимулятором послужит некая «Евразийская идея», о которой много пишут, но разные мыслители её понимают по-своему.

Рассматривая многочисленные определения Евразии и значения данного слова, можно условно выделить несколько подходов к его трактовке:

– кратологический – Евразия как идеократическое государство (т. е. базирующееся на определённой идее, под которой основатели евразийства очень часто понимали православие);

– конфронтационный – Евразия как особый имперский или социокультурный мир, противостоящий Западу;

– историко-географический – Евразия как единый географический регион, имеющий общую историю;

– культурологический – Евразия как особая система ценностей, отличная как от западных, так и от восточных.

Более того, если такие категории, как «Православная цивилизация» или «Восточнохристианская цивилизация» хотя бы очерчивают ареал распространения рассматриваемого феномена, то понятие «Евразийская цивилизация» может вызвать и вопросы. Например, Турция расположена как в Европе, так и в Азии, имеет многовековую исламскую культуру, но в то же время стремится в Евросоюз. К какой цивилизации отнести её? Вопросы можно продолжать.

Высказывается даже мнение, что Россия является не отдельной цивилизацией, а полицивилизацией, поскольку объединяет в своих рамках несколько миров: православный, исламский и ряд других[671]. В то же время К.А. Феофанов отмечает, что по ряду причин допустимо говорить и о российской цивилизации (наличие территориального единства страны, формирующаяся социокультурная общность, определённая степень цивилизационного единства)[672].

Возможно, из-за многообразия трактовок часто используется понятие «Российская цивилизация». Слово «Российская» более имеет привязку к отдельной стране. «Россия» – это, в первую очередь, государство, страна. Если термин «страна» использовать в широком смысле, то это также и общество. Но именно поэтому термин «Российская цивилизация» ставит своеобразные рамки расширения культурного ареала и не отражает сущности современных цивилизаций, являющихся надгосударственными образованиями.

Для нас Россия – это часть более крупной православной цивилизации, возможно, выступающая как одна из субцивилизаций. Точно так же, как мы часто говорим о Китае, китайской цивилизации, хотя последняя – составная часть конфуцианского мира. Кроме того, речь в нашей работе идёт и о судьбах государства как такового, соответственно, в данном смысле термин «российская цивилизация» будет, на наш взгляд, вполне уместен.

---

[671] Феофанов К.А. Современное мировое сообщество и взаимодействие цивилизаций // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 6. С. 8.
[672] Феофанов К.А. Указ. соч. С. 8.

Меняющийся мир ставит перед нашей страной новые вопросы и вызовы. Один из них – создание новой социокультурной общности, возможно, что и цивилизации-государства. Сначала остановимся на работах западных авторов. Сразу отметим, что рассуждения о России, как цивилизационном центре нам редко встречались в проанализированной политологической литературе. Чаще Россию отождествляли с империей.

В числе первых цивилизационную модель предложил С.П. Хантингтон. В его представлении, Россия – центр православной цивилизации, и она возглавляет блок государств, сходных с ней по культуре. Стержневыми в таком союзе являются российско-украинские отношения. Также Россия стремится не допустить проникновения других держав в окружающие её слабые исламские республики. Одновременно Россия пытается налаживать отношения с православными странами Европы, в первую очередь с Сербией. Таким образом, подытоживает С.П. Хантингтон, если СССР – это сверхдержава с глобальными интересами, то Россия – крупная держава с региональными и цивилизационными интересами[673].

Однако вся проблема в том, что Россия – это расколотая страна. С одной стороны, это самобытная цивилизация, имеющая мало общего с Западом. Но с другой – с петровских реформ в нашей стране сильно влияние Евроатлантики, поэтому на данном этапе Россия находится в процессе поиска своей идентичности: или она становится частью западного мира и тогда прекращает существовать как православная цивилизация, или сохраняется таковой[674].

Таким образом, С.П. Хантингтон усматривает только два сценария, не обращая внимания на евразийский вариант. Возможно, категоричным выглядит и вывод С.П. Хантингтона о том, что Россия или теряет православие, входя в западный мир, или остаётся православной цивилизацией. Не исключено, что в какой-то степени такие концепты, как «Восточноевропейская цивилизация»

[673] Хантингтон С.П. Указ. соч. С. 252, 259.
[674] Хантингтон С.П. Указ. соч. С. 211.

(С.Д. Баранов) или «Восточнохристианская цивилизация» (А.Н. Окара) помогут снять данное противоречие[675]. Тем более, повторимся, С.П. Хантингтон заострён на конфликтной стороне взаимодействия цивилизаций, отсюда он и не рассматривает иные варианты взаимоотношений.

В этом плане шведский учёный Б. Хагман имеет иное мнение. Он как раз не видит никакой угрозы самобытности российской цивилизации. Проанализировав существующие трактовки, исследователь пришёл к выводу, что наиболее адекватным определением является категория «Восточнославянская цивилизация».

Термин «Христианская православная цивилизация» не подходит, поскольку включает в себя Грецию, наследницу античности. А классическая древность – один из краеугольных камней европейской и американской цивилизации. Кроме того, хотя религия и играет жизненно важную роль в цивилизации, есть много других аспектов, которые необходимо принимать во внимание, например, экономику. Болгария – тоже православная страна, но она член ЕС и часть европейской цивилизации.

По мнению автора, неудачна и категория «Русская цивилизация». Хотя он, на наш взгляд, не приводит убедительных доказательств этому. Также автор критикует и использование термина «Евразийская цивилизация». Подобная дефиниция больше обращает внимание на взаимосвязь России с гуннами, тюрками, хазарами и монголами, исключая тем самым Украину и Белоруссию.

Будущее такой восточнославянской цивилизации не в Евразии, по мнению автора, а в более тесных отношениях с Западом. Тем более что такие православные страны, как Болгария и Украина, начали движение в сторону Запада. Цивилизационные границы исторически являются неопределённым и меняются с течением времени. Где-то они могут и пересекаться (помним про теорию лимитрофов). У России и Беларуси есть возможность многое получить, сотрудничая с Западом в области экономики и техники. Это не ставит под угрозу культурного наследия восточнославянской цивилизации, но будет

[675] Об этих концепциях см. ниже.

стратегической гарантией выживания её христианского наследия и модернизации[676].

Отечественные авторы также предлагают несколько сценариев цивилизационного развития. Во-первых, возможен «евроатлантический вариант», имеющий многочисленных сторонников[677]. В основе российской цивилизации лежат христианские корни, хотя сейчас, разумеется, Запад, да и Россия, начинают всё дальше отходить от своих истоков. Вместе с тем сохраняются архетипы поведения, общие культурные истоки, главный из которых – античность. Конечно, наследие греко-римской цивилизации было воспринято опосредованно, через Византию, однако её влияние породило такое явление, как «русская античность».

В современных условиях демографическое и цивилизационное давление трёх миллиардов: китайского, индийского и исламского, а также целый комплекс глобальных проблем могут побудить США, ЕС и Россию к интеграции на основе культурных ценностей. Определённого рода предпосылки к этому сохраняются[678]. Однако где гарантия того, что, войдя в такую цивилизацию, Россия не займёт в ней окраинное, периферийное положение? Кроме того, США также выступают своеобразной окраиной в Евроатлантике[679].

Некоторые авторы (например, Д. Тренин, А. Арбатов и др.), считают, что Россия тесно связана с Западом, в первую очередь в решении глобальных проблем. По этой причине, по их мнению, России необходимо интегрироваться в ЕС, возможно, вступить в НАТО, стать частью Запада (или она уже является ею,

---

[676] Haggman B. From Minsk To Vladivostok – Is it an East Slavic Civilization? // Comparative Civilizations Review. 2011. No. 64. P. 63–73. URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/12930/12794 (дата обращения 11.08.2015).

[677] См., напр.: Третьяков В.Т. Наука быть Россией. М., 2007. С. 686–720; Лукин В.П. Российский мост через Атлантику // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. С. 100–111; Кременюк В. Россия вне мирового сообщества // Международные процессы. 2006. № 3. URL: http://www.intertrends.ru/twelfth/005.html (дата обращения: 20.10.2014); Шелов-Коведяев Ф.В. Россия как локомотив мирового развития // Россия в глобальной политике. 2006. № 3. С. 23–32.

[678] См., напр.: Громыко А.А. Цивилизационные ориентиры во взаимоотношениях России, ЕС и США // Свободная мысль. 2007. № 8. С. 68–76.

[679] См., напр.: Иноземцев В.Л. Европейский «центр» и его окраины // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 5. С. 77–91.

но необходимо более укрепить данные отношения). Только тогда она сможет превратиться в великую державу.

А.А. Громыко, как и указанные выше авторы, полагает, что Россия является частью западной цивилизации наряду с двумя её ответвлениями (европейским и американским). Для него холодная война – внутрицивилизационное противостояние[680]. Советские ценности (рационализм, вера в прогресс, социальная справедливость, многокультурье, всеобщее благополучие, сильное светское государство) близки ценностям Европы и Америки. А.А. Громыко также разделяет позицию тех исследователей, кто считают, что советская цивилизация – один из проектов вестернизации.

Исчезновение противостояния между СССР и США привело к нарастанию другого внутрицивилизационного противоречия – между Европой и Америкой. Как вполне обоснованно полагает в связи с этим автор, ни одна цивилизация не застрахована от столкновений внутри неё. Такое противоборство есть в исламском мире (между арабами, тюрками и иранцами), в конфуцианской цивилизации (Япония и Китай). На наш взгляд, это можно объяснить сложной субцивилизационной структурой любой цивилизации.

Что касается России, то именно сложности с её встраиванием в западную цивилизацию, неверно избранные средства (форсированная адаптация к политическим свободам и рыночным отношениям), привели к возрождению идеи об особом пути. Однако Россия более органично вписалась в западную цивилизацию. Для дальнейшего успешного продвижения на этом пути нужно отказаться от идеи возрождения «российской цивилизации» и признать поливариантность путей развития в рамках евроатлантического мира[681].

Тезис о внутреннем единстве и монолитности Запада как такового спорен. А.А. Громыко указывает на то, что существует по крайней мере две модели евроатлантической цивилизации: европейская и американская. По каким-то параметрам Россия совпадает с США, а по другим – с Европой. Вместе с ЕС

[680] Громыко А.А. Указ. соч. С. 71–72.
[681] Громыко А.А. Указ. соч. С. 73–74.

Россия разделяет ценности «мягкой силы», секулярности, многосторонности и мультикультурализма; с США нас объединяют такие ценности, как: партикуляризм, обогащение, материальный прогресс, автономность и индивидуализм[682]. Автор отмечает такую специфику: если по ряду ценностей мы и США отталкиваемся друг от друга (например, идея избранности), то пересечение с западноевропейскими ценностями работает на сближение России и ЕС. Тем более что России не придётся начинать с нуля в налаживании связей с Европой, т. к. в течение столетий она обогащала европейскую цивилизацию своими достижениями в области науки, культуры и в социальной сфере. России надо не присоединяться к европейской цивилизации, считает автор, к которой она принадлежала всегда, а «занять в ней передовые позиции»[683].

В.Т. Третьяков выдвинул концепцию двух Евросоюзов и одной Европы[684]. По его мнению, Россия – европейская страна и специфическая часть Евроатлантической цивилизации. В связи с этим автор задаётся вопросом: «Не странно ли, что мусульманская и немалая по размерам и численности населения Турция, большая часть территории которой лежит в Азии, при благоприятных обстоятельствах может реально войти в ЕС, а для христианской России такая возможность рассматривается как чисто теоретическая, да и то немногими?»[685]

Спор о том, является ли Россия Европой, для В.Т. Третьякова бесперспективен, поскольку наша страна – большая часть Европы, сумевшая вестернизировать и христианизировать гигантские пространства от Урала до Тихого океана. Есть Европа, а есть европейская цивилизация, ставшая двести лет назад евроатлантической[686]. Составными частями её (или субцивилизациями в нашем понимании) являются классическая Европа, США и Россия. Но присущий ряду учёных европоцентризм, по мнению В.Т. Третьякова, не даёт

---

[682] Громыко А.А. Указ. соч. С. 76.
[683] Громыко А.А. Указ. соч. С. 74.
[684] См., напр.: Третьяков В.Т. Наука быть Россией; Два Евросоюза – одна (и единая) Европа // Политический класс. 2009. № 4.
[685] Третьяков В.Т. Наука быть Россией. С. 686–687.
[686] Третьяков В.Т. Наука быть Россией. С. 687.

адекватно охарактеризовать составные части европейской цивилизации. Роль России в западном мире автор оценивает положительно. Наличие двух миров (здесь можно вспомнить мысль А.С. Панарина о России как другом или ином Риме) создаёт противоречие внутри Евроатлантики и стимулирует её развитие. Так, борьба двух порождённых Западом идеологий сделала евроатлантическую цивилизацию самой конкурентноспособной на планете[687]. Именно признание своей трёхсубъектности западной цивилизации позволит её составным частям: США, ЕС и России – сохранить свою идентичность, собственный прогресс и лидерство в мире.

Современный мировой порядок, полагает В.Т. Третьяков, «изжил себя и должен быть заменён на новый – межцивилизационный»[688]. Задача России как части Запада в таком цивилизационном мире – создать совместно с США и Европой крупное образование, Евроатлантический Союз[689]. Базироваться он должен на признании таких ценностей, как: христианская, культурная и цивилизационная традиция, демократия, отказ от силового решения возникших конфликтов и др. Предполагалось и создание Евроатлантической ассамблеи (работающей на постоянной основе). На территории Евроатлантического Союза должны функционировать три валюты.

В состав Российского Союза должно входить почти всё постсоветское пространство за исключением стран Балтии. Прецедент такого Союза СССР или «Евросоюз-1» (используем терминологию автора). Почему именно данный термин? Ещё большевики разрабатывали проект Соединённых Штатов Европы и созданный в 1922 году СССР – своеобразная реализация данного плана, пусть и на развалинах Российской империи, ставшая первым ЕС. Да, в его состав не входила вся территория Европы, но и Евросоюз-2, созданный в 1957 году, являлся объединением только западноевропейских государств. Оба Евросоюза

[687] Третьяков В.Т. Наука быть Россией. С. 692.
[688] Третьяков В.Т. Наука быть Россией. С. 699.
[689] Третьяков В.Т. Наука быть Россией. С. 686–687.

базировались на основе общих устремлений и ценностей[690]. Однако автор не уточняет каких.

Существование двух конкурирующих друг с другом Евросоюзов, рождённых в рамках одной и той же цивилизации, и их борьба стимулировали дальнейший прогресс. Несмотря на победу одного из них в 1991 году, второй постепенно начал возрождаться, что также было на пользу обеим частям Европы. В свою очередь вариант полного подавления поверженной стороны, её унификация, стирание различий между обеими частями оказались бы гибельными для всей Европы[691]. Данные аргументы являются главными для В.Т. Третьякова при его постулировании идеи о необходимости создания своеобразной ассоциации двух Евросоюзов и, добавим, США.

Однако возникает вопрос: а осознают ли две другие части огромного Евроатлантического мира опасность унификации? На данном этапе, судя по всему, среди западной элиты пока преобладает «геополитический подход», сторонники которого выступают за большее подавление России, её вытеснение с постсоветского пространства. Украинский кризис как раз играет на руку таким политикам. Возможно, в будущем ситуация и переменится, но в какой степени?

В.Л. Иноземцев предложил идею «расширенного Запада». По его мнению, необходимо переосмыслить понятие Запада, поскольку на основе ценностей данной цивилизации сформировались Россия и страны Латинской Америки. С позиции Евроатлантики является ошибкой смотреть, как Россия постепенно начнёт дрейфовать в сторону Китая[692]. Тем более в ситуации, когда происходит возвышение «нового Востока».

Россия и Латинская Америка могли бы стать частью единого «расширенного Запада» как родственные ему цивилизации. Если В.Т. Третьяков упор делает преимущественно на создании представительных органов, то В.Л. Иноземцев предлагает ряд других мер, в т. ч. и реорганизацию

---

[690] Третьяков В.Т. Наука быть Россией. С. 704–705.
[691] Третьяков В.Т. Наука быть Россией. С. 707–708.
[692] Иноземцев В.Л. Контуры посткризисного мира // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 86–90.

Североатлантического альянса во Всеатлантический. Россия, как и ряд латиноамериканских стран, могли бы стать членами новой экономической организации, повторяющей в своих основных чертах структуру ЕС[693]. В данную организацию интегрировались бы и США. Такой союз был бы выгоднее, считает В.Л. Иноземцев, для многих его членов. Он вдохнул бы новые силы в Североатлантический альянс, задал бы вектор развития России и оказал бы помощь странам Латинской Америки. Создание такого блока должно положительно сказаться и на международной безопасности.

С подобным подходом можно согласиться отчасти. Весь вопрос вновь в желании элит Евроатлантики, Ибероамерики и России в создании такого союза. Можно сказать, что автор предлагает модель крупной Всеатлантической мегацивилизации. Однако остаётся сожалеть, что В.Л. Иноземцев не дорисовывает картину. К данной мегацивилизации можно было бы добавить ещё две: Афразийскую (термин С.В. Хатунцева) и Индо-тихоокеанскую. Другое дело, повторимся, что рассматриваемый проект направлен на формирование достаточно крупного блока, уровня мегацивилизации, для чего требуется много времени.

Отталкиваясь от приведённых выше рассуждений, можно предложить следующий сценарий: Россия входит в Евроатлантическое содружество, разделяя его систему ценностей, что также позволит ей найти общий язык с такими республиками бывшего СССР, как: страны Балтии, Украина, Молдова. Сюда можно добавить стремящуюся в ЕС Грузию, а в перспективе и Беларусь с Арменией.

Однако спорным остаётся вопрос о цивилизационной идентичности России: в элите и в обществе нет однозначного решения этой проблемы[694]. На Западе также не все согласились бы считать Россию европейской страной (в том числе

---

[693] Иноземцев В.Л. Контуры посткризисного мира. С. 87.

[694] См., напр.: Маслов О.Ю. Русский народ в преддверии цивилизационного прорыва. URL: http://www.polit.nnov.ru/2007/03/20/ruscivic (дата обращения: 15.03.2013).

и в бывших советских республиках)[695]. Тем более в нынешней ситуации Украинского кризиса.

Возникает также опасность потери центральноазиатских государств, у которых отнюдь не евроатлантическая ориентация (несмотря на то что, например, Казахстан – член ОБСЕ). При распаде СССР примерно так и произошло. Российское руководство в 1991 году, стремясь в западное сообщество, опрометчиво оттолкнуло от себя республики этого региона, не желая быть «азиатской страной».

Есть сомнения и по поводу нынешнего состояния ЕС, точнее, по его дальнейшим перспективам, которые также ставятся под вопрос «благодаря» трениям между Европой и США, «Новой» и «Старой» Европой, а внутри последней – между протестантским Севером и католическим Югом. Долговой кризис, разразившийся в Европе в 2010 году, также осложняет ситуацию.

Существуют и т. н. промежуточные трактовки цивилизационного развития России. К ним можно отнести, например, идею восточноевропейской цивилизации, предложенную С.Д. Барановым. По его мнению, «это малая европейская цивилизация, находящаяся как бы «в тени» Большого Запада, тем самым примыкающая к его цивилизации, но не сливающаяся с ним»[696].

Главной особенностью данного феномена, по мнению автора, является то, что эта цивилизация производит свою особую культуру и антропологию, в целом родственную западноевропейской, но в то же время существенно отличающуюся от неё. С одной стороны, восточноевропейская цивилизация не есть «разорванная», как утверждал С.П. Хантингтон, с другой – она комплиментарна Евроатлантике. Данная цивилизация сложилась как евразийский или «континентальный» вариант европейского человека, живущего в своём особом, восточном векторе, и характеризуется несколькими чертами:

– особым типом хозяйствования (как правило, экстенсивным);

---

[695] См., напр.: Шкаратан О.И. Посткоммунистические общества Европы и Азии // Свободная мысль. 2010. № 1. С. 87.

[696] Баранов С.Д. Указ. соч.

– специфическим мышлением (нелогоцентрическим и не-инструментальным);

– ориентацией на коллективные формы быта при сохранении и развитии индивидуума;

– внутренним эгалитаризмом вместо формального демократизма и легизма;

– православием, хотя автор оспаривает тезис о преимущественном влиянии религии на цивилизацию.

К промежуточным трактовкам можно отнести и концепцию Я.Г. Шемякина, полагающего (как и часть латиноамериканистов), что Россия относится к группе т. н. «пограничных цивилизаций», в рамках которых идёт борьба различных тенденций, связанных с решением кардинальных противоречий.

Однако наиболее распространённой является позиция, рассматривающая Россию как самобытную цивилизацию. Это направление представлено достаточно широко в научной и публицистической литературе, но оно также отличается разнообразием названий и вариантов. Даже сторонники западного пути развития могут говорить о самобытности российской цивилизации, указывая при этом, что лучше всего она раскроет свою специфичность именно в рамках Евроатлантики.

Если же брать непосредственно незападнические подходы, то в первую очередь можно назвать изоляционистский вариант. Одним из первых его предложил В.Л. Цымбурский. Сущность его теории в том, что Россия окружена гигантским межцивилизационным поясом, т. н. Великим Лимитрофом, протянувшимся по всей Евразии от Балтийского моря до Кореи. Основная часть этого пояса проходит по территории бывшего СССР, хотя захватывает также районы Китая, Монголию. Великий Лимитроф является не только своеобразной естественной границей Российской цивилизации, защищающей её от противников, но и выступает в качестве объекта воздействия других центров силы (США, ЕС). Чтобы в какой-то степени противостоять этому, для России необходим союз с Ираном и Китаем, реализация совместных геоэкономических проектов в Центральной Азии [697].

[697] Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. С. 113.

«Отступление» России на «остров» должно способствовать регионализации и выдвижению на первый план проблем внутренней геополитики, в первую очередь связанных с территориями России за Уралом. В связи с этим для В.Л. Цымбурского большую актуальность приобретал вопрос о переносе центра страны в Сибирь[698].

Западничество и евразийство являются двумя старыми искушениями, не дающими адекватно воспринимать ситуацию. С одной стороны, с отходом России из Центральной и Восточной Европы в полной мере раскрылась роль нашей страны в судьбах европейского ареала XVIII–XX веков как небезуспешно навязывавшей себя Западу чужеродной силы. Евролатлантика всё более определяется через совокупность хозяйственных и военных международных структур, и объявлять себя «другой Европой», а то и «подлинной Европой» вне этих структур, – самозванчество, безобидное лишь до тех пор, пока из него не выводятся стратегические следствия. Из подобной позиции существует два возможных выхода:

1) «возвращение к натиску на Запад как оправданию нашего исторического существования»;

2) роль своеобразного маргинала на периферии Европы в отведённых ему институтах и рамках.

С другой стороны, неприемлемо для России и евразийство. Во-первых, под этим названием часто циркулируют воззрения, далёкие друг от друга, имеющие мало общего. Союз с европейскими правыми и с мусульманами маловероятен[699]. В качестве аргумента против евразийства В.Л. Цымбурский приводил пример оттока русских из Центральной Азии. К достоинствам концепции В.Л. Цымбурского исследователи (например, Б.В. Межуев) относят то, что он в числе первых дал описание современной России с геополитической

[698] Цымбурский В.Л. Остров Россия. С. 41, 278–286.
[699] Цымбурский В.Л. Коньюнктуры Земли и Времени. С. 34–36.

точки зрения, попытался объяснить через призму лимитрофной теории распад СССР в 1991 году[700].

Но центробежные тенденции, начавшись ещё в Большой России (СССР), не преодолены до сих пор, о чём могут свидетельствовать события на постсоветском пространстве. И в данной ситуации теория В.Л. Цымбурского вряд ли применима.

Из современных авторов можно назвать Д.М. Володихина, стоящего на своеобразных неоизоляционистских позициях. Он характеризует Россию как самодостаточное государство-цивилизацию. Данная модель предполагает: во-первых, сохранение и развитие социально-культурных отличий от всех остальных цивилизаций, в том числе и от евро-американской; и, во-вторых, создание такой экономической базы, которая позволяла бы России иметь полную независимость от всего мира и одновременно динамично развиваться. Данный вариант возможен при условии укрепления границ и проведения политики «закрытых дверей»[701]. Только вне глобализационных процессов Россия сможет развиваться, по мнению Д.М. Володихина.

Указанный сценарий является преимущественно «изоляционистским», предполагающим сохранение России как самостоятельного государства-цивилизации без формирования своего пространства. Более того, автор упускает из виду такой аспект, как рост иных цивилизаций, делающий глобализацию неоднозначным и многоуровневым процессом. И в наше время как раз успешное развитие во многом зависит именно от взаимодействия культур.

Для А.С. Панарина Россия является особым типом цивилизации, хотя и родственным Западу через античную историю, а также через эпоху Просвещения. Россия вместе с Востоком может бросить вызов современному Западу, навязывающему всему миру свою модель[702]. Однако А.С. Панарин не указывает на то, какой должна быть православная цивилизация, какие страны

---

[700] Межуев Б.В. Политическая критика Вадима Цымбурского. М., 2011.
[701] Володихин Д.М. Перспектива тысячелетнего развития Русской цивилизации // Политический класс. 2007. № 9. С. 49.
[702] Панарин А.С. Православная цивилизация. С. 483.

должны в неё входить. В последних своих работах он ведёт речь о глобальном характере православной цивилизации, об универсальности её ценностей. Критикуя «парадигму Данилевского-Тойнби-Хантингтона», А.С. Панарин отмечал, что в ситуации, когда американский проект имеет глобальный характер, он и не может быть оспорен с сугубо местнических и узконационалистических позиций. Он требует создания альтернативного проекта в глобальном масштабе[703]. Именно православная цивилизация способна сформулировать такую альтернативу.

А.С. Панарин, размышляя о внутреннем характере государства, отталкивается от рассуждений В.С. Соловьева и обосновывает тезис о необходимости существования трёх сильных институтов: государства, церкви и гражданского общества[704].

О России как государстве-цивилизации[705] (именно так, а не о цивилизации-государстве) пишет М.В. Ремизов[706]. Политолог полагает, что нашей стране необходимо стать государством-цивилизацией, поскольку она не подходит под классическое понимание «нации-государства». Однако в проекте М.В. Ремизова пока представлены только наброски.

К подобному термину обращаются и авторы коллективной монографии, рассматривающие Россию как государство-цивилизацию, – В.И. Спиридонова, Р.В. Соколова и В.Н. Шевченко[707]. Исследователи связывают термин «государство-цивилизация» с работой М. Жака о возвышении Китая[708]. По их мнению, цивилизационный угол зрения позволяет точнее охарактеризовать

---

[703] Панарин А.С. Православная цивилизация. С. 210.
[704] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность. С. 469.
[705] Другое дело, что и государство-цивилизация, может быть, имеет потенциал превратиться в цивилизацию-государство. Иными словами, сформировать цивлизационный блок, состоящий из нескольких государств.
[706] Ремизов М. Проект государство-цивилизация. URL: http://cv.jinr.ru/~kras/tanja/zakon/konst/2.html (дата обращения: 15.03.2013); Спиридонова В.И. «Государство-цивилизация» как ответ на вызовы «нового мирового порядка» // Россия как государство-цивилизация: высшие цели альтернативы развития: Коллективная монография… / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. М., 2016. С. 39–48.
[707] Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М., 2016.
[708] Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Указ. соч. С. 6.

некоторые существенные особенности развития России. Основа цивилизационной идентичности России – сотрудничество русской цивилизации как исторического стержня российской государственности с цивилизациями других традиций и конфессий, входящих в состав России. Кроме того, Россия и формировалась на протяжении своей истории как государство-цивилизация.

Авторы, на наш взгляд, не дают чёткого определения структуры российской цивилизации. Тем не менее в своей работе они стремятся дать характеристику русской цивилизации и отмечают, что современный мир характеризуется появлением государств-цивилизаций.

С идеями формирования православной цивилизации выступает К. Фролов, по мнению которого в реализуемых мировых проектах – неолиберальном (имеющем и протестантские корни) и исламском – России уготована роль провинции. Россия может стать важным субъектом мировой политики, имеющим столичные функции, но только в рамках восточно-христианской цивилизации. В ином случае без сильной России государства православного мира будут маргиналами, такая же судьба ожидает и само православие[709].

В качестве ответа на вызовы времени автор предлагает создать Международную организацию «Православная конференция» со своими политическими и экономическими структурами по аналогии с Организацией «Исламская конференция». Опору действиям России в осуществлении данного проекта автор видит в лице Сербской православной церкви на Балканах, Антиохийского патриархата – на Востоке и Александрийского патриархата в Африке. В последней, по замечанию К. Фролова, наблюдается православный бум, и в связи с этим необходимо открыть богословский факультет в Российском университете дружбы народов.

Православные общины существуют в США, Канаде, Латинской Америке, Европе, Австралии. РПЦ выступает и в качестве единственной нерасчленённой структуры на постсоветском пространстве, являющейся своеобразной

[709] Фролов К. Русская церковь под прицелом «оранжевых технологий» // Политический класс. 2007. № 3. С. 55.

предпосылкой для объединения распавшейся страны. Успешные действия российской дипломатии и использование потенциала православия могут привести к тому, что Россия окажется в центре православной цивилизации[710].

Судя по всему, К. Фролов понимает цивилизацию не в локальном хантингтоновском смысле – как ограниченную географическими рамками, а в универсальном, панаринском. Православный проект рассматривается как универсальный, наподобие западного и исламского. Но хватит ли сил и возможностей у России возглавить на данном этапе глобальный проект?

Свою модель предлагает глава Византийского клуба А.М. Малер, полагающий, что центральным моментом наднационального и надгосударственного Православного проекта является идея геополитического единства православных стран. В данный цивилизационный блок могут войти все страны Восточной Европы – от Греции и Балкан до Кавказа. Прообразом такого объединения может являться идея «Православной конференции» (по аналогии с Исламской конференцией), нашедшей воплощение в Межпарламентской ассамблее православия, в которую входят 24 государства.

Достоинства данного проекта, по мнению А.М. Малера, состоят в том, что он позволит избежать таких крайностей, как: растворение в либеральном глобализме, удушение в этнонациональном изоляционизме, возникновение евразийского тоталитаризма. Православный проект, по мысли А.М. Малера, позволит вернуться в Европу. Однако автор оговаривается, о какой Европе идёт речь – именно о православной Восточной Европе, а не «либерально-секулярном» ЕС[711].

Несмотря на интересные моменты, к данной концепции есть вопросы. Не совсем ясно, в какую «православную Восточную Европу» необходимо возвращаться. В Восточной Европе находится много католических стран (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Хорватия). Хотя идея автора ясна, если её

---

[710] Фролов К. Указ. соч. С. 55–56.

[711] Малер А.М. Рождение Православного проекта. Универсальные ценности ортодоксального христианства между либеральным Западом и тоталитарным Востоком // Политический класс. 2008. № 5. С. 18–19.

рассматривать сквозь призму оппозиций Восточный Рим – Западный Рим; Восточная Европа – Западная Европа. Важна также в целом мысль обращения к Восточной Европе как особому миру.

А.Н. Окара предлагает вместо понятия «Православная цивилизация» категорию «Восточнохристианская цивилизация» из-за неприемлемости первого. Во-первых, в результате такого названия цивилизация как явление ошибочно приравнивается к религии. Во-вторых, восточное христианство не сводится лишь к православию (например, есть ещё грекокатолики, монофизиты, которых вполне можно отнести к восточнохристианской цивилизации). В-третьих, страны этого мира – сакральные, церковь в них отделена от государства и играет слабую роль (за исключением Греции). В результате правильнее было бы говорить о постправославном сообществе.

К восточнохристианской цивилизации мыслитель относит страны Восточной Европы, в которых подавляющее большинство населения исповедует восточное христианство и традиционно выступает в качестве основы национальной или государственной идентичности. К ним А.Н. Окара добавляет и ряд стран Ближнего Востока, Северной Африки и Северной Америки, являющихся окраинами этого феномена. Осевыми здесь выступают Греция, Россия и Украина[712].

Отмечая раскол в современном восточнохристианском мире, автор полагает, что на данном этапе даже невозможно создание какого-либо геополитического и геоэкономического блока. Существеннее устанавливать двусторонние и многосторонние отношения между государствами восточнохристианского мира. Важна и постановка цивилизационной проблематики в общественном сознании указанных стран, «научные и философские исследования, а также переход из рефлективной стадии

[712] Окара А.Н. В окрестностях Нового Константинополя, или восточнохристианская цивилизация перед лицом новейшего мирового хаосо-порядка // Цивилизационные активы и цивилизационные рамки национальной российской политики. Материалы научного семинара. № 6 (15). М., 2008. С. 18–19, 24.

в креативную»[713]. В целом для цивилизационного «строительства» нужны «строители» («креативный класс») и «строительный материал» (ресурс «мягкой власти»)[714]. Наверное, с этим можно согласиться, особенно в период, когда культурные образы, символы начинают играть всё более ощутимую роль, влияя на взаимодействие между нациями.

А.Н. Окара, на наш взгляд, вполне обоснованно, не исключает того, что в будущем возможно расширение ареала восточнохристианской цивилизации. Окружающие страны, близкие, как правило, в культурном и историческом плане, восточнохристианская цивилизация может рассматривать в качестве своеобразных союзных лимитрофов, с которыми можно налаживать взаимодействие и включать их в сферу своего влияния. К таковым странам учёный относит Польшу, Чехию, Словакию, Хорватию и Казахстан.

Автор заключает, что «если у православных стран по отдельности и у восточнохристианской цивилизационной общности в целом будут выстроены эффективные отношения с родственными и соседними не православными странами и конгломератами на основе их общих интересов и взаимоприемлемых ценностей, это сделает цивилизационную идентичность более устойчивой, привлекательной и эффективной в геополитическом отношении»[715]. По существу, А.Н. Окара предлагает структуру восточнохристианской цивилизации, состоящей из четырёх частей:

1) цивилизационное ядро – Россия, Украина, Греция;

2) страны восточнохристианского мира – преимущественно страны Восточной Европы;

3) окраины – государства Северной Африки, Ближнего Востока;

4) лимитрофы – Польша, Хорватия и ряд других стран.

К данной концепции также есть вопросы, но она позволяет выделить основные этапы цивилизационной стратегии России. Однако насколько здесь возможна реализация проекта «цивилизация-государство» – ответить сложно.

---

[713] Окара А.Н. В окрестностях Нового Константинополя. С. 42.
[714] Окара А.Н. В окрестностях Нового Константинополя. С. 42.
[715] Окара А.Н. В окрестностях Нового Константинополя. С. 26-27.

Всё большую популярность приобретают в стране и евразийские концепции. Например, И.Б. Орлова признаёт, что в современных условиях одним из главных субъектов геополитики, идущим на смену государству, становятся цивилизации «как крупные культурно-исторические системы, из которых складывается многополярный мир»[716]. В связи с этим встаёт вопрос о возможности возрождения расколотой евразийской цивилизации. Хотя И.Б. Орлова и признаёт данный вопрос открытым, она отмечает, что в геополитическом плане Евразийское пространство характеризовалось на протяжении всей истории двумя формами политических образований: единым государством и системой государств. Повторяя мысль основоположников евразийства, И.Б. Орлова пишет, что мир Евразии то собирался (скифами, гуннами, монголами, русскими), то вновь распадался.

На данном этапе современная евразийская концепция может сыграть позитивную роль в деле интеграции постсоветского пространства: вакуум идеологии, возникший в странах бывшего СССР, как раз может быть заполнен евразийской идеологией. Но необходима евразийская идентичность. Откуда ей взяться? По мнению автора, для этого нужна медленная и кропотливая работа евразийской интеллигенции, направленность государственной политики, вырабатывающей иерархию приоритетов, а также активизация экономического, социального и иного взаимодействия в евразийских рамках при создании единых надгосударственных структур, решающих общие задачи. В качестве примера И.Б. Орлова приводит ЕС, где уже давно происходят подобные процессы[717].

Евразийское наднациональное сотрудничество будет прочным и устойчивым только при условии баланса интересов всех народов, равной ответственности и равноценного экономического, социального и другого вклада каждого государства-участника в развитие и функционирование

---

[716] Орлова И.Б. Контуры современной евразийской концепции. URL: http://www.ispr.ru/Confer/EuroAsia/confer9-1.html (дата обращения: 20.06.2012).
[717] Орлова И.Б. Указ. соч.

общеевразийского сотрудничества, что обеспечит выживание и дееспособность евразийской цивилизации[718].

И.Ф. Кефели в своих работах также указывает на важность для России евразийских идей, в т. ч. и Л.Н. Гумилёва. Но добавляет, что евразийство должно быть обновлено реалиями глобальной геополитики и «достижениями реального коммунизма»[719]. Для формирования России как одного из полюсов силы необходимо, по мнению исследователя, наличие нескольких условий. Во-первых, консолидация всех сил внутри российского общества. Во-вторых, интеграция, в первую очередь с Украиной и Белоруссией, имеющими с Россией единые этнокультурные, конфессиональные и исторические корни. Консолидация всех сил и, как следствие этого, достижение стабильности во всех сферах общественной жизни будут способствовать объединению государств вокруг Российской Федерации.

Формирование цивилизационного пространства России И.Ф. Кефели связывает со складывающейся геополитической ситуацией в мире: в настоящее время формируется противовес американской гегемонии в лице России, Китая, Индии и исламского мира. В этом случае России необходимо восстановить контроль над «хартландом». Из всех видов контроля И.Ф. Кефели отдаёт предпочтение культурно-цивилизационному, опирающемуся на культурную историю, этнические корни, архетипы массового сознания.

Выбор для нашей страны – в возрождение России-Евразии, понимаемой «как формы существования объединившихся на едином пространстве народов во главе с русским народом в виде естественного геополитического ареала, в рамках которого обеспечивается его национальная безопасность»[720]. При этом И.Ф. Кефели аргументированно критикует конфронтационные направления в евразийстве, к которым он относит, например, работы А.Г. Дугина. По его

[718] Орлова И. Б. Указ. соч.
[719] Кефели И. Ф. Геополитика Евразии. СПб., 2010. С. 281.
[720] Кефели И. Ф. Геополитика Евразии. С. 274, 275–276.

мнению, необходимо «инициировать консолидирующую роль в российском обществе, а не заниматься поиском врагов»[721].

В ряде работ склонялась к евразийскому сценарию и профессор МГУ И.А. Василенко. По её мнению, для России евразийская идентичность имеет принципиальное политическое и геополитическое значение. В странах Востока Россия воспринимается именно как евразийская держава[722], поэтому у евразийской идеи, по мнению политолога, большое будущее.

Если взять основную часть евразийских сценариев, то у исследователей также есть вопросы. Неслучайно М.И. Кротов пишет: «Каковы возможные пределы евразийской интеграции: постсоветское пространство? СНГ и Западная Европа? СНГ и Азия?»[723]. Конечно, большинство исследователей вслед за основоположниками евразийства чётко обозначают границы Евразии, но в целом интерпретировать данную категорию можно по-разному. Вместе с тем и сам М.И. Кротов не отрицает позитивный смысл евразийской идеи[724]. Другое дело, что он трактует евразийскую цивилизацию как составную часть евроатлантического мира.

К особого рода евразийским сценариям можно отнести концепцию «Большой Евразии», предложенную Ю.В. Яковцом и Е.Е. Растворцевым. Отталкиваясь от выдвинутых Президентом РФ В.В. Путиным идей «интеграции интеграций», а также «Большой Евразии», авторы предлагают свой проект. В категорию «Большая Евразия» учёные включают восемь из двенадцати локальных цивилизаций пятого поколения: Западноевропейскую, Восточноевропейскую, Евразийскую, Китайскую, Индийскую, Японскую, Буддистскую и Мусульманскую. Кроме них, девять цивилизационных объединений: Евросоюз, ЕАЭС, СНГ, ШОС, АСЕАН, Организацию исламского сотрудничества, Лигу арабских государств, Организацию черноморского

---

[721] Кефели И.Ф. Геополитика Евразии. С. 286.
[722] Василенко И.А. Евразийская идея как фактор формирования имиджа современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8. Вып. 6. С. 89.
[723] Кротов М.И. Евразийская идея и перспективы СНГ // Свободная мысль. 2011. № 10. С. 7.
[724] Кротов М.И. Указ. соч. С. 9.

экономического сотрудничества, Союз для Средиземноморья[725]. На данной территории сосредоточено 4/5 населения Земли и производится примерно 3/4 мирового ВВП, здесь сконцентрировано крупнейшее научное и культурное наследие цивилизаций. Учёные полагают, что именно здесь возможно формирование устойчивого многополярного мироустройства на основе взаимодействия цивилизаций.

На данном этапе на пространствах Большой Евразии наблюдаются кризисные явления (экологического, демографического, социально-политического и иного характеров), но авторы отчасти оптимистично смотрят на эти процессы, объясняя их сменой долгосрочных цивилизационных циклов – переходом к цивилизациям пятого поколения (об этом уже шла речь выше). Исследователи предлагают развёрнутую программу межцивилизационного сотрудничества на просторах Большой Евразии. Если брать политическую сферу, то здесь должна идти речь о создании институтов, адекватных реализации данного проекта. Это должно быть не подобие ООН или ЕС, а нечто иное.

Наряду с функционирующим Саммитом государств Европы и Азии необходимо создать Саммиты ведущих государств, цивилизаций и объединений Европы, Азии и Северной Африки, входящих в Большую Евразию. Каждая из цивилизаций может быть представлена одним–двумя государствами. Например, Германия и Великобритания могут представлять Западноевропейскую цивилизацию, Россия – Евразийскую, Китай – Китайскую и т. п[726]. Что касается цивилизационных объединений, таких как ЕС, СНГ, ШОС и других, то они могут быть представлены государствами, осуществляющими председательствование в данных организациях.

Следующим институтом может стать Евразийская межпарламентская ассамблея, в которую будут входить, соответственно, руководители парламентов ведущих держав цивилизаций и объединений. Помимо данного института, можно создать Евразийский научный форум, главной целью которого станет научное

[725] Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнёрства цивилизаций и объединений. Научный доклад. М., 2017. С. 12–13.
[726] Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Указ. соч. С. 52.

обоснование тех или иных стратегических проектов развития Большой Евразии. Подобными функциями необходимо наделить и Евразийский центр глобального моделирования, прогнозирования и стратегического планирования, расширив его полномочия и состав, превратив в своеобразный «совет мудрецов» цивилизаций Большой Евразии[727].

Для реализации данного проекта необходимо наличие следующих элементов:

– стратегического прогнозирования и программирования, направленного на решение основных задач развития Большой Евразии;

– координации усилий по финансово-кредитному, валютному и ценовому сопровождению выполнения намеченных программ; притом авторы считают излишним введение общей валюты, а лишь допускают координацию финансовой деятельности;

– информационного обеспечения евразийского партнёрства путём создания общих многоязычных баз знаний, интернет-порталов и информационных сетей, являющихся независимыми от информационных ТНК, находящихся в США, а также «гуманизация информационного пространства, выработка общих многоязычных образовательных медицинских и туристических сетей». При этом нельзя допустить развязывания информационных войн;

– согласования мер по подготовке повышения квалификации кадров, участвующих при принятии и исполнении общих решений институтов Большой Евразии;

– обеспечения контроля гражданского общества Большой Евразии над деятельностью общих институтов и их механизмов[728].

Большую роль в реализации данного проекта должна сыграть научная элита, основной задачей которой и является разработка чёткой, адекватной программы развития Большой Евразии. В какой-то степени данный вариант совпадает с идеями В.Т. Третьякова и В.Л. Иноземцева. Оба видят будущее нашей

[727]Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Указ. соч. С. 53–54.
[728]Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Указ. соч. С. 53–54.

страны в рамках большого цивилизационного блока, своеобразной если не мега-, то «суперцивилизации», включающей в себя различные социокультурные миры. В концепциях такого рода есть зерно истины – возрождение России возможно в рамках большого проекта, участниками которого будут несколько государств и цивилизаций. Другое дело, что здесь возникает ряд слабых сторон и негативных аспектов. Во-первых, опасность растворения России в подобном образовании. Во-вторых, существует вероятность того, что данное образование окажется аморфным. В любом случае перед нами чётко разработанная концепция.

Таким образом, мы рассмотрели несколько цивилизационных сценариев развития страны в условиях постсовременности. Их многообразие отражает сложность и уникальность ситуации, а также трудность осуществления задач, стоящих перед страной. Главное для указанных моделей, отличающихся разнообразием, – представление о России как уникальной цивилизации. Вместе с тем встаёт вопрос о тех ценностях, что предлагаются учёными и мыслителями. Авторам проектов, идей необходимо более чётко прорабатывать именно аксиологическую составляющую своих концепций. Если мы говорим о евразийской цивилизации, то какие именно ценности кладём в основу её? Если православную – то какие ценности здесь будут доминировать? Точно также стоит вопрос и о России как части Евроатлантики.

В целом в данной главе мы проанализировали сценарии развития России. Имперский сценарий неприемлем, хотя и распространён в научной и публицистической литературе. Главная причина бесперспективности, на наш взгляд, в отсутствии крупной мессианской идеи, отторжении у стран постсоветского пространства данного дискурса. Категория «империя-государство» ассоциируется с прошлым, от которого данные республики отошли. Сюда же добавим и слабую теоретическую проработанность данного сценария.

Что касается модели «регион-государство», то она является отчасти абстрактной. Кроме того, системообразующим элементом такой единицы выступает экономика. Если брать Россию, то она пока мало чего может предложить потенциальным участникам такого образования, по сравнению

с такими соседними гигантами, как ЕС и Китай. Указанный вариант мало проработан в научной литературе по сравнению с имперским и цивилизационным.

На наш взгляд, для страны более приоритетным в эпоху постмодерна является сценарий «цивилизация-государство». Данное положение может вызвать критику. Во-первых, среди исследователей нет единого мнения в определении феномена цивилизации. Концепция, предложенная С. Хантингтоном, подверглась критике в числе прочего и за преувеличение роли цивилизационного фактора в наше время. Во-вторых, между отдельными странами, входящими в ту или иную цивилизацию, существуют противоречия. Иногда более серьёзные, нежели межцивилизационные. В-третьих, проблемным пока является и выбор цивилизационной идентичности России. В-четвёртых, возможно развитие «имперского» сценария, а также модели «регион-государство».

Однако о востребованности цивилизационного сценария говорит поиск цивилизационной идентичности России[729]. Какие перспективы открываются перед страной в случае реализации цивилизационного сценария? Цивилизация-государство – противовес модели «корпорация-государство» с его холодным экономическим расчётом, принципами «только бизнес и ничего личного», «рынок всё отрегулирует». Одной экономики для общения с другими странами мало. Система ценностей и экономические связи будут более крепким фундаментом. Идея, что с соседями должен доминировать принцип «только бизнес и ничего личного», необоснованна. Цивилизационный сценарий даёт возможность продолжения диалога со странами Ближнего зарубежья в более конструктивном направлении[730].

---

[729] См., напр.: Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 года. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 12.07.2023); Демурин М.В. Конфликт цивилизаций: Исчезновение или возрождение России // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 5. С. 65–76; Наумов С.Ю., Слонов Н.Н. От суверенной демократии к суверенной цивилизации // Свободная мысль. 2007. № 9. С. 38–49.

[730] См., напр.: Демурин М.В. Россия и страны СНГ. Цивилизационный вызов. Что делать России с осколками бывшего СССР // Политический класс. 2007. № 12. С. 16–27.

Более того, Россия и Запад пока совпадают в базовых ценностях, и мы можем вести диалог друг с другом. Но не только. По мнению Б.Ф. Мартынова, в последние годы наблюдался рост взаимодействия по линии «родственных» цивилизаций в частности, между христианской православной (Россия) и христианской католической цивилизациями. Это проявилось в «открытии» нашей страной Латинской Америки в 2005–2008 годах, а также в относительно конструктивном взаимодействии с рядом католических стран ядра ЕС: Францией, Италией, Испанией, отчасти ФРГ[731].

Продолжая мысль автора о Латинской Америке, можно отметить, что Россия и Ибероамериканская цивилизация относятся к разным полюсам развития. Россию некоторые учёные относят к Северу, а Латинская Америка – это Юг в экономическом плане. Интегрирующую роль тут и могут сыграть христианские ценности.

Напомним, что процессы глобализации сопровождаются региональной интеграцией: происходит объединение мира на основе крупных образований, в связи с чем и у России сохраняется возможность на базе определённой системы ценностей интегрировать, хотя бы частично, некогда единое пространство. Притом потребность в интеграции сохраняется и на данном этапе, когда мир охвачен пандемией коронавируса и выдвигаются самые разнообразные сценарии дальнейшей эволюции государственности[732].

Цивилизация-государство – это ещё и альтернатива возможному возникновению корпоративного государства. Последнее базируется на идее избранности, как правило, идейно-политической, поэтому может противопоставить Россию остальному миру. Признавая противоречия России с Евроатлантикой, отметим, что конфронтация губительна для нашей страны. Цивилизация-государство – это противовес религиозной идеократии,

---

[731] Мартынов Б. Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 3. С. 65. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-first/014.htm. (дата обращения: 10.04.2012).

[732] Евстафьев Д., Ильницкий А. Предложения о грядущем мире. Откуда и куда идем // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/predpolozheniya-o-gryadushhem-mire/ (дата обращения: 13.07.2020).

навязывающей человеку отдельные ценности, выхваченные из контекста, в отличие от религии.

Можно согласиться с И.А. Зевелёвым, считающим, что концепция России как отдельной большой цивилизации даёт возможность вполне современно, в духе XXI века, интерпретировать «русский вопрос»: российская цивилизация – это наше государство вместе с Русским миром, который включает в себя всех, кто тяготеет к полю русской культуры. В данном контексте тезис о разделённом народе, по мнению автора, звучит архаично[733].

В целом, с учётом давних традиций православная цивилизация может быть как частью Евроатлантики (о чём много пишут западники), так и особым миром Евразии. Всё зависит от выбора цивилизационных ориентиров развития страны. Здесь можно отметить, что уникальность российской цивилизации как раз в том и состоит, что благодаря античному наследию и христианству она имеет связи с Западом. В то же время в силу своего географического положения, византийских традиций и ряда других факторов Россия имеет и иной выбор.

Главное – это разработка интеграционного проекта, который позволил бы создать крупное цивилизационное образование, а также развитие самой страны, основанное на российских традициях. При этом развитие не только социально-экономическое, но и культурное.

Если для России более приемлем вариант цивилизация-государство, то надо более активно формировать цивилизационный дискурс, что возможно через формирование своей интеллектуальной элиты. Отсюда главная задача – больше внимания уделять гуманитарному образованию: русскому языку, литературе, философии, истории, политологии, социологии. Необходимо увеличивать количество часов на социально-гуманитарные циклы. Именно гуманитарии, отталкиваясь от лучших традиций отечественной и зарубежной мысли, смогут внести вклад в развитие цивилизационной матрицы. Они смогут поддерживать русскую культуру, знакомить с нею другие народы, тем самым расширяя

[733] См., напр.: Зевелёв И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 5. С. 100.

культурное влияние, как это делают американцы и китайцы. Гуманитарии будут содействовать налаживанию диалога с другими цивилизациями.

Возникшая последнее время кризисная ситуация с пандемией коронавируса и цифровизацией государства вызывает у некоторых экспертов обеспокоенность за судьбу России (о чём шла речь чуть выше). Но она вызвала не только опасливые комментарии. Например, в статье С.А. Караганова и Д.В. Суслова отмечается, что ситуация с пандемией коронавируса обострила проблемы выработки новых идей в мировом сообществе. Такая задача стоит и перед Россией[734]. Но какой должна быть эта идея? Почему бы не допустить разработку именно оригинальной цивилизационной идеи?

Как раз сейчас много указывают на то, что в стране нет чётко разработанных проектов развития, несмотря на наличие ярких мыслителей, историков, обществоведов, на множество идей, высказываемых представителями разных научных направлений и идейно-политических течений. Всё это требует появления нового поколения мыслителей, которые внесли бы вклад в разработку цивилизационного дискурса вместе с нынешними обществоведами. Кроме того, обращение к гуманитарному знанию смягчило бы риски цифровизации общества.

[734] Караганов С., Суслов Д. Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики Россия в глобальной политике. 2020. № 3. URL: https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-mir-koronavirus-idei/ (дата обращения: 05.07.2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём выводы по нашей работе. Современный мир фактически вступает в новую стадию, о чём уже много говорят и пишут. Мы видим, что и государство оказывается в иных условиях, а где-то и само эволюционирует, трансформируется. В первую очередь это связано со становлением нового глобального мира, который начал складываться ещё на рубеже XIX–XX веков, когда Запад фактически подчинил себе всю ойкумену. Возникли глобальные финансовые, торговые и иные связи. Одновременно часть государств или утратила свой суверенитет, будучи захваченной западными державами, либо оказалась превращена в полуколонии. Другие страны, наоборот, превратились в огромные колониальные империи (впрочем, данный процесс начался ещё раньше, но он выходит за рамки исследования). Всё это не могло не отразиться и на эволюции самого государства, и на возникновении соответствующих теорий.

Соответственно, что и было показано в исследовании, уже на рубеже столетий учёные и мыслители наметили возможности появления новых субъектов мирового политического процесса и формирования альтернатив современному государству. Речь в научных работах шла в первую очередь о крупные державах и континентальные блоках, позднее о цивилизациях и международных организациях.

Формирование глобальных наднациональных институтов второй половины XX века, раскол самого мира на два противостоящих друг другу лагеря, а затем и изменения на рубеже XX–XXI веков также не могли не сказаться на теории государства. Мы видим, как и в геополитике, и в ведущих школах международных отношений возникают идеи, согласно которым современное государство будет претерпевать изменения.

И само разнообразие наций- государств создаёт возможности для эволюции некоторых из них. Например, великие державы могут или стать империями

нового типа, или возглавить региональные блоки, эволюционирующие в сторону крупных объединений.

Следующий важный момент. Начало XXI века в ещё большей степени усилило эволюцию государства и дискуссии по поводу судьбы нации-государства в глобальном мире. Это связано с рядом факторов:

1) происходит некоторое ограничение функций государственной власти: нация- государство вынуждено частично ограничивать свой суверенитет, входя в разного рода региональные объединения, организации;

2) государство не всегда может контролировать информационные, денежные и иные потоки, пересекающие его территорию;

3) расширяется число акторов мирового политического процесса: многочисленные правительственные и неправительственные организации, глобальное гражданское общество, этнические общности;

4) нельзя не сказать и о кризисе европоцентристского мира, что также явилось одним из факторов анализа дальнейших перспектив государственности. Напомним, что сам институт нации-государства окончательно оформился в рамках европейской цивилизации в XVI–XVII веках и был перенесён представителями Запада на другие территории. В конце XX века происходит определённое ослабление влияния Евроатлантики. Поднимаются новые гиганты: Китай, Индия, Бразилия, которые, по мнению ряда западных исследователей, не совсем вписываются в модель «нация-государство». По существу, данные страны предлагают свои варианты государственного устройства и типы политического режима. Неслучайно у ряда исследователей возникали опасения, что Китай демонстрирует своим примером привлекательность авторитарной модели политического режима;

5) образовавшиеся в Африке государства после ухода европейцев также показали свою слабость в виду искусственности их создания. Обнаруживаются проблемы и на других континентах. В результате появляются своеобразные «серые зоны», в рамках которых могут формироваться новые образования в виде непризнанных государств либо возникать такие объединения, как государства-

кланы. Государства с ослабленным суверенитетом могут попасть под влияние корпораций-государств или иных субъектов. В связи с этим не исключено в будущем появление новых видов политических образований (тех же государств архаики и не только). Всё это не могло не найти отражения в политической и социально-философской теории;

6) формирование цифрового общества также поставило вопрос о судьбе государства.

Мы видим, что начинается новый этап в истории государства. Если первый этап был связан с существованием традиционного государства, второй – с возникновением современной нации-государства, то на третьем появляется феномен постсовременного государства, характеризующийся существованием альтернатив нации-государства.

Обращаясь к постсовременным концепциям ослабления государства-нации и возникновения альтернатив ей, отметим, что подобные выводы обусловлены как идеологическими соображениями (претензией на территориальное расширение тех или иных держав, а отсюда и обращением, например, к имперской тематике), так и анализом складывающейся ситуации (процессы регионализации и глобализации).

К самим альтернативам нации-государства мы относим глобалистские концепции, имперские и цивилизационные сценарии, идеи региональных образований, а также усиливающиеся последнее время суждения о «цифровом государстве» (пока больше на уровне публицистики).

В ходе исследования мы акцентировали внимание на следующих альтернативах.

Во-первых, некоторые исследователи поднимают вопрос о создании более эффективных наднациональных органов власти, способных осуществлять глобальные управленческие функции. Такие идеи вызваны тем, что процессы глобализации, сопровождаемые регионализацией, с одной стороны, а с другой – нарастание глобальных проблем, содействуют большей интеграции отдельных групп наций-государств. Всё это находит выражение в глобалистских теориях

и концепциях глобального управления, имеющих не только определённый политический контекст, но также философские предпосылки и потребности практики.

В случае становления такого «глобального космополиса» суверенитет наций-государств претерпел бы изменения. Однако указанный подход на данном этапе малореализуем по целому ряду причин, отчасти в силу своей идеологической заострённости, что вызывает отторжение. Другим фактором служит слабая концептуальная проработанность глобалистских теорий. Следует учитывать сложность и многообразие мира: если возникают серьёзные проблемы внутри своеобразных локальных прообразов глобального государства (например, ЕС), то что говорить о возможном мировом мегагосударстве?

В последнее время, наоборот, усилились суждения о возможности реализации глобалистских проектов в связи с происходящими событиями в мире, в том числе в связи с пандемией коронавируса, но и здесь пока преобладает публицистика. Кроме того, как мы уже отмечали раньше, пандемия стимулировала и иные идеи – о возможности регионализации мира. В целом в условиях современной, крайне неясной ситуации сложно говорить о перспективности скорейшей реализации глобалистского проекта.

Таким образом, на наш взгляд, глобалистские теории на данном этапе вряд ли осуществимы. Даже предполагаемые объединения стран в мировое государство или, например, в два блока объективно вели бы к формированию промежуточных региональных образований, с помощью которых легче было бы осуществлять управленческие функции.

Во-вторых, мы видим, как сейчас нации-государства для решения важных экономических, политических и иных вопросов объединяются в региональные союзы, организации, блоки. Формирование таких сообществ проходит на основе разнообразных критериев: экономических, политических, культурных, чему способствуют зачастую объективные процессы.

По существу, возникают предпосылки для формирования альтернатив нации-государства. Неслучайно исследователи пишут о цивилизациях, империях,

крупных региональных блоках. Однако и империи, и цивилизации уже существовали ранее.

Соответственно, с целью разграничения старых феноменов (империи, цивилизации) и нарождающихся образований используем для обозначения последних следующие категории:

– империя-государство;

– регион-государство;

– цивилизация-государство:

– корпорация-государство.

Данные термины применяются и к тем теоретическим построениям, что мы анализируем в своей работе.

Если деятельность мирового гражданского общества, разного рода международных правительственных и неправительственных организаций относится к числу факторов, влияющих на положение нации-государства, то в случае с указанными феноменами речь идёт именно об альтернативах. В связи с этим мы используем в названии слово «государство». Указанные альтернативы имеют или могут иметь некоторые признаки государства: территорию, органы власти. Это и отличает их от разного рода международных неправительственных организаций, гражданского общества, которые не имеют чётко фиксированной территории и ряда иных компонентов, необходимых для отнесения их к государству.

Зачастую ядром данных образований могут являться отдельные страны, формирующие вокруг себя определённые пространства, задающие темпы интеграционным процессам. Такие образования будут стараться идти на смену нации-государству.

Подробнее остановимся на данных альтернативах. Во-первых, можно предположить, что там, где преобладают политические мотивы, формируются империи-государства. Необязательно такие империи будут иметь авторитарный тип политического режима, поэтому не следует их возникновение связывать

с «новой авторитарной волной». Возможно и формирование либеральных империй.

Если анализировать теоретические концепции, то мы видим, что от империй прошлого империи-государства отличаются меньшей фиксированностью границ, большим разнообразием взаимодействия с периферией. Хотя в целом здесь будет сохраняться центр, претендующий на особый статус среди других стран. Предлагаемые империями-государствами проекты уже будут иметь преимущественно идеологический, а не религиозный характер. Но и империи-государства также станут претендовать на свою универсальность, желание возвыситься над мировым сообществом.

Указанный вариант перспективен по ряду причин: усложняющаяся международная жизнь, требующая зачастую единого центра принятия решений, при том действующего оперативно. Также можно назвать наличие своеобразного «имперского проекта»: история человечества – это непрекращающиеся попытки создания мировых империй, являющихся отображением мечты об универсальной власти, несущей мир и процветание. В современной научной и публицистической литературе имперский проект достаточно представлен.

Во-вторых, следующей альтернативой выступает регион-государство, строящийся, как правило, на экономической основе. Он может представлять конфедерацию. В регионе-государстве возможно отсутствие доминирующей идеологии, культуры, этноса, страны. Однако бывают и ситуации прямо противоположные, когда экономически сильное государство может создать такое объединение. Также можно отметить многообразие данного феномена. Если исходить из уровня регионализации, то выделяются несколько типов данного феномена: микрорегион-государство, мезарегион-государство, макрорегион-государство.

В-третьих, цивилизации-государства. Они будут формироваться на социокультурной основе. От цивилизаций прошлого они отличаются тем, что становятся акторами мирового политического процесса и выступают в качестве альтернативы нации-государству. Цивилизации – явление более социокультурное,

а цивилизации-государства – также и политическое. Кроме того, если ранние цивилизации строились, как правило, на сугубо религиозной основе, то сейчас зачастую религия отходит на второй план, хотя и оказывает существенное воздействие на культуру, социум.

Данный сценарий окажется наиболее перспективным, хотя и не единственным. В наше время, когда межэтнические связи становятся более активными, именно культура выступает одним из главных посредников в диалоге. Если экономика может разъединять людей (кто-то больше получает от экономической интеграции, а кто-то меньше), то культура часто объединяет (правда, и здесь возможны ценностные расколы, конфликты даже внутри самих цивилизаций). Взаимодействие между народами актуализирует поиск собственной цивилизационной идентичности, стремление обратиться к корням, боязнь раствориться в глобальном океане народов, культур, государств, экономик.

Мы также предполагаем, что все цивилизации могут составлять сложные суперсистемы на основе общности происхождения, поэтому выделяем две такие суперсистемы или мегацивилизации: Средиземноморскую и Индо-тихоокеанскую. Такое деление, на наш взгляд, более адекватно, нежели оппозиция «Восток – Запад».

В-четвёртых, последняя из альтернатив – корпорация-государство. Данный сценарий, на наш взгляд, в ближайшей перспективе малореализуем, поскольку многое зависит от соотношения разных общественно-политических сил в той или иной стране. Кроме того, данный сценарий пока слабо проработан в научной литературе. Вместе с тем условно можно выделить два типа указанного образования на основе источника возникновения: «внутренние» и «внешние».

Таким образом, грядущий мир окажется полицентричным, многообразным (что отражено и в возникающих теориях), в нём будут соседствовать как нации-государства, так и его альтернативы – цивилизации-государства, регионы-государства, империи-государства, а также иные субъекты мирового политического процесса. Хаос и анархия в странах Юга ведут и к росту «государств архаики».

При этом следует отметить, что будет существовать не одна альтернатива нации-государства (или империя-государство, или цивилизация-государство, как указывается обычно в разного рода сценариях, например, у С.П. Хантингтона или П. Ханны), а несколько вариантов. Более того, и сам мир будет представлять (как и сейчас) многообразие политий, что также отражается и в теории, в проанализированных работах.

С одной стороны, это будут нация-государство, а также, возможно, такие страны, которые можно отнести к традиционным или к государствам-цивилизациям (например, Индия). С другой стороны, здесь будут разного рода образования, характерные для постсовременности. Поэтому мы и предлагаем более подробную типологию государств и их альтернатив, включающую в себя все указанные феномены.

Зачатками альтернатив нации-государства может стать как группа государств, так и отдельная страна. В этом плане США, Китай и Россия представляются нам как носители трёх указанных выше основных альтернативных моделей нации-государства на данном этапе.

1. США – носитель имперского начала, поскольку Америку характеризуют наличие мессианской идеи, существенное глобальное влияние и стремление к его расширению. Не следует забывать и о популярности имперской тематики внутри самих США. Данный проект проработан американской интеллектуальной элитой. В этом плане сценарий регион-государство для Америки менее приемлем, т. к. в целом амбиции у Вашингтона более существенные.

Безусловно, в ситуации определённого имперского напряжения победы неоизоляционистских сил вполне возможна концентрация внимания США только на североамериканский регион. Но данный вариант пока маловероятен. США не могут стать сейчас и цивилизацией, поскольку не имеют древней культуры и более ориентированы именно на политическое и идеологическое доминирование. Повторимся, что преобладает в США именно имперская тематика.

2. Китай сложно отнести к империям, поскольку у КНР нет чётко проработанной глобальной имперской идеи, которая была бы приемлема для других народов (хотя Пекин сейчас и пытается создать интеллектуальный продукт, приемлемый для всего мира). Китай может стать носителем сценария региона-государство, поскольку благодаря своей экономике страна сможет объединить вокруг себя ряд территорий, разных по своему культурному характеру. И в литературе Китай часто характеризуется как региональная держава.

Идеи цивилизационного блока, по имеющимся данным, пока слабо представлены в китайской элите. Больше под цивилизацией понимается именно Китай как носитель высшей культуры. Но здесь уже речь идёт именно о глобальном, а не региональном масштабе.

3. У России стремительно сужается культурное пространство, осложняются отношения с некоторыми православными странами (Болгария, Грузия, Украина). Однако, на наш взгляд, именно Россия в силу своей древней культуры и наличия конструктивных отношений с отдельными православными странами сможет сформировать цивилизацию-государство, но для этого нужна долгая и кропотливая работа элиты и общества, при этом не только самой России. Тем более что в самой стране на данном этапе популярна цивилизационная парадигма в общественных дисциплинах.

Цивилизационный сценарий является важным для России. Для осознания самой себя, осмысления того, что представляет страна после 1991 года, социуму необходимо обратиться к цивилизационным истокам. Через них возможно обрести силу подобно древнему великану Антею.

Имперский вариант и сценарий региона-государства в меньшей степени проработаны и, по всей видимости, пока слабо осуществимы в России. Первый вызывает отторжение у части соседей, опасающихся определённого возврата к прошлому, под которым они могут понимать утрату суверенитета. Кроме того, Россия пока не обладает универсалистской идеей. На данном этапе слаба также и экономика России: страна в этом плане мало чего может дать соседям, что

ставит под вопрос перспективу появления в ближайшем будущем регион-государства.

Таким образом, мы допускаем, что на данном этапе США, Китай и Россия являются потенциальными носителями трёх альтернатив национального государства: империи-государства, региона-государства, цивилизации-государства.

Может быть возражение, что ситуация в современном мире ставит под вопрос реализацию одного из трёх сценариев. Вместе с тем и встречающиеся в прессе мнения, и в целом неопределённость самой обстановки показывают, что в дальнейшем возможна как регионализация мира (что отчасти и связано с нашей тематикой), так и выстраивание иной структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1. National Security Strategy of the United States of America. 2017. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 08.04.2019).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации // Гарант.ру. 2013. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/#ixzz3XUG1fEED (дата обращения: 16.04.2015).

3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 25.01.2018).

4. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 года. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 12.07.2023).

5. Си Цзиньпин: «Необходимо одержать решающую победу в полном построении среднезажиточного общества, начать новый поход к всестороннему построению модернизированного социалистического государства» [выдержки из выступления председателя КНР Си Цзиньпин на открытии XIX съезда КПК 2017 года] // Сайт ИА «Синьхуа». 2017. URL: http://russian.news.cn/2017-10/18/c_136688873.htm (дата обращения 08.04.2019).

2. Монографии

1. Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014. 256 с.

2. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. «Квантовый подход» к международным отношениям: научное издание / Отв. ред. Т.А. Алексеева. М.: АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2018. 110 с.

3. Арин О.А. Мир без России. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 480 с.

4. Арин О.А. Россия: ни шагу вперёд. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 352 с.

5. Артюхин А.С. Геополитические концепции структурного кризиса современного мир: автореф. дис. … канд. полит. н. СПб., 2004. URL: http://www.dissercat.com/content/geopoliticheskie-kontseptsii-strukturnogo-krizisa-sovremennogo-mira (дата обращения: 02.11.2014).

6. Атаев М.Р. Интеграционные процессы на Североамериканском континенте в условиях глобализации: автореф. дис. … канд. ист. н. URL: http://cheloveknauka.com/integratsionnye-protsessy-na-severoamerikanskom-kontinente-v-usloviyah-mirovoy-globalizatsii#ixzz3HAlhfuMV (дата обращения: 25.10.2014).

7. Байчоров А.М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. М.: Международные отношения, 2013. 192 с.

8. Баранов Н.А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2008. 276 с.

9. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 376 с.

10. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.

11. Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследования постиндустриального общества, 2007. 304 с.

12. Бенуа А. де. Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009. 476 с.

13. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004. 288 с.

14. Брутенц К.Н. Закат американской гегемонии. Конец однополярного мира и великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2009. 508 с.

15. Бьюкенен П. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М.: АСТ, 2006. 348 с.

16. Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: ООО Издательство АСТ, 2003. 444 с.

17. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: (контуры нового мирового порядка). М.: Изд-во «Экономика», 2007. 751 с.

18. Геополитика и Международные Отношения. Т. 1. / Ред. А.Г. Дугин. М.: Евразийское движение, 2012. 1126 с.

19. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 120 с.

20. Глобальная геополитика / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М.: Изд-во МГУ, 2010. 312 с.

21. Гордон А.В. Китай в мировой истории и международной политике: модернизм-традиционализм-глобализм: Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Азии и Африки. М., 2017. 84 с.

22. Дамирчиев Э.И.О. Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования: автореф. дис. … канд полит. н. М., 2010. 173 с. URL: http://www.dissercat.com/content/imperiya-kak-politicheskii-fenomen-teoretiko-metodologicheskie-aspekty-issledovaniya (дата обращения: 02.07.2014).

23. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 640 с.

24. Девятов А., Мартиросян М. Китайский прорыв и уроки для России. М.: Вече, 2002. 400 с.

25. Дергачёв В.А. Падение и взлёт китайского дракона. URL: http://www.dergachev.ru/anons/23.html (дата обращения: 06.11.2014).

26. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007. 382 с.

27. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2012. 532 с.

28. Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 614 с.

29. Емельянов-Лукьянчиков М.А. Иерархия радуги Русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. М.: Русскій Міръ, 2008. 704 с.

30. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.

31. Ивашов Л.Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 414 с.

32. Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. М.: КДУ, 2009. 200 с.

33. Ирхин Ю.В. Социология культуры. М.: Экзамен, 2006. 528 с.

34. Капхен Ч. Закат Америки уже скоро. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 636 с.

35. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 320 с.

36. Кефели И.Ф. Геополитика Евразии. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. 328 с.

37. Кефели И.Ф. Геополитика Евразийского Союза: от идеи к глобальному проекту. СПб.: ООО «Геополитика и безопасность», 2013. 208 с.

38. Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: «Северная звезда», 2004. 286 с.

39. Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. 208 с.

40. Киселёв Г.С. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М.: Издательство «Известия», 2002. 368 с.

41. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.

42. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. 352 с.

43. Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2 т. / Отв. ред. В.Г. Хорос. Т. 1. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 203 с.

44. Козин Н. Постижение России. Опыт историософского анализа. М.: Алгоритм, 2002. 656 с.

45. Корецкий В.А. Факторы и направления политической и экономической глобализации в современной России: автореф. дис. … доктора полит. н. М., 2009. 304 с. URL: http://www.dissercat.com/content/faktory-i-napravleniya-politicheskoi-i-ekonomicheskoi-globalizatsii-v-sovremennoi-rossii (дата обращения: 16.04.2015).

46. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 5. М.: Институт экономических стратегий, 2008. 576 с.

47. Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М.: КДУ, 2013. 254 с.

48. Маслов А.А. Китай 2020: пандемия, экономика и глобальные альтернативы. М.: РИПОЛ классик, 2021. 368 с.

49. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М.: Кучково поле, 2015. 400 с.

50. Осборн Р. Цивилизация: новая история западного мира. М.: АСТ, 2008. 764 с.

51. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 272 с.

52. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. 416 с.

53. Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.

54. Панарин А.С. Православная цивилизация в современном мире. М.: Алгоритм, 2003. 544 с.

55. Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русскій міръ: Моск. учеб., 2005. 432 с.

56. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.

57. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.

58. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 424 с.

59. Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2009. 701 с.

60. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. 619 с.

61. Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. СПб.: Амфора, 2005. 506 с.

62. Сазонов А.А. Взаимодействие государства и транснациональной корпорации как фактор мировой политики: автореф. дисс. … канд. полит. наук. М., 2011. URL: http://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-gosudarstva-i-transnatsionalnoi-korporatsii-kak-faktor-mirovoi-politiki (дата обращения: 25.10.2014).

63. Сирота Н.М. Политические идеологии: генезис и современные формы. СПб.: ИКЦ, 2009. 192 с.

64. Современный Китай в системе международных отношений / Отв. ред. Д.В. Буяров. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 280 с.

65. Соколова А.А. Политическая трансформация государства в условиях глобализации: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2010.

66. Сораль А. Понять империю. Грядущее глобальное управление или восстание наций? М.: Глобальный революционный альянс, 2012. 238 с.

67. Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.

68. Стригин Е. Эра дракона. М.: Алгоритм, 2008. 480 с.

69. Сулимин А.Н. Роль политических традиций в российском политическом процессе. Челябинск: Изд-во Метеор-Сити, 2013. 124 с.

70. Ткачёв С.В. Империя как современная полития: дис. … кандидата полит. наук. Владивосток, 2005. 221 с.

71. Тойнби А.Дж. Постижение истории: Сборник. М: Рольф, 2001. 640 с.

72. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М.: Айрис-пресс, 2003. 592 с.

73. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. 784 с.

74. Третьяков В.Т. Наука быть Россией: наши национальные интересы и пути их реализации. М.: Русскій міръ, 2007. 768 с.

75. Уткин А.И. Американская империя. М.: Эксмо, 2003. 736 с.

76. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002. 512 с.

77. Уткин А.И. Подъём и падение Запада. М.: АСТ, 2008. 761 с.

78. Фукуяма Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ, 2007. 282 с.

79. Фукуяма Ф. Государственный порядок: научно-популярное издание. М.: АСТ, 2015. 688 с.

80. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ, 2006. 220 с.

81. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка: научно-популярное издание. М.: АСТ, 2017. 704 с.

82. Ханна П. Второй мир. М.: Центр исследования постиндустриального общества, Изд-во «Европа», 2010. 616 с.

83. Ханна П. Как управлять миром. М.: АСТ, 2012. 319 с.

84. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003. 603 с.

85. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. 288 с.

86. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.

87. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. 559 с.

88. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. М.: Мысль, 2001. С. 251–352. URL: http://grachev62.narod.ru/haushofer/chapt27.htm (дата обращения: 10.07.2017).

89. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.

90. Цымбурский В.Л. Коньюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. 372 с.

91. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы разных лет. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.

92. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008. 319 с.

93. Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 368 с.

94. Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург; М.: У-Фактория; АСТ, 2008. 604 с.

95. Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. 1085 с.

96. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. 384 с.

3. Научные издания

1. Абрамова О.Д. Концептуальные основы внешней политики России в условиях глобальных перемен // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2014. № 1–2. С. 12–20.

2. Абрамова О.Д. Перспективы развития трансатлантической зоны свободной торговли «TAFTA» // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2013. № 3–4. С. 87–94.

3. Абрамова О.Д. Сравнительный анализ стран БРИКС на основе индекса глобализации, конкурентноспособности и социального развития // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2015. № 11. С. 176–184.

4. Абрамова О.Д. Стратегия повышения конкурентноспособности стран-участниц Таможенного Союза // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2012. № 1. С. 96–102.

5. Абрамова О.Д. Тенденции развития экономики России в условиях внешних ограничений // Экономика и политика России в период формирования новой модели международного сотрудничества. Сборник материалов Международной студенческой научно-практической конференции, РАНХиГС / Отв. ред. С.А. Семедов. Москва: РАНХиГС, 2016. С. 218–228.

6. Абрамова О.Д., Абрамов В.Л. Развитие инновационной экономики КНР // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2013. № 1 (2). С. 4–9.

7. Абрамова О.Д., Абрамов В.Л. Сравнительный анализ стран евразийского экономического союза и группы БРИКС на основе индекса глобализации, конкурентноспособности и социального развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 10. С. 114–119.

8. Агеев А., Аверьянов М. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 114–125.

9. Адамович С.В. Тенденции и перспективы развития института государства, выбор средств оптимизации его функционирования // Учёные записки. 2014. Т. 17. С. 121–127.

10. Албани Б. Национальная безопасность Казахстана. Диалог цивилизаций. Доклад на круглом столе. URL: http://www.zonakz.net/articles/2019 (дата обращения: 12.11.2014).

11. Александр-Деви И. Русская национальная идея в концепции А.С. Панарина // Политэкс. 2005. № 2. URL: http://www.politex.info/content/view/150/30// (дата обращения: 10.03.2012).

12. Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. № 3. С. 4–19.

13. Алексеева-Карневали О. Точка инфлексии: мир после пандемии COVID-19. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/tochka-infleksii-mir-posle-pandemii-covid-19/?sphrase_id=41582439 (дата обращения: 05.07.2020).

14. Андреев Е.К. Геополитическая концепция «нового регионализма» КНР. URL: http://mir.spbu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=15:mns-15-2-01&Itemid=29 (дата обращения: 15.10.2014).

15. Андреев Е.К. Политика «нового регионализма» КНР в процессе её глобальной регионализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8. Ч. 4. С. 16–18. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2011_8-4_02.pdf (дата обращения: 15.10.2014).

16. Андреев Е.К. Формирование «нового регионализма» КНР в интеграционном пространстве АТР // Вестник ЧитГУ. 2010. № 3. С. 16–20.

17. Андреева Е.Л., Ратнер А.В. ШОС в новой модели международной экономической интеграции // Геополитика и безопасность. 2011. № 3. С. 55–59.

18. Артюхова Ю., Казин Ф. Россия сетевая // Политический класс. 2005. № 5. С. 80–83.

19. Атаев М.Р. Международная интеграция в Западном полушарии: проект АЛКА // Власть. 2011. № 9. С. 166–168.

20. Атаев М.Р. НАФТА: проблемы и перспективы сотрудничества США, Канады и Мексики // Власть. 2011. № 7. С. 159–161.

21. Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 38–53.

22. Бакина А.В. США: гегемония – миф или реальность // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 2. С. 108–111.

23. Баранов Н.А. Церковь и государство: формы взаимодействия // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2009. № 4. URL: http://cp-rapn.rapn.ru/node/25 (дата обращения: 10.03.2012).

24. Баранов С.Д. Восточно-европейская цивилизация: структурные черты, прошлое, настоящее. URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2011/05/02/vostochnoevropejskaya_civilizaciya_strukturnye_cherty_proshloe_nastoyawee/?p=0. (дата обращения: 15.03.2014).

25. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений // Полис. 2012. № 3. С. 36–44.

26. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. Глава 3. Национальное государство – что дальше? URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4985/4988 (дата обращения: 20.10.2013).

27. Безруков А.О. Америка в плену инерции. Будущее глобального лидерства Соединённых Штатов // Россия в глобальной политике. 2012. № 2. С. 60–72.

28. Бельчук А.А. Россия: восток Запада или запад Востока? // Свободная мысль. 2008. № 4. С. 29–42.

29. Бергстен Ф. Партнёрство равных // Россия в глобальной политике 2008. № 5. С. 204–218.

30. Бляхер Л.Е. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // Полития. 2008. № 1. С. 6–16.

31. Бляхер Л.Е. Империя как парадигма политологического рассуждения: проблема «оборачивания» в политической науке // Полития. 2008. № 4. С. 163–171.

32. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. № 1. С. 54–69.

33. Богданов А.Н. Легитимация «имперского» миропорядка // Свободная мысль. 2010. № 10. С. 151–166.

34. Богданова В. Столкновение или диалог цивилизаций? URL: http://geopolitica.ru/article/stolknovenie-ili-dialog-civilizaciy#.VVc4f7ntmko (дата обращения: 16.05.2015).

35. Бородачёв Т.В., Канаев Е.А. Успокоить Запад, уравновесить Восток // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. С. 144–168.

36. Братерский М.В., Кутырев Г.И. Россия между двух систем: перспектива транзита из Атлантического мира в мир Евразийско-Тихоокеанский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 220–240.

37. Брукс С., Уолфорт У. Супердержава в прошлом и будущем // Россия в глобальной политике. 2016. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Superderzhava-v-proshlom-i-buduschem-18234 (дата обращения: 11.08.2018).

38. Буров В.Г. Дискуссии о конфуцианстве Ч. 2. URL: http://kitaia.ru/kitay-i-kitaycu/p-20/ (дата обращения: 31.10.2014).

39. Бусыгина И.М. Великие империи, малые нации. Неясное будущее суверенного государства. URL: http://www.perspektivy.info/book/velikie_imperii_malye_nacii_neyasnoe_buduschee_suverennogo_gosudarstva__2008-11-18-12-8.html (дата обращения: 15.03.2011).

40. Бэтлер А. Контуры мира в первой половине XXI века и чуть дальше // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 73–80.

41. Валлерстайн И. Наступление многополярности // Геополитика и Международные Отношения. Т. 1. М., 2012. С. 60–70.

42. Валовая Т.Д. Постсоветское пространство в эпоху прагматизма // Россия в глобальной политике. 2005. № 2. С. 158–171.

43. Ван Ивэй. Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей» («Жэньминь жибао», Китай). URL: http://www.inosmi.ru/world/20130114/204595110.html#ixzz2OmNVCYVW (дата обращения: 11.07.2014).

44. Василенко И.А. Евразийская идея как фактор формирования имиджа современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Т. 8. Вып. 6. С. 84–90.

45. Васильева Т.А. Трансформация функций института государства в условиях глобализации // Власть. 2007. № 10. С. 11–14.

46. Вельяминов Г.М. Россия и глобализация // Россия в глобальной политике. 2006. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6816 (дата обращения: 15.03.2012).

47. Верлин Е.В., Иноземцев В.Л. Россия – Китай: время корректировать курс // Свободная мысль. 2010. № 8. С. 43–58.

48. Виноградов А.В. Китайский проект для Большой Евразии // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 2. С. 1–15.

49. Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 228–246.

50. Виноградов А.В., Головачёв В.Ц., Кобзев А.И. Ломанов А.В., Чудодеев Ю.В. Сценарии развития Китая до 2050 года // Восточная аналитика. 2014. № 4. С. 11–15.

51. Виноградов А.В., Салицкий А.И. Можно ли говорить о формировании в Китае нового общественного строя? // Вестник РАН. 2019. Т. 89. № 2. С. 172–178.

52. Винокуров Е. Прагматическоое евразийство // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. С. 49–59.

53. Володин А.Г. Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 6–31.

54. Воробьёв В.Я. Новый шёлковый курс // Россия в глобальной политике. 2014. № 3. С. 142–151.

55. Воробьёв В.Я. ШОС как растущий властелин «хартлэнда». Как вывести самую перспективную организацию Евразии на новый уровень // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 196–203.

56. Выходец Р.С., Шляпников В.В. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры (обзор доклада Национального совета по разведке США) // Геополитика и безопасность. 2013. № 2. С. 25–33.

57. Гаджиев К.С. Турбуленция современного мира через призму коронавирусной пандемии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 253–272.

58. Галенович Ю.М. «Великое возрождение» и «морская цивилизация» Китая // Свободная мысль. 2013. № 3. С. 101–112.

59. Галли К. Национальное государство в глобальную эпоху // Россия в глобальной политике. 2009. № 5. С. 146–158.

60. Галь Б.А. Общество и государство: модели развития в постнациональной ситуации. URL:http://polite.com.ua/library/4080-.html (дата обращения: 15.03.2013).

61. Гальтунг Й. Десять тенденций, меняющих мир // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. С. 8–19.

62. Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт // Полис. 2008. № 6. С. 68–77.

63. Голошников О. Центральная Азия на прицеле Китая: последствия для России. URL: http://globalaffairs.ru/studconf/Tcentralnaya-Aziya-na-pritcele-Kitaya-posledstviya-dlya-Rossii-16693 (дата обращения: 07.07.2014).

64. Гонтмахер Е., Загладин Н. Государство на службе глобализации. Как сочетаются базовые тренды современности // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. С. 20–31.

65. Грачёв Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2012. № 2. С. 18–28.

66. Гребениченко С.Ф. В фарватере интеграции // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 20–42.

67. Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31. URL: http://ru.znatock.com/docs/index-4909.html (дата обращения: 02.07.2014).

68. Гринин Л.Е. Глобализация и проблемы национального суверенитета. Вызовы современности и философия: материалы круглого стола. / Под общ. ред. И.И. Ивановой. Бишкек, 2004. С. 39–47. URL: https:// anthropology.ru/ru/texts/grinin_le/modphil02_04.html (дата обращения: 02.07.2014).

69. Гринин Л.Е. Национальный суверенитет в век глобализации // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 104–128.

70. Гринин Л.Е. Приведёт ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. 2009. № 2. С. 117–140.

71. Громыко А.А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. 10 с.

72. Громыко А.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 6–19.

73. Громыко А.А. Цивилизационные ориентиры во взаимоотношениях России, ЕС и США // Свободная мысль. 2007. № 8. С. 68–76.

74. Гушер А. Частные военные компании и их роль в политике и практике некоторых государств. URL: http://www.ru.journal-neo.com/node/3899 (дата обращения: 02.05.2013).

75. Давыдов В.М. Пробуждающиеся гиганты БРИК. Шансы многополярного мира // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 131–142.

76. Данилин И.В. Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 6. С. 246–267.

77. Данилов И. Спаситель Великобритании предлагает мировое временное правительство. URL: https://ria.ru/20200328/1569257083.html (дата обращения: 04.07.2020).

78. Дашичев В.И. Политика глобального господства. От XX к XXI веку // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 2. С. 3–27.

79. Делягин М.Г. Глобальный управляющий класс // Свободная мысль. 2012. № 1–2. С. 74–86.

80. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. Материалы круглого стола // Полис. 2008. № 5. С. 55–74.

81. Демурин М.В. Конфликт цивилизаций: Исчезновение или возрождение России // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 5. С. 65–76.

82. Демурин М.В. Россия и страны СНГ. Цивилизационный вызов. Что делать России с осколками бывшего СССР // Политический класс. 2007. № 12. С. 16–27.

83. Дергачёв В.А. Китайская империя. URL: http://www.dergachev.ru/Landscapes-of-life/Imperial-geopolitics/03.html#.VFOy3TSsXId (дата обращения: 15.04.2014).

84. Доллар Д., Край А. Путь к процветанию // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_19 (дата обращения: 10.12.2013).

85. Дробот Г.А. Современный мировой порядок и его перспективы в трудах российских учёных // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 54–76.

86. Дугин А.Г. Многополярность как проект миропорядка с позиции Суши // Геополитика и Международные Отношения. Т. 1. М., 2012. С. 71–82.

87. Дынкин А.А., Пантин В.И. Мирное столкновение. США и КНР: за какой моделью будущее // Россия в глобальной политике. 2012. № 2. С. 96–108.

88. Евстафьев Д., Ильницкий А. Предложения о грядущем мире. Откуда и куда идём // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/predpolozheniya-o-gryadushhem-mire/ (дата обращения: 13.07.2020).

89. Ефременко Д. Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478 (дата обращения: 11.08.2018).

90. Ефременко Д.В. Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 25–43.

91. Захаров А. Империя и федерация // Свободная мысль. 2006. № 5. С. 111–125.

92. Звездина Е.В. Славянофильство как парадигма социального развития России в условиях глобализации // Философские науки. 2012. № 2. С. 49–56.

93. Зевелёв И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 5. С. 88–102.

94. Земсков В.Б. Дисбаланс в системе взаимодействия архаическое/традиционное/модерное как фактор культурной динамики // Культура в эпоху цивилизационного слома. Материалы международной научной конференции. М., 2001. С. 218–228.

95. Ивашов Л.Г. Геополитическая структура будущего миропорядка // Геополитика и безопасность. 2009. № 4. С. 9–13.

96. Ивашов Л.Г. Геополитический взгляд на XXI век // Геополитика и безопасность. 2010. № 1. С. 9–13.

97. Ивашов Л.Г. Глобальный мир стремится к биполярности // Геополитика и безопасность. 2012. № 1. С. 28–33.

98. Ивашов Л.Г. Мир в XXI веке. URL: http://topwar.ru/10962-leonid-ivashov-mir-v-hhi-veke.html (дата обращения: 03.07.2014).

99. Ивашов Л.Г. Повернуть взгляд к Сибири // Геополитика и безопасность. 2009. № 1. С. 17–23.

100. Ивашов Л.Г. Россия в геополитическом контексте XXI века // Геополитика и безопасность. 2010. № 4. С. 20–26.

101. Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности. URL: http://igpi.ru/bibl/other_articl/1253005141.html (дата обращения: 20.10.2012).

102. Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем. URL: http://politology.vuzlib.net/book_o236_page_18.html (дата обращения: 20.10.2012).

103. Иноземцев В.Л, Дьячков С. Новый регионализм, а не новая столица. URL: http://inozemtsev.net/2012/11/сергей-дьячков-владислав-иноземцев-н/ (дата обращения: 20.01.2013).

104. Иноземцев В.Л. «Вторые и первые» // Второй мир / Ханна П. М.: Центр исследования постиндустриального общества, Изд-во «Европа», 2010. 616 с.

105. Иноземцев В.Л. Европейский «центр» и его окраины // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 5. С. 77–91.

106. Иноземцев В.Л. Контуры посткризисного мира // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 80–91.

107. Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_4476 (дата обращения: 02.11.2014).

108. Иноземцев В.Л., Пономарёв И.В., Рыжков В.А. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике. 2012. № 6. С. 82–95.

109. Ирхин Ю.В. Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 3–24.

110. Ирхин Ю.В. Роль сетевых и теневых организаций транснациональных элит в мировой политике // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 79–92.

111. Кабаев Д. Евразийская интеграция: текущая ситуация и перспективы. URL: http://www.geopolitica.ru/article/evraziyskaya-integraciya-tekushchaya-situaciya-i-perspektivy#.VF5k8zSsXIc (дата обращения: 08.11.2014).

112. Кагарлицкий Б.Ю. До основания, а затем? Способна ли Россия предложить новую внешнеполитическую стратегию? // Россия в глобальной политике. 2012. № 3. С. 76–89.

113. Капчан Ч. Враги становятся друзьями // Россия в глобальной политике. 2010. № 3. С. 8–23.

114. Капчан Ч. Побеждающее многообразие // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 100–107.

115. Караганов С.А. Понять меняющийся мир. URL: http://www.ej.ru/?a=note&id=7841 (дата обращения: 02.11.2014).

116. Караганов С.А. России нужна еще одна столица – сибирская. URL: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-nuzhna-esche-odna-stolitca---sibirskaya-15553 (дата обращения: 25.12.2013).

117. Караганов С.А., Суслов Д. Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики Россия в глобальной политике. 2020. № 3. URL: https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-mir-koronavirus-idei/ (дата обращения: 13.07.2020).

118. Карякин В.В. Американская неоимперия эпохи постмодерна // Свободная мысль. 2013. № 3. С. 113–124.

119. Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5. С. 31–47

120. Каспэ С.И. Империя под ударом. Конец дебатов о политике и культуре. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/kasp.html (дата обращения: 04.11.2014).

121. Каспэ С.И. Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи // Полития. 2008. № 1. С. 17–26.

122. Катасонов В. Трансатлантическая интеграция: скандал накануне старта. URL: http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_plany/transatlanticheskaya_integraciya_skandal__nakanune_starta_05072013/ (дата обращения: 26.03.2014).

123. Катин В.И. Место и роль Русской Православной церкви в гражданском обществе России // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 147–153.

124. Каусикан Б. Удастся ли бесконфликтный переход? // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. С. 156–168.

125. Кашин В. Пекин смотрит вдаль // Россия в глобальной политике. 2016. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Pekin-smotrit-vdal-18149 (дата обращения: 11.08.2018).

126. Кеохейн Р. Введение: от взаимозависимости и международных институтов к глобализации и управляемости. URL: http://www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=73&Itemid=40 (дата обращения: 29.04.2014).

127. Кефели И.Ф. Глобализм на перекрёстке мнений // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 3–17.

128. Кефели И.Ф. Социальная природа глобализма. URL: http://www.anthropology.ru/ru/texts//kefeli/global2_06.html (дата обращения: 20.10.2012).

129. Кириленко В.П., Фотопулу А. Проблемы цифрового государства в современном обществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2. С. 49–56.

130. Китинг М. Новый регионализм как возможность // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 143–148.

131. Кицикис Д. Геополитика Греции и Промежуточный регион. URL: http://evrazia.org/article/1861 (дата обращения: 23.09.2012).

132. Кицикис Д. Роль Промежуточного региона в глобальной войне. URL: http://evrazia.org/article/1866 (дата обращения: 23.09.2012).

133. Климашевская О.В. Цифровая модернизация российского государства и общества: плюсы, вызовы и риски // Власть. 2020. № 1. С. 92–96.

134. Ковалева О.С. Фактор культуры в обосновании политических приоритетов России в евразийском геополитическом пространстве: история

и современность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 4. С. 113–116. URL: https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/5330 (дата обращения: 03.07.2023).

135. Козырев Г.И. Международный политический процесс // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 4. С. 98–110.

136. Колин К.К. Духовная культура общества как фактор обеспечения национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 46–58.

137. Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 23–51.

138. Комлева Н.А. Геополитический статус государства: сущность и типология // Геополитика и безопасность. 2010. № 1. С. 23–28.

139. Комлева Н.А. Преэмптивная война как технология ресурсного передела мира // Геополитика и безопасность. 2012. № 1. С. 88–95.

140. Комлева Н.А. ШОС – поиск глобального равновесия // Геополитика и безопасность. 2009. № 2–3. С. 92–98.

141. Крастев И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. URL: https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/ (дата обращения: 04.07.2020).

142. Кременюк В. Россия вне мирового сообщества // Международные процессы. 2006. № 3. URL: http://www.intertrends.ru/twelfth/005.htm (дата обращения: 20.10.2014).

143. Кротов М.И. Евразийская идея и перспективы СНГ // Свободная мысль. 2011. № 10. С. 5–18.

144. Кузнецов А. Индийский океан – новый приз в Большой игре // Информационно-аналитический портал «Геополитика». 2013. URL: http://www.geopolitica.ru/node/2615#.U9s8Jsa0auI (дата обращения: 01.08.2014).

145. Кулагин В. Нетленность авторитарности? // Международные процессы. 2008. № 1. URL: http://www.intertrends.ru/sixteenth/006.htm (дата обращения: 01.08.2011).

146. Кумскова Н.В. Глобализация и поливариантность моделей социокультурного развития. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kumskova/modphil 02_03.html (дата обращения: 02.11.2014).

147. Курочкин А.В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12. Ч. 3. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_12-3_24.pdf (дата обращения: 04.11.2014).

148. Кустарёв А.С. Государственный суверенитет в условиях глобализации http://polit.ru/article/2006/10/30/kustarev/ (дата обращения: 03.07.2014).

149. Ламуллин М.Т. Возвращение в место, которого нет: Можно ли восстановить Советский Союз или создать на его месте жизнеспособную структуру // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 88–99.

150. Ларин В.Л., Песцов С.К. Становление Китая как великой морской державы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 3. С. 27–46.

151. Лебедева М.М., Харкевич М.В. Роль бизнеса в трансформации политической организации мира. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 1. С. 34–51.

152. Леонова О.Г. Глобальный мир XXI века: архитектура и статусная иерархия // Вестник Московского университета. Серия 12. Политический науки. 2012. № 6. С. 66–76.

153. Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 36–46.

154. Линклейтер Э. К постсовременному политическому пространству. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/linklater.htm (дата обращения: 06.05.2019).

155. Лубский А.В. Цивилизационные образы России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 47–61.

156. Лузянин С.Г. Китай в системе глобальной и региональной безопасности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIX: ежегодное издание / Отв. ред. и сост. Е.И. Софронова. М., 2014. С. 22–30.

157. Лузянин С.Г. Китайская цивилизация – между культурой, идеологией и геополитикой. URL: http://www.mgimo.ru/news/experts/document248922.phtml (дата обращения: 10.07.2014).

158. Лукин А.В. Российский мост через Атлантику // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. С. 100–111.

159. Лукин А.В. Усилить азиатский вектор // Россия в глобальной политике. 2009. № 2. С. 82–95.

160. Лукоянов А.К. Иран: взгляд без предубеждения // Россия в глобальной политике. 2008. № 1. С. 120–130.

161. Лунёв С. Чего стоит Сибирь // Международные процессы. 2004. № 1. URL: http://www.intertrends.ru/four/013.htm (дата обращения: 05.02.2015).

162. Лурье С.В. Что за красной линией? // Политический класс. 2007. № 11. С. 82–95.

163. Луценко К.А. Кто победит? Национальное государство в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2006. № 3. С. 192–199.

164. Любжин А.И. Что такое империя? // Россия в глобальной политике. 2004. № 5. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_3950 (дата обращения: 02.11.2014).

165. Мабубани К., Саммерс Л. Слияние цивилизаций // Россия в глобальной политике. 2016. № 5. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Sliyanie-tcivilizatcii-18350 (дата обращения: 11.08.2018).

166. Малер А.М. Рождение Православного проекта. Универсальные ценности ортодоксального христианства между либеральным Западом и тоталитарным Востоком // Политический класс. 2008. № 5. С. 14–19.

167. Манекин Р.В. Неотвратимые объятия памяти. Извечное стремление России на Запад обретает в XXI веке мессианский смысл // Политический класс. 2008. № 7. С. 56–65.

168. Маркарян К.В. Россия как государство-корпорация. О российской национальной идее: «Третий путь» Путина // Политический класс. 2006. № 1. С. 16–22.

169. Мартынов Б.Ф. «Групповой портрет» стран быстрого развития // Международные процессы. 2008. № 1. URL: http://www.intertrends.ru/sixteenth/004.html (дата обращения 01.08.2011).

170. Мартынов Б.Ф. Бразилия – восходящий гигант // Свободная мысль. 2008. № 9. С. 17–28.

171. Мартынов Б.Ф. Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 3. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-first/014.htm. (дата обращения: 10.04.2012).

172. Мартынов Б.Ф. Цивилизация модерна против цивилизаций Хантингтона // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 2. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/16.html (дата обращения^ 11.09.2015).

173. Мартьянов В.С. Космополитическая империя // Свободная мысль. 2009. № 7. С. 51–66.

174. Мартьянов В.С., Фишмал Л.Г. После коронавируса: от оптимизированного старого к новому миру? // Свободная мысль. 2020. № 3. URL: http://svom.info/entry/1034-posle-koronavirusa-ot-optimizirovannogo-starogo-k-/ (дата обращения: 04.07.2020).

175. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Полития. 2006. № 4. С. 72–87.

176. Марченя М.М. Концепт империи как предмет мультидисциплинарного исследования. URL: http://users4496447.socionet.ru/files/concept2.pdf (дата обращения: 10.10.2014).

177. Маслов О.Ю. Русский народ в преддверии цивилизационного прорыва. URL: http://www.polit.nnov.ru/2007/03/20/ruscivic (дата обращения: 15.03.2013).

178. Матвеенко Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. 2015. № 1. С. 165–179.

179. Матвеенко Ю.И., Галаева М.Г. Стратегия «мягкой силы» основных акторов международных отношений // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 4 (10). С. 69–79.

180. Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. № 1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdu-imperiei-i-natciei-18570 (дата обращения: 11.08. 2018).

181. Межуев Б.В. «Второй шанс» Бжезинского, или тёмная сторона Обамы. URL: http://pravaya.ru/leftright/473/15257 (дата обращения: 03.10. 2013).

182. Межуев Б.В. Восточный экспресс. Из Модерна в Постмодерн и обратно. Европейский ценности и Россия // Политический класс. 2007. № 12. С. 68–81.

183. Межуев Б.В. Либеральная империя «Найла Фергюсона». URL: http://fmp-gugn.narod.ru/43961160.pdfhttp://www.polit.nnov.ru/2007/03/20/ruscivic. (дата обращения: 04.11.2014).

184. Мигунов Н.И. Геостратегия в контексте китайского геокультурного дискурса // Геополитика и безопасность. 2011. № 3. С. 50–55.

185. Мигунов Н.И. Геоцивилизационный контекст «китаизации марксизма» // Геополитика и безопасность. 2010. № 3. С. 52–59.

186. Мигунов Н.И. О геоцивилизационных характеристиках величия Китая // Геополитика и безопасность. 2011. № 1. С. 21–27.

187. Мигунов Н.И., Мигунова О.В. Трансформация стабильности в контексте китайского цивилизационного дискурса // Геополитика и безопасность. 2012. № 3. С. 35–42.

188. Мигунова О.В. Китай как морская цивилизация (об одном аспекте трансформации китайской цивилизационной идентичности) // Геополитика и безопасность. 2010. № 1. С. 58–60.

189. Мид У.Р. Возвращение геополитики. Ответный удар ревизионистских держав // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 67–77.

190. Минин А.И. Глобализация 100 лет спустя: геополитические прогнозы. URL: http://www.gramota.net/materials/1/2013/10/35.html (дата обращения: 25.10.2014).

191. Минин Д. Возвращение империй. URL: http://forum.rusbeseda.org/index.php?topic=16059.0 (дата обращения: 25.10.2014).

192. Митрофанова А.В. Политические религии в современном мире. URL: http://observer.materik.ru/observer/N12_2004/12_08.html (дата обращения: 10.01.2014).

193. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема цивилизаций // Век глобализации. 2008. № 1. С. 109–119.

194. Михайлов В.А., Явчуновская Р.А. Международная безопасность в контексте глобальных процессов // Образование и общество. 2005. № 4. С. 66–73. URL: http://www.jeducation.ru/4_2005/66.html (дата обращения: 15.08.2017).

195. Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатьев С.В. К вопросу о перспективах Китая как глобального лидера // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 152–161.

196. Момот М. Прошлое империй и империи будущего // Прогнозис. 2006. № 3. С. 266–282. URL: http://www.intelros.ru/pdf/prognosis/266-282_momot.pdf (дата обращения: 20.10.2014).

197. Морозенская Е.В. «Новый регионализм» в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неоколониализму? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 209–227.

198. Морозов Ю.В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 80–95.

199. Морозов Ю.В. К чему может привести публикация мифов о китайской угрозе. URL: http://www.oko-planet.su/politik/politikday/36917-k-chemu-mozhet-privesti-publikaciya-mifov-o.html (дата обращения: 20.12.2013).

200. Мосяков Д.В. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-politiki-kitaya-v-yugo-vostochnoy-azii-v-proshlom-i-nastoyaschem (дата обращения: 06.11.2014).

201. Мунтян М.А. Идеология глобализма и современный мир. URL: http://medvedev.viperson.ru/wind.php?ID=205780&soch=1 (дата обращения: 03.11.2014).

202. Мурай О.В. Новое глобальное общество под общим руководством // Геополитика и безопасность. 2010. № 3. С. 77–81.

203. Наумкин В.В. Цивилизации и кризис государств-наций // Россия в глобальной политике. 2014. № 1. С. 41–59.

204. Наумкин В.В. «Фехтование цивилизаций» // Россия в глобальной политике. 2007. № 5. С. 173–184.

205. Наумов С.Ю., Слонов Н.Н. От суверенной демократии к суверенной цивилизации // Свободная мысль. 2007. № 9. С. 38–49.

206. Неклесса А.И. Метаморфозы государственности. Социокультурная и политическая мобильность в условиях цивилизационного транзита. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/1748-aleksandr-neklessa.-metamorfozy.html (дата обращения: 15.10.2013).

207. Неклесса А.И. Новый амбициозный класс. Кто осуществляет сборку мира? http://www.politua.ru/concept/231.html (дата обращения: 03.11.2014).

208. Неклесса А.И. Новый амбициозный план. Проекции и чертежи новой сборки мира // Политический класс. 2008. № 1. С. 91–108.

209. Неклесса А.И. Страна пути // Политический класс. 2008. № 2. С. 53–65.

210. Неклесса А.И. Номенклатурное государство. URL: http://viperson.ru/wind.php?ID=525460&soch=1 (дата обращения: 08.11.2014).

211. Овчинский В.С. Война миров. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики. URL:http://www.contr-tv.ru/common/2651/ (дата обращения: 15.03.2012).

212. Овчинский В.С., Фурсов А.И. Передышка для гегемона: к чему ведёт автономное управление // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 69–79.

213. Окара А.Н. В окрестностях Нового Константинополя, или восточнохристианская цивилизация перед лицом новейшего мирового хаосо-порядка // Цивилизационные активы и цивилизационные рамки национальной российской политики: Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2009. № 6 (15). 144 с.

214. Окара А.Н. Государство-корпорация как новый тренд для России, Украины и Белоруссии. URL: http://www.intelros.ru/2007/05/16/andrejj_okara_gosudarstvokorporacija_kak_novyjj_trend_dlja_rossii_ukrainy_i_belorussii.html (дата обращения: 15.03.2011).

215. Окара А.Н. Украинские дискурсы и российская парадигма // Политический класс. 2007. № 5. С. 77–94.

216. Орлик И.И. Восточная Европа в стратегии НАТО // Свободная мысль. 2009. № 4. С. 125–140.

217. Орлова И.Б. Контуры современной евразийской концепции. URL: http://www.ispr.ru/Confer/EuroAsia/confer9-1.html (дата обращения: 20.06.2012).

218. Пальцев А.И. Системообразующие ценности евразийской (российской) цивилизации // Власть. 2011. № 4. С. 42–46.

219. Пальцев А.И., Рябов А.А. Евразийский менталитет как цивилизационная основа формирования наций государств Евразийского экономического сообщества // Власть. 2017. № 1. С. 156–158.

220. Панкевич Н.В. Мегаполисы в условиях суверенитета. Рост политической локальности как парадокс глобализации // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 85–98.

221. Панченко М.Ю. Реалистская парадигма мирового порядка: прошлое и настоящее // Полис. 2009. № 5. С. 6–12.

222. Патрик С. Неуправляемый мир // Россия в глобальной политике. 2014. № 1. С. 8–27.

223. Перегудов С.П. Политическая система России после выборов 2007–2008 годов: факторы стабилизации и дестабилизации. Ч. II // Полис. 2009. № 3. С. 145–161.

224. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М., Апрель 2018. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf (дата обращения: 3.07.2020).

225. Петрушак В.Л. Империя как историческая судьба // Геополитика и безопасность. 2013. № 4. С. 34–39.

226. Пигров К.С. Империя как инновация, или императив империй // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 6. Вып. 2. Ч. 1. С. 3–14.

227. Плебанек О.В. Алгоритмы геоцивилизационной динамики // Геополитика и безопасность. 2011. № 3. С. 18–22.

228. Плебанек О.В. Парадигмальные основания социокультурных систем. URL: http://cheloveknauka.com/v/34145/a?#?page=1 (дата обращения: 08.11.2014).

229. Плебанек О.В. Циркумполярная цивилизация: реальность, концепт или геополитический проект? // Геополитика и безопасность. 2013. № 4. С. 19–24.

230. Плотникова О.В. Региональное измерение в современном мироустройстве (на примере унитарных государств) // Власть. 2012. № 9. С. 72–75.

231. Поздняков Э.А. Российское гражданское общество: иллюзии и реальность // Политический класс. 2006. № 10. С. 96–106.

232. Пономарёва Е.Г. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО. 2013. № 4. С. 195–204.

233. Пономарёва Е.Г. Будущее суверенитета: научный дискурс и политическая практика // Развитие и экономика. 2014. № 11. С. 44–57.

234. Пономарёва Е.Г. Государство в условиях глобализации // Свободная мысль. 2009. № 10. С. 69–82.

235. Пономарева Е.Г. Государство-призрак. Косово в мировой системе // Политический класс. 2009. № 1. С. 30–47.

236. Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 95–110.

237. Портяков В.Я. Внешнеполитический курс КНР и перспективы отношений великих держав в Восточной Азии. ФГБУН «Институт Дальнего Востока» Российской академии наук. М., 2016. С. 210–228.

238. Портяков В.Я., Уняев С.В. Растущий треугольник // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 162–174.

239. Потёмкина О.Ю. О транснациональных пространствах и международных регионах // Полис. 2012. № 4. С. 181–184.

240. Пронякина Е.Д. «Северное сотрудничество» в условиях глобализации: опыт и перспективы интеграции скандинавских государств // Политекс. 2012. № 3. С. 243–251.

241. Расторгуев В.Н. Российская цивилизация: ложная или подлинная идентичность? URL: http://www.dvpt.ru/?page=do_rastorguev (дата обращения: 10.11.2014).

242. Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. С. 15–35. URL: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt35.htm (дата обращения: 10.07.2017).

243. Рашковский Е.Б. Цивилизации мира в сегодняшней науке // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 11. С. 3–9.

244. Рашковский Е.Б. Цивилизационная теория: познание истории – познание современности // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. С. 76–84.

245. Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность (К методологии анализа) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 33–41; 2002. № 1. С. 14–18.

246. Ремизов М.В. Проект государство-цивилизация. URL: http://cv.jinr.ru/~kras/tanja/zakon/konst/2.html (дата обращения 15.03.2013).

247. Ремнёв В.А. Факторы и направления стратегии развития основных стран – «игроков» в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 1. С. 36–40. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2011_1_13.pdf (дата обращения: 15.10.2014).

248. Рогов И.И. Империя и политическое государство: проблемы идентификации // Власть. 2011. № 4. С. 47–49.

249. Рогов И.И. К вопросу о геополитической структуре имперской организации: пространство и его смыслы // Геополитика и безопасность. 2013. № 3. С. 48–54.

250. Розов Н. Большой Восточный проект. Сибирь как плацдарм российско-европейской цивилизаторской миссии. URL: http://globalsib.ru/node/99 (дата обращения: 25.12.2013).

251. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет которые могут все изменить / Отв. ред. С.А. Караганов. М.: АСТ, 2008. 448 с.

252. Роузкранс Р. Больше значит лучше // Россия в глобальной политике. 2010. № 5. С. 139–149.

253. Рябов А.В. От целостности к новому расколу и соперничеству? (миросистема и мировой порядок в меняющихся реалиях) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 32–48.

254. Савин А. Многовековая культура – это не «транс» // Политический класс. 2005. № 3. С. 60–64.

255. Савин Л.В. Великая Стратегия для Евразийского Союза // Геополитика и международные отношения / Ред. А.Г. Дугин. Т. 1. М.: Евразийское движение, 2012. С. 374–375.

256. Савин Л.В. Как эволюционируют государства экс-СССР? (мнения). URL:http://www.iarex.ru/fd-non/kirgizia/33388.html (дата обращения: 25.02.2013).

257. Савин Л.В. Новый шёлковый путь и евразийская интеграция. // Геополитика. Выпуск XX. 2013. С. 20–28.

258. Савин Л.В. Предпосылки многополярного мирового порядка / Геополитика и Международные отношения. Т.1. М., 2012. С. 93–105.

259. Савин Л.В. Геостратегия Поднебесной. URL: http://www.geopolitica.ru/article/geostrategiya-podnebesnoy?nopaging=1#.U71HsMa0auK (дата обращения: 09.07.2014).

260. Салин П.Б. Три пути России в Азии. URL: http://nk.org.ua/geopolitika/22758-tri-puti-rossii-v-azii (дата обращения: 02.07.2014).

261. Самуйлов С.М. О России как о северной цивилизации // Свободная мысль. 2007. № 5. С. 21–34.

262. Сергунин А.А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 19. Вып. 16. С. 231–236.

263. Сирота Н.М. Геостратегия Китая и позиционирование России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 191–195. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2014_1-1_49.pdf (дата обращения: 15.10.2014).

264. Сирота Н.М. Глобальный миропорядок: акторы и тренды становления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4. Ч. 1. С. 157–164. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_4-1_41.pdf (дата обращения: 15.10.2014).

265. Сирота Н.М. Государство как субъект глобализации: статус, тенденции развития и перспективы. URL: http://reftrend.ru/838177.html (дата обращения: 15.10.2014).

266. Сирота Н.М. Статус и перспективы государства в контексте глобализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. 1. С. 173–176. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_5-1_39.pdf (дата обращения: 15.10.2014).

267. Скворцов И.П. К вопросу об определении культурно-цивилизационной самобытности России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 13–16. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-kulturno-tsivilizatsionnoy-samobytnosti-rossii (дата обращения: 06.11.2014).

268. Слука Н.А., Карякин В.В., Колясев Е.Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1. С. 203–226.

269. Соколов С.В. Проблемы цивилизационной целостности постсовременной России // Свободная мысль. 2006. № 7/8. С. 155–168

270. Соколова А.А. Проблема суверенитета и особенности политической трансформации государства в условиях глобализации // Власть. 2009. № 12. С. 132–135.

271. Соловей В.Д. По ту сторону Урала. Там лежит будущее и надежда России // Политический класс. 2005. № 6. С. 54–60.

272. Солозобов Ю.М. Возвращение во второй мир. URL: http://viperson.ru/wind.php?ID=449887 (дата обращения: 09.12.2014).

273. Солозобов Ю.М. Евразийский Союз: от идеи к практике // Геополиитка и Международные Отношения. Т. 1. / Ред. А.Г. Дугин. М.: Евразийское движение, 2012. С. 15–25.

274. Солозобов Ю.М. Новая политика союзничества. URL: http://www.apn.ru/opinions/article20770.htm (дата обращения: 09.12.2014).

275. Солозобов Ю.М. СНГ: двадцать лет спустя после «развода». Постсоветское пространство на пороге перемен // Defuturo, или История будущего / Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. С. 177–204.

276. Солозобов Ю.М. Сотворение «второго мира». URL: http://www.apn.ru/publications/print1206.html (дата обращения: 09.12.2014).

277. Спартак А.Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 13–37.

278. Спикмен Н.Дж. География и внешняя политика. Ч. 1 // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 165–177. URL: http://grachev62.narod.ru/spykman/spykman-1938-1.html (дата обращения: 07.07.2017).

279. Спикмен Н.Дж. География и внешняя политика. Ч. 2 // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4. Ч. 1. С. 171–172. URL: http://grachev62.narod.ru/spykman/spykman-1938-1.html (дата обращения: 07.07.2017).

280. Старостин А.М. Цивилизационная парадигма в политической науке. URL:http://www.rapn.ru/partner/files/starostin.pdf (дата обращения 02.09.2014).

281. Сухарева Е.А. Феномен глобального города, как международного центра силы // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 361–368.

282. Тимофеева Л.Н. Альтернативизм в науке и политике // Современная политическая наука: методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2019. 776 с. С. 525–550.

283. Тимофеева Л.Н. Политический альтернативизм // Политология. Новый лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 30–41.

284. Третьяков В.Т. Два Евросоюза – одна (и единая) Европа // Политический класс. 2009. № 4. С. 18–25.

285. Тузиков А.Р. Демократия и гражданское общество в России // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 5. С. 194–206.

286. Уткин А.И. Крах Вестфальской системы // Политический класс. 2007. № 2. С. 68–79.

287. Уткин А.И. После американской гегемонии. Многополярный мир или мир без полюсов? // Политический класс. 2009. № 4. С. 58–77.

288. Уткин А.И. США в поисках новой мировой стратегии // Политический класс. 2007. № 6. С. 68–81.

289. Фёдорова М. Суверенитет как политико-философская категория современности // Философский журнал. 2009. № 1. URL: http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_2/5496-suverenitet-kak-politiko-filosofskaya-kategoriya-sovremennosti.html#.WTKgZlf1jP4.livejournal (дата обращения: 04.06.2017).

290. Фененко А.В. США – Четвёртый Рим. URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/SSHA-CHetvertyj-Rim (дата обращения: 30.03.2014).

291. Феофанов К.А. Современное мировое сообщество и взаимодействие цивилизаций // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 6. С. 3–15.

292. Фоменко А. FestinaLente: о наших отношениях с Европейским союзом // Политический класс. 2007. № 1. С. 75–78.

293. Фридман Д. Бумажный тигр? Почему Китай не сможет стать супердержавой // Россия в глобальной политике. 2010. № 3. С. 83–94.

294. Фримен Ч. Мир непредвиденных сложностей //Россия в глобальной политике. 2014. № 3. С. 24–39.

295. Фримен Ч. На чём споткнётся Китай? // Россия в глобальной политике. 2007. № 5. С. 22–33.

296. Фролов К. Русская церковь под прицелом «оранжевых технологий» // Политический класс. 2007. № 3. С. 49–56.

297. Фурсов А.И. Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь». URL: http://www.intelros.ru/index.php?newsid=124 (дата обращения: 15.10.2011).

298. Фурсов А.И. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью / Defuturo, или история будущего / Ред. Д.А. Андреев, В.Б. Прозоров. М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. С. 255–304.

299. Фурсов К.А. Ост-Индская компания. История великого олигарха. URL: http://www.analysisclub.ru/index.php?page=hist&art=2205 (дата обращения: 15.10.2011).

300. Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 34–47.

301. Хайлинь Е. От суши к морю: какая стратегия нужна Китаю? // Геополитика и безопасность. 2010. № 1. С. 52–57.

302. Ханна П. Новое Средневековье. Как способы управлять миром отстают от реальности // Россия в глобальной политике. 2012. № 2. С. 44–59.

303. Ханна П. Подходим к новому Средневековью // Полис. 2010. № 1. С. 147–149.

304. Хант М. Между империей и гегемонией: сумятица в политике США // Полис. 2008. № 6. С. 7–10.

305. Хатунцев С.В. Вадим Цымбурский, русский геополитик // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 157–167.

306. Хатунцев С.В. Идите все, идите… на Урал // Политический класс. 2007. № 12. С. 28–45.

307. Хатунцев С.В. К вопросу о Хантингтоне. URL: http://www.apn-nn.ru/539683.html (дата обращения: 20.10.2013).

308. Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2. С. 86–98.

309. Хатунцев С.В. Мысли вслух о Евразийском Союзе. URL: http://devec.ru/almanah/evrazijskij/602-s-hatuntsev-mysli-vsluh-o-evrazijskom-sojuze.html (дата обращения: 20.10.2013).

310. Хатунцев С.В. Переформатирование мирового порядка в свете мегаисторических трендов. URL: http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=1237 (дата обращения: 20.10.2013.).

311. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Новый глобальный экономический кризис: как изменится глобализация? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 34–52.

312. Хорина Г.П. Глобализм как идеология // Глобализация и гуманитарное знание. 2005. № 1. С. 71–78.

313. Хорос В.Г. Цивилизации сегодня // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9. С. 89–95.

314. Хоскинг Д. Рождение национального государства? URL: http://postnauka.ru/longreads/11258 (дата обращения: 08.09.2015).

315. Храмчихин А. Как Китай раздавит Россию. URL: http://www.apn.ru/publications/article20421.htm (дата обращения: 25.12.2013).

316. Цивилизационный подход: методологические аспекты. Материалы круглого стола // Восток. 1992. № 3. С. 25–31.

317. Цифровое правительство 2020. Перспективы для России. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/175787743/?page=4&*=LwrxT85EGL7nCrpHAUtsdS%2F3NHB7InVybCI6Imh (дата обращения: 03.07.2020).

318. Цыганков П.А. Сущность и роль государства как участника международных отношений / Международные отношения. URL:http://uchebnik-online.com/131/1998.html (дата обращения: 07.07.2017).

319. Чаплин В., прот. Пять постулатов православной цивилизации // Политический класс. 2007. № 2. С. 80–85.

320. Челлен Р. О политической науке, её соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства // Полис. 2005. № 2.

С. 115–126. URL: http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt30.html (дата обращения: 07.07.2017).

321. Чернышёв С.А. На пути к единой Евразии // Россия в глобальной политике. 2010. № 3. С. 36–47.

322. Чжан Вэньму. Логика подъёма великих держав // Геополитика и безопасность. 2011. № 1. С. 13–20.

323. Чжао Хунвэй. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии // Аналитические записки. 2007. Вып. 1 (21). С. 6–43.

324. Чхеидзе К.А. Лига Наций и государства-материки URL: http://www.politnauka.org/library/mpimo/chh.php (дата обращения: 28.08.2018).

325. Чэнь Чжихао. Китай и Индия: отношения, вызовы перспективы. URL: http://www.geopolitica.ru/node/3187#.VFEaMzSsXIc (дата обращения: 29.10.2014).

326. Шабров О.Ф. Государство в глобализирующемся мире: испытание постмодерном / Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М., 2012. URL: http://shabrov.info/Statji/postmodern5.html (дата обращения: 15.06.2017).

327. Шабров О.Ф. Духовные основы российской политики // Открытое образование. 2011. № 2 (86). Ч. 2. С. 155-158. URL: http://shabrov.info/Statji/duh_ros.htm (дата обращения: 08.08.2017).

328. Шабров О.Ф. Корпоративистское государство в условиях картельной многопартийности // Политическое управление и публичная политика XXI века: Государство, общество и политические элиты / Отв. ред. О. Гаман-Голутвина и др. М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. С. 47–55. URL: http://shabrov.info/Statji/korp_kar.html (дата обращения: 08.08.2017).

329. Шаолей Ф. По заветам Меттерниха. Трёхсторонние отношения Китая, США и России в переходном мире // Россия в глобальной политике. 2011. № 1. С. 83–93.

330. Шелов-Коведяев Ф.В. Россия как локомотив мирового развития // Россия в глобальной политике. 2006. № 3. С. 23–32.

331. Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных цивилизаций» (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2008. № 3. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/568/562/1216/009yEMQKIN.pdf (дата обращения: 23.09.2012).

332. Шемякин Я.Г. Специфика латиноамериканской цивилизации. Обзор // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост. Б.С. Ерасов. М., 2001. С. 453–463.

333. Шишков В.В. Анализ предпосылок формирования неоимперских центров в XXI веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3. Ч. 1. С. 196–200. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_3-1_53.pdf (дата обращения: 10.10.2014).

334. Шишков В.В. Европейский союз: от идеи наднационального суверенитета – к новой Западноевропейской империи // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 93–106. URL: http://www.ifp.uran.ru/ezh/ed/ed_1431.html (дата обращения: 10.10.2014).

335. Шишков В.В. Неоимперские центры в политической проектности XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. 2. С. 223–227. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_5-2_58.pdf (дата обращения: 10.10.2014).

336. Шкаратан О.И. Посткоммунистические общества Европы и Азии // Свободная мысль. 2010. № 1. С. 79–92.

337. Щербакова А. Глобализация как мегатренд мирового развития. URL: http://www.geopolitica.ru/article/globalizaciya-kak-megatrend-mirovogo-razvitiya?nopaging=1#.UYNki720auJ (дата обращения: 02.11.2014).

338. Юдина И.Н. Трансформация роли государств и регионов в эру глобализациию. URL: http://hist.asu.ru/aes/iud_st_ru.htm. (дата обращения: 25.03.2013).

339. Явчуновская Р.А. Россия и современный мир: политика, экономика, безопасность // Власть. 2012. № 5. С. 179–184.

340. Явчуновская Р.А. Стратегия модернизации современного политического курса России // Евразийский союз: вопрсоы международных отношений. 2013. Вып. 3–4. С. 95–102.

341. Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6. С. 117–128.

342. Яковец Ю.В., Акаев А.А. Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнёрства цивилизаций. М.: МИСК, 2016. 72 с.

343. Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнёрства цивилизаций и объединений. Научный доклад. М.: МИСК, 2017. 64 с.

344. Яковлев А.И. Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 6–29.

345. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Тело варвара: конструирование чужого на китайском фронтире. С. 233–240. URL: http://kaspy.aspu.ru/files/4(33)/233-240.pdf (дата обращения: 31.10.2014).

346. Янов А.В. Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_7415 (дата обращения: 02.09.2014).

347. Яшкова Т.А. Евразийская интеграция: перспективы модернизации постсоветского пространства // Геополитика и безопасность. 2012. № 3. С. 72–78.

4. Энциклопедические издания

1. Дергачёв В.А. Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия // Аналитический и образовательный портал «Институт геополитики профессора Дергачева». 2010. URL: http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/12/70.html (дата обращения: 25.04.2013).

2. Померанц Г.С. Субэкумена. URL: http://kultorolog.slovaronline.com/C/488-SUBEKUMENA (дата обращения: 13.08.2013).

3. Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. Т. 7. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 1022 с.

4. Цивилизациум. Метацивилизация. URL: https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/okeaniceskaa-civilizacia. (дата обращения: 25.07.2014).

5. Публицистика

1. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая. Закон и милость // Новый мир. 1988. № 9. С. 227–239.

2. Балмасов С.С. Западные частные военные компании расширяют деятельность в Афганистане, Ираке, Ливии и Сомали. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/17-06-12.htm#top (дата обращения: 02.05.2013).

3. Барама Д. Русская (православная) цивилизация. Полемика с Аркадием Малером о значении православия для России. URL: http://www.russ.ru/pole/Russkaya-pravoslavnaya-civilizaciya (дата обращения: 05.03.2013.)

4. Блеттон Ж.И. Трансатлантический рынок ЕС – Соединенные Штаты и глобализация. URL: http://newsland.com/news/detail/id/569152/ (дата обращения: 26.03.2014).

5. Бондаренко Д. Многие государства Африки созданы искусственно. URL: http://lenta.ru/articles/2015/08/19/africa/ (дата обращения: 17.09.2015).

6. Василенков С. Создается трансатлантическая зона свободной торговли. Крупные мировые игроки объединяют усилия в борьбе с конкурентами. URL: http://www.inforos.ru/?module=news&action=view&id=33484 (дата обращения: 26.03.2014).

7. Володихин Д.М. Перспектива тысячелетнего развития Русской цивилизации // Политический класс. 2007. № 9. С. 49–56.

8. Вольский С.О Необходимости переноса столицы России в Сибирь. URL: http://badnews.org.ru/news/o_neobkhodimosti_perenosa_stolicy_rossii_v_sibir/2010-12-28-5723 (дата обращения: 25.12.2013).

9. Гранин Ю. США – последняя либеральная империя // Политический класс. 2009. № 5. С. 80–98.

10. Дианов М. Два президента, две столицы, по два губернатора. Федерация через 45 лет // Политический класс. 2005. № 6. С. 49–52.

11. Диктатура ТНК // Завтра. 2012. № 25. С. 4.

12. Дугин А.Г. Третья столица. URL: http://www.arctogaia.com/public/Tatar.htm. (дата обращения: 25.12.2013).

13. Иноземцев В.Л. Коронавирус и суверенитет. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/koronavirus-i-suverenitet/?sphrase_id=41497786 (дата обращения: 04.07.2020).

14. Иноземцев В.Л. Не потеряться во времени // Литературная газета. 2014. № 36. 9 с.

15. Иноземцев В.Л. Поруганная часть России. Сибири нужна не госкорпорация, а деколонизация. URL: http://www.mk.ru/politics/article/2012/05/01/699081-porugannaya-chast-rossii.html (дата обращения: 20.04.2013).

16. Иноземцев В.Л. Россия превращается в сателлита Пекина. URL: http://inosmi.ru/politic/20120312/188003070.html (дата обращения: 20.04.2013).

17. Калашников М. Глобальный смутокризис. М., 2009. 639 с.

18. Карвальо О. США и Новый Мировой Порядок // Геополитика и международные отношения. Т. 1. М., 2012. С. 522–541.

19. Королёв В.И. «Император всея Земли», или За кулисами нового мирового порядка. М.: Издательство «Вече», 2004. 444 с.

20. Корпорация-Государство, или Поклонитесь Будущему Боссу. URL: http://kvisaz.ru/20061225/753 (дата обращения: 15.07.2012).

21. Кортунов С.В. Почему США не империя // Золотой Лев. № 81–82. URL: http://www.zlev.ru/81_70.htm (дата обращения: 24.10.2014).

22. Коэн С. ШОС и БРИКС – козыри в рукаве России. URL: https://ria.ru/world/20150709/1123109258.html (дата обращения: 11.08.2017).

23. Крупкин П.Л. ТНК пока не стали государствами. URL: http://www.iarex.ru/interviews/33421.html (дата обращения: 25.03.2013).

24. Крупкин П.Л. Жуть глобализации. URL: http://www.apn.ru/opinions/article18646.htm (дата обращения: 25.03.2013).

25. Лазар Ф. Страны БРИК и демократия // Le Monde. 2008. URL: http://www.inosmi.ru/translation/242447.html (дата обращения: 01.08.2011).

26. Левченко А. Англосаксы примеряют корону Римской империи (I). URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/02/04/anglosaksy_primeryayut_koronu_rimskoj_imperii_i/ (дата обращения: 16.10.2014).

27. Межуев Б.В. Уход на Восток, или движение по кругу. URL: http://www.izvestia.ru/news/521270 (дата обращения: 13.01.2014).

28. Минчев М. Этого Россия Болгарии не простит // Столетие. 2011. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/etogo_rossija_bolgarii_ne_prostit_2011-02-10.htm. (дата обращения: 04.05.2014).

29. Павленко В.Б. Откуда коронавирус и пришел ли конец глобализму? URL: https://regnum.ru/news/society/2902397.html (дата обращения: 04.07.2020).

30. Попов И.М. Солдат против «воина» // Независимая газета. 2 февраля 2004. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2004-02-20/2_enemy.html (дата обращения: 15.08.2011).

31. Рябиченко Л.А. Идеология цифрового общества как геополитическая стратегия установления наднационального контроля // Культурная безопасность. Интернет-журнал о культуре как факторе национальной безопасности. 2017. URL:

http://sec.chgik.ru/ideologiya-tsifrovogo-obshhestva-kak-geopoliticheskaya-strategiya-ustanovleniya-nadnatsionalnogo-kontrolya-2/ (дата обращения: 04.07.2020).

32. Рябиченко Л.А. Пандемия как инструмент глобализма? URL: http://katyusha.org/view?id=14114 (дата обращения. 04.07.2020).

33. Симпкинс А. Внутренняя шизофрения. Эксперты поставили диагноз отношениям России и Эстонии. URL: http://rus.delfi.ee/projects/opinion/vnutrennyaya-shizofreniya.d?id=42266903 (дата обращения: 15.10.2012).

34. Скосырев В. Индия – крупнейший покупатель оружия // Независимая газета. 2011. URL: http://www.ng.ru/world/2011-03-15/6_india.html (дата обращения: 01.08.2011).

35. Тетерин И. О русской газете замолвите слово. URL: http://kp.ru/daily/24524.5/671789/ (дата обращения: 15.10.2012).

36. Филимонов В.П. Цифровое общество и конец истории. URL: https://ruskline.ru/analitika/2018/02/01/cifrovoe_obwestvo_i_konec_istorii (дата обращения: 04.07.2020).

37. Фурсов А.И. Наступает эпоха новых империй. Евразийский союз – единственный шанс России на выживание. URL: http://svpressa.ru/society/article/51739/ (дата обращения: 15.10.2011).

38. Хатунцев С.В. Морская дуэль орла и дракона… откладывается. URL: http://terra-america.ru/morskaya-duel-orla-i-dracona%E2%80%A6-otkladivaetsa.aspx (дата обращения: 31.10.2014).

39. Шойгу предложил перенести столицу в Сибирь. URL: http://lenta.ru/news/2012/04/06/shojgu/ (дата обращения: 13.01.2014).

40. Эрлинг Д. Китай создает новую Великую империю. URL: http://inosmi.ru/world/20140709/221536819.html (дата обращения: 10.07.2014).

6. Литература на английском языке

1. Akyol M. Turkey Vs. Iran. The Regional Battle for Hearts and Minds. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/137343/mustafa-akyol/turkey-vs-iran?page=show (дата обращения: 20.03.2013).

2. America's Path. Grand Strategy for the Next Administration / Edited by R. Fontaine and K.M. Lord. Washington: Centetr for a New American Security, 2012. 76 p.

3. Anderson P. Sinomania // London Review of books. 2010. Vol. 32, No. 2. URL: http://www.lrb.co.uk/v32/n02/perry-anderson/sinomania (дата обращения: 10.08.2015).

4. Art R.J. Selective engagement in the era of austerity // America's Path. Grand Strategy for the Next Administration / Edited by R. Fontaine and K.M. Lord. Washington: Centetr for a New American Security, 2012. P. 13–28.

5. Asard E. The End of the American Era? // American Studies in Scandinavia. 2011. No. 43–2. P. 97–119.

6. Babones S. The Middling Kingdom: The Hype and the Reality of China's Rise // Foreign Affairs. 2011. No. 5. P. 79–88.

7. Bacievich A. American Empire. The realites and consequences of US diplomacy. London: Harvard University press, 2002. 306 p.

8. Bacievich A. An End to Empire // The American Conservative. 2011. URL: http://www.theamericanconservative.com/articles/an-end-to-empire/ (дата обращения: 19.07.2015).

9. Barma N., Ratner E., Weber S. A World Withaut the West. The National Interest. 2007. No. 90. URL: http://iis.berkeley.edu/sites/default/files/a_world_without_west.pdf (дата обращения: 01.08.2011).

10. Bartelcon J. Three Concepts of Globalization URL: http://sociologia.davidjustino.com/wp-content/uploads/2012/04/Bartelson2000_3conceptsglobalization.pdf (дата обращения: 23.03.2015).

11. Beckley M. China’s Century? Why America’s Edge Will Endure // International Security. 2011. Vol. 36, No. 3. P. 41–78.

12. Beeson M. Origins of the New International (Dis)order // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2019. Vol. 12, No. 3. P. 94–108.

13. Betts R.K. American strategy: grand vs. grandiose // America’s Path. Grand Strategy for the Next Administration / Edited by R. Fontaine and K.M. Lord. Washington: Centetr for a New American Security, 2012. P. 29–42.

14. Bischof G. Empire Discourses: The «American Empire» in Decline? // Kurswechsel. 2009. No. 2. P. 14–23. URL: http://www.beigewum.at/wordpress/wp-content/uploads/2009_2_014-23.pdf (дата обращения: 18.07.2015).

15. Biswas Sh. W(h)iter Nation state? National and state identy in the Face Fragmentation and Globalisation // Global Society. 2002. Vol. 16, No. 2. URL: http://web.centre.edu/lorihm/biswas.pdf$ (дата обращения: 20.10.2012).

16. Bowden B. Politics in a World of Civilizations: Long-term Perspectives on Relations between Peoples URL: http://quod.lib.umich.edu/h/humfig/11217607.0001.204?view=text;rgn=main (дата обращения: 29.08.2015).

17. Bromley S. American power and the prospects for International Order. Cambridge: Polity Press, 2008. 241 p.

18. Brzezinski Z.K. Strategic vision. America and the Crisis of Global Power. Published by Basic Books, NY, 2012. 433 p.

19. Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Published by Basic Books, NY, 1997. 223 p.

20. Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. NY: Palgrave, 2002. 368 p.

21. Cammack P. Smart Power and US Leadership: A Critique of Joseph Nye // 49th Parallel. 2008. Is. 22. P. 5–22.

22. Caporaso J.A., Madeira M.A. Globalization, institutionis and governance. LA: CAGE, 2012. 190 p.

23. Cecire M. BRICs Fall Flat on UNSC Libya Vote. URL: http://www.worldpoliticsreview.com/articles/8319/brics-fall-flat-on-unsc-libya-vote (дата обращения: 27.08.2015).

24. Chin-Hao H. China's Soft Power in East Asia: A Quest for Status and Influence? URL: http://dornsife.usc.edu/assets/sites/451/docs/Huang_FINAL_China_Soft_Power_and_Status.pdf (дата обращения: 23.06.2015).

25. Colomer J.M. Bringing the Empire Back in. URL: http://gcg.universia.net/pdfs_revistas/articulo_81_1206609718123.pdf (дата обращения: (дата обращения 01.08.2012).

26. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. London; NY: Routledge, 2007.

27. Cooper R. The Post Modern State. URL: http://fpc.org.uk/articles/169 (дата обращения: 23.03.2015).

28. Coughlan S. Is there a future for the nation-state in an era of globalization? If so, what future? URL: http://www.shaneland.co.uk/academic/ma/globalisationessay1.pdf (дата обращения 15.03.2011).

29. Cox M. Still the American Empire. // Political Studies Review: 2007. Vol 5. P. 1–10. URL: http://raider.mountunion.edu/~GROSSMMO/POL%20270/articles/still%20the%20american%20empire.pdf (дата обращения: 27.04.2015).

30. Creveld M. The State: Its Rise and Decline. URL: http://mises.org/daily/527 (дата обращения: 20.10.2013).

31. Doyle M.W. Liberalism and World Politics // The American Political Science Review. 1986. Vol. 80, No. 4. P. 1151–1169. URL: http://links.jstor.org/sici?sici=0003-0554%28198612%2980%3A4%3C1151%3ALAWP%3E2.0.CO%3B2-6 (дата обращения: 24.06.2017).

32. Drew D. Editor's Note The Struggles of Civilization // Comparative Civilizations Review. 2013. No. 69. P. 1-3. URL:

https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/32473/30648 (дата обращения: 29.08.2015).

33. Drew J. Civilization: Definitions and Recommendations. URL: http://www.wmich.edu/iscsc/civilization.html#drew (дата обращения: 29.08.2015).

34. Falk A.R. The Declining World Order. Americas imperial geopolitics. NY and London: Routledge, 2004. 260 p.

35. Fears J.R. The Lessons of the Roman Empire for America Today. URL: http://www.heritage.org/research/lecture/the-lessons-of-the-roman-empire-for-america-today (дата обращения: 24.10.2014).

36. Felder D.W. The Call for a World Constitutional Convention: An Application of John Locke's Theory of Revolution. URL: http://www.bu.edu/wcp/Papers/Poli/PoliFeld.html (дата обращения: 15.03.2012).

37. Forging an American Grand Strategy: Securing a Parth Through a Complex Future. Selected Presentations From a Symposium at the National Defense University / Editor Sh. Ronis. United States Army War College Press. 2013. 146 p. URL: http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2013/ssi_ronis.htm (дата обращения: 11.07.2015).

38. Freeman Ch. U.S.-China Relations: Challenges for the 114th Congress. URL: http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=538 (дата обращения 13.07.2015).

39. Gat A. The Return of Authoritarian Great Powers // Foreign Affers. 2007. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/62644/azar-gat/the-return-of-authoritarian-great-powers (дата обращения 01.08.2011).

40. Gay J.A. White Messiah Complex // The American Conservative. 2014. URL: http://www.theamericanconservative.com/articles/white-messiah-complex/ (дата обращения 17.07.2015).

41. Godwin P.H.B. China as regional hegemon? URL: http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/RegionalFinal%20chapters/Chapter6Godwin.pdf. P. 81–101 (дата обращения 11.08.2015).

42. Gvosdev N.K. The National Interest. 2007. URL: http://nationalinterest.org/commentary/rapid-reaction-world-without-the-west-watch-1879 (дата обращения 01.08.2011).

43. Haggman B. From Minsk To Vladivostok – Is it an East Slavic Civilization? // Comparative Civilizations Review. 2011. No. 64. P. 63–73 URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/12930/12794 (дата обращения: 11.08.2015).

44. Harvey D. The Nev imperialism. Oxford. University press. Published in the United States. by Oxford University Press Inc. NY, 2003. 253 p.

45. Holmes D. Asia's Worst Nightmare: A China-Japan War // The National Interest. 2014. URL: http://nationalinterest.org/commentary/asias-ultimate-nightmare-china-japan-war-9662 (дата обращения: 26.07.2015).

46. Howison P. The Decline of the Nation-State. URL: http://pacificempire.org.nz/2007/05/15/the-decline-of-the-nation-state (дата обращения: 20.10.2012).

47. Ikenberry G.J. Liberal Order and Imperial Ambitions. Essays on America Power and World politics. London: Polity press, 2006. 300 p.

48. Ikenberry G.J. The Rise of China and the Future of the West // The Real Clear Politics. 2007. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2007/12/the_rise_of_china_the_future_o.html (дата обращения: 22.08.2015).

49. Jacques M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. London: ALLEN LANE an imprint of Penguin Books. 2009. 552 p.

50. Judt T. Dreams of Empire // United States MilitaryReview. 2004. Vol. 51, No. 17. URL: http://terpconnect.umd.edu/~dcrocker/Courses/Docs/PUAF698J-Judt-Dreams%20of%20Empire.pdf (дата обращения: 19.07.2015).

51. Kaplan R.D. Center Stage for the 21st Century. Power Plays in the Indian Ocean // Foreign Affairs. 2009. URL: http://www.foreignaffairs.org/articles/64832/robert-d-kaplan/center-stage-for-the-21st-century (дата обращения: 25.07.2015).

52. Kaplan R.D. Supremacy by Stealth // The Atlantic Monthly. July-August 2003. URL: http://www.onetechplus.com/stevecokely/docs/SupremacybyStealth.pdf (дата обращения: 14.08.2015).

53. Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power: How far Will China reach on Land and at Sea // Foreign Affairs. 2010. No. 3. P. 22–41. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2010-05-01/geography-chinese-power (дата обращения: 25.07.2015).

54. Katzenstein P.J. Sinicization and Civilizational Processes URL: http://icm.arts.cornell.edu/k_Sinicization5.02-01-11.0211.pdf (дата обращения: 11.09.2015).

55. Keohane R. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. Boulder. Westview Press, 1989. 270 p.

56. Krasner S.D. Abiding Sovereignty // International Political Science Review. 2001. Vol. 22, No. 3. P. 229–251.

57. Kumar K. Nation-states as empires, empires as nation-states: two principles, one practice? // Theory and Society. 2010. P. 119–143.

58. Kupchan Ch. The Decline of the West: Why America Must Prepare for the End of Dominance // The Atlantic. 2012. No. 20. URL: http://www.theatlantic.com/international/archive/2012/03/the-decline-of-the-west-why-america-must-prepare-for-the-end-of-dominance/254779/ (дата обращения: 19.07.2015).

59. Kupchan Ch. The End of the West // The Atlantic. 2002. URL: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2002/11/the-end-of-the-west/302617/ (дата обращения: 19.07.2015).

60. Kupchan Ch., Moynt A. The Autonome Rule // Democracy: A Journal of ideas. 2009. No. 12. P. 8–21.

61. Layne C. China’s Challenge to US Hegemony // Current History. 2008. P. 13–18.

62. Layne C. China's Role in American Grand Strategy: Partner, Regional Power, or Great Power Rival? URL:

http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/RegionalFinal%20chapters/Chapter5Layne.pdf (дата обращения: 19.07.2015).

63. Layne C. This Time It's Real: The End of Unipolarity ad the Pax Americana // International Studies Quarterly. 2012. P. 1–11.

64. Libman A.M. Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the «Global Script» // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics. Law. 2019. Vol. 12, No. 2. P. 247–268.

65. Linklater A. Critical Theory and World Politics: Citizenship, sovereignty and humanity. London: Routledge, 2007. 248 p.

66. Mauldin J. The Geopolitics Of China. URL: http://www.investorsinsight.com/blogs/john_mauldins_outside_the_box/archive/2008/06/12/the-geopolitics-of-china.aspx (дата обращения: 19.07.2015).

67. Mccarthy D. Why Liberalism Means Empire // The American Conservative. 2014. URL: http://www.theamericanconservative.com/articles/why-liberalism-means-empire/ (дата обращения: 19.07.2015).

68. Mearsheimer J. Why The Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 2014. No. 5. P. 1–12.

69. Mearsheimer J. Why We Will Soon Miss The Cold War // The Atlantic Monthly. 1990. No. 2. P. 35–50.

70. Michaels A. China Ruling: review // The Telegraph. 2009. URL: http://www.telegraph.co.uk/culture/books/bookreviews/5788080/When-China-Rules-the-World-by-Martin-Jacques-review.html (дата обращения: 10.08.2015).

71. Miller P.D. Five Pillars of American Grand Strategy. URL: http://www.iiss.org/en/publications/survival/sections/2012-23ab/survival--global-politics-and-strategy-october-november-2012-fda3/54-5-02-miller-b497 (дата обращения: 11.07.2015).

72. Nederveen J. Pieterse. Globalization or Empire. NY: Routledge, 2004. 196 p.

73. Nye J. Globalism Versus Globalization. What are the different spheres of globalism – and how are they affected by globalization? URL:

http://www.theglobalist.com/globalism-versus-globalization/ (дата обращения: 29.03.2015).

74. Nye J. The Future of American Power // Foreign Affairs. 2010. No. 6. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2010-11-01/future-american-power (дата обращения: 29.03.2015).

75. O'Brien P. USA: A Civilization of its own? // Comparative Civilizations Review. 2007. No. 57. P. 29–52. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/13051/12912 (дата обращения: 29.07.2015).

76. Odom W.E., Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven & London: Yale University Press, 2004. 285 p.

77. Onnis B. Has China Plans for World Domination? // Comparative Civilizations Review. 2013. No. 68. P. 55–73.

78. Parker N. The Case for Learning from Empires. URL: http://www.ashgate.com/pdf/SamplePages/Empire-and-International-Order-Intro.pdf (дата обращения: 11.07.2015).

79. Pei M. China's Not a Superpower. URL: http://apac2020.thediplomat.com/feature/china%E2%80%99s-not-a-superpower/ (дата обращения: 11.07.2015).

80. Perumpanani A. Civilization Defined // Comparative Civilizations Review. 2013. No. 68. P. 9–20. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/20784/19256 (дата обращения: 11.07.2015).

81. Poupp T.E. Exodus From Empire: The Fall of America's Empire and the Rise of the Global Community. London: Pluto Press, 2007. 425 p.

82. Preeg E.H. China as Economic Hegemon in East Asia // The globalist. 2008. URL: http://www.theglobalist.com/china-as-economic-hegemon-in-east-asia/ (дата обращения: 11.08.2015).

83. Raimondo J. China – A Paper Tiger // Antiwar.com. 2011. URL: http://original.antiwar.com/justin/2011/01/20/china-%E2%80%93-a-paper-tiger/ (дата обращения: 22.07.2015).

84. Roberts J. The State, Empire and Imperialism // Current Sociology. 2010. Is. 6, Vol. 58. P. 833–858.

85. Robinson W.I. Beyond the Theory of Imperialism: Global Capitalism and the Transnational State. URL: http://www.soc.ucsb.edu/faculty/robinson/Assets/pdf /beyond_imperialism.pdf (дата обращения: 23.06.2015).

86. Robinson W.I. Theories of Globalization // Theories of Globalization. In (ed.) George Ritzer Blackwell Companion to Globalization. Oxford: Blackwell, 2007. URL: http://www.soc.ucsb.edu/faculty/robinson/Assets/pdf/theoriesofglobalizatio n.pdf (дата обращения: 23.06.2015).

87. Rosenau J.N. The Governance of Fragmegration: Neither a World Republic Nor a Global Interstate System (A paper prepared for presentation at the Congress of the International Political Science Association, Quebec City). 2000. P. 7–9. URL: http://aura.u-pec.fr/regimen/_fich/_pdf/pub_002.pdf (дата обращения: 23.06.2015)

88. Ruan W. Geo-Civilization // Comparative Civilizations Review. No. 66. 2012. P. 91–105. URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article /viewFile/16281/15434 (дата обращения: 23.06.2015).

89. Ruan W. «Civilization» and «Culture» // International Review of Social Sciences and Humanities. 2011. Vol. 1, No. 1. P. 1–14. URL: http://irssh.com/yahoo_site_admin/assets/docs/1_Wei.15014823.pdf (дата обращения: 23.06.2015).

90. Ruan W. Two Concepts of «Civilization» // Comparative Civilizations Review. 2012. No. 67. P. 16–26. URL: https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/17889/16675 (дата обращения: 23.06.2015).

91. Sallach D., Huntington S. The Clash of Civlizations and the Remaking of World Order // Comparative Civilizations Review. 2000. No. 42. P. 90–99. URL:

https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/12714/12586 (дата обращения: 13.08.2015).

92. Segesvary V. World state, nation states, or non-centralized institutions. A vision of the Future in Politics. Oxford: University Press of America, 2003. 232 p.

93. Shambaugh D. China’s Soft-Power Push. The Search for Respect // Foreign Affairs. 2015. URL: https://www.foreignaffairs.com/modal_forms/nojs/link-form/pdf/1114656 (дата обращения: 23.06.2015).

94. Shleifer A., Treisman D. Why Moscow says no // Foreign Affairs. 2011. URL: http://www.ihavenet.com/World-Russia-Why-Moscow-Says-No-Foreign-Affairs.html (дата обращения: 11.07.2015).

95. Simons G. The Corona Virus Pandemic and Global Transformations: Making or Breaking International Orders? // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2020. Vol. 13, No. 5, P. 20–37.

96. Slouter A.-M. A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004. 341 p.

97. Slouter A.-M. America's Edge. Power in the Networked Century. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2009-01-01/americas-edge (дата обращения: 28.05.2015).

98. Snyder J. Imperial Temptations // The National Interest. 2003. URL: http://www.columbia.edu/itc/sipa/S6800/courseworks/snyder.pdf (дата обращения: 14.07.2015).

99. Steinmetz G. Return to Empire: The New U.S. Imperialism in Comparative. Historical Perspective. URL: http://www-personal.umich.edu/~geostein/docs/SteinmetzReturn.pdf (дата обращения: 14.07.2015).

100. Stewart D. Report and Retort: Alternative Leadership Still Requires Ethics // The National Interest online. 2007. URL: http://www.policyinnovations.org/ideas/policy_library/data/alternative_leadership/_res/id=sa_File1/stewart_alternative_leadership.pdf (дата обращения 01.08.2011).

101. Stokes D. The Heart of Empire? Theorising US empire in an era of transnational capitalism // Third World Quarterly. 2005. Vol. 26, No. 2. P. 217–236. URL: https://kar.kent.ac.uk/964/1/yp99bj5nkhqn01la.pdf (дата обращения: 14.09.2015).

102. Suter K. The future of the nation-state in an era of clobalization. URL: http://global-directions.com/Articles/Business/GlobalizationScenarios.pdf (дата обращения: 20.10.2012).

103. Tam A. Beijing's Master Plan for the South China Sea. URL: http://foreignpolicy.com/2015/06/23/south_china_sea_beijing_retreat_new_strategy/?utm_content=bufferf60ce&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer (дата обращения: 14.07.2015).

104. Targowski A. From Globalization Waves to Global Civilization // Comparative Civilizations Review. Spring 2014. No. 70. P. 73–89. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/35162/32982 (дата обращения: 14.07.2015).

105. The Future of International Relations. Masters in the Making? Edited by I.B. Neumann and O. Wæver. London: Routledge, 1997. 423 p.

106. Tiezzi S. Is China Ready to Repair Ties With Japan? // The diplomat. 2014. URL: http://thediplomat.com/2014/04/is-china-ready-to-repair-ties-with-japan/ (дата обращения: 26.07.2015).

107. Tilly Ch. States and Nationalism in Europe 1492-1992 // Theory and Society. 1994. Vol. 23, No. 1. P. 131–146. URL: http://www.jstor.org/stable/657814 (дата обращения: 04.06.2017).

108. Ting X. Book Review: When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order by Martin Jacques. URL: http://blogs.lse.ac.uk/lsereviewofbooks/2012/06/16/when-china-rules-the-world-martin-jacques/ (дата обращения: 10.08.2015).

109. Todd E. After the empire. The breakdown of the American Order. NY: Columbia universitu press. 2003. 238 p.

110. Unz R. China’s Rise, America’s Fall. Which superpower is more threatened by its «extractive elites»? // The American Conservative. 2012. URL: http://www.theamericanconservative.com/articles/chinas-rise-americas-fall/ (дата обращения: 13.08.2015.).

111. Väyrynen R. Models of a New World: towards a Synthesis // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics. Law. 2019. Vol. 12, No. 3. P. 189–206.

112. Wang Y. Revival of China’s civilization gives legitimacy to its rise // Global Times. 2013. URL: http://www.globaltimes.cn/content/756033.shtml (дата обращения: 12.08.2015).

113. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 2003. 433 p.

114. Wilkinson D. Central Civilization // Comparative Civilizations Review. No. 17. P. 31–59. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/12262/12162 (дата обращения: 12.08.2015).

115. Wilkinson D. Civilizations are world systems // Comparative Civilizations Review. No. 30. P. 59–71. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/13454/13388 (дата обращения: 12.08.2015).

116. Wilkinson D. Fluctuations in the political consolidation of civilizations/world systems // Comparative Civilizations Review. 2005. P. 69–91. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/12896/12760 (дата обращения: 13.08.2015).

117. Wilkinson D. States systems and universal empires. URL: http://www.eolss.net/Sample-Chapters/C04/E6-94-10.pdf (дата обращения: 12.08.2015).

118. Wilkinson D., Huntington S. The Clash of Civlizations and the Remaking of World Order. // Comparative Civilizations Review. 2001. No. 44. P. 118–127. URL: https://ojs.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/view/12768/12638 (дата обращения: 13.08.2015).

119. Wilkinson. D. Civilizations as Networks: Trade, War, Diplomacy, Command-Control. URL: http://csc.ucdavis.edu/~cmg/netdyn/Wilkenson.pdf (дата обращения: 12.08.2015).

120. Xiang L. China and the International «Liberal» (Western) Order / T. Flockhart, Ch.A. Kupchan, Ch. Lin, E.N. Bartlomiej, P.W. Quirk, L. Xiang // Liberal Order in a Post-Western World. Washington: Transatlantic Academy, 2014. P. 107–120.

121. Zakariya F. The Post-American World. NY, London: W. Norton & Company, 2008. 292 p.